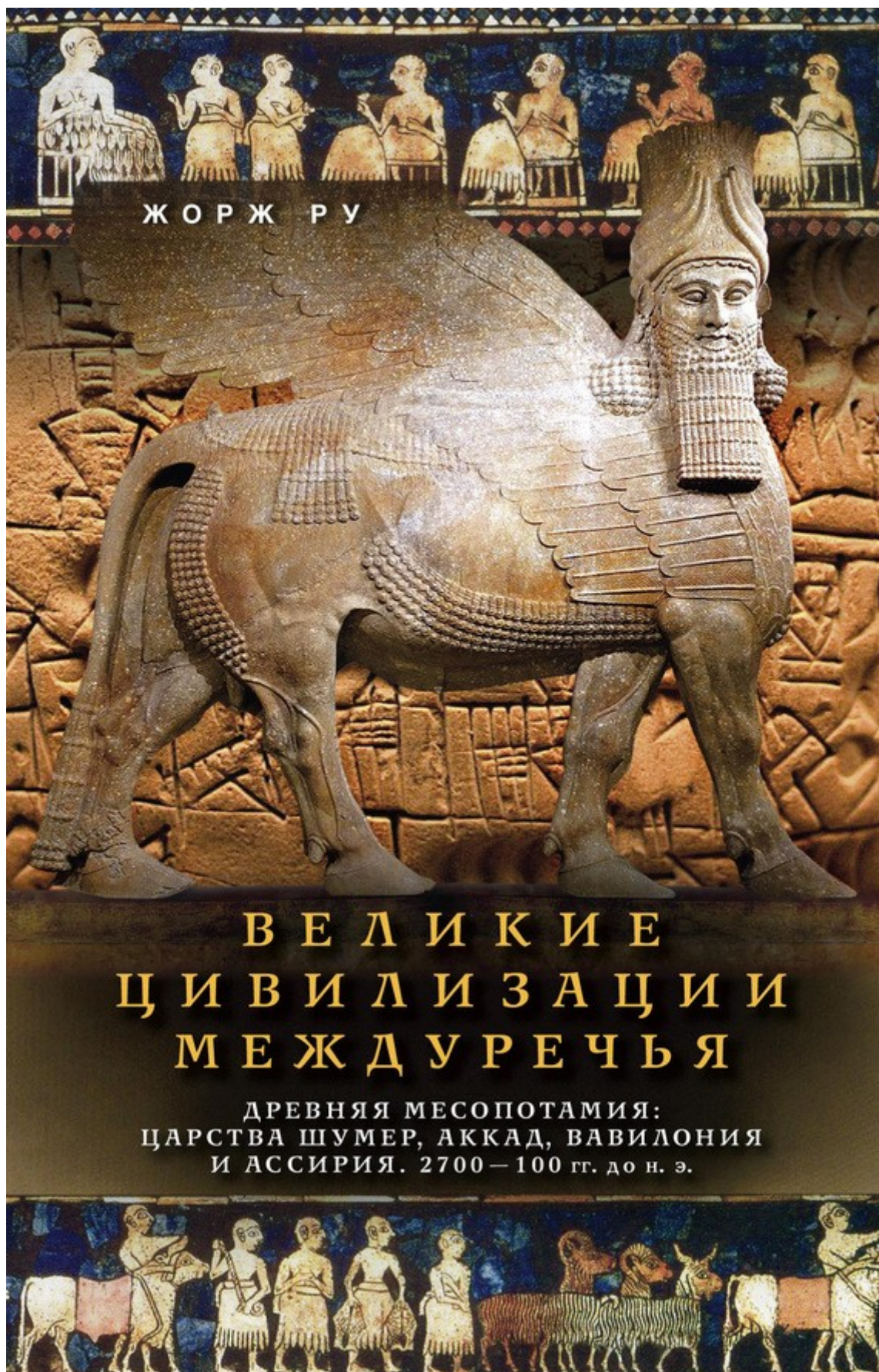

Жорж Ру

**Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия:
Царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг.
до н. э.**

«Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия: царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э. / Пер. с англ. А.Б. Давыдовой»: ЗАО

Аннотация

Книга ассириолога Жоржа Ру охватывает политическую, культурную и экономическую историю трехтысячелетнего периода процветания региона, расположенного между Тигром и Евфратом и некогда называвшегося Месопотамией. Интерес к Древнему Ближнему Востоку и исследовательская работа автора позволили ему описать династии и религии каждой эпохи: искусство, науку и литературу шумеров, аккадцев, вавилонян и ассирийцев, погружая читателя в неизбежное очарование прошлого.

Жорж Ру Великие цивилизации Междуречья Древняя Месопотамия: царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2016

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2016

* * *

Предисловие

Целью создания этой книги послужила попытка заполнить весьма прискорбную лакуну. Долина Тигра и Евфрата, регион, который некогда называли Месопотамией и который в настоящее время по большей части входит в состав государства Ирак, представляет собой гармоничное, обладающее прекрасно очерченными географическими границами культурное и историческое пространство. В древности его обитатели – шумеры, аккадцы, вавилоняне и ассирийцы – были носителями одной великолепной цивилизации и играли ведущую роль в ближневосточной политике, искусстве, науке, философии, религии и литературе. На протяжении последних 150 лет на территории самого Ирака и в восточной части Сирии было проведено бесчисленное множество археологических экспедиций. Обнаружены впечатляющие памятники, и музейные коллекции пополнились произведениями искусства и глиняными табличками с выдавленными на них текстами, привезенными из погребенных под землей городов Месопотамии. Не менее значительные достижения были сделаны в сфере филологии – постепенно раскрывались тайны двух основных языков Месопотамии: шумерского и аккадского, благодаря чему были переведены и опубликованы десятки тысяч текстов. Количество книг и статей, посвященных тому или иному аспекту археологии, истории и цивилизации Древнего Междуречья и хранящихся в университетских библиотеках, значительно увеличивается. Однако отсутствовало общеисторическое сочинение по истории Месопотамии.

Нежелание профессионалов взяться за выполнение этой задачи вполне объяснимо. Для того чтобы тщательно и полностью изучить все аспекты цивилизации, корни которой уходят в доисторическую эпоху и которая существовала на протяжении более чем тридцати столетий, группа ученых должна полностью погрузиться в эту работу и заниматься только ею на протяжении нескольких лет, написав при этом целый ряд объемных монографий. Более того, так как каждое новое открытие меняет наши представления о прошлом, результат даже такого титанического труда через десятилетие может устареть.

Ассириологи и археологи, как правило, предпочитают пахать собственные поля. Те из этих исследователей, кто пишет для широкой аудитории, посвящают свои труды конкретным темам, с которыми они лучше всего знакомы. Эти работы нельзя недооценивать, но в то же

время приходится признать, что они освещают лишь незначительные фрагменты огромной картины. Человеку, не обладающему профессиональными знаниями, как правило, сложно полностью оценить их по достоинству, так как он далеко не всегда способен поместить описанные в них места, памятники, события и идеи в соответствующий хронологический или культурный контекст.

Однако историки предпочитают совершенно иной подход. Издано немало монографий, посвященных широчайшей тематике – истории всей Западной Азии, Ближнего Востока, включая Египет, или вообще всего Древнего мира. Эти сочинения представляют собой неоценимые свидетельства эрудиции, в них достаточно и деталей, и перспективы. Однако многие относятся к тому типу, который характерен для галереи искусств, где шедевр теряется на фоне множества других произведений. Эти книги (не важно, насколько большое внимание в них уделено Месопотамии) не в состоянии отдать должное данной цивилизации, ее удивительной целостности и продолжительной истории.

Таким образом, данная работа является скромной попыткой заполнить лакуну, образовавшуюся между трудами двух этих типов – монографиями и энциклопедиями. Она представляет собой краткое, во многом неполное исследование политической, экономической и культурной истории Древней Месопотамии, начинающееся с рассказа о появлении в этом регионе первых следов присутствия человека в эпоху палеолита и заканчивающееся описанием гибели шумеро-аккадской цивилизации на заре христианской эры. В дополнение к этому книга снабжена материалами, знакомящими читателя с географией и экологией Месопотамии, а также с техниками и результатами археологических исследований, проводившихся на территории этого региона.

Эта книга написана не для исследователей, а для всех, кто интересуется этой темой. По всему миру живет огромное (и постоянно увеличивающееся) число людей, ведущих совершенно разный образ жизни, но в то же время проявляющих значительный интерес к истории в целом и истории Древнего Востока в частности. Образованные и охваченные жаждой знаний, они пока не сумели найти книгу, в которой была бы собрана вся необходимая им информация об этой местности, по вполне понятным причинам восхищающей их. Данная работа предназначена именно для таких людей. Я постарался сделать эту книгу настолько ясной, простой и легко читаемой, насколько это возможно, но в то же время было необходимо, чтобы сведения, содержащиеся в ней, были точными и соответствовали современному уровню развития науки. Нет надобности говорить, что выполнить эту задачу оказалось очень сложно. Написание труда, посвященного научным вопросам и предназначенного для людей, не являющихся профессионалами в этой области, подобно хождению по туго натянутому канату – все время боишься скатиться к педантизму или тривиальности, и я совершенно не уверен, что мне удалось сохранить баланс. Когда я занимался подбором материала, мне приходилось делать сложный, порой очень трудный выбор из всего многообразия имеющейся информации, но я старался избегать чрезмерных упрощений и догматизма.

В истории, особенно когда речь идет о Древнем мире, существует множество нерешенных проблем, и сделанный сегодня вывод завтра может оказаться неверным. Поэтому я взял на себя смелость более или менее подробно остановиться на наиболее спорных моментах, таких как происхождение шумеров, и почти на каждой странице подчеркивал, что наши знания имеют весьма условный характер. Я часто пытался соотнести исторические факты с предшествовавшими им событиями, географическими или экономическими условиями. Иными словами, я старался больше объяснять, чем описывать, так как считаю, что без подобных объяснений (причем не важно, насколько они гипотетические) история превратится в бессмысленный и весьма нудный набор дат и сведений. Наконец, я уделил искусству, литературе и религии больше внимания, чем авторы других работ подобного рода, и привел цитаты из максимального количества источников, которое позволял объем текста книги. Современные читатели хотят знать не только что делали древние люди, но и как они жили и что они думали. Возможно, лучший способ

оживить прошлое – заставить его говорить само за себя.

Глава 1 География

Нигде так явно не прослеживается воздействие географического фактора на историческое развитие, как в странах, простирающихся от Средиземного моря до Иранского нагорья, которые входят в состав Ближнего Востока. В огромных пустынях, экваториальных лесах или вблизи полюсов человеку приходится сталкиваться с враждебной природой, угрожающей самому его существованию. Вместе с тем в зонах с умеренным климатом благодаря благоприятной и способствующей развитию окружающей среде он почти везде чувствует себя дома. Но на засушливом, субтропическом Ближнем Востоке баланс между человеком и природой оказывается более шатким. Первый может жить там и даже процветать, хотя его деятельность во многом обусловлена рельефом местности, особенностями почвы, количеством осадков, местонахождением источников и колодцев, течением и интенсивностью потока рек. Эти факторы оказывают на него огромное воздействие, они влияют на прокладываемые им торговые маршруты и его военные предприятия, заставляют его вести оседлый образ жизни и заниматься земледелием или вынуждают стать кочевником, воздействуют на формирование его физических и моральных качеств и до определенной степени определяют его мысли и религиозные представления. Таким образом, рассказ об истории любой ближневосточной страны должен начинаться с описания ее карты, и Древний Ирак не является исключением.

Из-за того что в нашем распоряжении нет ни одного древнего трактата по географии, приведенное ниже описание будет основано на топологии современного Ирака. При этом оно (с учетом незначительных поправок), несомненно, справедливо и для древности. Несмотря на то что в некоторых частях страны реки в настоящее время текут по другому руслу, не такому, как в древности, а некоторые прежде плодородные районы превратились в засушливые пустыни и наоборот, в целом расположение гор, равнин и долин, очевидно, остается прежним. Кроме того, на основе сравнения древних и современных флоры и фауны, а также сведений, полученных в результате проведения геологических и метеорологических исследований, можно сделать вывод, что на протяжении последних пяти тысячелетий климат менялся незначительно и этими переменами вполне можно пренебречь.

Однако подобного рода научные доказательства излишни, так как любой приехавший в Ирак и обладающий минимальными познаниями в истории человек оказывается в аналогичной окружающей среде. О далеком прошлом напоминают не только лишенные растительности горы, каменистые пустыни, засеянные ячменем поля, пальмовые рощи, заросли тростника и заиленные равнины, формировавшие ландшафт, косвенно описанный в источниках и повлиявший на создателей памятников, но и условия жизни за пределами крупных городов. На холмах за овцами и козами следят пастухи, будто сошедшие со страниц Библии; в пустынях племена кочевников-бедуинов, как и в древности, бесконечно скитаются от одного колодца до другого; на равнинах крестьяне живут в домах, сложенных из кирпича-сырца, почти неотличимых от тех, где обитали их далекие предки, и нередко используют такие же орудия труда; на болотах рыбаки, подобно шумерам, живут в тростниковых хижинах и плавают на высоконосных лодках. Несмотря на то что жители этих мест уже не поклоняются луне, солнцу, ветрам и рекам, они одновременно боятся этих сил природы и уважают их. Многие древние обычаи и верования можно объяснить, проанализировав условия жизни этих современных людей. В мире очень мало стран, где, как это ни странно, прошлое как будто оживает, где «мертвые» тексты, с которыми приходится работать историкам, получают превосходные иллюстрации.

Изучаемый нами регион представляет собой треугольник, занимающий площадь около 240 000 км² и ограниченный воображаемыми линиями, соединяющими Алеппо, озеро Урмия и устье реки Шатт-эль-Араб. Часть этого треугольника находится на территории современной

Сирии, часть (большая) – в Ираке, в то время как его северная и восточная оконечности принадлежат Турции и Ирану. Однако эти границы сформировались недавно, а сам данный регион в действительности представляет собой с точки зрения географии единое целое, основными осями которого являются долины двух рек – Тигра и Евфрата. Таким образом, именно его можно назвать Месопотамией, хотя значение этого слова, некогда придуманного древнегреческими историками, несколько ограничено – оно переводится как «(страна) между рек». Это может показаться странным, но древние обитатели «Месопотамии» не дали название всему региону, на территории которого они жили. Используемые ими термины неизбежно оказываются чрезмерно широкими («Страна») или чересчур узкими (Шумер, Аккад, Ашшур, Вавилон). Эти люди слишком привыкли к мысли о существовании множества городов-государств и узких политико-религиозных границ и не могли признать существование территориальной единицы, которое нам кажется столь очевидным.

В дохристианскую эпоху географическое единство Месопотамии дополнялось поразительной общностью культуры. Внутри треугольника процветала цивилизация, которую по качеству и той роли, что она сыграла в истории, можно сравнить, пожалуй, только с древнеегипетской. В зависимости от веяний моды ее называли «халдейской», «ассиро-вавилонской», «шумеро-аккадской» или «месопотамской», но все эти понятия обозначают одно и то же явление. Растение, корни которого уходят далеко в глубь доисторической эпохи, медленно выросло, расцвело на заре истории и просуществовало в течение почти трех тысячелетий, оставаясь практически неизменным на протяжении всего этого времени, несмотря на постоянные политические потрясения, ассимиляцию с другими народами и их влияние. Центрами, создавшими, развивавшими и распространявшими эту цивилизацию, стали такие города, как Ур, Урук, Ниппур, Аккад, Вавилон, Ашшур и Ниневия, расположенные на территории современного Ирака, неподалеку от Тигра и Евфрата или прямо на берегах этих рек.

Однако в начале христианской эры месопотамская цивилизация постепенно пришла в упадок и исчезла по причинам, о которых будет сказано ниже. Греки сумели сохранить некоторые из ее культурных и научных достижений, впоследствии ставшие частью нашего собственного наследия. Остальные либо безвозвратно исчезли, либо на протяжении многих столетий были погребены под толщей земли в ожидании археологов. Блистательное прошлое было забыто. В короткой человеческой памяти от всех этих великолепных городов, могущественных богов и правителей остались лишь единичные, нередко искаженные названия и имена. Губительный дождь, приносящие толщи песка ветры, иссушающее землю солнце скрыли свидетельства их существования. Пустынные холмы, под которыми были спрятаны руины Вавилона и Ниневии, пожалуй, являют собой лучший урок скромности из всех, что преподала нам история.

Две реки

Авторы различных работ часто цитируют знаменитые слова Геродота о том, что Египет – это дар Нила. Во многих отношениях то же можно сказать и о Месопотамии – она стала даром двух рек. С незапамятных времен Тигр и Евфрат приносили ил к подножию осадочных пород на территории между Аравийской платформой и Иранским нагорьем, создавая среди пустынь равнину, не имеющую аналогов во всем неплодородном регионе, простирающемся на протяжении более чем 3700 км от Инда до Нила. Повлияло ли на эту равнину также море? Иными словами, достигал ли в глубокой древности Персидский залив широты Багдада, постепенно отходя на юг с течением тысячелетий? На этом настаивают сторонники классической теории, на протяжении продолжительного времени считавшейся догмой и до сих пор нашедшей отражение в большинстве учебников.

Однако в 1952 г. появилась новая теория, согласно которой отложения, приносимые Тигром и Евфратом, оставались на дне медленно опускавшегося бассейна, вследствие чего береговая линия с течением времени изменилась незначительно. Действительно, есть ученые,

которые считают, что в далеком прошлом она располагалась южнее, чем сейчас. Новая теория базируется на сведениях, добытых в основном при изучении окаменелостей, найденных на поверхности, и на результатах, полученных в ходе изучения русел древних каналов и рек, проведенного с использованием аэрофотосъемки. Ее хорошо приняли геологи, но археологи сохранили скептическое отношение к ней, хотя поверхностные находки, сделанные в районе Басры, могут способствовать проведению новых исследований в данной малоизученной области. В любом случае решение этой крайне интересной проблемы можно найти, сравнив сведения, полученные в ходе изучения источников, данные археологии, геологии и гидрографии. Этот процесс в настоящее время далек от завершения, из-за чего лучше всего пока оставить данный вопрос открытым.

Истоки обеих рек – и Тигра, и Евфрата – находятся на Армянском нагорье, первой из них – к югу от озера Ван, а второй – рядом с горой Арарат. Евфрат, длина которого составляет примерно 2860 км, сначала, извиваясь, течет через Турцию, в то время как гораздо более короткий Тигр (1850 км) практически сразу берет курс на юг. Там, где реки стекают с Таврских гор, их разделяют всего примерно 402 км голой степи. Евфрат, который в районе Джераблуса находится всего в 160 км от Средиземного моря, поворачивает на юго-восток и лениво течет по направлению к Тигру. Неподалеку от Багдада они, разделенные всего 32 км, почти сливаются, но вскоре расходятся снова и не встречаются до тех пор, пока не достигают Курны, расположенной в 80 км к северу от Басры, где образуют Шатт-эль-Араб. Однако в древности этой прекрасной широкой реки не было – тогда Тигр и Евфрат впадали в море отдельно друг от друга. Эту общую модель течения рек можно разделить на две составляющих. К северу от линии Хит – Самарра долины обеих рек четко прослеживаются. Два потока прорубают свой путь через плато из твердого известняка и глинистого сланца, в результате чего их берега получились довольно крутыми. Благодаря этому с течением времени русла Тигра и Евфрата сдвинулись лишь незначительно.

Такие древние города, как Каркемиш, Мари, Ниневия, Нимруд и Ашшур, как и тысячелетия назад, находятся на берегах рек или неподалеку от них. Однако к югу от вышеназванной линии долины смешиваются и формируют широкую и плоскую аллювиальную равнину, некогда называвшуюся Месопотамской дельтой, по которой реки текут под таким незначительным уклоном, что сильно изгибаются и образуют многочисленные притоки. Как и все подобные реки, они поднимают свое русло, из-за чего нередко текут выше уровня равнины. Из-за этого появляется тенденция к формированию постоянных озер и болот и частой смене направления течения. Это объясняет тот факт, что города, расположенные на юге Междуречья, некогда находившиеся на берегах Евфрата и его притоков, в настоящее время погребены под пустынными холмами из ила, лежащими в нескольких километрах от современных русел рек. Изменения направления течений рек – предмет крайне сложный для ретроспективного изучения и точной датировки, но в древности они определенно имели место. Примечательно, однако, что жители Древней Месопотамии умели держать свои реки под контролем – Евфрат тек примерно по одному и тому же руслу на протяжении примерно трех тысячелетий, неся свои воды мимо Сиппара, Вавилона, Ниппура, Шуруппака, Урука, Ларсы и Ура, то есть на 24–80 км к востоку от его современного русла. Нам все еще совсем не много известно о направлении течения Тигра в Южной Месопотамии, особенно к югу от Кут-эль-Амары, но мы надеемся, что метод разведки, при котором изучается лежащая на поверхности керамика, созданный учеными из Восточного института Чикаго и успешно примененный ими в долине реки Диялы и в центральных областях Шумера и Аккада, однажды поможет пролить свет на решение этой крайне важной проблемы исторической топографии.

Климат в центральной и южной частях Ирака является одной из разновидностей сухого субтропического. Летом температура достигает там 120 градусов по Фаренгейту (50 °C), а среднее количество осадков зимой не превышает 25 см. Таким образом, местные земледельцы полностью зависят от искусственного орошения, хотя размеры и профиль равнины, а также интенсивность потоков рек не позволяют им прибегнуть к дешевому и

простому «бассейновому» способу орошения, который применялся, например, в Египте, где Нил во время разлива свободно заливал долину, а затем его воды отступали. Так как разлив Тигра и Евфрата приходился на период между апрелем и июнем, когда уже слишком поздно для озимых, но еще рано для летних посадок, для полива полей было необходимо приложить усилия, и делалось это с помощью системы каналов, бассейнов, рвов, шлюзов-регуляторов и т. д. («круглогодичное орошение»).

Создание эффективной системы каналов и предохранение их от заиливания были грандиозными задачами, которые приходилось выполнять постоянно и которые требовали огромных трудовых ресурсов и совместной работы представителей сразу нескольких демографических групп. Именно это стало причиной местных конфликтов и политического единства. Но и это не все: год за годом месопотамские земледельцы опасались двух смертельных угроз. Самой коварной из них было скопление на плоских низинных участках соли, поступающей с водой через оросительные сооружения и откладывавшейся на горизонте грунтовых вод, расположенном прямо под земной поверхностью. Если не делать искусственный дренаж (а он, судя по всему, не был известен в древности), плодородные поля за относительно короткий промежуток времени могут превратиться в бесплодные, и поэтому со временем людям приходилось оставлять все большие участки земли, постепенно превращавшиеся в пустыню.

Другая угроза была связана с непредсказуемой интенсивностью потоков обеих рек. В то время как озера Восточной Африки, из которых вытекал Нил, регулировали скорость его потока, благодаря чему его разливы происходили ежегодно и для них была характерна примерно одна и та же высота, предсказать высоту разливов Тигра и Евфрата было невозможно, так как она зависела от постоянно изменявшегося количества осадков, выпадавших в горах Армении и Курдистана. Если невысокие разливы, происходившие на протяжении нескольких лет, обозначали засуху и голод, то одного слишком сильного было достаточно для катастрофы. Реки выходили из берегов и заливали низины. Хлипкие дома из сырцового кирпича и тростниковые хижины смывало, урожай, скот и пожитки большей части населения оказывались под мутной водой огромного озера. Эту ужасную картину никогда не забудут те, кто стал свидетелем сильнейшего наводнения, произошедшего в Ираке весной 1954 г. Таким образом, можно сказать, что Месопотамия всегда находилась между двух крайностей – пустыней и болотом. Считается, что эта двойная угроза и связанная с ней неуверенность в завтрашнем дне привели к появлению «фундаментального пессимизма», который, по мнению некоторых авторов, был характерен для философии Древней Месопотамии.

Несмотря на эти недостатки, равнина, по которой текут Тигр и Евфрат, вполне пригодна для земледелия, а в древности, до значительного засоления почвы, она была еще более плодородной. Все население Древнего Ирака с легкостью могло прокормиться благодаря сельской местности и обменивать излишки урожая на металлы, древесину и камень, которые приходилось привозить издалека. Хотя выращивались пшеница, в том числе эммер, просо и кунжут, основной злаковой культурой был (и до сих пор остается) ячмень, так как он растет на слегка засоленных почвах. Как того и следовало ожидать, методы, использовавшиеся в земледелии, были довольно примитивными, хотя в то же время вполне основательными. Они подробно описаны в довольно интересном источнике, написанном около 1700 г. до н. э. и названном историками «Альманахом шумерского земледельца». Согласно этому тексту, представляющему собой сборник советов земледельца своему сыну, сначала поле умеренно поливали, затем выгоняли на него подкованных быков, которые его вытапывали, а потом аккуратно разрыхляли почву с помощью топоров. Пахоту и сев проводили одновременно – с помощью деревянного плуга-сеялки, углублявшегося «на два пальца» в почву и делавшего борозды на расстоянии примерно 0,6 м друг от друга. Затем, когда ячмень уже рос, поле снова поливали два или три раза. В этом же источнике также описываются сбор урожая, молотба с помощью повозок и салазок, то, как зерно веяли. Как и в Книге Руфь, автор «Альманаха земледельца» советует: «Во время дневной жатвы, как в «дни лишений», пусть

на земле останется немного зерна в помощь молодым и сборщикам колосьев по их числу». Иными словами, крестьянину следовало оставить на земле часть упавших колосьев.

Первый раз поле поливали и вспахивали в мае – июне, а основная часть урожая, как правило, созревала в апреле следующего года. Но после зимних дождей всегда вырастали промежуточные культуры. Земля была настолько плодородной, что цифры, приведенные Геродотом и Страбоном через 200–300 лет, не кажутся преувеличенными. Основываясь на клинописных текстах, исследователи подсчитали, что урожай пшеницы, который получали жители крайнего юга Ирака примерно в 2400 г. до н. э., можно сравнить с тем, который современные канадские фермеры собирают со своих лучших полей. Теплый и влажный климат юга Месопотамии и обилие воды для полива также позволили выращивать финиковые пальмы, которые обычно окаймляют берега рек и каналов, «опуская ноги в воду и поднимая голову к палящему солнцу» (так о них говорится в арабской пословице).

Благодаря источникам мы знаем, что уже в 3-м тыс. до н. э. в Шумере были обширные пальмовые рощи, а его жители умели проводить искусственное опыление. Основу рациона обитателей Древнего Ирака составляли мука и финики, обладающие большой питательной ценностью. В то же время на незасеянных участках и на полях, оставленных под паром, выращивали и пасли крупный рогатый скот и овец, а в реках, каналах и прудах в обилии водилась рыба. В садах, укрытых от солнца пальмовыми рощами и орошаемых с помощью довольно простого приспособления (*далу*), которое местные крестьяне используют до сих пор, не изменив даже его название, зрели различные овощи и фрукты. Нет никаких сомнений в том, что, за исключением нечастых периодов голода, вызванного войной или стихийными бедствиями, обитатели Месопотамии могли позволить себе питаться весьма разнообразной едой, что выгодно отличало их от соседей, живших в Сирии, Иране и Малой Азии.

Местные особенности

Вплоть до настоящего момента наше внимание было сосредоточено на основной оси месопотамского треугольника – равнине между двумя реками, однако, обратив внимание на территории, расположенные на периферии, мы увидим, что тамошний климат и ландшафт отличает ряд особенностей. Исключив из сферы своего внимания специфику местечкового характера, мы сможем выделить четыре зоны: пустыню, степь, предгорья и болота.

На протяжении всего течения Евфрата ландшафты сменяют друг друга: на севере возвышаются холмы, в центре местность рассечена глубокими вади, на юге преобладает ровная, ничем не примечательная поверхность, а на западе со всеми этими территориями граничит пустыня, простирающаяся на сотни километров – вплоть до самого сердца Аравии. Эта огромная Сирийско-Аравийская пустыня, однако, была чуждой жителям Древней Месопотамии. Линия, отделяющая ее от долины Евфрата, также маркирует границу, за которую не заходили поселения доисламского времени. В подавляющем большинстве шумеры и вавилоняне были земледельцами. В отличие от арабов они отвернулись от пустыни и не покидали «хорошую землю», созданную плодородными наносными отложениями. Однако им приходилось считаться с грубыми кочевниками, нападавшими на их караваны, города и деревни и даже вторгавшимися в их страну, как это сделали в начале 2-го тыс. до н. э. амореи, а через 800 лет – арамеи. Как будет сказано ниже, многие страницы истории Древнего Ирака посвящены этой многовековой борьбе оседлого населения плодородных равнин с враждебными им племенами из западной пустыни.

Следует добавить, что и в различных частях самой Месопотамии имели место погодные условия, характерные для пустыни. Пустыня не только угрожала местности, расположенной между двумя реками, грозя занять место посевов и пальмовых рощ, как только Тигр и Евфрат изменят свое течение или заилятся каналы, но и занимала значительные территории на левом берегу Тигра и среднего течения Евфрата, где безжизненную местность, малонаселенную даже в лучшие времена и расположенную далеко от основных торговых путей, покрывали вади и соленые озера.

В северо-западной части Месопотамии, за пределами узкой горной гряды, образованной горами Абдулазиз и Синджар, вплоть до предгорий Тавра больше чем на 400 км распростерлась равнина, названная арабами Эль-Джазира, «остров», и отделяющая Тигр от Евфрата. По этому региону разбросаны многочисленные речушки, собирающиеся вместе, чтобы дать начало рекам Балих и Хабур, притокам Евфрата. Более чем достаточные осадки дополняет обширный и неглубоко расположенный горизонт грунтовых вод, пополняющийся благодаря снегу с расположенных неподалеку гор. Поля и фруктовые сады простираются вдоль рек или теснятся у близлежащих источников или колодцев. Ячейки этой зеленой цепи дополняются степью, которая весной покрыта травой и является превосходным местом для разведения скота, овец и лошадей. Эта плодородная равнина создает естественный «коридор», переходную зону между долиной, расположенной в верхнем течении Тигра, и равнинами Северной Сирии. Поразительно обильное скопление теллей, под которыми скрываются руины древних городов и деревень, свидетельствует о том, что в древности эта местность была густо заселена.

Отдельный интерес для историков представляет северо-восточная оконечность Ирака, район предгорий, находящийся между Тигром и горами Курдистана. Там количество ежегодных осадков варьируется от 30,5 до 63,5 см. Местность вдоль реки из холмистой равнины превращается в скопление параллельных складок, высота которых постоянно увеличивается, и переходит в обладающие неровной поверхностью и покрытые снегом вершины горного хребта Загроса (их высота варьируется от 2,4 до 3,5 км), отделяющего Ирак от Ирана. Четыре притока Тигра: Большой Заб, Малый Заб, Ботан и Дияла – под наклоном текут через этот регион, иногда прорезая глубокие тоннели в толще известняковых скал, а порой обходя их. Летом здесь жарко, а зимой довольно прохладно. Сейчас на холмах почти ничего не растет, но то тут, то там на их склонах заметны то луг, то небольшая дубовая или сосновая роща, в то время как в довольно высоко расположенных долинах прекрасно растут ячмень, пшеница, фруктовые деревья, виноградники и овощи. Ставшая настоящим домом для первобытных пещерных людей и колыбелью (вернее, одной из колыбелей) земледелия на Ближнем Востоке эпохи неолита и самым сердцем Ассирийского царства, эта привлекательная местность играла весьма важную роль в истории Месопотамии. Даже в период существования Ассирии цивилизация не выходила за пределы плодородной земли, расположенной у подножий холмов. Сами горы, которые сложно преодолеть и легко защищать, стали границей, за которую спорили месопотамские правители, стоявшие во главе своих армий, и горцы-«варвары», подобно жившим в западной пустыне бедуинам, сильно желали получить под свой контроль богатые города, находящиеся на равнине, чем порождали ужас в сердцах их жителей.

В противоположном конце Ирака, в южной части дельты Тигра и Евфрата, простираются болота, образующие отдельный регион, совсем не похожий на всю остальную Месопотамию. Из-за бесчисленного множества мелких озер, узких русел речушек, извивающихся по густым зарослям тростника, живущих там водяных буйволов, кабанов и диких птиц, москитов и удушающей жары это место стало одним из самых странных, труднодоступных и захватывающих регионов мира. Хотя они могли разниться по размеру и форме, судя по древним памятникам и источникам, эти области существовали всегда, и, действительно, маданы, или озерные арабы, в некоторой степени сохранили образ жизни, который вели шумеры, поселившиеся на краю болот более пяти тысячелетий назад. С точки зрения археологии иракские болота во многом являются *terra incognita*. Судя по словам путешественников, следы древних поселений здесь встречаются крайне редко. Возможно, причина этого заключается в том, что они представляли собой деревни из тростниковых хижин, подобные современным, успевшие полностью исчезнуть или оказаться погребенными под несколькими метрами ила и воды. Однако исследователи надеются, что применение современных методов (таких, как, например, разведка с помощью вертолетов) позволит лучше изучить эту местность, представляющую для историков значительный интерес.

Таким образом, под кажущимся единообразием скрывается настоящая страна контрастов, которой и является Ирак. Если расположенные на севере степи и простирающиеся на юге болота можно считать местными особенностями огромной Месопотамской низменности, то ее топография, климат и растительность значительно отличаются от характерных для региона, находящегося в предгорьях, и эти различия не могли не сыграть определенную роль в истории. На протяжении всей эпохи древности наблюдалось противостояние, порой едва заметное и прослеживающееся только по различиям в культуре, а иногда открытое и перераставшее в ожесточенные конфликты между севером и югом, или, если использовать терминологию политической географии, между Шумером и Аккадом и Ассирией.

Торговые пути

Задолго до того, как они узнали о том, что под их ногами скрываются богатые запасы нефти, жители Ирака использовали исходное вещество, битум, которое они получали из мест выхода нефти, имеющих в разных частях страны, особенно в районе среднего течения Евфрата, между Хитом и Рамади. Его применяли не только в строительстве (в качестве строительного раствора для кирпичной кладки и водостойкой облицовки бань и дренажей), но и при создании скульптур, мозаик. Битумом конопатили лодки, применяли его в качестве топлива и даже лекарства. В нашем распоряжении имеются сведения, согласно которым по крайней мере на протяжении некоторых периодов истории жители Месопотамии экспортировали его.

Однако битум был единственным минеральным веществом, доступным жителям Месопотамии, в которой, наделенной плодородными почвами, почти полностью отсутствовали запасы металлических руд, камня и качественной древесины. Эти товары привозили издалека уже в доисторические времена, что позволило культуре бронзового века развиваться на территории, где ощущалась острая нехватка металла. Считается, что медь впервые была открыта на северо-западе Ирана или на Кавказе либо, возможно, ее сначала привозили из Азербайджана или Армении. Однако вскоре были обнаружены альтернативные источники ее добычи, такие как Анатолия (где впоследствии производилось железо), Кипр и страна, которая в клинописных текстах названа Маганом и предварительно была отождествлена с покрытой горами частью Омана. До того как финикийцы в 1-м тыс. до н. э. привезли олово из Испании, его, очевидно, доставляли из Ирана, с Кавказа или, возможно, даже из Афганистана. Серебро в основном доставляли из Таврских гор, а золото – из различных месторождений, разбросанных между Египтом и Индией. Из нескольких областей Ирана экспортировали твердые породы камня, а также полудрагоценные камни, а Маган славился превосходным черным диоритом, добывавшимся в нем и использовавшимся скульпторами эпохи правления III династии Ура. Обычную древесину можно было найти неподалеку от гор Загроса, но драгоценный кедр привозили из Ливана или из окрестностей горного хребта Аманос, в то время как другие виды древесины доставляли по морю из загадочной страны Мелуххи (возможно, так в древности называли Индию). Таким образом, уже в глубокой древности сформировалась обширная сеть торговых путей, соединявшая различные части Месопотамии между собой и со всем остальным Ближним Востоком.

Из одной части самого Междуречья в другую часто добирались по воде. Тигр и Евфрат были весьма удобными водными магистралями, соединявшими север и юг Месопотамии, а самые крупные из оросительных каналов также можно было использовать для передвижений между городами и деревнями. Оценить преимущества такого способа передвижения можно, вспомнив, что сами каналы являются препятствием для передвижений по земле, вся равнина покрыта толстым слоем ила зимой, залита водами разлившихся рек весной, а единственными выючными животными до 1-го тыс. до н. э., когда стали активно использовать верблюдов, были ослы.

За пределами Месопотамии две основные дороги вели на запад – в сторону Сирии и

Средиземноморского побережья. Несомненно, они представляли собой простые пустынные тропы, так как мощеные дороги, начинавшиеся у ворот некоторых городов, вряд ли были очень длинными. Первый путь отходил от Сиппара (недалеко от современного города Эль-Фаллуджа, на широте Багдада), шел вдоль Евфрата вплоть до Мари или другого центра торговли, расположенного в районе Абу-Кемалья и Дейр-эз-Заур, и, перерезав пустыню через Тидмур (Памиру), достигал района Хомса, где разделялся на несколько дорог, ведущих в финикийские порты, Дамаск и Палестину. Идти летом через пустыню шириной около 482 км было неудобно. Кроме того, постоянно существовала угроза нападения кочевников. Поэтому караваны и войска, как правило, предпочитали второй путь, гораздо более длинный, но безопасный, где можно было без проблем найти воду и корм для животных. Он отходил от Тигра в районе Ниневии, что напротив современного Мосула, шел по степи Эль-Джазир с востока на запад, через Шубат-Энлил (возможно, телль Чагар-Базар), Гузану (Телль-Халаф) и Харрану (Харран), пересекал Евфрат в районе Каркемиша (Джераблус) или Эмара (Мескене), проходил через Алеппо или мимо него и заканчивался в долине Оронта, разделяясь на дороги, ведущие к Средиземноморскому побережью и в центральную часть Сирии. От различных отрезков этого пути в северо-западном направлении отходили другие дороги, большинство из которых заканчивалось в Киликии или Анатолии. Из Ниневии также можно было попасть в Армению и в Восточную Анатолию, двигаясь вдоль Тигра до Диярбакара, а затем преодолев Таврские горы через узкие перевалы.

Добраться до районов, расположенных на востоке, было гораздо труднее. Как правило, племена, жившие в горах Загроса, были настроены к путешественникам довольно враждебно, да и сами горы являлись труднопреодолимой преградой, миновать которую можно было только в трех местах: в районе Райата (недалеко от Равандуза), Халабджи (к юго-востоку от Сулеймании) и Ханакина (в верхнем течении Диялы). Через проходы в Райате и Халабдже можно было попасть в Азербайджан и к берегам озера Урмия, перевал в Ханакине вел к Керманшаху, Хамадану, а затем на Иранское нагорье. Четвертая дорога, расположенная намного южнее, шла параллельно Загросу из Дера (недалеко от Бадры) в Сузы (Шуш, рядом с Дизфулем) – столицу Элама. На ней не встречались препятствия, так как нижние долины рек Керхи и Каруна, где располагался Элам, были продолжением Месопотамской равнины. Однако эламцы являлись традиционными соперниками жителей Междуречья, из-за чего по этой дороге чаще ходили войска, чем мирные караваны.

Последний из основных торговых путей, соединявших Ирак с остальным миром, проходил через Персидский залив, который называли «Нижним морем» или «Морем восходящего солнца». Начиная с раннеисламского времени и вплоть до настоящего момента Персидский залив является «легкими» Ирака, широко открытым окном в Индию и на Дальний Восток, но определить, какую роль он играл в хозяйстве Древнего Ирака, сложно. Связи между Месопотамией и Индией сформировались еще в глубокой древности, но в нашем распоряжении нет свидетельств, позволяющих утверждать, что по морю эти контакты осуществлялись чаще, чем по суше. В клинописных текстах, датированных концом 3-го тыс. до н. э. и более поздним временем, присутствуют частые упоминания о кораблях, плывущих из Ура в Дильмун (Бахрейн), Маган и Мелухху. Кроме того, нам известно, что цари Аккада (примерно в 2300 г. до н. э.) и Ассирии (в 1-м тыс. до н. э.) сумели включить страны, находящиеся на берегах Персидского залива, в сферу своего экономического и политического влияния.

Благодаря этому краткому и неполному описанию становится понятно (вопреки широко распространенному мнению), что в Месопотамии не было идеальных условий для появления в ней самобытной цивилизации. Две реки Междуречья сформировали плодородную дельту, но они приносили с собой не только богатство, но и бедствия. Постоянно прилагая значительные усилия, местные жители могли поставить земледелие на широкую ногу, но им остро не хватало металлов, камня и древесины. Долину со всех сторон окружали пустыни и высокие горы, где жили враждебно настроенные племена, из-за чего ее обитатели могли попасть к морю, граничившему с весьма недружелюбными землями Аравии и Персии

протяженностью 800 км, только по одному узкому проходу. Учитывая все обстоятельства, можно прийти к выводу, что условия в расположенной на севере степи и в предгорьях Курдистана были гораздо более благоприятными, чем на плодородной равнине. Не случайно в этих регионах зародились культуры месопотамского неолита и раннего меднокаменного века. Однако свою форму цивилизация Междуречья приняла на крайнем юге, на краю болот. Чего бы ни достигли жители Древнего Ирака, удалось им это только благодаря неустанной борьбе с природой и другими людьми, красной нитью проходящей через всю историю этой части света. Прежде чем продолжить рассказ, следует поговорить об источниках, из которых историки черпают сведения, необходимые им для работы.

Глава 2

В поисках прошлого

Для того чтобы реконструировать прошлое, историки используют источники двух типов: письменные и вещественные. К последней категории относятся все артефакты, начиная с изысканнейшего здания и заканчивая самой неприглядной кухонной утварью. В то время как при изучении относительно недавней истории вещественные источники имеют относительно небольшое значение, чем более отдален исследуемый период по времени, тем более важную роль они начинают играть. К примеру, ученый, изучающий историю XIX в., в основном работает в архивах и очень редко обращается к планам домов и церквей, в то время как архитектурные детали крайне важны для его коллеги, пишущего о Троянской войне или демократии в Афинах, так как письменные источники, освещающие эти проблемы, немногочисленны и их необходимо дополнять информацией, получаемой из любых других достоверных источников. Так как историки не имеют прямого доступа к подобным вещественным источникам, им, как правило, приходится полагаться на труды, написанные людьми, основной задачей которых являются раскопки древних городищ и некрополей, – полевыми археологами.

Историки, изучающие Ближний Восток в древности, в еще большей степени зависят от археологов, чем занимающиеся Античностью, так как в Месопотамии, Египте и Палестине артефакты и письменные источники по причинам, о которых речь пойдет ниже, глубоко погребены в земле, а значит, добыть их можно только посредством раскопок. Археологические раскопки начали проводиться в Ираке в 1843 г. и с тех пор непрерывно продолжались. Первоначально ими занимались гениальные непрофессионалы, но затем, в начале XX в., когда стало ясно: пополнение музейных коллекций предметами искусства не самоцель и гораздо важнее понять, как в то далекое время жили люди, – раскопки начали проводиться в соответствии с научными стандартами. С другой стороны, сама природа их работы – то, что они имеют дело с такими хрупкими вещами, как кирпич-сырец и глиняные таблички, а также необходимость слой за слоем уничтожать место, где некогда жили люди, чтобы «оказаться» в более отдаленном прошлом, заставила археологов разработать качественную и эффективную методику. В страну прибыли команды специалистов, получивших подготовку и финансовую поддержку от европейских и американских музеев, а также университетов и взявшие на вооружение все последние достижения современной науки, чтобы руководить опытными рабочими, орудуя лопатами и кирками, и контролировать их действия. В середине XX в. были тщательно изучены более тридцати памятников, включая практически все основные города Древнего Ирака, и «заговорило» более сотни холмов. Этой международной команде археологов удалось достичь поразительных результатов. Мы сумели полностью пересмотреть все, что нам было известно об истории Древней Месопотамии, и расширить свои познания. Историки, которым еще 100 лет назад приходилось опираться на немногочисленные и разрозненные сведения, содержащиеся в Библии и в сочинениях нескольких античных авторов, теперь признаются, что им с трудом удается справляться с огромным объемом данных, год за годом поступающих в их распоряжение, и выражают огромную благодарность археологам.

Таким образом, одной вежливости было бы достаточно для того, чтобы написать эту главу, но на это имелись и другие причины. На протяжении всей книги будут упоминаться холмы, или телли, под которыми погребены руины древних иракских городов; мы будем ссылаться на слои, а также, по возможности, приводить абсолютные и относительные датировки. Нам показалось, что читателю, возможно, с самого начала следует понять, о чем пойдет речь дальше и что рассказ о предметах, методах и развитии науки, которая в настоящее время называется «археологией Месопотамии», станет лучшим способом удовлетворить его любопытство.

Погребенные города Ирака

В большинстве своем туристы оказываются не подготовленными к первой встрече с древними городами Ирака. Их приводят к холму, возвышающемуся над равниной, и говорят, что некогда здесь находился древний город. Подойдя ближе, они могут увидеть такие потрясающие памятники, как ступенчатая башня в Уре или ворота Иштар в Вавилоне, но в большинстве случаев им приходится довольствоваться остатками сооружений из сырцового кирпича и грудями земли, усеянной осколками керамики. Вполне естественно, что путешественники остаются в недоумении и пытаются понять, как это произошло.

Для того чтобы ответить на данный вопрос, следует для начала объяснить, что все эти древние города были построены из глины. Камень встречается в Ираке крайне редко, в то время как глина всегда под рукой. В глубокой древности дома представляли собой нагромождения этого материала или были сложены из бесформенных комков глины, однако вскоре ее стали смешивать с сеном, галькой или черепками, формовать кирпичи, сушить их на солнце и скреплять между собой с помощью гипсового раствора. Это позволяло строить более широкие, крепкие и ровные стены. Конечно, кирпичи, высушенные в печи, были более прочными, особенно когда материал для них смешивали с битумом, но стоили они дороже, так как дров было немного, а битум привозили из относительно отдаленных районов. Поэтому из обожженных кирпичей, как правило, строили дома богов и царей (конечно, существовали и исключения), а подавляющее большинство зданий в Древней Месопотамии было сложено из кирпича-сырца. В качестве крыши использовали циновки из тростника и ветвей деревьев, на которые насыпали землю. Полы были земляными, но иногда покрывались гипсом. На стены, как правило, накладывали слой глиняной штукатурки.

Эти дома с толстыми стенами были относительно удобными – летом в них царил прохлада, а зимой было тепло, но они требовали к себе постоянного внимания. Каждое лето приходилось покрывать крышу новым слоем глины, чтобы зимой, во время дождей, вода не протекала внутрь, а полы нужно было постоянно поднимать. Причина этого заключается в том, что в древности мусор не собирали, а выбрасывали на улицу, поэтому уровень дневной поверхности повышался и полы граничащих с ней домов оказывались расположенными ниже, из-за чего внутрь попадали дождевая вода и грязь. Поэтому в комнаты приносили землю, разбрасывали ее по поверхности старого пола, выравнивали и покрывали новым слоем гипса. В одном и том же доме археологи нередко находят два, три и больше пола, положенные друг на друга. Если хозяева делали все необходимое, дом из кирпича-сырца мог прослужить на протяжении очень многих лет. Но однажды могло произойти нечто из ряда вон выходящее. Что бы ни случилось: война, пожар, эпидемия, потоп или изменение русла реки, – результат был один: часть жителей или все они покидали город. Оставленные без присмотра крыши падали, а стены, с обеих сторон подверженные воздействию непогоды, обрушались, заваливая внутренние помещения и скрывая под собой вещи, оставленные хозяевами дома. В случае войны разрушения происходили гораздо быстрее, так как завоеватели, как правило, поджигали захваченные ими города.

Через несколько лет на это место могли прийти новые поселенцы, привлеченные его расположением, выгодным с точки зрения стратегии или торговли либо благодаря доступности источников воды, либо ведомые религиозными чувствами – стремлением

оказаться под защитой бога, являвшегося покровителем данного города. Так как новым поселенцам нечем было убирать огромные горы строительного мусора, они сравнивали с землей разрушенные стены и использовали их в качестве оснований для своих собственных зданий. На протяжении определенного периода эти процессы могли происходить несколько раз, слои накладывались друг на друга, а уровень, на котором располагалась территория самого города, постепенно оказывался выше уровня окружающей его равнины. Конечно, некоторые поселения оказывались заброшенными через незначительное время после их основания, и люди туда больше не возвращались; другие, такие как Эрбиль и Киркук, более или менее постоянно использовались с глубокой древности и продолжают существовать в наше время. Однако подавляющее большинство городов в тот или иной период продолжительной истории Ирака было покинуто жителями через несколько столетий или тысячелетий после их основания. Несложно представить, что происходило после этого. Поднятые ветром песок и земля засыпали остатки стен, заполняли собой улицы и все доступные отверстия, в то время как дождевая вода выравнивала поверхность развалин, из-за чего их остатки оказывались разбросанными по достаточно обширной территории. Медленно, но неотвратно город принимал тот облик, к которому мы привыкли, – закругленного холма более или менее правильной формы, для названия которого арабы используют древнее, возникшее еще в доисламскую эпоху слово – «телль».

Задача археолога заключается в том, чтобы аккуратно разрезать эту плотно спряденную ткань из стоящих и упавших стен, фундаментов и камней, полов и земляных насыпок и таким образом восстановить планировку домов, собрать и сохранить найденные в них артефакты, выявить и датировать слои, из которых состоит телль. В зависимости от количества времени и средств, имеющихся в их распоряжении, они выбирают один из нескольких методов работы.

Самым быстрым и простым способом узнать, что находится внутри телля, является шурфование. В поверхности холма под различными углами выкапываются несколько траншей. По мере углубления траншей из них вынимают предметы, в частности керамику, позволяющие сделать датировки, и фиксируют на плане места, где были обнаружены остатки полов или фрагменты стен. Этот метод несовершенен и может применяться лишь при предварительной разведке или во время работы на относительно малозначимых памятниках. На высоких и узких теллях используется несколько иная разновидность шурфования – длинная траншея прорезается не наверху, а сбоку холма, от верхушки до основания (примерно так разрезают рождественский пудинг). Таким образом можно обнаружить впечатляющую стратиграфию, состоящую из множества различных слоев, хотя подобный способ не позволяет дать характеристику отдельным постройкам.

Другой метод, в теории идеальный, заключается в разделении поверхности телля на квадраты, каждый из которых раскапывается до определенной глубины, а затем этот процесс повторяют – копают до тех пор, пока не достигнут конца горизонтального слоя. Находки, сделанные в каждом отдельном квадрате и слое, нумеруются, а их местонахождение отмечается на плане. В ходе работы памятники постепенно обретают форму. Из-за продолжительности и дороговизны работы этот метод используется очень редко. Единственный пример его применения на Ближнем Востоке – раскопки города Библа (современный Джебейль), расположенного на территории Ливана, на берегу Средиземного моря, которые ведутся там с 1926 г.

Как правило, археологи используют метод, который можно назвать «расширенным шурфованием». На поверхности телля тщательно выбирают определенный участок, на котором выкапывают траншею. Как только показываются стены, археологи начинают «идти» вдоль них с обеих сторон, пока не раскапывают все здание. Таким образом поступают с несколькими участками, которые в итоге могут соединиться друг с другом. В случае необходимости археологи могут «пойти» глубже, чтобы изучить слои, находящиеся под расположенными сверху, а значит, наиболее поздними постройками, которые ученым приходится разрушить, чтобы добраться до более древних сооружений. В одном или двух

местах может быть сделан разведочный шурф, позволяющий составить представление обо всей стратиграфии холма. Некоторые части телля по необходимости оставляют нераскопанными, но это не так важно, если археологам удастся обнаружить основные здания, такие как храмы и дворцы, а также такое количество частных домов, которое позволяет делать какие-либо значимые выводы. С помощью этого метода были изучены (или продолжают исследоваться) Нимруд, Вавилон, Ур, Урук, Ниппур и все основные городища Ирака, и археологам, выполняющим эту работу, как правило, удается добиться неплохих результатов.

Датируя прошлое

Датировка обнаруженных памятников и артефактов может быть сделана с легкостью, а может оказаться задачей крайне сложной. Очевидно, здание, сложенное из кирпичей с клеймом «Дворец Саргона, царя Ассирии», можно датировать благодаря самому этому факту, при условии, что нам известно, когда правил Саргон. Но это скорее исключение. На подавляющем большинстве находок (и на всех, относящихся к доисторической эпохе), сделанных во время археологических раскопок, отсутствуют какие-либо надписи. В подобных случаях датировка может быть только приблизительной, «относительной». Для того чтобы установить, когда был создан тот или иной артефакт, изучают его форму, размеры и стилистические особенности. Опыт, накопленный в ходе раскопок многочисленных теллей, позволил археологам понять, что кирпичи определенного размера, сосуды той или иной формы или украшенные конкретными узорами, оружие, относящиеся к конкретным типам, и т. д. находят исключительно (или в основном) в определенных слоях. Вместе они образуют один культурный горизонт. Если хотя бы на одном из этих предметов присутствует «дата» либо если он найден неподалеку от памятника, датированного иным способом, или имеет с ним несомненную связь, то весь культурный горизонт может быть связан с определенным периодом. Когда это не удается, археологи пытаются соотнести время, когда использовались эти артефакты, с более ранними или поздними периодами. К примеру, на ряде памятников Южной Месопотамии, в слоях, расположенных непосредственно под культурным горизонтом, для которого, помимо всего прочего, характерны плосковыпуклые кирпичи (одна их сторона плоская, а другая – закругленная), и сразу над слоем, где преобладает простая керамика темного или красного цвета, находят расписные сосуды определенного типа (так называемую керамику типа Джемдет-Наср). Благодаря различным надписям ученые сумели отнести плосковыпуклые кирпичи к 3-му тыс. до н. э. (раннединастическому периоду, ок. 2800–2350 до н. э.). Простая керамика не датирована, но относится к культурному горизонту, названному «урукским» в честь памятника, где он впервые был обнаружен. Таким образом, для слоя, где находится керамика типа Джемдет-Наср, можно установить относительную датировку – данная культура существовала в период между урукским и раннединастическим периодами и закончила свое существование около 2800 г. до н. э. То, сколько продлилась эта эпоха, совсем другой вопрос, но, по крайней мере, у нас появляется возможность делать более или менее точные подсчеты.

При изучении истории важно представить датировки в виде цифр. Довольно интересно узнать, как это получается и в какой степени таким числам стоит верить.

Древние греки вели счет лет от первой Олимпиады (776 до н. э.), римляне – от основания Рима (753 до н. э.), мусульмане – от хиджры (622 н. э.), а у нас есть собственное христианское летосчисление. Однако у жителей Древней Месопотамии вплоть до позднего времени, когда они приняли летосчисление, использовавшееся Селевкидами (311 до н. э.), не было такой четкой системы хронологии. До этого они просто ссылались на годы царствования своих правителей. Делали они это с помощью нескольких способов:

1) просто обозначая год цифрами: «12-й год правления Набунаида (Набонида), царя Вавилона»;

2) каждый год правления каждого царя был назван в честь какого-либо важного

события, например одержанной победы, свадьбы правителя, сооружения того или иного храма;

3) каждый год правления царя мог быть назван в честь сановника (эпонимного чиновника, или, как его называли ассирийцы, *лимму*).

Первая система датировки использовалась шумерами в глубокой древности и позднее, начиная с касситского периода; вторая – в новошумерский и раннеавилонский периоды; третья применялась только в Ассирии.

Жители Древней Месопотамии могли использовать эту систему летосчисления только в том случае, если у них был список названий лет правления каждого царя или эпонимов, а также перечень царей, входивших в каждую династию, с указанием продолжительности их правлений и, наконец, список династий, правивших в стране. Подобные перечни существовали, и, к счастью, некоторые из них сохранились до нашего времени. Приведем несколько примеров.

Список датировочных формул правителя Вавилонa

Хаммурапи

(Год 1) Хаммурапи стал царем.

(Год 2) Он установил справедливость в стране.

(Год 3) Он изготовил помост под тронм бога Нанны в Вавилоне.

(Год 4) Была построена стена (священного участка).

(Год 5) Он построил эн-ка-аш-бар-ра (?).

(Год 6) Он построил шир богини Лаз (?).

(Год 7) Урук и Исин захвачены.

(Год 8) Страна Эмутбал (была завоевана).

Царский список Б, в который вошли представители

I Вавилонской династии

Суму-абум, царь, 15 лет.

Суму-ла-Эль, 35 лет.

Сабиум, его сын, тоже (царь), 14 лет.

Апиль-Син, его сын, тоже, 18 лет.

Син-мубаллит, его сын, тоже, 30 лет.

Хаммурапи, его сын, тоже, 55 лет.

Самсу-илуна, его сын, тоже, 35 лет, и т. д.

Перечень лимму (фрагмент)

Шульмануашаред, царь Ассирии, (поход) против Урарту (Салманасар).

Шамшиилу военачальник против Урарту

Мардукреманны главный кравчий против Урарту

Беллишир государственный против Урарту

глашатай

Набуишдияукин *абаракку* против Иту'а

Панж-Ашшур-ламур *шакну*¹ против Урарту

Промежутки времени, которые охватывали эти списки, разнились. В некоторых из них содержатся сведения только об одной местности или династии. В других, подобных приведенному выше Царскому списку Б, перечислялись представители нескольких династий, правивших, вероятно, одна за другой. Составители перечней, которые можно отнести к иной категории, были еще более амбициозны и приводили в них данные о представителях множества династий, правивших в нескольких государствах. К их числу относится

¹ Наместник страны. (Примеч. пер.)

знаменитый Шумерский царский список, в начале которого упоминаются мифические правители, жившие «до Потопа», а в конце стоит имя царя Синмагира (1827–1817 до н. э.), представителя I династии Исины.

Если бы Клавдий Птолемей, грек, живший в Александрии во 2-м тыс. до н. э., не поместил в свое сочинение в качестве приложения список всех правителей Вавилона и Персии от Набонасара (747 до н. э.) до Александра Македонского (336–323 до н. э.), мы не сумели бы соотнести даты, содержащиеся в царских списках, с годами, указанными в соответствии с христианским летосчислением. В этом перечне, так называемом Каноне царей, не только приведена продолжительность царствования каждого правителя, но и названы важные астрономические явления, происходившие в правление некоторых из них. Проанализировав несколько ассирийских табличек, мы можем восстановить длинный перечень *лимму*, живших в период, который начинается в правление Ададнирари II (911–891 до н. э.) и заканчивается царствованием Ашшурбанипала (668–631 до н. э.). В данном списке *лимму* также упоминаются основные астрономические явления, происходившие в этот период. В промежутке между 747 и 631 гг. до н. э. перечень *лимму* и Канон царей

Птолемея, как и содержащиеся в обоих этих источниках сведения о солнечных затмениях, передвижениях звезд и т. д., совпадают. Более того, астрономы доказали, что солнечное затмение, которое, согласно списку *лимму*, произошло на 10-м году правления царя Ашшур-дана, в месяце *сиване* (май – июнь), действительно имело место 15 июня 763 г. до н. э. Именно к этой дате можно прийти, двигаясь назад во времени и прибавляя друг к другу периоды правления царей, указанных в перечне. Таким образом, мы можем точно определить абсолютную хронологию истории Месопотамии начиная с 911 г. до н. э.

Хронология истории более ранних периодов имеет под собой гораздо более шаткое основание. В теории ее вполне можно установить по царским и династическим спискам, но содержащиеся в них данные зачастую оказываются неверными. Они не только заметно отличаются друг от друга, но и содержат множество лакун, ошибок писцов. Кроме того, в них последовательно перечислены династии, царствования представителей которых в реальности частично или полностью накладывались друг на друга. Поэтому читателю не стоит удивляться, если в различных учебниках он увидит разные цифры или заметит, что авторы периодически изменяют свою точку зрения. Например, еще семьдесят лет назад считалось, что правитель Вавилона Хаммурапи взошел на трон в 2394 г. до н. э.; после Первой мировой войны исследователи отнесли данное событие к 2003 г. до н. э., а в настоящее время ученые придерживаются мнения о том, что оно произошло между 1848 и 1704 гг. до н. э. (конкретная датировка зависит от системы расчетов, принятой различными исследователями). Так как дата восхождения Хаммурапи на престол является ключевой и позволяет установить хронологию событий, происходивших в 3–2-м тыс. до н. э., ее «перенос» на более позднее время имел весьма важные последствия, особенно связанные с историей отношений Месопотамии с другими регионами.

Данную тему нельзя закрыть, не упомянув о том, что недавно были предприняты попытки снабдить хронологию Древнего мира более прочной научной базой, основанной на естественно-научных методах, в первую очередь на методе радиоуглеродного анализа, изобретенном в 1946 г. профессором У.Ф. Либби из Чикаго. Передавая его суть вкратце, отметим следующее: он основывается на том, что в составе всех живых существ присутствуют атомы обычного изотопа углерода – ^{12}C и радиоактивного изотопа – ^{14}C , который образуется в верхних слоях атмосферы из-за воздействия космических лучей на азот, выпадает на землю и впитывается растениями и телами животных. На протяжении жизни существа соотношение изотопов ^{12}C и ^{14}C остается неизменным – одна миллиардная грамма последнего на каждый грамм первого. После смерти, когда изотоп ^{14}C больше не усваивается, его часть, еще остающаяся в организме, медленно распадается через одинаковые промежутки времени, превращаясь в азот. Так как нам известен период полураспада ^{14}C , составляющий 5730 лет, мы можем установить, когда именно прекратил свое существование организм, а значит, и его «возраст». Данный метод может использоваться только в отношении

органических материалов (таких, как кость, дерево, уголь, раковины, тростник и т. д.), обнаруженных в ходе археологических раскопок, но его применимость ограничена рядом факторов, в частности «стандартным отклонением» (ошибками при расчете периода распада), и иными неизбежными ошибками. Это значит, что, несмотря на то огромное значение, которое данный метод имеет для истории первобытности, где отклонение на несколько столетий не так важно, он мало может помочь исследователям, пытающимся установить точную хронологию событий.

Археологические исследования в Ираке

Превращение некогда процветавших городов в телли произошло быстрее, чем кто-либо может подумать. Геродот в середине IV в. до н. э. еще видел Вавилон, но не захотел посетить Ниневию, разрушенную за полтора столетия до этого, а Ксенофонт, который вел 10 000 греческих наемников через Месопотамию в 401 г. до н. э., пройдя мимо столицы Ассирии, даже не заметил ее. Через четыре столетия, говоря о Вавилоне, Страбон называл его «почти полностью покинутым жителями» и лежащим в руинах.

Прошла тысяча лет. Чем выше становился слой песка над развалинами древних городов, тем больше стиралась память о них. Арабские историки и географы еще что-то знали о славном прошлом Ирака, но европейцы позабыли о Востоке. Странствия Вениамина Тудельского в XII в. и путешествия, предпринятые немецким ботаником Раувольфом четыре столетия спустя, были единичными эпизодами. Европейцы стали интересоваться восточными древностями только начиная с XVII в., когда итальянский аристократ Пьетро делла Валле весьма занимательно описал свое путешествие по Месопотамии и привез в Европу в 1625 г. кирпичи, найденные им в Уре и Вавилоне, «на которых были какие-то доселе неизвестные письмена». Наконец членов академий наук и власти предержащие осенило, что перед ними простирается непаханое поле, заслуживающее изучения. В 1767 г. король Дании впервые отправил на Восток научную экспедицию, чтобы ее члены собрали как можно больше информации, касающейся различных отраслей знания, в том числе археологии. Ее руководитель Карстен Нибур, математик по профессии, скопировал в Персеполе множество надписей, которые впоследствии были переданы филологам, вскоре расшифровавшим загадочное письмо. С тех пор почти все, кто посещал Восток или жил там, вносили свой вклад в изучение его руин, собирали древности и копировали надписи. Наиболее выдающимися среди них были Пьер де Бошам, прославленный французский аббат и астроном (1786), Клавдий Джеймс Рич, агент Ост-Индской кампании и британский генеральный консул в Багдаде (1807), сэр Джеймс Бэкингам (1816), Роберт Мигнан (1827), Джеймс Бейли Фрейзер (1834), а также Генри Кресвик Роулинсон (1810–1895), выдающийся офицер, спортсмен, первооткрыватель и филолог, вероятно величайший из всех. Также следует упомянуть по крайней мере одну экспедицию, проведенную в начале XIX в. и финансировавшуюся правительством, – Британскую тигро-евфратскую экспедицию (1835–1836) под руководством Ф.Р. Чесни, изучившего течения обеих рек и собравшего огромное количество сведений о землях, лежащих вокруг них.

Только де Бошам и Мигнан сделали два небольших раскопа в Вавилоне, остальные из перечисленных исследователей занимались лишь визуальным изучением и измерением руин и вряд ли могли представить себе, что скрывается под этими безлюдными холмами. Однако в 1843 г. Поль Эмиль Ботта, итальянец по происхождению и французский консул в Мосуле, провел в Хорсабаде первые в Ираке археологические раскопки, обнаружил одну из столиц Ассирии и начал новую эру. Почти одновременно (в 1845 г.) англичанин, сэр Генри Лэйярд, последовал его примеру в Нимруде и Ниневии, и вскоре был раскопан целый ряд теллей. В 1877 г. Эрнест де Сарзек, французский консул в Басре, услышав, что в Телло (недалеко от Насрии) случайно было обнаружено несколько статуй, решил начать там раскопки и открыл один из шумерских городов. Таким образом, за 30 лет мир узнал о существовании прежде неизвестной цивилизации, образованные люди с удивлением выясняли, что в Месопотамии

скрывается не меньше сокровищ, чем в Греции и Египте. Ботта, Лэйярд, Сарзек, Лофтус, Смит – все пионеры того героического периода были непрофессионалами в полном смысле этого слова. У них было мало опыта, отсутствовала методическая подготовка. Их основная цель заключалась в том, чтобы находить статуи, рельефы, надписи и предметы искусства в целом и отправлять все это в музеи своих стран. У этих людей не было времени на сырцовые кирпичи и разбитые горшки; они многое уничтожили и так мало сохранили. Однако они открыли дорогу и, несмотря на всевозможные трудности, работали с энтузиазмом, превзойти который еще никому не удалось.

Тем временем в европейских библиотеках трудились не менее увлеченные, но более терпеливые пионеры, взявшие на себя выполнение фантастического задания – дешифровку текстов, в обилии стекавшихся в музеи. Мы не можем даже коротко пересказать здесь историю этого увлекательного интеллектуального приключения, продлившегося на протяжении по меньшей мере ста лет и потребовавшего от ученых нескольких национальностей всей их изобретательности. Однако мы считаем, что должны отдать дань уважения таким людям, как Гротефенд, преподаватель греческого языка в университете Гёттингена, сделавший первую серьезную и отчасти удачную попытку прочтения древнеперсидских клинописных надписей, скопированных Нибуром в Персеполе; Роулинсон, который между 1835 и 1844 гг. не только под угрозой своей жизни скопировал длинную трехязычную надпись, вырезанную Дарием высоко на скале в Бехистуне, что на западе Ирана, но и начал переводить ее (эта надпись на древнеперсидском, вавилонском и эламском языках стала называться «Розеттским камнем ассириологии», с тем лишь отличием, что первые ее исследователи не могли прочесть текст ни на одном из этих языков); англичанин Эдвард Хинкс и его французский коллега Жюль Опперт, которые, наряду с Роулинсоном, заслужили право называться «святой троицей» изучения клинописи, так как именно им удалось преодолеть основные эпиграфические и лингвистические трудности и, как сказал один из их современных преемников, «открыли пыльные страницы глиняных «книг», погребенных по всему Ближнему Востоку». Начатая в 1802 г. дешифровка ассирийско-вавилонского языка (который теперь называется аккадским) завершилась в 1847 г., а к 1900 г. ученые уже могли читать тексты, написанные на другом языке Древней Месопотамии – шумерском. В настоящее время первый почти полностью нам понятен; в последнем пока еще имеются «темные пятна», но ученые читают на нем с все возрастающей уверенностью. По самым скромным подсчетам, в настоящее время в распоряжении историков имеется четверть миллиона табличек. Без всякого преувеличения можно утверждать, что ни в одной другой стране мира не было обнаружено такое количество древних текстов, сохранившихся до наших дней в том же виде, в котором они были написаны тысячи лет назад.

Немцы, которые стали участвовать в раскопках в Ираке в начале XX в., внедрили новый подход к археологическим исследованиям. Роберт Колдевей, работавший в Вавилоне (1899–1917), и Вальтер Андре, проводивший раскопки в Ашшуре (1903–1914), стали жестко, порой даже чрезмерно педантично придерживаться тщательно разработанной научной методики в сфере, где главную роль до этого играли удача и интуиция. Методы, разработанные немецкими исследователями, вскоре стали общепринятыми, благодаря чему двадцать лет, прошедшие между двумя мировыми войнами, стали наиболее значимым и продуктивным периодом в истории месопотамской археологии. Именно тогда Вулли проводил раскопки в Уре и на его знаменитом царском некрополе (1922–1934), Хайнрих вместе со своей командой работал в Уруке, Парро – в Мари, англичане – в Убейде, Ниневии, Арпачийе и Чагар-Базаре, а американцы – в Тепе-Гавре, Нузи и в долине реки Диялы. Совместно представители двух последних наций копали в Кише и Джемдет-Насре. Один за другим были изучены большие и маленькие телли. Ученые постепенно раскрывали их секреты и шаг за шагом постигали историю Древней Месопотамии. Теперь им стало известно о существовании там гораздо более древних, потрясающих культур, изучение которых позволило исследователям сделать выводы о том, каким образом в этой части света складывалась цивилизация.

В это время у иракцев сформировалось национальное самосознание. В Багдаде

открылся собственный музей. Появились молодые иракские археологи, и раскопки не прекращались даже во время Второй мировой войны, когда они проводились в Укейре (1940–1941), Хассуне (1943–1944) и Акар-Куфе (1943–1945). После войны к работе вернулись немцы (Ленцен), проводившие раскопки в Уруке, американцы (Хайнс и Мак-Коун), раскапывавшие Ниппур, религиозную столицу Шумера, и французы (Парро), работавшие в Мари, городе-государстве в среднем течении Евфрата. Маллоуэн по поручению Британского музея снова стал проводить раскопки в Нимруде, одной из столиц Ассирии, которые были «заморожены» на протяжении более чем семидесяти лет. Сетон Ллойд, Таха Бакир и Фуад Сафар возглавили экспедиции Иракского музея на трех еще неизученных памятниках: в Эриду, одном из наиболее почитаемых городов в Ираке, Хармале (в толще этого небольшого холма было обнаружено неожиданно большое количество текстов) и в Хатре, загадочной столице доисламского арабского государства.

Впоследствии к работе присоединились японцы, начавшие раскопки в Джазире, и датчане, изучавшие археологию долины реки Заб, что неудивительно – международное сотрудничество всегда было одной из важнейших составляющих археологии. Ко времени написания этой книги археологами были изучены все основные города Древней Месопотамии, а также ряд менее значимых поселений. В настоящее время своих исследователей ждет целый ряд теллей, тянувшихся от Таврских гор до Персидского залива. Этого достаточно, чтобы снабдить работой несколько поколений археологов и специалистов по эпиграфике.

При изучении прошлого мы движемся от более позднего времени к более раннему: от ассирийцев к вавилонянам, затем к шумерам и неизвестным племенам, жившим на территории Ирака в 5—4-м тыс. до н. э., и теперь мы можем делать выводы о том, что представлял собой этот регион в эпоху каменного века. Несмотря на неизбежные пробелы в наших знаниях, наконец стало возможно написать всеобъемлющую историю Древней Месопотамии, начиная с тех далеких времен, когда люди, оставившие после себя скромные орудия труда из кусков кремня со сбитыми краями, свидетельствующие об их существовании, поселились на холмах и в пещерах Курдистана.

Глава 3

От жизни в пещере к земледелию

Еще двенадцать лет назад в учебниках и статьях в научных журналах ничего не говорилось о первобытном периоде истории Ирака. Археологи предпочитали работать на Месопотамской низменности, где находки доисторического времени, если они когда-то существовали, оказались погребенными под толстым слоем аллювиальных отложений. В нижних слоях нескольких теллей было обнаружено достаточно материала для того, чтобы историки сделали выводы о существовании пяти сменявших друг друга «протоисторических» культур. Данное открытие позволило ученым понять, на какой основе около 2800 г. до н. э. сформировалась шумеро-аккадская цивилизация, но все эти культуры относились к эпохам позднего неолита и халколита и просуществовали не более двух тысячелетий. О доисторическом периоде истории Ирака в прямом смысле этого слова, то есть о том, кто и как жил на этой территории в эпоху каменного века, ничего не было известно. В различных частях страны было обнаружено несколько фрагментов кремня, подвергшихся искусственной обработке, и еще в 1928 г. профессор Д.А.Э. Гаррод, женщина-археолог, получившая признание благодаря своим исследованиям первобытной эпохи в истории Палестины, посетила Курдистан и в двух пещерах неподалеку от Сулеймании обнаружила палеолитические артефакты. Однако эти находки привлекли внимание лишь незначительного числа профессионалов. Должно было пройти двадцать лет до того, как профессор Р.Дж. Брейдвуд обнаружил неолитическое поселение Джармо и вызвал к нему интерес, достаточный для дальнейшего изучения данной темы, которая прежде не удостоивалась внимания специалистов. Начиная с этого времени американцы проводили

исследования в Барда-Балке, Палегавре и Карим-Шахире (1951), сотрудники Восточного института Чикагского университета работали в долине реки Заб (1954–1955), а доктор Р. Солецки начиная с 1951 г. сделал ряд поразительных открытий в пещере Шанидар, что позволило значительно расширить наши знания о далеком прошлом Ирака и заполнить весьма досадный пробел в истории первобытности Ближнего Востока.

Для того чтобы эти достижения месопотамской археологии были более понятны читателю, нужно сказать несколько слов о терминологии, используемой специалистами по первобытной истории.

Первый исторический период каменного века, палеолит, совпадает по времени с геологической эпохой, названной плейстоценом (для геологов это наиболее поздний, *pleistos*, этап в весьма продолжительной истории Земли). Во время плейстоцена, начавшегося примерно полмиллиона лет назад и закончившегося около 10 000 г. до н. э., произошли (по крайней мере, в Евразии и Северной Америке) четыре масштабных передвижения ледника, получившие название «ледниковых периодов», каждый из которых продлился на протяжении нескольких десятков тысяч лет. Друг от друга их отделяли три межледниковые эпохи, продолжавшиеся примерно столько же. Существует широко распространенная точка зрения о том, что, в отличие от Севера с его ледниковыми и межледниковыми эпохами, в тропических районах имели место плювиальные (во время которых шли сильнейшие дожди) и межплювиальные эпохи. Начало и окончание ледниковых и межплювиальных периодов были очень постепенными. Кроме того, сами эти эпохи перемежались с продолжительными промежутками времени, на протяжении которых царил относительно более теплый или сухой климат (межстадиалами). Для абсолютной датировки можно использовать ориентировочные цифры, предложенные профессором Ф.Э. Цейнером:

первый ледниковый период начался около 600 000 лет назад;
второй ледниковый период начался около 500 000 лет назад;
третий ледниковый период начался примерно 250 000 лет назад;
четвертый ледниковый период начался около 120 000 лет назад и завершился примерно в 20 000 г. до н. э.

На протяжении этих эпох люди уже существовали. Порой они жили на открытом воздухе, иногда находили прибежище в пещерах, питаясь дичью, добытой во время охоты, а также собранными ими плодами и корнями диких растений. Об этих людях мы знаем благодаря находке их скелетов, которые (если речь идет о наиболее древних останках) встречаются крайне редко и зачастую лишь фрагментарны, а также орудий труда и оружия, сделанных из камня, кости или слоновой кости. Специалисты по первобытной эпохе собирательно называют каменные орудия труда, найденные на одном памятнике, индустрией, а сходные индустрии образуют культуру. Каждая культура получила название в честь памятника, где впервые были сделаны связанные с ней находки.

Если не вдаваться в подробности, то можно говорить о существовании двух техник изготовления каменных орудий труда. При использовании первой от куска (ядрища) кремня или гальки откалывали фрагменты таким образом, чтобы он приобрел более или менее клиновидную форму. В итоге получалось орудие, которое исследователи называют рубилом или ручным топором. В ходе применения второй техники обработке подлежали отщепы, отделенные от ядрища (нуклеуса). С помощью аккуратных ударов им придавали форму скребков, ножей, резцов, проколов и т. п. Однако различия между культурой, носители которой предпочитали работать с ядрищами, и той, для которой характерно использование отщепов, скорее теоретические, чем реальные, так как на многих памятниках археологи в одном и том же слое находят и рубила, и орудия труда, сделанные из отщепов.

Эпоху палеолита можно разделить на три стадии: нижний, средний и верхний палеолит.

В эпоху нижнего палеолита, которая началась в первый ледниковый период, закончилась во время третьего межледникового периода и продлилась на протяжении 300

000–400 000 лет, в Европе существовали три основные культуры: аббевильская, клектонская и ашельская. Их носители в основном использовали рубила, а сами эти культуры отличаются друг от друга незначительными особенностями техник изготовления орудий труда, которые мы не будем здесь рассматривать. Судя по останкам, наиболее ранние носители этих культур внешне напоминали приматов, но на последних стадиях данной эпохи появились люди, мало отличающиеся от современных *homo sapiens*.

Технику обработки кремневых орудий труда, использовавшуюся людьми, жившими в эпоху нижнего палеолита, унаследовали носители леваллуазской и мустьерской культур, существовавших в период среднего палеолита (вторая половина третьего межледникового – конец четвертого ледникового периода). Эту эпоху можно назвать «классической» первобытностью, периодом господства пещерных людей, наиболее ярким представителем которых был в настоящее время вымерший звероподобный неандерталец.

Наиболее характерными чертами эпохи верхнего палеолита, начавшейся около 35 000 лет назад, являются возросшее разнообразие орудий труда и усложнение техник их изготовления (ориньякская и являющиеся ее разновидностями шательперонская и граветтская, солютрейская и мадленская культуры Западной Европы), увеличение числа изделий из кости и оленьего рога и появление магическо-эстетических тенденций, особенно ярко проявившихся на превосходных наскальных рисунках, найденных во Франции и Испании и сделанных носителями мадленской культуры.

Благодаря приобретенным им умениям полностью сформировавшиеся *homo sapiens*, бродившие по территории Евразии и Северной Африки в поисках пищи, научились изготавливать множество разнообразных мелких орудий труда и видов оружия, и на основе индустрий эпохи верхнего палеолита сформировались культуры, наиболее характерным признаком которых является использование микролитической техники (капсийская в Африке, азильская и тарденуазская в Западной Европе) и которые существовали уже в эпоху мезолита, или среднего каменного века.

Наконец, начало неолитического периода, или нового каменного века, ознаменовано появлением земледелия и одомашниванием животных, революцией, которая произошла в Европе около 3000 г. до н. э., а на Ближнем Востоке – гораздо раньше.

Такова общая канва, в которую нам теперь следует вписать историю Ирака.

Палеолит в Ираке

Хотя в Таврских горах и Загросе заметны следы циклических оледенений, большой ледник, четырежды накрывавший территорию значительной части Евразии, так и не добрался до Ближнего Востока. Ирак оказался на стыке ледниковой и плювиальной зон, благодаря чему климатические изменения, происходившие в эпоху плейстоцена, сказались здесь не так сильно, как в других частях света. Как бы то ни было, они косвенно повлияли на его морфологические особенности. Из-за передвижений ледника изменялся уровень воды в Персидском заливе: когда ледник отходил, он поднимался, а когда наступал – снижался. Это, в свою очередь, повлияло на русла рек и их эродирующее действие. С другой стороны, периоды сильных дождей, размывавших почву, сменялись временем господства сухого климата, для которого характерно отложение на доньях рек ила и песка. По крайней мере в одной части предгорий Курдистана зафиксированы четыре подобных последовательных цикла, совпадающие по времени с двумя последними ледниковыми и межледниковыми периодами. Это сложно представить, но в истории Ирака были периоды, когда через пустыню текли широкие реки, Тигр и Евфрат не уступали Амазонке, а Заба и Дияла, объем воды в которых в десять раз превышал современный, формировали в горах Курдистана глубокие и широкие равнины. На протяжении большей части эры плейстоцена и расположенная на западе пустыня, и предгорья Ирака представляли собой поросшие травой степи и нагорья, где царил сравнительно умеренный и устойчивый климат и сложились весьма благоприятные условия для жизни доисторических людей.

Пока в Ираке не было найдено свидетельств существования там культур нижнего палеолита. Самые ранние следы присутствия на этой территории человека были обнаружены в 1949 г. доктором Наджи аль-Асилем, тогда генеральным директором Иракской службы древностей, в местечке Барда-Балка, расположенном почти в 2,5 км к северо-востоку от Чамчамалы, между Киркуком и Сулейманией. Там вокруг мегалита неолитической эпохи на дневной поверхности были обнаружены палеолитические кремневые орудия труда. Шурфование, проведенное в 1951 г. двумя американскими исследователями, показало, что они были изготовлены на стоянке, которая в настоящее время погребена под слоем ила и галечника толщиной 0,9–1,5 м. Эти орудия труда представляли собой рубила, которым были придана сердцевидная или миндалевидная форма, и скребки, сделанные из отщепов. Кроме того, там были обнаружены известняковые чопперы, то есть гальки, с которых сняты один или два отщепа, благодаря чему их можно использовать в качестве скребков. Эта индустрия в значительной степени похожа на характерные для ашелльской, тейякской (произошедшей от клектонской) и мустьерской культур. Она была датирована началом эпохи среднего палеолита, то есть относится к началу последнего ледникового периода (около 120 000 лет назад).

О следующем этапе развития культур периода среднего палеолита, для которого была характерна смешанная леваллуазско-мустьерская индустрия, мы знаем благодаря находке, сделанной мисс Дороти Гаррод в 1928 г. в нижнем слое пещеры Хазар-Мерд, находящейся в 19,3 км от Сулеймании. Однако лучше всего мустьерская культура представлена в пещере Шанидар, в которой с 1951 г. Велись раскопки, возглавляемые доктором Р. Солецки из Мичиганского университета.

Пещера Шанидар представляет собой каменный заслон от ветра, расположенный на южном склоне гор Барадост, господствующих над долиной, где течет Большой Заб, недалеко от городка Равандуза. Зимой ее до сих пор используют пастухи-курды. Сделав раскоп в полу пещеры, доктор Солецки сумел углубиться на 13,72 м и обнаружить четыре культурных слоя. В слое Д, наиболее раннем и самом глубоком (8,53 м), были обнаружены расположенные друг над другом отложения с остатками очагов и пеплом, смешанными с костями и кремневыми орудиями труда. Данный факт свидетельствует о том, что пещера была населена на различных стадиях эпохи среднего палеолита. Из числа орудий труда были обнаружены проколки, скребки и сверла, весьма характерные для последнего этапа развития мустьерской культуры. Обнаруженные в пещере кости принадлежали быкам, овцам и козам, а значит, для данного региона был характерен умеренно прохладный климат. Кроме того, там были найдены многочисленные панцири черепах.

Особый интерес представляют четыре человеческих скелета, обнаруженные в слое Д. Первый из них, найденный в 1953 г., принадлежал шестимесячному ребенку, а останки троих взрослых были обнаружены во время сезона 1956/57 г. Кости ребенка и двоих взрослых находились в плохой степени сохранности, но череп четвертого – мужчины в возрасте примерно 35 лет – удалось восстановить достаточно точно. Для него характерны все признаки неандертальца: широкая кость, массивная челюсть с маленьким подбородком, скошенный лоб, мощные надбровные дуги. У нас имеются все основания для того, чтобы полагать: другие индивидуумы принадлежали к тому же виду. Доктор Д.Т. Стюард, изучавший эти останки, пришел к выводу, что рука одного из умерших, деформированная с рождения, была ампутирована с помощью грубого кремневого ножа. Вероятно, все эти люди погибли из-за падения с потолка пещеры огромных каменных блоков, хотя это произошло не в одно и то же время. Возраст трех скелетов составляет около 45 000 лет, в то время как четвертый, найденный в слое, расположенном ниже, мог жить примерно 60 000 лет назад.

Слой С пещеры Шанидар относится к эпохе верхнего палеолита. С помощью радиоуглеродного анализа угля, найденного в одном из очагов, удалось установить даты его начала и окончания – он начался более 34 000 лет назад, а завершился около 25 500 г. до н. э. Найденные там каменные орудия труда характерны для ориньякской культуры. Так как в пещере были обнаружены хорошо сделанные резцы необычной формы, доктор Солецки

предложил называть эту индустрию барадостской в честь гор, в которых расположена пещера. В верхней части слоя С и почти во всем слое Б, лежащем непосредственно над ним, были обнаружены предметы, относящиеся к той же индустрии, но гораздо более мелкие (микролиты).

Эта поздняя ориньякская, или «продвинутая граветтская», культура представлена на нескольких палеолитических стоянках Северного Ирака. В частности, многочисленные небольшие округлые скребки, лезвия и маленькие ножи с сильно зазубренными краями были обнаружены мисс Гаррод в пещере Зарзи, неподалеку от Сулеймании, а также Б. Хоувом в пещере Палегавра, что 32 км к востоку от Чамчамалы. Они также встречаются в различных пещерах, исследовавшихся профессором Брейдвудом и его командой в 1954–1955 гг., особенно в Кайванской и пещере Барак, находящихся к западу и югу от Равандуза соответственно. Очевидно, по крайней мере некоторые из этих микролитов могли быть снабжены рукоятками и использоваться в качестве оружия для охоты на диких лошадей, оленей, коз, газелей, овец и кабанов, живших в этой местности, где было еще достаточно прохладно, но уже довольно сухо.

Люди, жившие в Ираке в эпоху палеолита, не находились в изоляции. Через Сирийскую пустыню, в различных местах которой были обнаружены артефакты каменного века, они поддерживали связи со своими «сородичами», населявшими Сиро-Палестинский регион, и неудивительно, что кремневые орудия труда, найденные в обоих этих районах, имеют много общего. Местные обитатели также общались с жителями Анатолийского и Иранского нагорий. К примеру, в пещерах Шанидар и Хазар-Мерд были найдены артефакты, почти неотличимые от обнаруженных в пещере Биситун, расположенной в Западном Иране, и очень похожие на найденные в пещере Караин в Турции. В эпоху верхнего палеолита люди, жившие в пещере Шанидар, изготавливали некоторые орудия труда из обсидиана (вулканического стекла), ближайший источник которого находился в Армении, в районе озера Ван. «Переходя» от одной стоянки к другой, технологии изготовления каменных орудий труда добрались до Европы (конечно, если верить мнению некоторых исследователей о том, что ориньякская культура возникла на Ближнем Востоке). Местные особенности сохранились только в Иракском Курдистане благодаря его частично изолированному положению на краю Плодородного полумесяца. По мнению Р. Солецки, барадостская культура уникальна (по крайней мере, на Ближнем Востоке), а неандертальцы из пещеры Шанидар, хотя и жили позже своих сородичей с горы Кармель, не ассимилировались с *homo sapiens*, не превратились в них (в отличие от упомянутых выше древнейших жителей Палестины) благодаря эволюции. Наоборот, их внешний вид остался неизменным.

В заключение следует отметить, что солютрейская и мадленская культуры, в Западной Европе ставшие «преемницами» ориньякской и развивавшиеся в эпоху позднего палеолита, так и не «добрались» до Ирака, а значит, и любой другой части Западной Азии. Для этих регионов характерен непосредственный переход от ориньякской к микролитическим (мезолитическим) культурам, и эпоха мезолита являлась лишь небольшим шагом к неолитической революции.

Мезолит и неолит

Микролиты – небольшие орудия труда из кремня, которым придавалось множество разнообразных форм, – возникают на стадии развития человека, когда он становится достаточно умелым для того, чтобы выполнять множество различных сиюминутных задач, и умным, чтобы убивать дичь на расстоянии (с помощью стрел). На Ближнем Востоке микролитические культуры, очевидно, произошли от поздних ориньякских индустрий, причем этот процесс шел настолько постепенно, что определить, когда началась эпоха мезолита, для которой они характерны, почти невозможно. Если читатель хочет составить представление о датировках, то может ориентироваться на 10 000 г. до н. э. (судя по результатам радиоуглеродного анализа, к данному времени относятся самые поздние

находки, сделанные в слое Б пещеры Шанидар), хотя эта дата более чем примерная.

Не менее трудно определить, когда закончился период мезолита. Согласно классической схеме, за ним должен следовать неолит, новый каменный век, но иногда отделить одну из этих эпох от другой крайне сложно. Начало периода неолита, завершившемуся, когда люди стали использовать металлы, положила революция, не связанная с появлением новых способов обработки камня, – человек начал добывать себе пищу с помощью совершенно других методов – выращивания растений и разведения животных. Неолитические земледельцы на протяжении долгого времени использовали микролиты. Более того, основываясь на имеющихся в нашем распоряжении данных, мы не можем точно определить, когда произошел переход от присваивающего хозяйства к производящему. Мотыгу вполне можно использовать не только для обработки почвы, но и для выкорчевывания деревьев, серп – для срезания как дикой, так и выращенной человеком пшеницы, зернотерки и терочки – для перемалывания как дикорастущих семян, так и минеральных красок. Кроме того, далеко не всегда можно выяснить, каким животным – диким или одомашненным – принадлежали кости овец и крупного рогатого скота, которые находят археологи. Учитывая все обстоятельства, мы можем прийти к выводу о том, что лучшим критерием является наличие более или менее постоянного жилища, так как земледелие «привязывает» человека к определенному месту. Но и в данном случае порой сложно отличить сложенные из камня хижины охотников, для которых земледелие не было основным занятием, от жилищ полностью оседлых земледельцев.

Изучив источники, имеющиеся в нашем распоряжении, мы можем с определенностью утверждать лишь то, что неолитическая революция была постепенным процессом, на протяжении которого жители Ближнего Востока совершили несколько важных шагов в своем развитии, и произошла она около 7000 г. до н. э., гораздо раньше, чем где бы то ни было. Возможно, причина этого заключается в весьма благоприятных климатических условиях, сложившихся на Ближнем Востоке. К тому же данный регион является единственным во всем Старом Свете, где пшеница-двузернянка и ячмень растут в дикой природе. Ответ на вопрос о том, где именно было «изобретено» земледелие, остается найденным. На звание «самой древней из деревень» могут претендовать как иракские, так и палестинские поселения. Однако Ирак имеет определенное преимущество: на северо-востоке страны были обнаружены четыре поселения, расположенные недалеко друг от друга, на территории которых найдены артефакты, «иллюстрирующие» переход от мезолитической культуры к неолитической.

Первым из них стал слой Б пещеры Шанидар, в котором были найдены микролиты и орудия труда, изготовленные из обсидиана, «очень тонко и умело обтесанные», а также отбойники, терочки и зернотерки. При этом данная пещера является чисто мезолитическим памятником, где не было найдено свидетельств того, что ее обитатели занимались земледелием.

Второй памятник, Карим-Шахир, расположен почти в 10 км к востоку от Чамчамалы. Он занимает 0,8 га и состоит всего из одного культурного слоя, расположенного сразу под дневной поверхностью. Помимо кремневых орудий труда, относящихся к числу микролитов, археологами были обнаружены приспособления, которые могут свидетельствовать о том, что местные жители занимались земледелием. К их числу относятся кремневые лезвия серпов, каменные мотыги и терочки. Кроме того, по всей территории шла очень неровная вымостка из гальки, свидетельствующая о том, что в хижинах были полы, хотя археологи не сумели восстановить план данного поселения. Если Карим-Шахир был (как считают многие ученые) простой стоянкой людей, которые вели полукочевой образ жизни, для нас он может стать иллюстрацией того, как они жили на очень ранних этапах перехода к оседлости.

Более оседлая община земледельцев жила в Млефаате. Это небольшой холм рядом с дорогой, ведущей из Киркука в Эрбиль, где были найдены жилища в виде ям с крышей из веток, причем вокруг некоторых из них были сооружены стены из сложенных в кучу камней, а полы этих «домов» были выстланы галькой. Значительную часть орудий труда составляли

каменные резцы и зернотерки.

От следующего поселения, Джармо, расположенного недалеко от Чамчамаля, Млефаат отделяет промежуток времени, продолжительность которого нам неизвестна. Археологические исследования в Джармо проводились профессором Р.Дж. Брейдвудом из Чикагского университета в 1948, 1950–1951 и 1955 гг. Искусственный семиметровый телль стоит на вершине очень крутого холма естественного происхождения и состоит из 15 слоев, расположенных один над другим. Для десяти из них характерно отсутствие керамики, что позволяет отнести их к эпохе докерамического неолита. Обитатели Джармо жили в квадратных домах, состоявших из нескольких помещений, построенных из спрессованной глины. В жилищах стояли очаги из ила и глиняные резервуары, расположенные ниже уровня пола.

Хозяева этих сооружений ели костяными ложками, шили с помощью костяных игл. Судя по находке каменных пряслиц, они умели ткать или плести изделия из льна и, возможно, шерсти. Эти люди использовали кремневые микролиты и сделанные из того же материала орудия труда обычного размера, обсидиановые лезвия. В частности, был обнаружен серп, лезвие которого сделано из кремня и прикреплено с помощью битума к деревянной ручке. Большинство крупных артефактов, таких как лезвия топоров, резцы, зернотерки, терочники, пестики и сосуды, найденные в помещениях, было вырезано из зачастую прекрасно обработанного известняка. Подобные орудия труда, наряду с обугленными зернами пшеницы и ячменя, являются неоспоримыми свидетельствами того, что жители Джармо занимались земледелием. Кроме того, 95 % костей, найденных на памятнике, принадлежит одомашненным животным: овцам, крупному рогатому скоту, свиньям и собакам.

Эти люди носили простые глиняные или каменные ожерелья, волнистые браслеты из мрамора и подвески из раковин, хоронили своих умерших под полами домов и изготавливали глиняные фигурки животных и изображения очень полной беременной женщины, «богини-матери», очевидно олицетворявшей таинственную силу плодородия. Первоначально докерамический период существования Джармо по результатам радиоуглеродного анализа ракушек улиток был датирован примерно 4750 г. до н. э., но проведенный впоследствии анализ угля позволил отнести его к более раннему времени, и профессор Брейдвуд датировал его примерно 6500 г. до н. э.

Таким образом, неолитическая революция, возможно важнейшее событие во всей истории, произошла в Северном Ираке по меньшей мере на 3500 лет раньше, чем в Европе. В предгорьях Курдистана, каждую зиму орошаемых дождями, приносимыми с Атлантики, жили люди, отказавшиеся от кочевой жизни охотников, во многом зависевшей от удачи и умений, и ставшие земледельцами, тесно связанными с небольшими клочками земли, регулярно дававшими им пищу. Они строили себе дома из глины; изобретали орудия труда, позволявшие им выполнять новые задачи; разводили овец и рогатый скот, которые стали для них постоянным источником мяса, молока, шерсти и кожи. В то же время развивались их социальные навыки, так как для того, чтобы заботиться о земле и защищать ее, необходима сплоченность. У каждой семьи, очевидно, был свой дом, ее члены возделывали отдельное поле, выращивали собственных животных и изготавливали свои орудия труда. Однако несколько семей собирались вместе, образуя поселение, общину, являющуюся основой общественной организации.

Позже происходили другие революционные явления: камень сменил металл, деревни превратились в города, которые объединились в государства, а те превращались в державы. Однако основа жизни – труд человека, поклоняющегося матушке-земле и подчиняющегося смене времен года, – с того далекого времени не изменилась.

Отсутствие в 10 из 15 слоев Джармо керамики свидетельствует о том, что в этом поселении обитали члены одной из наиболее примитивных земледельческих общин. Кроме того, оно делает его не похожим на другие неолитические поселения Западной Азии, так как почти во всех них была обнаружена керамика. Единственными примечательными

исключениями из этого правила являются Чатал-Хююк в Анатолии и Иерихон, расположенный рядом с Мертвым морем, в 800 км от Джармо, где мисс Кэтлин Кеньон обнаружила большое поселение эпохи докерамического неолита с домами, сложенными из кирпича-сырца, и мощными городскими стенами из необработанных камней. Более того, Иерихон, очевидно, был «старше» Джармо (по крайней мере, если верны результаты радиоуглеродного анализа, на основании которых он был датирован примерно 6800 г. до н. э.). Однако у находок, сделанных на территории трех этих поселений, очень мало общего, и вряд ли можно говорить, что они каким-то образом влияли друг на друга. Таким образом, очевидно, что неолитическая революция происходила в различных частях Ближнего Востока в разное время и наделяла каждый памятник рядом характерных только для него особенностей.

Первыми примерами последнего изобретения человека эпохи неолита стали фрагменты сосудов, найденные в верхних слоях Джармо, большие «корзины для зерна» из архаической Телль-Хассуны (см. следующую главу), «сосуды для молока», «емкости для лущения» и чаши из обожженной глины, обнаруженные в Телль-Матарре. Как и следовало ожидать, эти древнейшие сосуды имели исключительно утилитарное предназначение, были сделаны довольно грубо, плохо обожжены, были хрупкими и непривлекательными. Однако вскоре появилась огромная потребность в переносных глиняных сосудах, и восточные горшечники быстро усовершенствовали свои умения.

В то же время творческие способности, присущие искусству, созданному этими людьми, заставили их изобрести различные орнаменты. Лощеная, расписная, покрытая нарезным орнаментом керамика, вскоре появившаяся в большей части ближне- и средневосточных неолитических поселений, не всегда обладает высокими художественными достоинствами. Не является она и свидетельством заметного развития культуры. Но в то же время эти сосуды представляют огромный интерес для археологов и олицетворяют для них начало новой эры. Керамика с орнаментацией, которую проще идентифицировать и классифицировать, чем простую, играет в археологии такую же важную роль, как и окаменелости — в геологии. Она является отличительным признаком культур, существовавших в конце доисторической эпохи, и позволяет нам восстановить сложный «узор» из культурных связей и этнических передвижений, происходивших на протяжении всей последующей двухтысячелетней истории доисторической Месопотамии.

Глава 4

От деревни к городу

Таким образом, за 5000 лет до рождения Христа у подножия гор Загроса и в бассейне Тигра, что на севере Ирака, поселились неолитические земледельцы и скотоводы, жившие в небольших деревнях, в домах из спрессованной глины, использовавшие орудия каменного века, прибегавшие к магии каменного века и разделенные на немногочисленные общины, в которые входили члены одной семьи или «клана». Однако примерно через два столетия на этот раз в противоположной части Ирака, на юге долины Тигра и Евфрата, началась История. Именно тогда сложился сложный, высокоорганизованный социум. Территория была разделена между несколькими государствами, центрами которых служили относительно крупные города и во главе каждого из которых стоял бог, правящий с помощью выбранного им царька. Благодаря земледелию, основанному на использовании ирригационной системы, избыточного продукта было достаточно для того, чтобы прокормить жрецов, чиновников, писцов и ремесленников. Была изобретена письменность, которая стала использоваться в различных сферах жизни. Творения архитекторов, скульпторов и мастеров по металлу свидетельствуют, что их создатели были очень умелыми, порой даже блестящими мастерами. Общественной и частной жизнью управляла религия, сформировался внушительный пантеон, да и все хозяйство города-государства было связано с храмом его главного бога. Такова краткая характеристика шумерской цивилизации начала 3-го тыс. до н. э. Излишне

говорить, что двадцать столетий, на протяжении которых она рождалась и развивалась, представляют для нас огромный интерес и заслуживают пристального внимания.

Мы не можем подробно рассказать о том, как проходил переход от неолита к следующей стадии исторического развития, так как имеющиеся в нашем распоряжении сведения все еще крайне малочисленны. В то же время нам известно, что он происходил в самом Ираке. Благодаря длившимся на протяжении сорока лет археологическим исследованиям была развенчана старая теория, согласно которой истоки шумерской цивилизации следует искать в какой-то далекой неизвестной стране, а в Месопотамию она попала уже полностью сформированной. Теперь мы можем соотнести каждую стадию ее развития с тем или иным этапом доисторической эпохи и прийти к выводу о том, что если некоторые свои черты эта цивилизация позаимствовала у иноземных захватчиков или получила благодаря культурному обмену, то другие ее качества уходят корнями в такое далекое прошлое, что их можно назвать изначальными. Подобно всем цивилизациям, шумерская сложилась в результате смешения множества различных элементов, а ее внешний облик во многом определила отливная форма, в которую они попадали.

Из-за отсутствия письменных источников мы не знаем названий существовавших в то время племен. Нам известно лишь то, что в начале исторической эпохи в Месопотамии жили носители языков, относящихся к двум разным языковым группам, – шумеры и семиты. Однако мы не можем сказать с уверенностью, когда они появились и какую роль играли в медленном и хаотичном процессе развития цивилизации. Все, что имеется в нашем распоряжении, – это археологические находки, которые являются весьма показательными, но почти не помогают нам узнать о происходивших в глубокой древности исторических событиях и передвижениях племен. В этой связи, возможно, лучшим из имеющихся в нашем распоряжении источников является керамика, так как она в изобилии встречается на всех памятниках и легко поддается классификации. Несмотря на то что изменение внешнего вида керамики может быть вызвано целым рядом причин и не обязательно свидетельствует о смене населения, использованный с определенной долей осторожности, этот критерий позволяет делать более или менее достоверные выводы о взаимоотношениях между различными культурами.

Не следует забывать, что древний, как и современный, Ирак не был изолированным. Он был подвержен воздействию со всех сторон света и, в свою очередь, мог оказывать влияние на окружающие территории. Найти ответ на вопрос о том, каким образом распространялось это влияние – посредством мирных торговых отношений или в результате военных походов и переселений различных этносов, крайне сложно. Мы можем сказать лишь то, что конец доисторической эпохи, очевидно, был временем значительной нестабильности на Ближнем Востоке. Несомненно, из-за того, что климат на этой территории становился все более засушливым, многие племена охотников были вынуждены покинуть горы и пустыни и поселиться (насильно, если это было необходимо) внутри «рогов» Плодородного полумесяца, где их ожидал более спокойный образ жизни.

Некоторые археологи называют продолжительный промежуток времени, к рассказу о котором мы приближаемся и на протяжении которого Месопотамия, если можно так выразиться, была беременна Шумером, протоисторическим периодом. Его можно разделить на пять этапов, для каждого из которых характерны свои археологические культуры. Все они названы в честь памятников, где эти культуры впервые были обнаружены. Перечислим их в хронологическом порядке:

- 1) хассуно-самаррский период;
- 2) халафский период;
- 3) убейдский период;
- 4) урукский период;
- 5) период Джемдет-Наср (его также нередко называют протописьменным периодом).

Как мы увидим ниже, в действительности эту классификацию нельзя применить к описанию ситуации, сложившейся во всем изучаемом нами регионе. Первые две культуры существовали только на севере, а две последние превалировали на юге. Кроме того, читатель должен понимать, что в действительности все было гораздо сложнее, чем описано в книгах, и что исследователи до сих пор спорят по поводу того, где пролегает граница между урукским и протописьменным периодами. Среди них нет единого мнения даже о том, как следует называть последний из них. Но нам придется проигнорировать научные дискуссии подобного рода и сосредоточить свое внимание на поочередном описании периодов истории протоисторической Месопотамии.

Хассуно-самаррский период

Данный период назван в честь Телль-Хассуны, расположенной в 35 км к югу от Мосула. Археологические исследования проводились там в 1943–1944 гг. Иракской службой древностей под руководством Сетона Ллойда и Фуада Сафара. Там, на археологическом материке, были обнаружены грубая керамика и орудия труда, свидетельствующие о том, что в Телль-Хассуне, очевидно в палатках или хижинах (следы более капитальных сооружений обнаружены археологами не были), жила неолитическая община земледельцев. Однако над этим древнейшим поселением лежали пять слоев, где были обнаружены остатки более качественно построенных домов, площадь которых также оказалась больше (слои Ib – VI). По своим размерам, планировке и использовавшимся при их постройке материалам эти сооружения в значительной степени походили на те, что стоят в современных деревнях Северного Ирака. Вокруг двора располагались два блока, состоящие из шести-семи комнат. В одном из них жили, а второй использовался для приготовления пищи и хранения припасов.

Стены были сделаны из самана, а пол выровнен смесью глины и соломы. Зерно хранили в огромных емкостях из необожженной глины, закопанных в землю по самое горло. Хлеб пекли в куполовидных очагах, напоминающих современные тандыры. В этих домах были обнаружены ступы, кремневые лезвия серпов, каменные мотыги, глиняные пряслица и грубо сделанные статуэтки. В больших сосудах, хранившихся в домах, лежали кости умерших детей, а также крошечные чашки и горшки, с помощью которых покойные могли пить и есть в загробном мире. С останками взрослых, как это ни странно, обращались более вольно – их складывали в углах комнат, «бесцеремонно» сбрасывали в глиняные емкости или хоронили в каменных ящиках, причем без погребального инвентаря.

Все это напоминает Джармо, но наличие расписной керамики указывает на то, что жители Хассуны находились на более высокой ступени развития, и позволяет сравнивать этот памятник с раскопанными в других частях Ближнего Востока. Хассунскую керамику можно отнести к трем категориям, первую из которых археологи называли «архаической», вторую – «стандартной», а третью – «самаррской».

Архаическая керамика была найдена в слоях начиная с Ia и заканчивая III и представлена, во-первых, высокими сосудами грушевидной формы из грубой глины. Эти практичные сосуды исключительно утилитарного назначения встречаются почти во всех неолитических поселениях Западной Азии и не позволяют делать какие-либо выводы об их происхождении. Ко второму виду керамических изделий, входящих в эту категорию, относятся чаши, сделанные из более качественной глины. Их цвет варьируется от светло-желтого до черного или красного в зависимости от использовавшегося способа обжига. Их поверхность кажется лощеной благодаря тому, что мастер натирал ее костью или камнем. У нас нет никаких сомнений в том, что эти сосуды привозили в Ирак с запада, из района, расположенного между Турцией и Сирией (Сакчагёзю в горах Аманос, Мерсина в Киликии, «равнины Амур вокруг Антиохии»), где они встречаются в больших количествах. В-третьих, в Хассуне были найдены чаши и кувшины с лощеной поверхностью и простым геометрическим орнаментом, нанесенным красной краской. Эта архаическая расписная керамика, очевидно, происходит из Сиро-Палестинского региона, откуда она

распространилась на восток. Аналогичные сосуды были обнаружены в Иерихоне и Мегиддо в Палестине.

Таким образом, перед нами пример взаимодействия между носителями различных культур, жившими на всей территории Плодородного полумесяца – от Мертвого моря до Тигра, наиболее активно происходившего вдоль Средиземного моря. Кроме того, черепа обитателей Хассуны, исследованные антропологами, как и найденные в Библе и Иерихоне, принадлежат длинноголовым представителям средиземноморской расы, что свидетельствует об однородности населения.

В то же время так называемая стандартная хассунская керамика, преобладающая в слоях IV–VI, является характерной для севера Ирака, ее производство имело исключительно местный характер. Небольшие участки сосудов украшены простым орнаментом, состоящим из прямых линий, треугольников, поперечной штриховки, нанесенных коричневой краской и/или каким-либо острым предметом, оставлявшим после себя неглубокие насечки. К этой категории керамики относятся шаровидные кувшины с прямыми горлышками и чаши с закругленным или ровным основанием. Все они сделаны из, очевидно, местного, но довольно грубого материала.

Однако в верхних слоях Хассуны неуклюжие изделия местных горшечников перемешаны с великолепными глиняными сосудами, которые выглядят несколько неуместно среди столь несовершенных «сородичей». Эта категория керамики получила название самаррской, так как впервые была обнаружена на доисторическом некрополе, расположенном под домами знаменитой столицы Аббасидов. И орнаментация, и формы этих сосудов прекрасно продуманы. Бледную, слегка шероховатую поверхность больших тарелок, место вокруг венчиков острореберных чаш, горлышко и плечики больших горшков с закругленным туловом покрывает геометрический орнамент, расположенный аккуратными, выстроенными на одинаковом расстоянии друг от друга горизонтальными «лентами», или изображения скорпионов, птиц, рыб, антилоп и даже людей. Эти изображения весьма условны, хотя прекрасно сбалансированы и нанесены таким образом, что создается впечатление, будто они движутся. Люди, изготавливавшие и расписывавшие эти сосуды, несомненно, были превосходными художниками. Вероятнее всего, такую керамику привозили не с запада, а из региона, где с незапамятных времен умели делать превосходные сосуды, – из Ирана. Ограниченное распространение самаррской керамики свидетельствует о том, что ее привозили скорее немногочисленные группы бродячих ремесленников, чем захватчики. Дело в том, что находят ее только в долине, расположенной в верхнем течении Тигра, от Самарры до Ниневии, в Верхней Джазире (Телль-Халаф, телль Чагар-Базар) и в одном месте в долине Евфрата – напротив Абу-Кемаля.

Таким образом, скромная деревушка Хассуна стала превосходным примером процесса взаимодействия различных культур, повлиявшего на Ирак в эпоху неолита. Испытывавшие двойное влияние – с запада и востока и наделенные собственным чувством прекрасного, жители Месопотамии через промежуток времени, продолжительность которого нам неизвестна, сделали еще один шаг на пути культурного развития.

Халафский период

Второй период протоисторической эпохи назван в честь Телль-Халафа, большого холма, возвышающегося над рекой Хабур рядом с деревней Рас-эль-Айн, что на турецко-сирийской границе. Там перед Первой мировой войной немецкий археолог барон Макс фон Оппенгейм непосредственно под дворцом арамейского правителя X в. до н. э. обнаружил толстый слой, содержащий превосходную расписную керамику. Это открытие не было опубликовано вплоть до 1931 г. Тогда о доисторической Месопотамии знали совсем немного, и работа Оппенгейма «Расписная керамика» (Buntkeramik) вызвала массу споров. Однако через несколько лет в результате раскопок, проводившихся под руководством профессора М.Э.Л. Маллоуэна в Ниневии, Телль-Арпачийе неподалеку от Мосула и в телль Чагар-Базаре

в Джазире, халафский период занял свое место в хронологии истории Месопотамии, и ученые смогли составить полное представление о связанной с ним археологической культуре.

Несмотря на то что орудия труда, найденные в Телль-Халафе, являются сугубо неолитическими, для халафской культуры характерен ряд новых и весьма показательных черт. Поселения ее носителей по своему размеру и внешнему виду все еще напоминали деревни, но мощеные улицы в Арпачийе свидетельствуют о том, что его жители заботились о благоустройстве своего поселения. Их дома стали больше, чем в Хассуне, качество построек также возросло. Их продолжали делать глинобитными или складывать из самана, но появились первые сооружения из кирпича-сырца (по крайней мере, в бассейне реки Хабур).

Несомненно, наиболее выдающимися сооружениями, возведенными на протяжении этого периода, являются здания, названные толосами по аналогии с появившимися гораздо позже микенскими гробницами, которые они напоминают. В Арпачийе были обнаружены десять подобных сооружений, примерно по два на каждый археологический слой. Они представляли собой снабженные сводом глинобитные здания, внешне напоминающие ульи и стоящие на круглом каменном фундаменте диаметром примерно от 4 до 10 м. К некоторым из них примыкал длинный прямоугольный вестибюль, построенный из того же материала. В отличие от микенских гробниц месопотамские толосы возвышались над поверхностью земли. Кроме того, в них не было найдено ни костей, ни погребального инвентаря. Они оказались совершенно пустыми, из-за чего определить их первоначальное назначение крайне сложно. Исследователи предложили несколько теорий, ни одна из которых не является достаточно убедительной. Их незначительное количество, расположение в центре поселения, аккуратность, с которой они возводились и перестраивались, а также наличие вокруг них votivных (посвятительных) предметов – все это свидетельствует о том, что эти здания играли крайне важную роль в жизни местной общины. Они могли быть местами поклонения или религиозными сооружениями.

С другой стороны, эти постройки также вполне могли оказаться светскими – неким подобием городской администрации, где собирались представители деревенской верхушки, чтобы принять то или иное важное решение. Так, в настоящее время в болотах Южного Ирака стоят высокие и, как правило, довольно красивые дома, сложенные из тростника. Они называются мудхифами и предназначены для той же цели.

Не меньший интерес, чем загадочные толосы, представляют артефакты небольшого размера, найденные в Арпачийе и на других памятниках. В частности, к их числу относятся подвески из стеатита различной формы и маленькие каменные диски с петлей на обратной стороне, на которых вырезаны прямые линии или крестообразный орнамент. Эти изделия, носившиеся, очевидно, на шнурке на шее, использовали в качестве личных печатей – их прикладывали к кускам влажной глины, которые затем прикрепляли к корзинам или пробкам сосудов. Пожалуй, это древнейшие из известных нам печатей – предшественницы цилиндрических печатей, весьма характерной и во многом крайне важной составляющей месопотамской цивилизации.

К числу других артефактов, характеризующих халафскую культуру, относятся каменные наконечники булавы, амулеты в форме головы или копыта быка либо двойного топора, а также терракотовые статуэтки, изображающие голубя или «богиню-мать». Последние, несомненно являющиеся наследием эпохи палеолита, приобрели ряд весьма характерных черт. Женщина, как правило, изображалась сидящей на корточках (возможно, таким образом мастер пытался показать, что она рождает), ее колени направлены вверх, а руками она обхватывает свои полные груди. Голова показана схематично – по сути, это бесформенный комок глины, но тело, покрытое нанесенными на него с помощью краски полосами и точками (вероятно, таким образом скульптор изобразил татуировки, украшения или предметы одежды), выглядит весьма натуралистично. Вероятно, эти статуэтки служили талисманами, которые должны были избавить женщину от опасностей, связанных с деторождением, или помочь ей зачать ребенка, а не изображениями богини.

В заключение стоит упомянуть керамику, которая сыграла в работе археологов и

историков далеко не самую последнюю роль. Кажется поразительным, насколько носители халафской культуры превзошли в ее изготовлении своих предшественников. Без преувеличения можно сказать, что на протяжении данного периода ремесленники достигли такого уровня мастерства, к которому не сумели приблизиться ни те, кто жил раньше, ни их потомки, изготавливавшие керамические сосуды на протяжении всей долгой истории Месопотамии. Халафская керамика сделана без применения гончарного круга из качественной красно-коричневой глины, в процессе обжига она полировалась. Стенки сосудов, как правило, очень тонкие, а их форма весьма разнообразна (причем имеется целый ряд изделий, которым мастер придал довольно смелую форму). Археологами были обнаружены округлые горшки с большими конусообразными горлышками, приземистые кувшины с выгнутым наружу венчиком, чаши, в том числе с ножкой, большие и глубокие «сливочки», с килевидным и угловатым профилем. Украшающим их орнаментам, возможно, не хватает движения, так хорошо переданного на самаррской керамике, но они обладают прекрасной формой, очень хорошо сделаны, и их внешний вид может доставить зрителю не меньше удовольствия, чем облик знаменитых персидских ковров. На кремовую или персикового цвета поверхность ангоба наносился плотный орнамент сначала черного и красного цвета, затем – черный, красный и белый, покрывавший большую часть сосуда. Чаще всего встречаются треугольники, квадраты, «галочки», кресты, дуги и маленькие круги, хотя на керамике присутствуют и изображения цветов, сидящих птиц и припадающих к земле газелей. Наиболее характерными из всех орнаментов являются изображения двойного топора, мальтийский крест, имевший, очевидно, религиозное значение, и *букраний*, стилизованная голова быка.

Несмотря на очевидное иранское влияние, халафская керамика является продуктом исключительно местного производства. Впервые ее стали делать в Ниневии, откуда по караванному маршруту, ведущему к Средиземному морю через Хабур (Брак, Чагар-Базар, Халаф), Балих (Телль-Асвад), Евфрат (Каркемиш), Сирию, Киликию и даже Ликий, она распространилась на запад. Однако этим связи, которые поддерживали носители халафской культуры, не ограничивались. До того как исследователи поняли, насколько она древняя, некоторые из них считали, будто полихромная керамика, найденная в Телль-Халафе, имеет греческое происхождение. Это предположение, несомненно, ошибочно, хотя халафские сосуды имеют нечто общее с неолитической керамикой, изготовленной в континентальной части Греции. С другой стороны, сооружения, похожие на толосы, были обнаружены на Кипре (в Хирокитии), на Крите (на равнине Месара). В более позднее время такие здания возводились на Пелопоннесе (в Микенах). Кроме того, не является случайностью то, что такие культовые объекты, как изображение богини-матери и двойного топора, а также *букраний*, весьма характерны как для минойского Крита, так и для Анатолии до появления там хеттов. В чем заключалась причина этого: в миграции с Востока, единстве культуры или ее общем происхождении? Пока еще не пришло время, когда мы сможем ответить на эти вопросы.

Убейдский период

Просуществовав на протяжении нескольких столетий, халафская культура на самом пике своего развития внезапно сошла на нет. Очевидно, с запада Ирана на территорию Ирака пришли захватчики, передвигавшиеся одной или несколькими волнами и принесшие с собой новую культуру, названную в честь Телль-эль-Убейда, небольшого местечка, расположенного всего в шести с небольшим километрах от Ура «халдейского». Этот факт весьма примечателен, так как теперь мы можем говорить не только о севере, но и о юге страны. Впервые Месопотамия предстает перед нами в виде культурной, а возможно, и политической общности.

В нашем распоряжении имеются свидетельства того, что южная часть Ирака была населена еще в халафский период. Результаты геологических и археологических

исследований показали, что дельта Тигра и Евфрата сформировалась гораздо раньше, чем считалось прежде, в связи с чем нам следует пересмотреть предположение о том, что носители убейдской культуры переселились на равнину и стали жить на топких островках, «недавно появившихся из-под отступающих вод моря». К примеру, в 1937–1939 гг. немецкие археологи, работавшие в Уруке, нашли в находящемся неподалеку от этого города местечке под названием Хаджи-Мухаммад-Калай расписную керамику, материал и орнаментация которой отличались от характерных для убейдских сосудов. Следует отметить, что данное поселение было погребено под трехметровым слоем наносных отложений и появлялось из-под воды Евфрата только во время отлива.

Затем, в 1946–1949 гг. Иракской службой древностей в Эриду было сделано потрясающее открытие. Эриду (Абу-Шахрейн, что в 26 км к югу от Ура) являлся одним из наиболее почитаемых городов Древней Месопотамии, так как считался первой резиденцией Энки, бога подземных вод и одного из ключевых божеств шумерского пантеона. Руины города скрыты под невысокими холмами и песчаными дюнами, образовавшимися у подножия сильно разрушенного зиккурата, или ступенчатой башни, построенного, судя по надписям на кирпичках, представителями III династии Ура примерно в 2100 г. до н. э. Под углом этого зиккурата Фуад Сафар и его команда обнаружили 17 храмов, возведенных в протоисторические времена друг над другом. Восемь храмов, расположенных сверху, представляют собой тщательно продуманные здания, относящиеся к урукскому и убейдскому периодам. Под ними находятся плохо сохранившиеся остатки храмов IX–XIV, в которых была найдена керамика, подобная обнаруженной в Убейде и Хаджи-Мухаммад-Калае. Еще глубже лежат храмы XV, XVI и XVII (от последнего сохранились только фрагменты стен).

Во многих отношениях древнейшие храмы не похожи на все сооружения, обнаруженные прежде на юге Ирака. Они состояли из одного довольно небольшого квадратного помещения, в котором стоял алтарь, обращенный в сторону входа. Они были сложены из кирпича-сырца удлиненной призматической формы, на которых остались глубокие отпечатки пальцев. Помимо всего прочего, в этих храмах была обнаружена керамика, по мнению специалистов очень похожая на найденную в Хаджи-Мухаммаде, но в то же время отдаленно напоминающая халафскую и самаррскую.

Таким образом, становится понятно, что люди жили здесь задолго до начала убейдского периода и каким-то образом были связаны с носителями существовавшей на севере халафской культуры. Другой неизбежный вывод заключается в том, что начиная с 4-го тыс. до н. э. и вплоть до исторической эпохи в том или ином поселении из века в век передавались одни и те же религиозные представления. Возможно, однажды глубокое шурфование, проведенное в Ниппуре, культовом центре Энлиля, второго важнейшего шумерского божества, даст те же результаты. Чем больше мы копаем, тем сильнее убеждаемся в том, что корни шумерской цивилизации уходят в очень далекое прошлое.

Характерным признаком убейдской культуры, как обычно, является расписная керамика. Ситуация с ней гораздо проще, чем с халафской, – она более грубая и гораздо менее привлекательная. Цвет глины, нередко слишком сильно обожженной, варьируется от светло-желтого до угольно-черного. Как правило, орнамент покрывает лишь часть сосуда. Хотя иногда встречаются изображения растений, животных и широкие, плавные кривые линии, которые можно назвать довольно изящными, в целом преобладают стандартные мотивы (треугольники, прямые или перекрещенные полосы, ломаные или волнистые линии), свидетельствующие, что художникам, расписывавшим эти сосуды, явно не доставало воображения. Хотя керамика изготовлена из глины весьма неплохого качества, судя по некоторым сосудам, они были сделаны на медленном гончарном круге, или «вертушке». У керамики впервые появляются носики и «висячие» ручки. К числу наиболее характерных сосудов относятся колоколовидные чаши, кувшины с округлыми ручками и двояковыпуклые сосуды с длинными носиками, напоминающие панцирь черепахи. Эту керамику (с учетом незначительных местных особенностей) археологи находят по всей территории Месопотамии, хотя, как и во всем, что относится к убейдской культуре, имеют место

заметные различия между артефактами, сделанными на севере и на юге.

Словосочетание «глина и тростник» наиболее ярко характеризует убейдскую культуру, существовавшую на юге Ирака. Так как в этой части страны камень встречается редко, его использовали только для изготовления крупных орудий труда, лезвий и украшений. Все остальные артефакты, включая так называемые глиняные гвозди (в действительности, вероятно, они использовались в качестве пестиков), изогнутые глиняные серпы и даже топоры, тесла и ножи делались из терракоты. Большой популярностью пользовались глиняные статуэтки с изображением «богини-матери» – стоящей стройной женщины с похожей на змеиную головой с локоном, сделанным из битума. Также встречаются статуэтки, изображающие мужчин. Целый ряд (а возможно, и большинство) домов представлял собой хрупкие сооружения из тростниковых циновок, прикрепленных к деревянным опорам и иногда покрытых слоем глины. Одна подобная хижина (точнее, отделенный двор со стоящим рядом с ним строением из кирпича, похожим на те, которые и в наше время можно увидеть в Басре и ее окрестностях), на удивление хорошо сохранившаяся, была обнаружена в Эриду, но кирпичи широко использовались для постройки более масштабных зданий.

Храмы Эриду, относящиеся к убейдскому периоду, сделаны из больших сырцовых кирпичей, положенных на глиняный раствор. Внутри их находится одна *целла*, которой придана форма вытянутого прямоугольника и в каждом углу которой расположены помещения меньшей площади. На одном конце *целлы*, напротив стены, была найдена низкая платформа, на которой, очевидно, стояла статуя божества, а на другом располагался кирпичный алтарь или стол для подношений. Снаружи стены были украшены небольшими выступами и нишами, куда попадал свет, благодаря чему покрытая слоем глины поверхность кирпичной стены не казалась столь однообразной. Этот орнамент имел неясное нам, но, несомненно, религиозное значение и на протяжении всей истории являлся неотъемлемой чертой почти всех месопотамских святилищ.

На севере складывалась другая картина. Здесь находился Тепе-Гавра, памятник, расположенный примерно в 24 км к северо-востоку от Мосула. Археологические раскопки на его территории проводила американская экспедиция в 1931–1938 гг. Внутри этого высокого и узкого холма были обнаружены 18 слоев, наиболее ранний из которых относится к халафскому периоду, а самый поздний датируется серединой 2-го тыс. до н. э. Убейдская культура представлена в слоях XIX–XII. В Тепе-Гавра не было хижин из тростника, все дома сложены из кирпича-сырца. С другой стороны, камень использовался довольно часто. Здесь во множестве встречаются каменные печати, столь редкие на юге. Теперь на них вместо орнамента в виде линий появились изображения животных и людей, вместе образующие некое подобие мифологических сцен. Впервые в незначительных количествах встречаются предметы, сделанные из металла. Их появление (подобные артефакты на других памятниках почти полностью отсутствуют), возможно, обусловлено близостью к источникам руды, расположенным в Армении, Азербайджане и на Кавказе.

Однако другие черты, характерные для памятников, найденных на севере, нельзя объяснить одним лишь географическим фактором. Так, если три храма, окружающие двор, благодаря чему образуется превосходное подобие акрополя, и найденные в Тепе-Гавра, в слое XIII, во многом похожи на аналогичные здания, обнаруженные в Эриду, два *толоса*, как и изображение сидящей богини-матери, выбиваются из этой картины.

Возможно, более важным является тот факт, что в Тепе-Гавра и Эриду существовали совершенно разные погребальные обряды. В Эриду, за пределами поселения, находился обширный некрополь, где останки взрослых и детей лежат на спине, в вытянутом положении, в могилах, обложенных и покрытых кирпичом. Большинство погребений в Тепе-Гавра представляет собой простые могилы, выкопанные вокруг храмов. Покойные в них лежали на боку, в скорченном положении. Детей хоронили в сосудах. Данный факт, помимо всего прочего, позволяет нам сделать вывод о том, что носители убейдской культуры на севере были в меньшинстве. Завоеванные, но не истребленные, потомки носителей халафской культуры, очевидно, все еще составляли значительную часть населения, в то время как на

юге доминировала убейдская культура. В следующей главе речь пойдет о том, как разрыв между севером и югом стал постепенно расширяться и каким образом юг стал играть ключевую роль в формировании цивилизации.

Хотя эти региональные особенности и были заметны, они не привели к тому, что убейдская культура перестала быть однородной. Привезенная изначально, очевидно, в дельту Месопотамии, она стала распространяться по течению рек и была перенята жителями Джазиры, Северной Сирии и даже Киликии. Границами ее распространения стали горы Тавра и Загроса, но и они не были непреодолимыми преградами для торговцев. О том, что торговля действительно велась, и о ее масштабах свидетельствуют находки в Тепе-Гавра металлических изделий, а в Уре – амазонита, полудрагоценного камня, встречающегося только в Индии. Несмотря на то что на южной равнине использовали простую систему резервуарного орошения, пищи было достаточно, чтобы прокормить население, численность которого быстро увеличивалась. Новые поселения, которых появилось очень много, строились на берегах рек или их притоков, а друг с другом их связывали водные маршруты (об этом свидетельствуют глиняные модели лодок, найденные в Уре и Эриду). Так как слой убейдского периода на большинстве памятников оказывался в самом низу тестовых шурфов, мы не можем делать выводы о том, что представляли собой эти поселения – деревушки, деревни или даже небольшие города. Однако тот факт, что из них впоследствии «выросли» основные города Шумера, весьма примечателен сам по себе.

Другой факт позволяет нам делать еще более далекоидущие выводы. Самым большим и хорошо построенным зданием из всех сооружений, стоявших в убейдской деревне, был храм. Более того, одни и те же религиозные обычаи соблюдались в одной местности начиная с убейдского периода и вплоть до раннего исторического периода, то есть на протяжении почти тысячи лет. Таким образом, шумерский город разрастался вокруг святилища, а не дворца. По всей вероятности, храм уже стал основой, базируясь на которой развивались хозяйство и общественная жизнь. Говоря о столь древних временах, мы еще не можем произносить слово «шумеры», но должны признать, что именно в убейдский период была заложена основа для последующего развития шумерской цивилизации.

Глава 5

Рождение цивилизации

Как читатель, наверное, уже заметил, говоря о протоисторической эпохе, мы старались не приводить абсолютные датировки. Причина этого заключается в том, что до тех пор, пока в нашем распоряжении не окажутся более или менее точные результаты радиоуглеродного анализа, выводы о хронологии нам придется делать, основываясь на столь ненадежных данных, как толщина стратиграфических слоев и продолжительность среднего промежутка времени, в течение которого культура может развиваться и сойти на нет. Проведя очень грубые подсчеты, можно предположить, что хассунский и халафский периоды длились на протяжении всего 5-го тыс. до н. э., в то время как убейдская эпоха, оказавшаяся довольно продолжительной, насчитывает первые шесть или семь столетий 4-го тыс. до н. э. Однако сопоставление имеющихся в нашем распоряжении данных о последних этапах протоисторического периода со сведениями, полученными в ходе изучения истории Палестины и Египта, несколько облегчает нашу задачу и позволяет привести следующие примерные датировки:

Урукский период 3300–3100 гг. до н. э.

Протописьменный период 3100–2800 гг. до н. э.

На протяжении этих пятисот лет развитие культуры, которое прежде шло довольно медленно, заметно ускорилось, и наконец шумерская цивилизация достигла своего расцвета. Однако это произошло только на юге Ирака. Северная часть страны пошла по другому пути

и, хотя и не была полностью «варварской», во многом отставала от южной. Последняя получила преимущество по нескольким причинам. Выше уже говорилось о том, насколько незначительным было влияние убейдской культуры на севере, и вполне возможно, что крестьяне, жившие в верхнем течении Тигра, были более консервативны и меньше стремились к прогрессу, чем те, кто обитал в нижнем течении Евфрата. С другой стороны, реки и каналы в некоторой степени защитили юг Ирака от опустошительных набегов кочевников и горцев.

Однако решающим фактором стали те огромные совместные усилия, которые нужно было приложить для создания и поддержания системы искусственного орошения, так как для этого необходимо наличие (по крайней мере, на региональном уровне) властных структур, координирующих работу, что довольно рано могло привести к сосредоточению власти и богатства в немногочисленных руках и всего лишь в нескольких точках. Одни деревни стали более значимыми и богатыми, чем другие. В их храмах, очевидно уже начавших контролировать всю хозяйственную жизнь, собиралась та часть населения, которая жила для них и благодаря им, – всевозможные жрецы, а также «кладовщики», смотрители, охранники, бригадиры, архитекторы, каменотесы, плотники, жестянщики, горшечники, резчики по камню и т. д. В итоге эти деревни быстро выросли в города. Таким образом, общество Южной Месопотамии перестало быть сельским и превратилось в городское, в котором поощрялись искусство и технический прогресс. Географический фактор, приведший к тому, что жить на юге было труднее, чем на севере, в то же время сделал юг более цивилизованным. Кстати, подобные процессы проходили не только в Месопотамии: древнейшие цивилизации Египта, Индии и Китая также зародились в широких долинах во многом благодаря системам ирригации.

Превращение деревни в город в Ираке совпало с появлением керамических сосудов новых форм, изобретением гончарного круга, появлением цилиндрических печатей и некоторыми другими изобретениями, наиболее важным из которых стало появление незадолго до 3000 г. до н. э. письменности. Эти перемены оказались настолько значительными, что, по мнению некоторых исследователей, их причиной могло стать только вторжение извне. Даже если допустить теоретическую возможность существования таких захватчиков, кажется крайне странным, что нам о них известно так мало. Ответы на вопросы о том, где находилась их родина, насколько велика была их численность, по какому маршруту они шли, и о том, что представляло собой это завоевание, так и не были найдены или являются предметами ожесточенных споров. С другой стороны, детальное изучение общественной организации показывает, что в ней не произошли какие-либо значительные перемены. Архитектура и религиозные обряды также остались прежними. Таким образом, мы имеем дело не с внезапной революцией, а с последним этапом эволюционного процесса, начавшегося в Месопотамии за несколько столетий до этого.

Культура, возникшая в этих новых условиях, известна лишь по нескольким памятникам, расположенным на юге Ирака. Наиболее значимым из них является Урук, в честь которого она и была названа. Поэтому урукскую культуру следует изучать, опираясь на находки, сделанные в самом этом городе.

Урукская культура

Обширные руины Урука (библейского Эреха, современной Варки), способные произвести впечатление на самого искушенного путешественника, лежат в пустынной местности примерно на полпути между Багдадом и Басрой, недалеко от небольшого арабского городка Эс-Самавы. В древности покровителями Урука были два могущественных бога: бог неба Ан (или Ану) и богиня любви Инанна, более широко известная под своим семитским именем – Иштар. Посреди руин, вокруг зиккурата из кирпича-сырца, стоит храм богини Э-Анна («Дом неба»), обширный комплекс строений и дворов, который постоянно перестраивался и расширялся, начиная с доисторических времен и заканчивая периодом

владычества Ахеменидов. Более скромный храм бога Ану находится в другой части города. В основном в этих двух районах немецкие археологи, проводившие в Уруке-Варке раскопки с 1928 г., перед войной сделали находки, позволившие говорить о существовании урукской культуры, – храмы, керамику, цилиндрические печати и таблички.

Древнейшие храмы Урука в плане очень напоминали те, что строились в убейдский период в Эриду и были описаны выше: у них были фасады с подпорками, вытянутые *целлы*, окруженные небольшими помещениями. Наличие дверей в длинной стене также свидетельствует об устойчивости архитектурных традиций, как и, возможно, религиозных представлений и культа. В Э-Анне были обнаружены шесть подобных святилищ. В трех последовательных слоях они были расположены попарно, на основании чего профессор Х. Ленцен пришел к выводу: эти помещения были посвящены не только Инанне, но и ее супругу – богу плодородия Думузи. Наиболее примечательными оказались нижние слои, где были обнаружены огромные храмы, один из которых, построенный на известняковом основании, в длину превышал 79 м, а в ширину – 30 м, а также необычные «мозаичные здания». Последние состояли из большого двора, расположенного между двумя святилищами с портиками, которые поддерживали два ряда массивных колонн из кирпича-сырца (диаметр каждой составлял почти 2,5 м). Стены, окружавшие двор, колонны и платформа, на которой они стояли, были полностью покрыты разноцветным геометрическим орнаментом, выложенным основаниями терракотовых конусов длиной от 7,6 до 10,2 см, раскрашенных черной, красной и белой краской, а затем вдавленных в глиняную штукатурку. Этот оригинальный и очень эффектный способ орнаментации архитектуры получил широкое распространение в течение урукского и последующего протописьменного периодов. Отвалившиеся глиняные конусы до сих пор можно найти на руинах Варки. Цвета потеряли яркость, но не нужно иметь слишком живое воображение, чтобы представить себе, как блеснул новый мозаичный фасад в свете яркого восточного солнца.

Это превосходное чувство цвета прослеживается и в настенных росписях. Один из древнейших храмов Э-Анны, так называемый Красный храм, своим названием обязан покрывавшему его стены розовому пигменту. Иракская служба древностей проводила в 1940–1941 гг. в Телль-Укейре, в 80 км к югу от Багдада, раскопки храма урукского периода, украшенного росписями, которые в момент обнаружения «были такими же яркими, как и в день своего создания». На них были изображены процессия (к сожалению, это изображение было повреждено) и два присевших леопарда, охраняющие трон неизвестного божества.

Следует отметить, что все эти храмы, подобно святилищам убейдского периода в Эриду, стояли на невысоких кирпичных платформах. Однако со временем платформы становились выше, и постепенно они начали превосходить по размеру сами храмы. Весьма вероятно, что именно благодаря этому появились столь характерные для месопотамской цивилизации в историческую эпоху зиккураты, ступенчатые башни, наверху каждой из которых располагалось святилище. Эта тенденция прекрасно прослеживается по храму Ану в Уруке, где один над другим стояли шесть храмов, последний из которых был снабжен поистине монументальной платформой, возвышающейся на 15,3 м над поверхностью земли. Наверху этой платформы находятся руины святилища, относящегося к поздним стадиям урукского периода, так называемый Белый храм. Путешественник, оказавшийся внутри этих стен, никогда не забудет чувства, охватившие его там, где 5000 лет назад проводили ритуалы жрецы бога неба.

Эти величественные сооружения, казалось бы, затмевают другие произведения искусства, хотя оттиски печатей урукского периода сами по себе являются маленькими шедеврами. К этому времени печати, существовавшие в более ранние периоды, почти полностью были вытеснены цилиндрическими печатями. Они представляли собой небольшие цилиндры из простого или полудрагоценного камня, длина которых варьировалась от 2,5 до 7,6 см, а по ширине они не отличались от пальца или карандаша. В каждой из них была проделана сквозная дырка, через которую можно было продеть шнур, чтобы носить печать на шее. На ее поверхности был вырезан орнамент, который, прокатывая

печать по глиняной поверхности, можно было повторять до бесконечности. Эти древнейшие цилиндрические печати уже были сделаны с большим мастерством, а сами орнаменты, начиная от изображений животных и заканчивая сценами из повседневной жизни или из мифов, были составлены с удивительной искусностью. Однако эти печати имеют гораздо большую, чем просто художественная, ценность, так как являются единственными артефактами урукского периода, содержащими изображения людей и позволяющими судить о том, чем те занимались. Например, печать, на которой изображено убийство пленников, свидетельствует о том, что в те далекие времена велась война, в то время как часто встречающееся изображение стад скота, собранного вокруг своего загона или подвергнувшегося нападению львов, рассказывает об основных занятиях местных жителей. Нередко на печатях мы видим изображения загадочных ритуалов, совершаемых обнаженными жрецами. Перед нами одни из самых ранних источников, которые могут оказаться полезными для ученых, специализирующихся на всех периодах истории Месопотамии.

На первый взгляд кажется странным, что чувство прекрасного, столь ярко отразившееся в архитектуре и изделиях каменотесов, почти не было присуще горшечникам. Из всей керамики урукского периода, как правило не покрытой росписью, глаз могут порадовать лишь несколько угольно-черных, сильно лощенных фрагментов и осколки, возможно, покрытых красным ангобом сосудов. Остальные – простые или покрытые серым ангобом и лощенные – приводят в уныние. Чашки с ручками, кувшины или бутылки с длинными, обычно изогнутыми носиками, очевидно, представляют собой попытки воссоздать из глины металлические изделия, но в целом сосуды этого периода сложно назвать изящными. Возможно, упадок некогда процветавшего искусства связан с распространением бронзовых и серебряных сосудов, а также изобретением гончарного круга, благодаря которому стало возможным массовое производство. Однако не следует исключать и вероятность того, что эта керамика была завезена в Месопотамию торговцами или завоевателями.

В урукский период появилось и еще одно изобретение, по своему значению превосходившее гончарный круг, цилиндрические печати и мозаику из глиняных конусов; было сделано эпохальное открытие, сравнимое с появлением земледелия в эпоху неолита. Ближе к концу этого периода в храмах Э-Анны в Уруке была изобретена письменность – пиктографические знаки, наносившиеся на глиняные таблички.

Изначально письменность, использовавшаяся в Месопотамии и известная нам как клинопись, как и все примитивные системы письма, возникшие в прошлом и существующие сейчас, представляла собой собрание маленьких упрощенных рисунков – пиктограмм. Древнейшие тексты, найденные в Уруке и на территории других городищ, слишком сложны для того, чтобы быть первыми попытками людей зафиксировать свои мысли. Вполне вероятно, что первые пиктограммы наносились на дерево, кожу животных или листья. Но во влажной почве Ирака эти материалы давно уже разложились, и единственные источники, имеющиеся в нашем распоряжении, записаны на глине. Сам процесс письма был очень простым. Писец брал кусок качественной, хорошо отмученной глины и придавал ей форму небольшой ровной «подушки» площадью в несколько квадратных сантиметров. Затем остро заточенным концом тростникового стебля он разбивал обе стороны получившейся подушки на квадраты, каждый из которых заполнял знаками. После этого «табличку» обжигали или оставляли необожженной. Обожженные таблички по прочности не уступают камню; необожженные рассыпаются в руках, но, если их осторожно взять, аккуратно высушить в тени и поместить в печь, они почти не поддаются разрушению.

С течением времени месопотамская письменность перестала быть пиктографической. Знаки стали располагать горизонтальными строками, а не помещать в квадраты или вертикальные полосы. Они стали более компактными, строгими, «идеализированными» и, наконец, почти перестали напоминать изображавшиеся с их помощью предметы. Изгибы, которые было так неудобно наносить на глину, исчезли, уступив место прямым линиям. Сначала их ширина была одинаковой, но затем, когда начали использовать стило призматической формы, его сначала погружали в глину, а затем проводили линии, из-за чего

знаки стали частично треугольными или клиновидными. Эта эволюция завершилась к середине 3-го тыс. до н. э., когда и появилась письменность, которую мы называем клинописью. Правда, следует отметить, что и позднее в ней происходили незначительные изменения, благодаря которым специалисты могут датировать тот или иной текст с той же точностью, как и археологи – керамику.

Древнейшие тексты, имеющиеся в нашем распоряжении, написаны на шумерском языке. В основном он был моносиллабическим, а письмо, как и в случае с китайским, основывалось на следующем принципе: один предмет или идея = один звук = один знак. Поэтому первые пиктограммы были крайне многочисленны (их насчитывается более 2000). Некоторые из них обозначают предметы, которые легко узнать, – земледельческие орудия, сосуды, лодки, головы животных или части человеческого тела, в то время как другие были условными. Однако из-за того, что абстрактные идеи сложно выразить графически, одна пиктограмма, как правило, использовалась для обозначения нескольких слов, а значит, читать ее также можно по-разному. К примеру, слово «нога» обозначало не только саму ногу (*ду* по-шумерски), но и идеи, имеющие отношение к ноге, такие как «стоять» (*зуб*), «идти» (*гин*), «приходить» или «приносить» (*тум*). Соответственно, для обозначения некоторых понятий, не связанных между собой по смыслу, но произносившихся с помощью одного и того же звука, использовался один и тот же знак. Так, изображение лука применялось для обозначения слова «стрела» (*ти*), а также слова «жить» (*ти*, *тил*). В классическом шумерском языке правильное чтение знака обычно определялось с помощью контекста либо других знаков, называемых фонетическими дополнениями, или детерминативами. Однако в древнейших текстах нет ничего подобного. Более того, знаки ставились в порядке, кажущемся нам хаотичным, и некоторые из них использовались только в самые ранние периоды, а затем от них отказались, из-за чего нам неизвестно их звучание. По этой причине мы не можем читать пиктографические таблички. Мы в состоянии говорить лишь о том, что тексты, вырезанные на этих табличках, содержат все признаки хозяйственных – это списки работников, товаров, квитанции и т. д. Однако они не могут поведать нам о том, о чем мы так хотим узнать, – о событиях, происходивших на протяжении урукского периода.

Протописьменный период

В 1925 г. в Джемдет-Насре, находящемся между Багдадом и Вавилоном, выдающийся английский ассириолог Стивен Лэнгдон обнаружил весьма примечательную керамику, в основном большие толстостенные кувшины, украшенные геометрическими орнаментами или изображениями растений и животных, нанесенными черной и/или красной краской прямо по светло-желтой поверхности сосуда. Впоследствии керамику типа Джемдет-Наср находили (всегда в незначительных количествах) на территории других городищ Южного Ирака, благодаря чему она стала признаком, по которому тот или иной слой относили к последней стадии доисторической эпохи – так называемому периоду Джемдет-Наср. Однако впоследствии исследователи пришли к выводу, что вряд ли, основываясь на находке нескольких горшков, можно судить о существовании целой культуры и что если и нужно провести разделительную черту, то в качестве ее гораздо лучше использовать изобретение письменности. Так возник термин «протописьменный», предложенный исследователями, входившими в чикагскую школу востоковедов, и принятый многими учеными.

Мы будем говорить не о культуре, а о периоде, так как между урукской культурой и характерной для протописьменного периода нет ощутимой разницы – лишь незначительные стилистические и качественные отличия. Развалины сооружений этого периода немногочисленны, но позволяют сделать вывод об отсутствии значительных изменений в планировке и орнаментации храмов, хотя основной акцент начали делать на платформы, а орнаменты из конусов стали наносить не по всей поверхности стен, а в виде панелей. На цилиндрических печатях изображали те же религиозные мотивы и сцены из повседневной жизни, хотя появилась тенденция к их условности и шаблонности. Письменность начала

использоваться все чаще, но пиктограммы стали менее многочисленными и реалистичными и нередко применялись только для обозначения соответствующих звуков. Подавляющее большинство керамических изделий похоже на нерасписную керамику урукского периода, а «сосуды культуры Джемдет-Наср», сделанные под явным иранским влиянием, могут быть не чем иным, как проявлением локальной кратковременной моды. Колесо и плуг, изображенные на табличках, несомненно, были изобретены ранее. Каменные и металлические сосуды также, очевидно, стали результатом развития местной традиции. Если рассматривать всю материальную культуру этого времени в совокупности, то можно прийти к выводу, что единственным вкладом в развитие искусства, сделанным людьми, жившими в данный период, стала скульптура.

Скульптура, прежде почти неизвестная, появилась внезапно, вскоре достигла высочайшего уровня развития, причем свое мастерство скульпторы применяли на множестве различных предметов. На каменных сосудах, чашах и бассейнах, настенных плакетках и на задней части сохранившихся немногочисленных печатей-штампов в виде рельефов или круглой скульптуры вырезаны изображения львов, нападающих на быков, убивающих их героев, злобных кабанов, мирно пасущихся овец и баранов. Также к этому времени относятся наиболее ранние votивные статуэтки верующих, столь широко распространенные в Шумере исторической эпохи. Довольно грубо сделанная базальтовая стела, которая была найдена в Варке и на которой изображены двое бородатых мужчин, убивающих львов с помощью луков и стрел, является родоначальницей ассирийских рельефов со сценами охоты.

В то время как качество всех этих артефактов оставляет желать лучшего, в Уруке были сделаны две находки, которым нет равных среди всех творений человеческих рук того времени. Первая из них – это 90-сантиметровый алебастровый сосуд, украшенный превосходным барельефом, на котором изображена богиня Инанна, принимающая дары от высокопоставленного человека – возможно, жреца, правителя или даже бога. Этот сосуд уже в древности считался ценным предметом искусства, так как его ремонтировали с помощью металлических зажимов. Второй шедевр – это выполненная почти в натуральную величину мраморная маска с лицом женщины. К сожалению, ее глаза не сохранились, но в лице отразилась смесь тонкого реализма и чувственности, редко встречающаяся в древнем искусстве до появления классической греческой скульптуры.

Прогресс в технике, достижения в сфере искусства, изобретение письменности – все это проявления полностью сформировавшейся цивилизации, которую без промедления можно назвать шумерской. Рожденная и вскормленная на юге Ирака, она охватила весь Ближний Восток и повлияла на все культуры Востока. Вполне возможно, что пока нерасшифрованное протоэламское письмо, также сохранившееся до нашего времени на глиняных табличках и появившееся примерно тогда же неподалеку от Элама (юго-запад Персии), сложилось под влиянием древнейшей шумерской письменности или было изобретено людьми, каким-то образом связанными с шумерами.

Однако сложнее понять, по каким каналам Месопотамия повлияла на Египет. В поздних доисторических погребениях Нагады были обнаружены месопотамские цилиндрические печати. Египтяне позаимствовали у своих ближневосточных соседей сам этот предмет, покрыв его собственными символами. У них не было глиняных табличек, по которым можно было прокатывать эти печати, поэтому их приходилось использовать в качестве амулетов. Более того, египетские скульпторы копировали столь полюбившиеся жителям Месопотамии изображения – львов, нападающих на скот, существ с длинными изогнутыми шеями, сцены охоты, а архитекторы, жившие в эпоху правления представителей I династии, строили гробницы, фасады которых напоминали принадлежащие месопотамским храмам. Некоторые исследователи даже считают, что шумерские пиктограммы предвосхитили древнейшие иероглифы и, возможно, вдохновили их создателей. Данное одностороннее влияние еще более примечательно, так как контакты между этими двумя средоточиями цивилизации на Ближнем Востоке в древности происходили крайне редко и были весьма поверхностными.

Как это ни странно, в самой Месопотамии шумерская цивилизация продолжала

существовать только на юге. В нашем распоряжении имеются немногочисленные свидетельства о ее распространении в Мари, расположенном в среднем течении Евфрата, и профессор Маллоуэн в 1938–1939 гг. обнаружил в Телль-Браке, в бассейне реки Хабур, храм, весьма характерный для протописьменного периода, стоящий на платформе, который он назвал храмом Глаза, потому что в нем были найдены тысячи маленьких каменных идолов с вырезанными на них парами глаз. Однако Телль-Брак остается исключением. Возможно, он был своего рода колонией, где жили обитатели Южной Месопотамии, по тем или иным причинам решившие покинуть свой дом.

По каким-то непонятным причинам остальная часть Джазиры и долины Тигра на протяжении длительного времени не были затронуты прогрессом, происходившим в 20 км к югу. К примеру, на протяжении урукского и большей части протописьменного периода обитатели Тепе-Гавры в сражениях использовали булавы и пращи, продолжали применять штамповые печати, изготавливали керамику вручную и не знали письменности. В то же время они ездили на колесницах и хоронили своих вождей с таким богатым погребальным инвентарем, которому не было аналогов на юге. Постепенно культуру Гавры сменила культура Ниневии (слой 5, как показало глубокое шурфование, проведенное в этом городе) с характерной для нее довольно красивой керамикой, сделанной на гончарном круге и украшенной расписным орнаментом или орнаментом в виде насечек, а также с шумерским оружием и печатями. Правда, к тому времени Шумер уже вошел в историю, но для того, чтобы на севере появились первые тексты, потребовался весь раннединастический период (2800–2400 до н. э.). Произошло это только после аккадского завоевания.

Разрыв, образовавшийся в конце 4-го тыс. до н. э. между севером и югом, на протяжении всей древней истории так и не был полностью преодолен. После аккадцев верхнее течение Тигра и предгорья Курдистана находились под властью представителей III династии Ура и правителя Вавилона Хаммурапи. При чтении их надписей создается впечатление, будто эти области считались инородными и не достигшими столь высокого уровня развития культуры. Конец политическому превосходству юга положили нападение хеттов на Вавилон в 1595 г. до н. э. и начавшийся после правления касситов продолжительный период, в течение которого у власти находились очень слабые цари. Север взял превосходство в свои руки, и цари Ашшура и Ниневии воцарились во всей Месопотамии. Но вавилоняне так и не смогли признать власть этих «варваров» и неоднократно пытались сбросить иго, в то время как сами могущественные правители Ассирии, собиравшие шумерские тексты и принимавшие участие в праздновании Нового года в Вавилоне, осознавали, чем они обязаны этой древней, освященной веками цивилизации.

Проблема шумеров

Кем были эти шумеры, название которых мы впервые можем здесь употребить и которые будут занимать историческую арену на протяжении нескольких последующих тысячелетий? Можно ли говорить, что именно они были древнейшим населением доисторической Месопотамии? Или они прибыли из какой-то другой местности, и если это действительно так, то когда и откуда они пришли? Эти важные вопросы снова и снова вставали перед учеными с тех пор, как были обнаружены первые артефакты, принадлежащие шумерской цивилизации, но ответ на них до сих пор так и не был найден. Последние открытия сделали его еще более сложным, но, по крайней мере, благодаря им у нас есть веские аргументы, в свете которых мы и будем освещать проблему шумеров.

Слово «шумеры» происходит от древнего названия южной части Ирака – Шумер, который в клинописных текстах, как правило, назывался Ки-эн-ги. В начале исторической эпохи с этим регионом тесно взаимодействовали представители трех этнических групп: шумеры, жившие на крайнем юге, начиная примерно с места, где впоследствии был построен Ниппур (рядом с Диванийе), и заканчивая побережьем Персидского залива; семиты,

преобладавшие в центральной части Месопотамии (после 2400 г. до н. э. этот регион стал называться Аккадом); и незначительное, рассредоточенное меньшинство неизвестного происхождения, которому невозможно дать название. По мнению современных исследователей, эти племена отличались друг от друга не с точки зрения политики или культуры, а по языку. Для всех них характерны одни и те же институты, образ жизни, технологии, художественные традиции, религиозные представления, иными словами, все составляющие цивилизации, сложившейся на крайнем юге и вполне справедливо приписываемой шумерам. Таким образом, единственным критерием, по которому можно идентифицировать эти племена и отличить их друг от друга, является язык. В узком смысле слово «шумеры» следует понимать как «люди, говорящие на шумерском языке». Соответственно, семиты – это те, кто использует семитский язык. Мы ничего не знали бы о существовании третьей языковой группы, если в древних текстах не появлялись бы личные имена и топонимы, которые нельзя отнести ни к шумерскому, ни к семитскому языкам. Кстати, именно по этой причине провалились все попытки понять, как складывались отношения между шумерами и семитами в иных (помимо языковой) областях, и дать им оценку.

Следует прояснить еще один момент: ни с научной, ни с повседневной точки зрения нельзя говорить о существовании шумерской расы. Черепы, обнаруженные в шумерских погребениях, являются как долихо-, так и брахицефальными и содержат смешанные черты, характерные для арменоидного и средиземноморского антропологических типов, при некотором преобладании последнего. Внешность людей, изображенных на различных памятниках, во многом условна и, соответственно, не имеет для антропологов какой-либо ценности. Большой, мясистый нос, огромные глаза, толстая шея и плоский затылок – признаки, которые на протяжении долгого времени считались определяющими для отнесения того или иного индивида к племени шумеров, также встречаются на статуях людей с типично семитскими именами, найденных в Мари, подавляющее большинство населения которого составляли семиты, в то время как для более реалистичных изображений, например шумерского правителя Лагаша Гудеа, характерны короткий прямой нос и длинная голова.

Сами по себе языковые данные являются неплохим источником для определения отношений, сложившихся между различными этническими группами. Например, греки, хетты и индоарии, хотя и были рассредоточены по довольно обширной территории, связаны друг с другом, так как говорили на индоевропейских языках и, возможно, имеют общую прародину где-то в Юго-Восточной Европе. Однако в случае с шумерами языкознание не в силах нам помочь. Шумерский язык агглютинативный – грамматические формы и производные слов в нем образуются посредством добавления к корню или основе слова различных морфем (аффиксов). Он относится к той же категории, что и многочисленные диалекты, на которых говорят от Венгрии до Полинезии, хотя и не походит ни на один из известных нам языков – ни современных, ни мертвых. Судя по их литературе, шумеры были очень интеллектуальным, трудолюбивым и глубоко религиозным народом, любящим иногда поспорить, но она не содержит ключа к разгадке их происхождения. События, описанные в шумерских мифах и легендах, происходят на фоне рек и болот, зарослей тростника, тамариска и среди пальмовых деревьев. Такой пейзаж является типичным для юга Ирака, из-за чего создается впечатление, будто шумеры всегда жили в этой местности. Ничто в их наследии не говорит нам, что их прародина находилась где-то за пределами Месопотамии.

Таким образом, мы вынуждены полагаться на данные археологии, иными словами, на материальный аспект шумерской цивилизации. Но здесь встает еще один вопрос: какую из этнических групп, благодаря которым месопотамские протоисторические культуры развивались так успешно, можно отождествить с жившим в историческую эпоху населением, говорившим на шумерском языке? Изложенная таким образом, данная проблема не имеет решения, так как мы не знаем, на каких языках говорили жители Месопотамии до урукского периода. К ответу на этот вопрос можно прийти только путем значительного обобщения, благодаря интуиции. Или просто строить догадки. В целом ученых, пытавшихся найти его,

можно разделить на две группы. Некоторые из них считают, что шумеры пришли в Месопотамию в урукский период; другие полагают, что они жили в этом регионе уже в убейдский период.

Нам не следует подробно останавливаться на описании приводимых ими доводов, но необходимо отметить, что мы склонны согласиться со сторонниками второй теории. Впервые шумерская письменность действительно появилась в конце урукского периода, но это не значит, что прежде в Месопотамии не говорили на шумерском языке. Кроме того, в литературе Древней Месопотамии встречаются топонимы, не являющиеся ни шумерскими, ни семитскими. Но значит ли это, что своим появлением они обязаны более древнему населению, жившему здесь в одиночку? Кто, как и в случае со сменой типа керамики, ознаменовавшей начало урукского периода, может с уверенностью говорить о том, что это явление было вызвано иноземным вторжением, произошло благодаря влиянию других племен или было всего лишь данью изменившейся местной моде? Во всем, за исключением керамики, урукская культура кажется преемницей существовавших в убейдский период. В частности, весьма примечательна неизменность религиозных представлений. Приведем лишь один из многочисленных примеров. Толстый слой рыбьих костей, покрывавший полы храмов убейдского времени, найденных в Эриду, позволяет нам с почти полной уверенностью говорить, что там уже поклонялись шумерскому богу воды Энлилю.

Можем ли мы заглянуть глубже в прошлое? Если опираться на данные, полученные в ходе изучения керамики, жители Месопотамии убейдского периода пришли туда из Ирана. Другие имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что по крайней мере на севере Ирака они вели себя как завоеватели и навязывали свой образ жизни местному населению. С другой стороны, керамика, найденная в Эриду, позволяет предположить: первые обитатели юга страны каким-то образом были связаны с носителями как убейдской, так и распространенной на севере халафской культуры, словно они были различными ветвями одного и того же племени. Последние, в свою очередь, могут происходить от неолитических земледельцев из Хассуны и Джармо.

Таким образом, чем дальше в прошлое мы пытаемся заглянуть в поисках решения данной проблемы, тем сильнее она истончается и исчезает в глубинах веков. Некоторые даже не уверены, что эта проблема вообще существует. Как и все мы, шумеры были разными и, очевидно, являлись потомками различных племен. Как и наша, их цивилизация представляла собой смешение иноземных и местных элементов. Их язык принадлежит к достаточно обширной языковой группе, и можно искать его корни по всей Западной Азии и даже дальше. Соответственно, они могут относиться к ветви населения, занимавшего значительную часть Ближнего Востока в эпохи раннего неолита и халколита. Другими словами, вполне вероятно, что эти люди «всегда» присутствовали в Ираке. Это, пожалуй, все, что мы можем сказать. Как написал один из наиболее выдающихся востоковедов, «крайне спорная проблема происхождения шумеров вполне может превратиться в погоню за химерами».

Глава 6

Боги Шумера

Каким бы ни было происхождение шумеров, нет никаких сомнений в том, что сама их цивилизация уходит корнями в доисторическое прошлое самого Ирака. Она отражала настроения и стремления стабильного, консервативного общества земледельцев, которое всегда составляло костяк страны. По своему происхождению и сущности она была подлинно месопотамской. Именно по этой причине она пережила шумеров, которые прекратили свое существование как народ около 2000 г. до н. э. Ее адаптировали и с незначительными изменениями восприняли амореи, касситы, ассирийцы и халдеи, последовательно правившие в Месопотамии после шумеров. Таким образом, ассиро-вавилонская цивилизация, существовавшая во 2—1-м тыс. до н. э., несильно отличается от предшествовавшей ей. Под каким углом мы ни стали бы ее рассматривать, мы везде увидим шумерскую модель, на

основе которой она сформировалась.

Это отчасти справедливо и для религии. На протяжении более чем трех тысячелетий богам Шумера поклонялись как сами шумеры, так и семиты. В течение этого же времени религиозные представления, созданные шумерами, играли крайне важную роль в общественной и личной жизни обитателей Месопотамии, влияя на формирование их институтов, произведения искусства и литературы, а также на жизнь всего населения, начиная с царя и заканчивая последним его подданным. Ни в одном другом древнем обществе религия не занимала столь важное место, так как только жители Месопотамии в огромной степени зависели от воли богов. Центром шумерского общества был храм, а само оно изначально являлось теократическим, что имело весьма масштабные и существовавшие на протяжении длительного времени последствия. Например, земля всегда считалась принадлежащей богам, и могущественные ассирийские правители, владения которых простирались от Нила до Каспийского моря, были смиренными слугами своего верховного бога Ашшура. То же относится и к царям Лагаша, правившим Шумером, площадь которого составляла всего несколько квадратных километров, и поклонявшимся богу Нингирсу. Конечно, это не значит, что в истории Древнего Ирака (как и любой другой страны) не играли ни малейшей роли хозяйство и человеческие страсти. Однако нам не следует ни забывать о религиозных мотивах, ни приуменьшать их значение. Для того чтобы перейти к рассказу об исторической эпохе, который мы вскоре начнем, нам следует вкратце охарактеризовать шумерский пантеон и религиозные представления.

Шумерский пантеон

Мы черпаем знания о религиозных и морально-этических представлениях жителей Древней Месопотамии из множества письменных источников: эпоса, мифов, описаний ритуалов, гимнов, молитв, заклинаний, списков богов, собраний наставлений, пословиц и т. д., которые происходят в основном из трех различных мест: библиотеки ниппурских жрецов (Ниппур был религиозным центром Шумера), а также дворцовой и храмовой библиотек в Ашшуре и Ниневии. Некоторые из этих текстов написаны на шумерском, другие, как правило, представляют собой ассирийские или вавилонские списки с шумерских оригиналов или их адаптации, а в некоторых случаях у них нет аналогов среди известных нам произведений шумерской литературы. Эти источники были написаны в промежуток времени между концом 3-м тыс. до н. э. и последними столетиями до рождения Христа, но мы вполне обоснованно можем утверждать, что в них отразилась устная традиция, восходящая к раннединастическому периоду (около 2800—

2400 гг. до н. э.), а возможно, и к более ранним временам, так как изображения некоторых божеств и мифологических сцен присутствуют на цилиндрических печатях и предметах мелкой пластики, относящихся к урукскому и протописьменному периодам. В нашем распоряжении нет источников, которые могли бы пролить свет на ситуацию, сложившуюся в более ранние периоды, но непрерывавшаяся преемственность традиций в архитектуре, строительстве новых храмов над старыми на том же священном участке свидетельствуют о том, что по крайней мере некоторым шумерским богам поклонялись на юге Ирака уже в убейдский период.

В ходе постепенного развития цивилизации в Месопотамии появилась категория людей, занимавшихся решением проблем, связанных с происхождением мира, добром и злом, смертью и загробной жизнью. Образование религиозных идей и их облечение в форму мифов, несомненно, происходили крайне медленно, а занимались этим одновременно несколько жреческих «школ». Однако каким-то образом в итоге была достигнута договоренность и сформулированы общие принципы, и, в то время как в каждом городе были свои бог-покровитель и набор местных легенд, жители всей страны поклонялись богам из одного пантеона. Сообщество богов было организовано по тому же принципу, что и людское. Небеса были населены сотнями крайне могущественных человекоподобных существ, и

каждый из этих богов выполнял определенную функцию или «заведовал» конкретной сферой жизни. Например, один из них отвечал за небо, другой – за воздух, а третий – за воду и т. д., вплоть до самых скромных покровителей плугов, кирпичей и киркомотыг. Выражение «отвечал за» на самом деле является не совсем точным, так как шумеры верили: у каждого элемента или категории предметов есть некое подобие личности, набор качеств, собственная «воля». Боги олицетворяли именно эти силы, неотъемлемо свойственные природе. Эти боги, подобно греческим, имели вполне определенный внешний облик и все качества и недостатки, характерные для людей. Будучи очень умными, они иногда исчерпывали свои запасы идей; в целом справедливые, они также были способны на злые мысли и поступки; подверженные любви, ненависти, гневу, ревности и всем прочим человеческим страстям, боги ели, пили и бывали пьяны; они ссорились и сражались друг против друга, страдали, могли получить ранения или даже умереть, то есть продолжить свое существование в загробном мире. Если говорить вкратце, то они олицетворяют собой все лучшие и худшие человеческие качества, но на сверхъестественном уровне.

Боги Месопотамии обладали разным статусом. Многие из них были лишь незначительными божествами, имевшими в лучшем случае лишь небольшое святилище на углу улицы. Других, таких как Шара и Забаба, боги-покровители Уммы и Киша соответственно, считали великими только в «подведомственных» им городах-государствах, подобно тому как правители обладают могуществом только в рамках своих владений. Третьи, хотя и особо почитались в определенных городах, благодаря своей природе были объектами всеобщего поклонения. К их числу, например, относились бог луны Нанна, которого семиты называли Сином, покровитель Ура, а также его сын Уту (семитский Шамаш), бог Ларсы и Сиппара. Оба они рассеивали тьму, то есть обладали качеством, важным для каждого человека. При этом, в то время как бог луны заглядывал в темное будущее и «знал судьбы всех», бог солнца «отделял праведных от порочных», так как наполнял землю слепящим светом. К той же категории относились бог-воин Нинурта, «богиня-мать» Нинхурсаг и могущественная богиня любви и плодородия Инанна, более широко известная под своим семитским именем – Иштар, со своим супругом Думузи.

Думузи (Таммуз семитов) заслуживает отдельного упоминания, так как на протяжении долгого времени считалось, будто он был богом растительности, умиравшим и воскресающим каждый год, что символизировало исчезновение травы и зерна летом и их последующее появление весной. Это предположение основывалось на группе вавилонских текстов, известных как «плачи о Таммузе», в которых в стихотворной форме оплакивается смерть бога, на неверной трактовке шумерско-аккадского мифа о нисхождении Инанны (Иштар) в загробный мир и содержащихся в поздних источниках сведениях о культе Адониса-Тамму-за, распространенном среди финикийцев в конце 1-го тыс. до н. э. Однако позднее благодаря более верному прочтению шумерского эпоса и тщательному повторному изучению всех имеющихся в нашем распоряжении источников такие выдающиеся исследователи, как Крамер, Якобсен и Фалькенштайн, пришли к выводу, что Думузи не был воскресающим богом, что Инанна не выпускала его из загробного мира и что он был приведен туда силой, должен был занять ее место и не возвращаться домой. Таким образом, очевидно, что по крайней мере в данном случае следует отказаться от идеи об умирающем и воскресающем боге, столь дорогой сердцам некоторых историков религии. Однако нельзя отрицать, что Думузи, в котором следует видеть исключительно хтоническое божество, был тесно связан с растительностью, мелким и крупным рогатым скотом, а его союз с богиней любви можно считать типичным элементом культа плодородия, существовавшего у всех жителей Ближнего Востока с эпохи неолита.

При этом следует обратить внимание: в Шумере за производительные силы природы «отвечала» не одна божественная чета. То, что делали Инанна и Думузи для Урука, своей основной резиденции, иные боги (не обязательно обладавшие ярко выраженными земледельческими или сексуальными функциями) могли совершать для других городов. Считалось, что каждый город-государство должен самостоятельно обеспечить плодородие

своих полей, плодovitость женщин и скота с помощью священного брака между его богом-покровителем и одной из почитаемых в нем богинь. Эта свадьба, отмечавшаяся раз в год весной, была центральным событием празднования Нового года, который подробно будет описан ниже.

Наконец следует упомянуть трех наиболее могущественных богов шумерского пантеона – Ана, Энлиля и Энки.

Ан (Ану или Анум на аккадском) олицетворял всепоглощающую мощь небес, в честь которых он был назван, и возглавлял шумерский пантеон. Изначально этот бог, главный храм которого находился в Уруке, был самым могущественным во вселенной, прародителем и правителем всех остальных божеств. Подобно отцу, он разрешал их конфликты, и его решения, как и принятые царем, не оспаривались. При этом по крайней мере в классической шумерской мифологии Ан не играл важной роли в земных делах и бездейственно оставался на небе, будучи величественным, но довольно бледным персонажем.

В какой-то неизвестный период и по непонятной нам причине Энлиль, бог Ниппура, стал занимать доминирующее положение и в определенном смысле превратился в божественного покровителя всего Шумера. Намного позже ему пришлось уступить это место до того времени малоизвестному богу – покровителю Вавилона Мардуку. Однако Энлиля, несомненно, в меньшей степени можно назвать узурпатором, чем Мардука. Его имя буквально переводится как «Владыка-ветер», что, помимо всего прочего, подразумевает безграничность, движение и жизнь (дыхание). Энлиль вполне справедливо может претендовать на звание «небесной силы», отделившей землю от неба и таким образом создавшей мир. Теологи Ниппура сделали его также владыкой людей, царем царей. Ан все еще обладал царскими регалиями, но именно Энлиль избирал царей Шумера и Аккада и «возлагал на их головы священную корону». И, подобно хорошему правителю, сохраняющему порядок в своем царстве, бог воздуха мог удержать мир одним своим словом:

Без Энлиля, «Великой Горы»,
Не было бы возведено ни одного города, не было бы заложено
ни одного селения,
Не было бы построено ни одного хлева, не было бы устроено
ни одного загона,
Не возвысился бы ни один царь, не родился бы ни один
верховный жрец;
Ни один жрец «мах» и ни одна верховная жрица не были бы
избраны гаданием по внутренностям овцы.
У работников не было бы ни смотрителя, ни надсмотрщика...
Реки в паводок не разливались бы,
Рыбы морские не метали бы икру в зарослях тростника,
Птицы небесные не вили бы гнезд на земных просторах,
В небе летучие облака не отдавали бы свою влагу...

Личность третьего великого бога гораздо более загадочная и сложная. Дословно имя Энки можно перевести как «Владыка-земля». Однако, возможно, потому, что земля без воды не может приносить плодов, этот бог вскоре стал покровителем пресных вод, текущих в реках и каналах, тех, которые поднимаются из глубин в источниках и колодцах и приносят жизнь в Месопотамскую дельту. Семиты называли его Эа. Это шумерское слово можно перевести как «Дом (или Храм) вод». Энки обладал всеми качествами, характерными для живительной влаги: вездесущностью, прозрачностью, очищающими свойствами и функцией источника плодородия, но также, судя по легенде об Адапе, обманчивой подвижностью и вероломным обаянием. Эа-Энки, покровитель Эриду, помимо всего прочего, был богом ума и мудрости, «широкоухим, который знает все, что имеет имя». Он считался создателем и защитником искусства и ремесла, науки и литературы, покровителем магов, Великим

учителем и Великим надзирателем, который, упорядочив мир, созданный Энлилем, отвечал за его правильное функционирование:

Я «большой брат» богов, тот, кто приносит полный достаток.
Я хранитель анналов небес и земли,
Я слух и разум всех земель...

В Шумере было много других богов, игравших довольно важные роли. Некоторые из них будут упоминаться в последующих главах, но самыми могущественными из всех них были Ан, Энлиль и Энки. Они правили миром благодаря авторитету, силе и мудрости и составляли верховную триаду, отвечавшую не только за постоянное функционирование космоса, но и, как будет сказано ниже, за его создание.

Сотворение мира

Жители Месопотамии представляли землю в виде плоского диска, окруженного горным хребтом и плавающего в пресном океане, *абзу* или *ансу*. На этих горах покоился небесный свод, отделенный от земли атмосферой (*лиль*), по которому вращались космические тела. Под землей располагалась такая же полусфера, где находился загробный мир, населенный духами умерших. Наконец, вся вселенная (*анки* – «небо-земля»), подобно гигантскому пузырю, плавала в соленых водах безграничного, никем не созданного первозданного океана. На самой земле располагались Месопотамия и соседние регионы. По мнению вавилонян, в ее центре стоял Вавилон, а шумеры, возможно, локализовали там Ниппур.

Каким образом и кем был создан мир? На этот вопрос давались различные ответы, вероятно зависевшие от того, сторонником какой традиции был составитель того или иного текста. Согласно одной легенде, Ану создал небо, а Энки – *ансу*, свое обиталище. В другом мифе говорится, что мир был сотворен собранием всех богов (по иной версии, в акте творения приняли участие только четыре наиболее могущественных божества). В первых строках заклинания против «червя», вызывающего зубные боли, сказано, что Ану сотворил небо, создавшее землю, которая, в свою очередь, породила реки, а те – каналы, создавшие болота, несущие ответственность за появление «червя». Однако эти строки очень похожи на детский стишок «Дом, который построил Джек», и их не следует воспринимать слишком серьезно.

Большой интерес представляет версия этого мифа, созданная в Сиппаре, согласно которой могущественный вавилонский бог Мардук соорудил платформу (или плот) на поверхности воды. Затем он создал пыль и рассыпал ее вокруг платформы. Именно таким образом арабы, живущие на болотах Южного Ирака, создают искусственные острова, на которых затем строят свои тростниковые хижины.

В целом шумеры верили, что первобытный океан, олицетворением которого была богиня Намму, самостоятельно породил небо мужского пола и землю – женского, вступивших друг с другом в связь. Плод их союза, бог воздуха Энлиль, отделил небо от земли и вместе с ней породил всех живых существ.

Мнение о том, что именно океан стал тем изначальным элементом, из которого появилась вселенная, и что свою форму она приобрела из-за того, что некая внешняя сила отделила небо от земли, в целом разделяли жители и Шумера, и Вавилонии, и Ассирии. На нем основан наиболее полный и целостный из имеющихся в нашем распоряжении рассказов о сотворении мира – выдающийся вавилонский эпос «Энума элиш», получивший название по своему первому предложению («Когда вверху...»). Но вавилонская версия мифа о происхождении мира имеет более глубокий философский подтекст. Согласно этой космогонии, творение было не началом, а концом, не беспричинным и необъяснимым деянием одного божества, а результатом вселенской битвы, непреложной и вечной борьбы между двумя противоположностями – добром и злом, порядком и хаосом.

«Энума элиш» – длинный эпос, записанный на семи табличках и изначально сочиненный в старовавилонский период (начало 2-го тыс. до н. э.), хотя все найденные к настоящему времени списки были сделаны на протяжении 1-го тыс. до н. э. В большинстве списков основную роль играет Мардук, бог – покровитель Вавилона, но в ассирийском варианте его имя заменено на принадлежащее Ашшуру. С другой стороны, в одном из фрагментов поэмы Мардук назван «Энлилем богов». Как нам известно, он «присвоил» положение и привилегии шумерского бога Энлиля. Соответственно, можно предположить, что изначально в этом эпосе говорилось об Энлиле, что вполне согласуется с упомянутой выше шумерской космогонией.

Месопотамские мифографы черпали вдохновение в собственной стране. Что мы увидим, встав туманным утром у современного иракского побережья, в устье Шатт-эль-Араб? Низко над горизонтом нависают облака; обильный поток пресной воды вытекает из-под земли, или, оставшаяся после разлива, она свободно смешивается с солеными водами Персидского залива; низкие илистые отмели, которые обычно образуют местный ландшафт, просматриваются только на несколько метров. Все вокруг: небо, море, земля – смешивается в туманном, бесцветном хаосе. Именно так создатели эпоса, нередко видевшие подобную картину, представляли себе начало мира. Когда еще ни у чего не было названия, то есть когда ничего не было создано, писали они, Апсу (пресные воды), Тиамат (соленая вода) и Мумму (облака) были беспорядочным, но единым целым:

Когда вверху не названо небо,
А суша внизу была безымянна,
Апсу первородный, всесотворитель,
Праматерь Тиамат, что все породила.
Воды свои воедино мешали,
Тростниковых загонов тогда еще не было,
Когда из богов никого еще не было,
Ничто не названо, судьбой не отмечено,
Тогда в недрах зародились боги...²

Когда поднимается солнце, описанный выше пейзаж меняется – из тумана появляются обширные участки земли, и вскоре становится видна четкая линия, отделяющая небо от воды, а ее – от земли. Согласно мифу, первыми из хаоса появились боги Лахму и Лахаму, олицетворяющие ил, затем – Аншар и Китар – горизонты неба и земли. Они породили Ану, а тот, в свою очередь, Эа (Энки). В то же время или вскоре после этого Апсу и Тиамат породили ряд менее значимых божеств, но о них в эпосе не сказано ничего, кроме того, что они были веселыми, буйными и шумными. Они «колебали чрево Тиамат» и настолько сильно досаждали своим родителям, что те решили уничтожить их.

Узнав об этом, могущественные боги Лахму и Лахаму, Аншар и Китар, Ану и Эа были шокированы и изумлены, «безмолвно сидели», несомненно думая, что изобилие жизни предпочтительнее, чем бесплодный беспорядок. Однако «всеведущий Эа» вскоре придумал, как сделать так, чтобы это злодеяние сорвалось. «Он создал образ, завершил и закончил», наложил на Мумму заклятие, парализовавшее его. Так же поступили и с Апсу – его усыпили и убили. Одержав эту победу, Эа удалился в свой храм, появившийся в глубинах пресных вод (апсу), и вместе со своей супругой Дамкиной зачал сына Мардука, обладавшего поистине выдающимися качествами:

Немыслимо облик его совершенен —
Трудно понять, невозможно представить.

2 Текст поэмы «Энума элиш» приводится по изданию: *Я открою тебе сокровенное слово...* Литература Вавилонии и Ассирии. М.: Художественная литература, 1981. (Примеч. пер.)

Четыре глаза, четыре уха!
Он рот раскроет – изо рта его пламя!
Он вчетырежды слышит мудрейшим слухом,
И всевидящи очи – все прозревают!
Средь богов высочайший, прекраснейший станом,
Мышцами мощен, ростом всех выше!

Тем временем Тиамат была жива и свободна. Охваченная гневом, она объявила богам войну. Она породила свирепых драконов и ужасных змей:

Остры их зубы, их клыки беспощадны!
Она ядом, как кровью, их тела напитала,
В ужас драконов свирепых одела...

Во главе этой ужасной армии Тиамат поставила своего сына Кингу. Боги были в ужасе. Аншар в горе «бьет свои чресла и кусает губы» и заявляет, что Кингу нужно предать смерти. Но кто сможет сделать это? Один за другим боги отказываются сражаться. Наконец Мардук соглашается, но ставит условие – он хочет стать их царем. «Соберите Совет, возвысьте мой жребий, – говорит он. – Мое Слово, как ваше, да решает судьбы...» У богов не было другого выхода, и им пришлось согласиться. Они собрались на пиру и, слегка опьяненные, наделили Мардука царской властью и регалиями. Тот выбрал себе оружие – лук, молнию, бурю, четыре ветра и сеть. Он сел на свою штормовую колесницу и отправился на бой с силами хаоса. Увидев Мардука, войско чудовищ разбежалось. Их предводитель Кингу был пойман. Что касается Тиамат, то Мардук поймал ее с помощью сети и, как только она открыла рот, вдул все четыре ветра ей в живот. Затем он проткнул ее сердце стрелой, разбил череп булавой и наконец раскрыл ее тело, как моллюска. Половину тела Тиамат он поднял и сделал небом, а другую опустил и превратил в землю.

Одержав победу, Мардук упорядочил мир. Установив на новом небе движение солнца, луны и звезд, он решил создать человечество:

Кровь соберу я, скреплю костями,
Создам существо, назову человеком.
Воистину я сотворю человек.
Пусть богам послужат, чтоб те отдохнули!

По совету Эа Кингу умертвили, и именно из его крови Мардук вместе со своим отцом создал первого человека. Затем он разделил богов на две категории: триста из них должны были жить на небе, а еще триста – на земле бок о бок с человечеством. В качестве награды за победу боги построили Мардуку в Вавилоне величественный храм, Эсагилу, и, собравшись на другом пиру, назвали его пятьдесят имен.

Какой бы наивной ни казалась эта история, вавилоняне придавали ей огромное значение, так как она давала их глубоко религиозному сознанию хотя и не рациональное, но все же приемлемое объяснение происхождения и построения вселенной. Помимо всего прочего, в ней объяснялись то, каким образом мир приобрел свой облик, природная слабость людей, созданных из крови злого Кингу, и огромная власть Мардука (изначально Энлиля), совершившего столь героическое деяние, а также приводилась причина, по которой люди должны служить богам. К тому же, помимо всего прочего, подобно священному браку, эта легенда имела огромную магическую силу. Каждый год на протяжении почти двух тысячелетий вавилонские жрецы читали «Энума элиш» вслух на четвертый день празднования Нового года, так как вавилоняне считали, будто описанная в ней битва не заканчивалась и что силы хаоса всегда готовы бросить вызов созданному богами порядку.

Жизнь, смерть и судьба

Торговля между людьми и богами, как и между самими людьми, имела свои рамки. Если царь напрямую выполнял приказы Мардука, то вавилонские крестьяне находились в более близких отношениях с богиней ячменя Ашнан или богом скота Шакканом, чем с Ану или Энлилем. Кроме того, в месопотамском пантеоне было достаточно божеств для того, чтобы покровительствовать важным событиям в жизни людей. В случае необходимости можно было призвать покровительницу рожениц Гулу или защитника путешественников Пасагу и сделать им подношение финиками. Если случалась беда, люди обращались к более могущественным богам через жрецов или с помощью своего личного бога-покровителя, который, как считалось, подобно ангелу-хранителю, стоит за спиной каждого мужчины или женщины.

Шумеры, вавилоняне и ассирийцы относились к богам так же, как слуги – к хорошим хозяевам, – с покорностью и страхом, но в то же время с восхищением и любовью. Одним из лучших качеств как царя, так и простого общинника считалась способность подчиниться божественным приказам, так как служение богам было их основной обязанностью. В то время как проведением различных торжеств и сложных ритуалов занимались жрецы, каждый житель должен был передавать в храмы подношения, посещать основные религиозные церемонии, заботиться об умерших, каяться и соблюдать бесчисленное множество правил и табу, имевших отношение практически к каждому моменту жизни. Здравомыслящий человек «боялся богов» и скрупулезно следовал этим предписаниям. Поступать иначе считалось не только глупым, но и грешным делом, а грех, как все знали, мог повлечь за собой самую ужасную кару. Однако считать, будто месопотамская религия – это нечто исключительно формальное, совершенно неправильно. В текстах гимнов и молитв отразились искренние чувства и подлинные эмоции. Жители Месопотамии были уверены в своих богах, доверяли им, подобно тому как дети верят родителям, говорили с ними, называя «настоящими отцами и матерями», которые могут обидеться и наказать, но в то же время которых можно умолюбить и получить от них прощение.

Месопотамские боги требовали от верующих не только соблюдения религиозных предписаний, совершения подношений и жертвоприношений. «Сделать так, чтобы их сердца блистали от возлияния», заставить их «ликовать при виде прекрасной пищи» считалось делом достойным, но этого не было достаточно. Боги благоволит к тем, кто вел праведную жизнь, был хорошим родителем, сыном, соседом, горожанином и кому не были чужды такие же добродетели, как те, что ценятся сегодня: доброта и сострадание, праведность и чистосердечие, справедливость, уважение к закону и существующему порядку. В одном из вавилонских текстов, помимо совета поклоняться богам, содержатся следующие:

Будь добр к ничтожным,
Не оскорбляй погранных,
Совершай щедрые поступки, оказывай помощь каждый день,
Не клевети, передавай лишь благие новости,
Не произноси дурного, говори людям хорошее.

В качестве вознаграждения за благочестивость и хорошее поведение боги помогали людям и защищали их от опасности, утешали в беде и при тяжелых утратах, даровали им здоровье, хорошее положение в обществе, богатство, многочисленных детей, долгую жизнь и счастье. Конечно, с христианской точки зрения такой подход не кажется таким уж выдающимся, но шумерам и вавилонянам этого было достаточно, так как они являлись практичными, довольно приземленными людьми, помимо всего прочего, любившими жизнь и наслаждавшимися ею. Самой желанной их мечтой была вечная жизнь, и в некоторых их мифах (в частности, об Адапе и в «Эпосе о Гильгамеше») содержится объяснение причин, по которым люди лишились этой привилегии.

Бессмертными были только боги. Для людей смерть была неизбежна, и они вынуждены были принять это:

Только боги с Солнцем пребудут вечно,
А человек – сочтены его годы,
Что б он ни делал, – все ветер³.

Что происходило после смерти? Судя по обнаруженным археологами тысячам захоронений с погребальным инвентарем, обитатели Месопотамии считали, что умершие могут взять с собой в загробную жизнь самое ценное из своего имущества и получать от живых питье и пищу. Но сведения о месопотамской эсхатологии, которые мы можем извлечь из мифа о нисхождении Инанны в загробный мир или шумерского цикла о Гильгамеше, немногочисленны и нередко противоречат друг другу. «Страну, откуда нет возврата» представляли в виде обширного пространства, находящегося где-то под землей. Там стоял огромный дворец Эрешкигаль, шумерской Персефоны, и ее супруга Нергала, бога войн и эпидемий, окруженных другими божествами и стражами. Как и в греческом Аиде, чтобы достичь этого дворца, души умерших должны были перебраться через реку на пароме и снять с себя одежду. Затем они вели тоскливую и жалкую жизнь в месте,

Где их пища – прах и еда их – глина,
А одеты, как птицы, – одеждою крыльев,
И света не видят, но во тьме обитают,
А засовы и двери покрыты пылью.

В то же время из других источников мы узнаем, что солнце освещает загробный мир, когда обходит землю кругом и что бог Уту судит умерших, а значит, очевидно, не все они разделяли столь жестокую судьбу. Вероятно, шумерские представления об аде были не менее туманны, чем наши, а значительная часть этих литературных произведений представляет собой набор поэтических рассуждений на довольно расплывчатую тему.

Однако смерть не была единственной заботой жителей Месопотамии. Как и мы, они знали болезни, бедность, крах надежд и печаль и, подобно нам, спрашивали себя: почему все это происходит, если миром правят боги? Почему зло побеждает добро? Сплетенная вокруг человека сеть правил и запретов была настолько тесной, что ему проще всего было грешить и оскорблять богов. Бывали случаи, когда каре подвергались люди, чье поведение было безукоризненным, когда невозможно было найти объяснение поведению богов. В вавилонской поэме «Владыку мудрости хочу восславить...» («Невинный страдалец») говорится о чувствах человека, некогда бывшего знатным, богатым и здоровым, а теперь разорившегося, ненавидимого всеми и страдающего от самых ужасных болезней. В итоге Мардук сжалился над ним и спас его, но тот, несомненно, успел усомниться в мудрости Небес. Охваченный горем, он произносит:

Кто же волю богов в небесах постигнет?
Мира подземного кто угадает законы?
Бога пути познает ли смертный?
Кто был жив вчера, умирает сегодня,
Кто вчера дрожал, сегодня весел.
Одно мгновенье он поет и ликует,
Оно прошло – он горько рыдает!
Как день и ночь, их меняются лики:

³ Здесь и далее перевод «Эпоса о Гильгамеше» цитируется по изданию: *Библиотека Всемирной литературы*. Т. 1. Поэзия и проза Древнего Востока. М.: Художественная литература, 1973. (Примеч. пер.)

Когда голодны, лежат, как трупы,
Наелись – равняют себя с богами!
В счастья мнят себя на небе,
Чуть беда, – опустился и мир подземный.
Вот что воистину непостижимо⁴.

Однако знаменитый месопотамский «пессимизм» был чем-то большим, чем периодическими выплесками разочарования. Он обладал метафизической, а не этической природой и уходил корнями в природные условия самой Месопотамии. В долине Тигра и Евфрата происходят резкие и непредсказуемые перемены. Реки, дающие жизнь, могли принести с собой и катастрофу. Зимы могли быть слишком холодными или засушливыми, а летом мог дуть слишком сильный ветер. Ливень в мгновение ока мог превратить опаленную солнцем и покрытую пылью равнину в грязевое море, а в ясный денек могла внезапно налететь песчаная буря, заслоняющая небо и опустошающая все вокруг.

Вынужденные постоянно сталкиваться с этими проявлениями божественных сил, жители Месопотамии чувствовали себя сбитыми с толку и беспомощными, были охвачены ужасом и тревогой. По их мнению, все могло в любой момент измениться. Собственная жизнь каждого человека, жизнь членов его семьи, урожай, который давали его поля, приплод скота, ритм и обилие разливов рек, смена сезонов и само существование вселенной постоянно находились под угрозой. То, что космос не вернулся в состояние хаоса, более или менее поддерживался миропорядок, человечество выжило, после удушающей летней жары жизнь снова возвращалась на поля, солнце, луна и звезды продолжали двигаться по небу, считалось проявлением воли богов. Но божественное решение не принималось раз и навсегда при создании той или иной вещи. Его нужно было повторять снова и снова, особенно при смене года, перед началом ужасного восточного лета, когда природа, казалось бы, умирает и будущее покрыто пеленой неизвестности.

Человек в этой критической ситуации мог только пытаться повлиять на решение богов и обеспечить их доброе расположение, совершая не изменявшиеся на протяжении многих столетий ритуалы, обеспечивавшие сохранение порядка, возрождение природы и постоянство жизни. Поэтому каждую весну во многих городах, особенно в Вавилоне, устраивали величественную и трогательную церемонию – *акиту*, празднование Нового года, во время которого совершался священный брак богов, повторялись события мифа о сотворении мира и происходило ежегодное утверждение власти царя. Кульминацией этого праздника было собрание всех богов, торжественно «повелевавших судьбами». Только после этого царь мог вернуться на трон, пастух – к своему стаду, а крестьянин – на поле. Жители Месопотамии успокаивались, веря, что мир простоит еще год.

Глава 7 Эра героев

Шумеры строили теории о происхождении вселенной, но в то же время, к несчастью, почти ничего не писали о собственных корнях. В нашем распоряжении, конечно, имеется миф, в котором говорится о чистой и яркой стране, где некогда были неизвестны смерть, болезни и горести, где:

...Ворон не каркает.
Птица *иттиду* не кричит.
Лев не убивает,
Волк не хватает ягненка,
Дикая собака, пожирательница козлят, здесь не живет...

4 Перевод В.К. Афанасьевой. (Примеч. пер.)

В легенде эта чудесная земля называется Дильмун. В результате анализа источников ее обычно отождествляют с Бахрейном – островом, расположенным в Персидском заливе. Однако в данном случае речь идет скорее о каком-то далеком воображаемом месте, чем о Бахрейне. Более того, в мифе о стране Дильмун не сказано, что именно она была родиной шумеров. В действительности они, подобно многим древним народам, считали свою страну центром вселенной, а себя – прямыми потомками первых людей. Одну и ту же идеограмму они использовали для обозначения слов *калам*, «страна» (то есть Шумер), и *уку*, «люди» (в целом) и «жители Шумера» (в частности). Примечательно, что другая идеограмма, с помощью которой выписывалось слово «страна», представляет собой изображение горы и изначально использовалась для обозначения только чужих земель. Совершенно ясно: шумеры связывали себя с древнейшим населением Месопотамии и вообще с первыми обитателями Земли. Какой в таком случае, по их мнению, была доисторическая эпоха их страны?

От Адама до потопа

В предыдущей главе уже говорилось о содержащемся в вавилонском мифе о сотворении мира рассказе о создании первого человека из крови злого бога Кингу. Согласно другим мифам, боги сделали одного или двоих людей из глины, из крови младших божеств либо из обоих этих веществ. Однако нигде больше не говорится, что затем происходило с этими адами и евами. У описанных и процитированных выше произведений шумерской литературы не было ничего общего с библейской легендой о потерянном Рае. Для того чтобы узнать, как выглядела месопотамская версия рассказа о падении человека, нам следует обратиться к вавилонской литературе, а именно к относительно позднему мифу об Адапе.

Созданный богом Эа (Энки) как образец человека, он был жрецом в Эриду и выполнял различную работу в храме этого бога, причем основной его обязанностью было снабжение своего повелителя пищей. Однажды Адапа отправился рыбачить на «большое море». Внезапно южный ветер подул с такой силой, что лодка рыбака опрокинулась, а сам он едва не утонул. Охваченный гневом, Адапа проклял южный ветер, большую демоническую птицу, из-за чего ее крылья сломались и на протяжении долгого времени он «дул не на землю». Южный (точнее, юго-восточный) ветер очень важен для земледельцев, живущих на юге Ирака, так как зимой он приносит дожди, а летом способствует созреванию фиников.

Узнав, что натворил Адапа, великий бог Ану страшно разозлился и послал за преступником. Но Эа пришел на помощь Адапе. Бог сказал ему, что, прибыв к воротам Ану на небесах, он встретит двух богов плодородия: Думузи и Нингиззида (которых Адапа, очевидно, косвенно «убил», остановив южный ветер). Если он будет скорбеть и показывать, что искренне раскаивается, боги простят его, «улыбнутся» и даже заступятся за Адапу перед Ану. После этого могущественный бог станет обращаться с ним не как с преступником, а как с гостем. По восточному обычаю Ану предложит Адапе еду и питье, одежду, которую тот смог бы надеть, и масло, чтобы намазать тело. Эа сказал, что одежду и масло Адапа может принять, а насчет еды и питья предупредил:

Хлебы смерти тебе предложат,
А ты не ешь;
Воду смерти тебе предложат,
А ты не пей...
Моего веленья ты не забудь;
Слова, что сказал я, держись крепко!

Все произошло так, как сказал Эа, и даже более того: Ану, несомненно тронутый раскаянием и чистосердечным признанием Адапы, дал ему вместо хлеба и воды смерти хлеб и воду жизни. Но тот, следуя совету своего господина, отказался от даров, которые должны были сделать его бессмертным. Поэтому Ану отпустил его, сказав лишь: «Возьмите его,

отведите обратно на землю». Мы не знаем, подвела ли Эа его хваленая дальновидность, или он намеренно лгал Адапе. Но в итоге последний лишился своего права на бессмертие, так как слепо повиновался богу. Вспомним, что с Адамом это произошло, наоборот, из-за самонадеянного послушания. В обоих случаях человек сам приговорил себя к смерти.

Библейская легенда не является точным повторением этого рассказа, так как, даже если предположить, что Адапа был месопотамским Адамом, в мифе о нем отсутствует упоминание длинного перечня потомков, связывающего первого человека с истинным предком евреев – Авраамом. Шумеры не испытывали сильной любви к генеалогии, столь характерной для кочевников-семитов. На свою историю они смотрели под несколько другим углом. По их мнению, боги создавали человечество для выполнения вполне конкретной задачи – чтобы кормить их и служить им. Сами боги подробно определили, как это должно было происходить, «улучшили обряды и возвысили божественные повеления».

Однако человечество было многочисленной, но довольно недалекой паствой. Ему нужны были пастыри, правители, цари-жрецы, избранные и назначенные богами, чтобы претворять в жизнь божественные законы. Таким образом, очень давно, возможно сразу вскоре после создания человечества, «с небес были спущены величественная корона и царский трон». С тех пор по воле и ради процветания богов судьбы Шумера и Аккада определяли многие поколения правителей. Таким образом – с помощью обращения к очень далекому прошлому – обосновывалась божественная природа власти царя, в которую верили в Месопотамии начиная с 3-го тыс. до н. э.

Некоторые современные исследователи придерживаются иной точки зрения – они полагают, что изначально в Шумере существовала другая система организации власти, названная ими «примитивной демократией». По их мнению, царская власть появилась там сравнительно поздно, когда военачальники (*лугали*), прежде выбиравшиеся народным собранием на непродолжительное время, в течение которого имел место тот или иной кризис, окончательно сконцентрировали в своих руках всю власть над городом-государством. Эту теорию, впервые выдвинутую Т. Якобсеном из Чикаго и широко поддерживаемую учеными из США, нелегко опровергнуть. Ее справедливость подтверждает фрагмент «Энума элиш», в котором боги избирают Энлиля (Мардука) своим владыкой, чтобы он выполнил определенную задачу – выступил против Тиамат, и в котором вполне могли отразиться события, происходившие при аналогичных обстоятельствах в обществе людей. У нас также нет сомнений в том, что в Шумере раннединастического периода важную роль в управлении каждым городом играли местные собрания, особенно те, в которых участвовали люди старшего возраста.

Однако, как указывают другие шумерологи, эти собрания (*укин*), очевидно, были сугубо совещательными органами и созывались правителем в исключительных случаях, в связи с чем слово «демократия» в данном контексте использовать не следует. Имеющиеся в нашем распоряжении источники не подтверждают предположение о том, что в истории Шумера был период, когда городами-государствами управляли коллективные органы. В них, наоборот, приводится лишь длинная цепочка правителей, которые подчинялись власти одних лишь богов.

В нашем распоряжении имеется источник, содержащий непрерывный перечень царей начиная с установления царской власти и заканчивая XVIII в. до н. э. Это знаменитый Шумерский царский список, составленный на основе примерно 15 различных списков и превосходно изданный Т. Якобсеном в 1939 г. Значение этого источника сложно переоценить. В нем не только собраны шумерские традиции, но и содержится прекрасная хронологическая шкала, с которой можно соотнести события большинства легенд о шумерской эре героев. У шумеров, как и у греков, индийцев и германцев, была своя эпоха героев, полубогов и богоподобных царей, которые были равны богам и совершали потрясающие подвиги. Только относительно недавно стало понятно, что по крайней мере некоторые из этих героев являются мифологическими персонажами лишь отчасти и существовали в действительности.

Согласно Шумерскому царскому списку, впервые «царствие было ниспослано с небес»

в город Эриду, что вполне примечательно, так как именно там, как сказано выше, были обнаружены следы древнейшего на юге Ирака шумерского поселения. Затем, через 64 800 лет, на протяжении которых в Эриду правили всего лишь два царя, по неизвестной причине престол был перенесен в Бад-Тибиру (там царствовали на протяжении 108 000 лет три правителя, одним из которых был сам бог Думузи). Из Бад-Тибиры он «переехал» в Ларак (один царь, 28 800 лет), Сиппар (один правитель, 21 000 лет) и Шуруппак (один царь, 18 600 лет) соответственно. Эти огромные цифры, поразительно напоминающие приведенный в Библии возраст потомков Адама, не имеют скрытого смысла. Они просто являются выражением широко распространенной идеи о золотом веке, когда люди жили намного дольше и обладали поистине сверхъестественными способностями.

Еще более тесные ассоциации с Ветхим Заветом возникают при виде короткого предложения, которое в тексте источника написано после имени Убар-Туту, царя Шуруппака, и является последним в пятом разделе Шумерского царского списка: «Затем потоп смыл (страну)». Здесь нам следует прервать повествование и обратиться к рассказу об одной из наиболее спорных и в то же время захватывающих проблем археологии и мифологии Месопотамии – о великом потопе.

Великий потоп

В 1872 г. Джордж Смит, пионер британской ассириологии, объявил пораженному мировому сообществу, что обнаружил среди множества других табличек, найденных в библиотеке дворца Ашшурбанипала и хранящихся в Британском музее, содержащую описание потопы, поразительно похожего на тот, о котором говорится в Библии (Быт., 7: 10–24). Найденный им рассказ представлял собой всего лишь фрагмент длинной поэмы, записанной на 12 табличках и известной нам как «Эпос о Гильгамеше», о которой будет сказано ниже. Герой этого эпоса, царь Урука Гильгамеш, ищет секрет бессмертия и в итоге встречает Ут-напшима, единственного человека, получившего дар бессмертия и, кстати, приходящегося сыном царю Шуруппака Убар-Туту. Приведем краткий пересказ истории, которую он поведал Гильгамешу.

Когда-то давно, когда Шуруппак уже был древним городом, боги решили устроить на земле потоп, чтобы уничтожить грешное человечество. Но Эа сжалился над Ут-напшима и, тайно обратившись к нему через тонкую стену его тростниковой хижины, посоветовал ему разобрать свой дом, бросить все имущество, построить корабль определенной формы, погрузить на него «все живое» и подготовиться к худшему. На следующий день Ут-напшим начал работу над ковчегом, и вскоре огромное семипалубное судно было готово. Его замазали битумом и нагроулили золотом, серебром, животными, членами семьи Ут-напшима, его родственниками и работниками.

Когда «страшно глядеть на погоду» стало, наш вавилонский Ной понял, что начался потоп. Он взобрался на корабль и закрыл за собой дверь. Затем «едва занялось сияние утра, / С основания небес встала черная туча», за которой последовали самые сильные ветер, дождь, молнии и гром, когда-либо виденные человеком. Рвы переполнились, земля погрузилась во тьму. Даже богов охватил ужас, и они начали сожалеть о содеянном:

Боги потопы устрашились,
Поднялись, удалились на небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.
Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
«Пусть бы тот день обратился в глину,
Раз в совете богов я решила злое,
На гибель людей моих войну объявила?
Для того ли рожаю я сама человеков,

Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!»
Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю...

Однако на седьмой день буря утихла. Ур-напиштим сказал:

Я открыл отдушину – свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море – тишь настала,
И все человечество стало глиной.

Ковчег пристал к горе Ницир, удержавшей его, но за ней не было видно земли. Через неделю Утнапиштим выпустил голубя, но тот вернулся. Затем он выпустил ласточку, но и она прилетела обратно. Он выпустил ворона, и тот не вернулся – нашел землю. Тогда Утнапиштим совершил на вершине горы возлияние и сделал подношение богам, воскурив мирт, тростник и кедр:

Бога почуяли запах,
Боги почуяли добрый запах,
Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.

Если, например, Иштар возрадовалась, то Энлиль, устроивший потоп, не смог смириться с тем, что его планы были разрушены, разгневался и стал винить во всем Эа. Но тот настолько хорошо выступил в защиту себя и человечества, что Энлиль смиловился. Он взшел на корабль и благословил Ут-напиштима и его супругу, сказав:

Доселе Ут-напиштим был человеком,
Отныне ж Ут-напиштим нам, богам, подобен,
Пусть живет Ут-напиштим при устье рек, в отдаленье!

Нет ничего удивительного в том, что новость о публикации Джорджем Смитом этого текста вышла на первых полосах всех газет того времени. Однако впоследствии были найдены клинописные тексты, содержащие другую версию мифа о потопе, хуже сохранившуюся, но более древнюю, чем содержащаяся в эпосе о Гильгамеше, записанном в Ниневии в VII в. до н. э. Имя главного героя разнится. В шумерском тексте из Ниппура, датированном примерно 1700 г. до н. э., он назван Зиусудрой, в то время как в чуть более позднем вавилонском эпосе оно звучит как Атрахасис, «Превосходящий мудростью» (возможно, такой эпитет носил сам Ут-напиштим). Однако если детали в различных версиях и отличаются, то общая фабула остается одинаковой: случается страшный потоп, и все люди, кроме одного (или двоих), погибают. В долгой истории человечества потоп символизирует определенный перелом, смену одного поколения людей на другое.

Конечно, сходство этого сюжета с описанным в Библии поразительно. Более того, вполне вероятно, что евреи позаимствовали древнюю месопотамскую легенду. Возникает вполне логичный вопрос: имеются ли в самой Месопотамии следы этого катаклизма?

Первым и пока единственным археологом, давшим положительный ответ на этот вопрос, стал покойный сэр Леонард Вулли. Между 1929 и 1934 гг., во время блестяще проведенных им раскопок в Уре, Вулли вырыл рядом со стеной внутреннего города, на территории знаменитого Царского некрополя раннединастического периода, несколько тестовых траншей. Пройдя несколько стратиграфических слоев, он достиг слоя толщиной 3,4 м, состоявшего из чистого наносного ила, в котором почти не было сделано находок.

Непосредственно над этим стерильным слоем и под ним были обнаружены фрагменты керамики и другие предметы, сделанные носителями убейдской культуры, а в самом низу траншеи лежал материк. «3 м ила, – пришел к выводу археолог, – мог нанести поток воды глубиной не менее 7,6 м. На плоской, низко расположенной Месопотамской равнине подобный потоп мог охватить территорию длиной почти 500 км и шириной более 160 км». Таким образом, Вулли нашел подтверждение того, что некогда произошло «наводнение, которому не было равных в более поздней истории Месопотамии» и что потоп, похоронивший в Уре поселение убейдского периода, можно сравнить с тем, который в Библии пишется с большой буквы «П». Это, по мнению Вулли, неудивительно, так как нам известно, что Авраам вышел из Ура Халдейского (Быт., 11: 28). Он вполне мог принести с собой в Ханаан рассказ о потопе, несомненно пользовавшийся в то время большой популярностью в Месопотамии, такой же, как история о рыцарях Круглого стола в средневековой Англии.

Это было слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, и никто в научных кругах, кроме самого Вулли, не принял его «открытие» всерьез, так как ни о масштабах потопа, ни о его историчности нельзя судить по толщине слоя ила, найденного в отдельно взятой местности. Если верить теории Вулли, наводнение должно было охватить почти весь Южный Ирак. Однако в Эриду, расположенном всего в 24 км от Ура, причем в низине, следы какого-либо потопа обнаружены не были. На других памятниках действительно были найдены слои ила, но их толщина, а также датировки разнятся. К примеру, «слой наводнения» в Кише относится к раннединастическому, а не убейдскому периоду. То же касается неглубоких аллювиальных отложений, найденных в Уруке, Лагаше и в Шуруппаке – городе, где жил сам Ут-напхтиштим. Исследователи предположили, что все эти стерильные слои возникли в результате наводнений локального характера и не являются свидетельствами того, что некогда в Ираке произошел глобальный потоп. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что данные археологии не подтверждают предположение, согласно которому в Месопотамии когда-либо было наводнение столь масштабное, что превратилось в настоящую катастрофу.

Но где в таком случае следует искать корни этой легенды? Исследователи предлагают разные ответы на данный вопрос. Например, вполне вероятно, что история, зародившаяся в одном или нескольких городах под влиянием особенно сильных разливов, в воображении восточного человека превратилась в легенду о глобальном потопе. Согласно другой версии, какой-то катаклизм вроде цунами или урагана, произошедший в Месопотамии, мог очень глубоко запасть в душу ее обитателей. Однако авторы этих теорий не учли два важных фактора:

1) в шумеро-вавилонских легендах и истории, содержащейся в Библии, говорится не о наводнении, а об очень сильных дождях;

2) легенда о Всемирном потопе характерна не только для Ближнего Востока, но и для других регионов, расположенных во всех частях света.

Таким образом, мы стоим перед выбором одного из двух объяснений: либо потоп является чистой воды вымыслом, созданным доисторическими людьми, чтобы «стереть» значительный пласт прошлого, либо он действительно имел место, но в очень глубокой древности. Люди застали проливные дожди, которые в субтропических странах, подобных Ираку, шли в эпоху плейстоцена вместо характерного для других территорий оледенения. Возможно, память о них передавалась из поколения в поколение, из уст в уста, чтобы в итоге превратиться в легенду об одной масштабной катастрофе. Каждая из этих гипотез имеет право на существование, но мы, очевидно, никогда не узнаем истину, и потоп, подобно затерянной Атлантиде, навсегда останется загадкой.

Династии сверхлюдей

После потопа, согласно Шумерскому царскому списку, царствие снова было спущено с небес, на этот раз в Киш, город, который в настоящее время представляет собой группу

телей, расположенную примерно в 16 км к востоку от Вавилона. В первую «династию»⁵ Киша вошли двадцать три правителя, каждый из которых царствовал на протяжении примерно тысячи лет. Пропустив имя одного царя, которое писец, составлявший перечень по сведениям, содержащимся в текстах на древних табличках, не смог прочитать, мы увидим, что 12 из 22 правителей носили семитские имена или прозвища, такие как Калибум, «Пес», Калумум, «Ягненок», Зукакип, «Скорпион», у шести из них были шумерские имена, а происхождение еще четырех имен нам неизвестно. Данный факт является крайне важным, так как свидетельствует об этнической смешанности населения Южного Ирака уже в столь раннее время, преобладании семитов в районе Киша и вероятном отсутствии соперничества между ними и шумерами в одном городе-государстве. Как будет сказано в следующей главе, у нас есть все основания полагать, что по крайней мере некоторые представители этой династии были историческими персонажами и правили вскоре после 2800 г. до н. э. Однако один из этих царей, Этана, «пастух, тот, что взошел на небеса, что утвердил все страны», определенно является мифологической фигурой. В нашем распоряжении имеются вавилонские или ассирийские таблички с текстами, содержащими более подробные сведения об этом Этане, и мы можем рассказать о нем подробнее.

История об Этане начинается с явного вымысла. Змей и орел жили на одном и том же дереве и помогали друг другу, как любые хорошие соседи. Но однажды орел сожрал потомство змея. Тот отправился жаловаться к богу солнца Шамашу, придумавшему следующую уловку: змей должен спрятаться в животе умершего быка и, когда орел придет, чтобы обглодать тушу, отомстит ему. Змей так и поступил, поймал орла, сломал его «пятку», ощипал его и бросил в яму. Некий Этана, не имевший детей и жаждавший найти «растение рождения», встретить которое можно было только на небесах, также воззвал к Шамашу, и тот посоветовал ему спасти орла, получить его дружбу и полететь на нем на небо. Этана так и поступил. «На грудь орла он положил свою грудь, на перья его крыльев он опустил свои ладони, на его бока он положил свои руки», и в таком неудобном положении наш герой отправился в головокружительный полет. Постепенно он стал замечать, что земля внизу стремительно уменьшается до размера борозды, а море – до размера корзины для хлеба. Но когда земля и море пропали из вида, Этана запаниковал. «Друг мой, я не буду подниматься на небо!» – вскричал он и, ослабив хватку, полетел головой вниз к земле, а за ним следовал орел. В этом месте текст, к сожалению, обрывается, но можно предположить, что Этана все-таки достиг своей цели, так как он не только прожил 1560 лет, но и, согласно Шумерскому царскому списку, сумел произвести на свет сына и наследника по имени Балих.

Судя по Шумерскому царскому списку, Агга, последний представитель I династии Киша, был убит в сражении с первым царем I династии Урука. Однако нам известно, что представители двух этих династий правили одновременно и что в действительности Агга был современником Гильгамеша, пятого царя Урука. Об этом мы знаем из короткой шумерской поэмы, в которой говорится о том, как Агга направил Гильгамешу ультиматум, требуя, чтобы Урук подчинился Кишу. Этот ультиматум был отвергнут, Урук оказался в осаде, но, увидев могучего Гильгамеша, выглядывавшего из-за стены, воины Киша устремились и сняли осаду. В итоге сам Агга вынужден был признать власть Гильгамеша, и Киш, как сказано в царском списке, подчинился Уруку.

Хотя преемники Гильгамеша правили только Уруком, а не всем Шумером, они все равно были выдающимися личностями: в источнике говорится, что Мескиаггашер, «сын бога Уту», «вышел в моря (и) взошел на горы», Энмеркар был тем, кто построил Урук, Лугальбанда назван пастухом, а последний из них, бог плодородия Думузи, – рыбаком.

Нам известны деяния по крайней мере двух последних героев и полубогов благодаря

⁵ Говоря о Месопотамии, слово «династия» следует употреблять в отличном от привычного нам значения «семья». Это последовательность царей, правивших в одном и том же городе в течение определенного промежутка времени. В Шумерском царском списке упоминаются только те династии, представители которых правили, один за другим, всем Шумером.

публикации четырех шумерских эпосов, некогда входивших в цикл об Энмеркаре и цикл о Лугальбанде. События, описываемые во всех них, связаны с отношениями (как правило, довольно натянутыми), сложившимися между Уруком и Араттой, далекой страной, отделенной от Шумера «семью горами» и, возможно, расположенной в Западном Иране. В одной из этих поэм содержится длинный рассказ о трудностях, с которыми пришлось столкнуться Энмеркару, когда он пытался получить от правителя Аратты золото, серебро, ляпис-лазурь и драгоценные камни с помощью угроз или в обмен на зерно. Подобная ситуация за долгую историю Месопотамии повторялась неоднократно. Возможно, именно она была причиной бесконечных войн с соседним Эламом. В другом источнике говорится об осаде Урука народом марту, кочевниками-амореями из Сирийской пустыни, которые, как будет сказано ниже, поселились в Ираке в начале 2-го тыс. до н. э. и приняли эстафету у шумеров. Если бы мы могли быть уверены в том, что в этих текстах нашла отражение политическая ситуация, сложившаяся на заре истории, а не в то время, когда они были записаны (около 1800 г. до н. э.), то могли бы утверждать, что они содержат весьма интересные для историков сведения.

Теперь следует рассказать о Гильгамеше, пятом представителе I династии Урука и, как говорится в источниках, сыне богини Нинсун и верховного жреца Кулабы, поселения, вошедшего в состав Урука. Гильгамеш, подвиги которого напоминают деяния одновременно Геракла и Одиссея, был наиболее популярным из месопотамских героев. Он изображен в виде бородатого мускулистого человека, сражающегося с быками и львами, на множестве памятников – от цилиндрических печатей протописьменного периода до скульптурных рельефов, украшавших ассирийские дворцы. Подобно Энмеркару и Лугальбанде, ему посвящен отдельный цикл шумерских легенд, в которых описываются различные, не связанные друг с другом случаи из его жизни. До нашего времени сохранились пять таких текстов. Но это еще не все. В начале 2-го тыс. до н. э. была написана длинная поэма, в которую, наряду с новым материалом, вошли некоторые более ранние шумерские легенды. Получившийся в итоге «Эпос о Гильгамеше», несомненно являющийся настоящим шедевром ассииро-вавилонской литературы и одним из самых красивых подобных произведений, написанных в древности, сохранился почти полностью. Приведем краткий пересказ описанных в нем событий.

Рассказ о Гильгамеше

Гильгамеш, «все выдавший до края мира», как сказано о нем в начале эпоса, был на две трети богом и на одну – человеком. Он был очень сильным, храбрым и красивым и многое сделал для Урука. Вавилоняне восхищались мощной стеной, построенной им вокруг города. Возможно, речь в данном случае идет о почти 10-километровой стене раннединастического периода, опоясывающей руины Варки. При этом жители Урука были серьезно обеспокоены высокомерием, беспощадностью и безнравственностью Гильгамеша. Они пожаловались на него богу Ану, а тот попросил богиню Аруру создать двойника Гильгамеша, способного бросить ему вызов и отвлечь от «девы, зачатой героем, суженной мужу» (очевидно, он не мог пройти мимо ни одной девушки). В итоге Аруру сделала из глины Энкиду, огромное существо, покрытое шерстью и жившее в степи вместе с дикими животными:

Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Со скотом водой веселит свое сердце.

Однажды Энкиду увидел охотник, который тотчас же понял, почему все поставленные им ловушки выходят из строя, а дичь ускользает от него. Он рассказал об этом Гильгамешу, решившему устроить дикарю другую ловушку. В степь отправили проститутку, которая должна была соблазнить Энкиду и приучить его к жизни в лоне цивилизации. С первой

частью задания она благополучно справилась. Затем она взяла Энкиду за руку, «повела как сына» в Урук, где он быстро научился принимать ванну, умащаться благовонным маслом, есть хлеб и не отказывать себе в алкоголе. Живя в Уруке, Энкиду узнал о том, что Гильгамеш требует права первой ночи, и преградил тому путь. Началась ужасная схватка, мирно завершившаяся обоюдными заверениями в любви. Гильгамеш нашел товарища себе под стать, а Энкиду – господина: «Они поцеловались, заключили дружбу».

Буйный Гильгамеш, однако, стремился сделать себе имя и убедил Энкиду отправиться вместе с ним в далекий кедровый лес, обиталище Хумбабы, ужасного великана, «уста его – пламя, смерть – дыханье». Подготовив оружие и помолившись богам, друзья покинули Урук и, за три дня проходя расстояние, на преодоление которого, как правило, требуются шесть недель, добрались до кедрового леса:

Остановились, дивятся лесу.
Кедров высоту они видят.
Леса они видят проходы...
Пред горою кедры несут свою пышность,
Тень хороша их, полна отрады...

Сумев пройти не замеченными стражем, друзья углубились в запретные земли. Гильгамеш уже рубил деревья, когда Хумбаба заметил неладное, был охвачен гневом и уже убил бы героев, если им на помощь не пришел бы Шамаш, выславший против Хумбабы все восемь ветров. Великан был обездвижен, признал поражение и стал умолять, чтобы ему сохранили жизнь. Однако Гильгамеш и Энкиду отрубили его голову и вернулись в Урук с победой.

Пораженная этим подвигом, богиня Иштар вспылала любовью к Гильгамешу и предложила ему заключить с ней брак. Но герой не попался на эту удочку, напомнил неверной богине, как она поступала с многочисленными любовниками, начиная с Таммуза, которому она «из года в год судила рыдания», и заканчивая пастухом и садовником, превращенными ею в волка и паука, и, не стесняясь в выражениях, обвинил ее:

Ты – жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра и бури,
Дворец, разбавивший главу героя,
Колодец, который поглотил свою крышку,
Смола, которой обварен носильщик,
Мех, из которого облит носильщик,
Плита, не сдержавшая каменную стену,
Таран, отдавший жителей во вражью землю!

Охваченная гневом, Иштар попросила Ану создать быка, способного уничтожить Урук. Зверь убивал одного человека за другим, но Энкиду схватил его за рога, и это позволило Гильгамешу вогнать меч в шею животного. Иштар стала проклинать правителя Урука, а сам он в это время оторвал правое бедро быка и кинул ей в лицо.

Боги не могли игнорировать столь опрометчивый поступок и решили: один из друзей должен умереть. В итоге Энкиду стал жертвой продолжительной и очень тяжелой болезни, задумавшись над своей жизнью, проклял проститутку и стал мечтать о мрачном загробном мире. Затем он скончался, и Гильгамеш оплакивал друга на протяжении шести дней и семи ночей, пока в нос Энкиду «не проникли черви».

Смерть Энкиду сильно повлияла на Гильгамеша. Впервые несдержанный и храбрый царь Урука осознал весь ужас смерти, стал спрашивать себя, неужели и ему суждено так же исчезнуть, не сможет ли он избежать чудовищной судьбы, на которую обречено все человечество?

Дальним путем скитаюсь в пустыне!
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею,
Энкиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?

Гильгамеш решил встретиться с Ут-напштимом, человеком, пережившим потоп, и узнать у него секрет бессмертия. Сначала ему предстояло пересечь горы Машу, обширные, темные и высокие, подход к которым охраняли люди-скорпионы. Но они сжалились над героем и пропустили его. По другую сторону гор он встретил Сидури, «хозяйку богов, что живет у пучины моря». Она посоветовала Гильгамешу перестать печалиться и скитаться. Вместо этого, по ее словам, нужно получать удовольствие от жизни. Однако, тронутая его горем, Сидури сказала герою, где найти Ут-напштима, – тот находился на другом берегу бескрайнего и опасного моря, в котором плещутся «воды смерти». Но герой не испугался – он обратился за помощью к лодочнику Уршанаби, переплыл вместе с ним море и наконец встретился с Ут-напштимом, рассказавшим ему свою историю – легенду о потопе.

Что мог сделать Ут-напштим для Гильгамеша? Он поведал нашему герою о некоем цветке, который «как терн на дне моря», растении жизни. Подобно ловцу жемчужин, ныряющему в Персидском заливе, Гильгамеш прикрепил к ногам тяжелые камни, погрузился в воду и сорвал этот цветок. К несчастью, когда, возвращаясь домой, герой уснул у ручья, из воды появилась змея и похитила бесценное растение. Гильгамеш потерял шанс на вечную жизнь. В конце поэмы ее автор вложил в уста Ут-напштима такие неутешительные слова, с которыми тот обратился к Гильгамешу:

Ярая смерть не щадит человека:
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки мы ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несет полые воды?
Стрекозой навсегда ль обернется личинка?
Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен еще не бывало:
Спящий и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?

Таков краткий, а поэтому, к сожалению, лишенный своей поэтической прелести рассказ о Гильгамеше, несомненно самый известный из ближневосточных эпосов (по крайней мере, судя по дошедшим до нас многочисленным ассииро-вавилонским «изданиям», а также переводам на хеттский и хурритский языки).

Конечно, герой Гильгамеш является вымышленным персонажем. Но как насчет царя Гильгамеша? Еще недавно ученые сомневались в его историчности. Сейчас у них имеются основания (хотя им и не хватает веских доказательств) для того, чтобы полагать: царь с таким именем действительно правил в Уруке. На протяжении некоторого времени в прошлом нам казалось, будто мы стоим на зыбкой грани, отделяющей реальность от вымысла, но теперь мы уверены: время правления Гильгамеша пришлось на наиболее ранний период истории Месопотамии.

Глава 8

Раннединастический период

Историю Древнего Ирака, как и его доисторическую эпоху, можно разделить на несколько периодов, для каждого из которых характерны важные политические перемены, а порой и значительные или не такие заметные изменения в обществе, хозяйстве и культуре.

Первый из этих периодов занял часть 3-го тыс. до н. э. Конец ему положило завоевание Шумера Саргоном, семитским правителем Аккада, произошедшее примерно в 2400 г. до н. э. Поэтому его нередко называют досаргонским, хотя чаще (по крайней мере, среди англоязычных исследователей) используется термин «раннединастический».

Когда именно в Ираке началась историческая эпоха? Этот вопрос представляет гораздо больший, чем просто академический, интерес и заслуживает более внимательного изучения. Нам известно, что в основу единственного имеющегося в нашем распоряжении источника, позволяющего судить о хронологии истории Месопотамии, легли отчасти вымышленные, отчасти реально произошедшие факты. Где в нем начинают описываться сведения, в историчность которых мы можем поверить? В какой момент мы перестаем сталкиваться с легендарными героями и начинаем читать о царях, живших на самом деле? Ответ на этот вопрос очевиден: нужно найти надпись, составленную по приказу одного из древнейших правителей Шумера, упомянутых в царском списке. Чем ближе к началу перечня будет расположено его имя, тем глубже в прошлое можно отодвинуть начало исторической эпохи.

На протяжении длительного времени у нас не было подобного источника. До Первой мировой войны знания историков о досаргонской эпохе почти полностью были основаны на результатах раскопок, проведенных французами между 1877 и 1909 гг. в Лагаше (в настоящее время – Телло). Этот обширный холм расположен неподалеку от Шатт-эль-Гарраф, в 88,5 км к северу от Насрии. Помимо весьма примечательных произведений искусства, в ходе этих раскопок были обнаружены надписи, позволившие в подробностях восстановить историю Лагаша и составить список его правителей с наиболее раннего времени в 3-м тыс. до н. э. примерно до 2000 г. до н. э. К несчастью, эти сведения относились только к одному городу. Еще хуже то, что его правители в Шумерском царском списке не упоминаются (несомненно, так как они, как считалось, никогда не правили всем Шумером). Пытаться реконструировать древнейшую историю Месопотамии по источникам, найденным в Лагаше, – такое же безнадежное дело, как судить об истории Англии по архивам Кентербери и спискам герцогов Кентских.

Зимой 1922/23 г. сэр Леонард Вулли проводил раскопки в Эль-Убейде, неподалеку от Ура, на территории поселения, название которого получил один из периодов древнейшей истории Месопотамии. Помимо некрополя доисторической эпохи, в Убейде была обнаружена платформа, сложенная из кирпича-сырца, на которой некогда стоял небольшой, но богато орнаментированный храм. Само святилище было полностью уничтожено еще в древности, но большое количество фрагментов его убранства, включая превосходные бронзовые статуи и рельефы, было выброшено врагом и лежало под слоем пыли у подножия платформы. Среди этого бесценного «мусора» Вулли обнаружил мраморную табличку с надписью: «Богине Нинхурсаг, Аанепада, царь Ура, сын Месанепады, царя Ура, для Нинхурсаг построил (этот) храм».

Об Аанепаде вплоть до настоящего времени ничего не известно, но исследователям с легкостью удалось отождествить его отца Месанепаду с основателем I династии Урука. Таким образом, впервые было доказано, что один из древнейших правителей Шумера, которого прежде считали мифическим персонажем, существовал в действительности.

Однако впоследствии ученые узнали еще больше. Немецкий ассириолог доктор Д.О. Эдзард обнаружил в Багдадском музее фрагмент большого алебастрового предмета неизвестного происхождения, на поверхность которого очень древним письмом было нанесено несколько слов: «Ме-бараг-си, царь Киша».

Как доказал Эдзард, этот правитель – не кто иной, как Эн-Мебарагеси, упомянутый в

Шумерском царском списке (*эн* — это титул, который вполне можно было опустить), двадцать второй представитель «легендарной» I династии Киша и отец Агги, сражавшегося, как было сказано выше, с Гильгамешем. Более того, через год после этого шумеролог С.Н. Крамер с помощью источника, известного как Туммальская надпись, смог доказать, что Гильгамеш был современником правителя Ура Месанепады.

Все вышесказанное позволяет нам сделать следующие выводы:

1) Гильгамеш, царь Урука и предположительно главное действующее лицо знаменитого эпоса, скорее всего, действительно существовал;

2) Эн-Мебарагеси, правитель Киша, отец Агги и далекий преемник Этаны, является древнейшим из правителей Шумера, в историчности которых мы в настоящее время уверены.

Возможны ли более точные, абсолютные датировки? Хронология 3-го тыс. до н. э. все еще остается крайне неопределенной и противоречивой. Однако, приняв хронологию Сидни Смита, предположив, что Саргон Аккадский правил с 2371 по 2316 г. до н. э., и «отодвинувшись» на несколько столетий назад, мы сумеем определить, что правитель Киша Эн-Мебарагеси царствовал примерно в 2700 г. до н. э. На настоящий момент эту дату вполне можно рассматривать как год начала истории Ирака.

Шумерские города-государства

Так как теперь наше внимание приковано к Шумеру, возникает большой соблазн забыть, насколько маленькой была эта территория. Ее площадь составляла около 25,9 тыс. км². Это немногим меньше площади Бельгии, такую территорию занимают четыре или пять английских графств. Жизнь была сосредоточена вдоль рек и каналов, и, так как в те времена русло Евфрата пролегалo восточнее, чем сейчас, «колыбель цивилизации» представляла собой длинную и узкую полоску земли, тянувшуюся примерно от широты, на которой располагается Багдад, до болот, граничивших с побережьем Персидского залива.

На этой территории существовало несколько политико-религиозных объединений, называемых нами городами-государствами. В состав каждого города-государства входили сам город и его пригороды, а также поселения-спутники, деревни и определенная территория, на которой располагались сады, пальмовые рощи и поля и которая принадлежала городу (точнее, как будет сказано ниже, его богам). Неводеланная степь, лежавшая между орошаемыми участками, использовалась в качестве пастбища. Шумеры называли эту местность *эдин*. Возможно, именно это слово легло в основу библейского названия Эдем. Мы не знаем, какую площадь занимал среднестатистический город-государство. Исследователи предположили, что Лагашу принадлежала территория в 4662 км². Численность населения этого города в изучаемый нами период составляла примерно 30 000 — 35 000 человек.

Судя по письменным источникам, в раннединастический период во всем Шумере было не более 13 городов-государств. Перечислим их, двигаясь с севера на юг: Сиппар, Киш, Акшак, Ларак, Ниппур, Адаб, Умма, Лагаш, Бад-Тибира, Урук, Ларса, Ур и Эриду. Однако в результате проведения археологических исследований стало известно, что в других частях Месопотамии существовали другие города, находившиеся под заметным влиянием шумерской культуры. В качестве примеров можно привести Ашшур (Калат-Шеркат) на Тигре и Мари (Телль-Харири) на Евфрате, расположенные соответственно в 402 и 482 км от Ниппура, если двигаться напрямую.

Из-за отсутствия письменных источников мы не знаем, к какой этнической группе принадлежали жители Ашшура. Однако в расположенном в этом городе храме богини Иштар немецкими археологами перед Первой мировой войной были обнаружены шумерские артефакты. То же относится и к Мари, хотя там сохранились надписи, содержащие личные имена, благодаря которым нам известно, что подавляющее большинство местного населения было семитским. В результате раскопок в Мари, проведенных французами перед последней войной и сразу после нее, был обнаружен ряд памятников досаргонской эпохи, включая по

меньшей мере четыре храма и один зиккурат. В одном из этих храмов, посвященном богине Нинни-Заза, был обнаружен *байтил*, монолит конической формы, больше характерный для семитских святилищ в Древней Палестине. В то же время эти храмы были украшены панелями из раковин и перламутровыми статуэтками, закрепленными с помощью битума, поразительно похожими на обнаруженные в Уре и Кише. Кроме того, семиты – цари и жители Мари – приносили в дар богам тщательно вырезанные статуэтки со своими изображениями, по которым видно, что эти люди носили широко распространенные в Шумере шерстяные набедренные повязки и бороды, брили головы и использовали для молитвы позу со сцепленными перед грудью руками, хорошо известную нам по изображениям обитателей Шумера.

Похожие, но вырезанные гораздо более грубо статуэтки были обнаружены в начале 1930-х гг. экспедицией Восточного института Чикагского университета, работавшей в Телль-Асмаре (Эшнунне), что в долине реки Диялы. Благодаря исследованиям, проведенным на этом памятнике, а также в Хафадже (Древний Тутуб) и Телль-Акрабе, археологи получили гораздо больше ценной информации о раннединастическом периоде, чем при изучении самих шумерских городов, на территории которых наиболее древние памятники оказались погребены под руинами более поздних сооружений. В Асмаре и Хафадже мы можем проследить процесс постепенных перестроек храмов по разным планам, правда с использованием одного и того же строительного материала – «плоско-выпуклых» кирпичей, по форме напоминающих подушки, которые, как правило, складывались под наклоном, из-за чего получалась кладка «в елочку», столь характерная для зданий, которые строились в этот период по всей Месопотамии. В Хафадже, помимо всего прочего, находится поразительный храм, стоящий на платформе и огороженный необычной стеной овальной формы.

Мы можем восстановить облик этих древнейших месопотамских городов с множеством небольших домов, тесно прижавшихся друг к другу, и узкими извилистыми улочками. В багряно-красной керамике, покрытой ярким, но недолговечным орнаментом с изображениями человеческих фигур и животных, которую археологи находят в долине реки Диялы, нельзя не узнать последнего потомка додинастических расписных сосудов. Можно даже поиграть с глиняными колесницами, уподобившись детям, жившим в те далекие времена. Как бы все это ни было интересно, нам следует обратиться к письменным источникам, найденным в самом Шумере, если, конечно, мы хотим составить представление о политическом и общественном строе, а также о хозяйственной жизни городов-государств раннединастического периода.

Любая столица Шумерского государства состояла из нескольких агломераций, или районов, а в центре каждого из них стоял храм. Город, как и вся его территория, находился под покровительством определенного божества, которое не только защищало государство, но и *владело* им. К примеру, Лагаш принадлежал Нингирсу, сыну Энлиля, а Ур – богу луны Нанне, и выражения, подобные словосочетанию «поле Нингирсу» или «победа Нингирсу над Шарой» (божественным покровителем Уммы), следует понимать не в переносном, а в прямом смысле. Естественно, жители города-государства также принадлежали богу, точнее, божественному покровителю района города, в котором они жили. Они также были разделены на группы, называвшиеся, например, «люди Нингирсу», «люди Бабы» и т. д.

Существовали всего две категории людей: свободные и рабы, но последние, использовавшиеся в небольших количествах и в основном бывшие пленниками, захваченными во время войн, имели сравнительно небольшое значение в хозяйстве Шумера раннединастического периода.

Лично свободные жители города могли владеть домами, садами, прудами, в которых водилась рыба, ослами, овцами и козами и отчуждать все это имущество. У них были собственные мебель, орудия труда и определенное количество серебра. Некоторые из них также владели участками земли, и у нас нет оснований полагать, что в собственности правителей и жрецов, а также членов их семей находились большие усадьбы. Вопрос о том, насколько широко подобная ситуация была распространена в городе-государстве, остается

спорным, его решение способно в значительной степени повлиять на наши представления о шумерском обществе.

У широко распространенного прежде мнения о том, что большая часть территории и скота города-государства принадлежала богам, то есть храмам, в настоящее время много противников, придерживающихся новой теории, согласно которой все это принадлежало «знати», к которой относились в том числе и жрецы. Оба этих подхода основываются на довольно надежных, но в то же время «узких» доказательствах, содержащихся в юридических и хозяйственных текстах, найденных только в одном городе-государстве – Лагаше, и на грубых подсчетах примерной площади его территории и размеров земель, принадлежавших некоторым из его храмов. Рискуя показаться несколько старомодными и консервативными, мы тем не менее должны отметить, что свидетельства, подтверждающие справедливость современной теории, в то же время не вынуждают нас отказаться от старой, доказательства правильности которой содержатся в большом количестве источников и которая, очевидно, соответствует общей тенденции исторического развития Месопотамии.

У каждого из многочисленных храмов города-государства были свои поля и пастбища (храм покровителя города, естественно, обладал крупнейшими владениями), где работали его жители. Обработывавшаяся земля делилась на три категории: «землю господина» (*гана-ни-эн-на*), на которой трудились все общинники во благо храма; «землю пищи» (*гана-ку-ра*), передававшуюся людям, находившимся в зависимости от храмов, и позволявшую им прокормить себя; и «землю плуга» (*гана-апин-ла*), передававшуюся в аренду в обмен на одну седьмую или одну восьмую часть урожая. Таким образом, храмы получали большое количество продукции, которую они потребляли или перераспределяли, сохраняли на случай голода или обменивали на товары, привозившиеся из других земель, например на металл, камень и древесину. Так как в их распоряжении постоянно находилось все население города-государства, они могли строить святилища и укрепления, копать каналы и реализовывать другие широкомасштабные «проекты», требующие большого количества работников. Польза, которую храмы приносили, регулируя хозяйственную жизнь и организуя общественные работы, объясняет и оправдывает их огромную власть.

Для этого были необходимы планирование, контроль и учет, пожалуй ставшие одним из самых удивительных аспектов шумерской цивилизации. Далекое от «примитивности», общество раннединастического периода было прекрасно (возможно, даже чересчур хорошо) организовано. Шумеры были педантичными людьми с «бюрократизированным» сознанием. После себя они оставили тысячи платежных ведомостей, расписок, перечней, этикеток и других документов, очень скучных, но являющихся бесценными источниками информации.

Так, из хозяйственных текстов, найденных в Телло (Лагаше) и Фаре (Шуруппаке), мы знаем, что все трудоспособное население этих городов было приписано к различным «корпорациям», некоторые из которых были довольно немногочисленными. К примеру, за ослами мужского и женского пола следили разные пастухи. Рыбаки также делились на группы в зависимости от того, в какой воде: пресной, солоноватой или морской – они ловили рыбу. Даже заклинатели змей входили в отдельный «цех», во главе которого стоял «главный заклинатель змей». Купцы и ремесленники, входившие в аналогичные объединения, работали отчасти для горожан, отчасти – для храмов, причем последние полностью контролировали торговлю с другими государствами и народами. Работу всей этой машины поддерживала огромная армия писцов, ревизоров, инспекторов, надзирателей и других чиновников, находившихся под руководством главного инспектора (*нубанды*) и надзирателя (*агрига*), подчинявшихся, в свою очередь, верховному жрецу храма (*санге*). Систему организации подобного общества, в котором большая часть средств производства принадлежала государству, находившемуся под контролем жречества, но в то же время в котором не исключено существование частной собственности, вероятно, можно назвать теократическим социализмом, не забывая при этом, что все шаблонные формулы непременно являются относительными и нередко заставляют делать неверные выводы.

Древнейшие правители Шумера

Верховные жрецы различных храмов подчинялись правителю города-государства, «пастырю», избранному богом – покровителем города, перед которым он нес ответственность. В древнейших письменных источниках, найденных в Уруке, правитель назван *эном*. Этот титул, как правило, переводят как «господин», но в действительности он подразумевал выполнение верховных жреческих функций. Так как *эн*, очевидно, жил в районе, где находилось большинство храмов, можно предположить, что он являлся верховным жрецом божественного покровителя города, главой храма, вокруг которого поселение разрасталось в доисторическую эпоху.

Однако в раннединастический период эти люди носили титулы *энси*, «правитель», или *лугаль*, «царь». Первое из этих слов выписывалось как *па-те-си* – с помощью составной идеограммы, вероятно обозначавшей «вождя» (*па*), разграничивающего (*си*) храмовый участок (*те*). До относительно недавнего времени ученые его так и читали. Слово *лугаль* можно дословно перевести как «великий (*галь*) человек (*лу*)». Понять, чем отличались эти два титула друг от друга, не так легко, но, согласно общепринятой точке зрения, *лугаль* был независимым правителем, под началом которого могло быть несколько городов-государств, а *энси* находился в зависимости от него. Супруга правителя, называвшаяся *нин*, «госпожа», играла важную роль в религиозной и общественной жизни города. *Лугаль*, или *энси*, жил во дворце (*эгале*, «великом доме»). В Южном Ираке – в Кише и Эриду – были обнаружены два подобных комплекса. Оба они имели похожую планировку: они состояли из двух больших зданий, стоящих рядом друг с другом и разделенных на множество помещений, выходивших во двор. Одно из этих зданий было окружено широкой двойной стеной. Во дворце Киша обнаружен прекрасный зал, по оси которого были установлены четыре колонны.

Правитель распоряжался имуществом городского бога и управлял от его имени государством, одновременно выполняя функции военачальника, верховного судьи, верховного жреца и распорядителя общественных работ. Одной из наиболее священных его обязанностей было строительство и восстановление храмов, ведь считалось, что люди были созданы для того, чтобы служить богам, а сам правитель являлся лишь первым из этих слуг. О сооружении подобных зданий говорится во множестве надписей. Археологами найдены каменные и бронзовые изображения нескольких правителей Месопотамии, начиная с Ур-Нанше, одного из первых царей Лагаша, и заканчивая Ашшурбанипалом, жившим в VI в. до н. э., держащих на головах корзины с лежащими в них кирпичами для новых храмов.

Глава города, несомненно, играл важную роль в церемониях, связанных с празднованием Нового года, и во многих случаях выступал в качестве мужского божества в ритуале священного брака. У нас есть основания полагать, что в начале 3-го тыс. до н. э., на протяжении «эпохи героев», когда в Шумере правили Энмеркар, Лугальбанда и Гильгамеш, некоторые царские четы считались живыми богами, точнее, воплощениями божественной пары, которой принадлежал тот или иной город-государство. Это, пожалуй, лучший ответ на вопросы, поставленные перед учеными самой поразительной за все время существования археологии Месопотамии находкой – Царским некрополем Ура.

Мы не можем приводить здесь подробное описание Царского некрополя в Уре. Прочитать о нем можно в превосходных статьях и книгах, посвященных этой захватывающей теме и написанных сэрм Леонардом Вулли. Никто, кроме самого первооткрывателя, не может передать волнение, охватившее его и членов его команды, когда из-под их кирок показывались десятки предметов из золота и на свет появлялось одно чудо за другим. Только этот выдающийся археолог сумел описать, с какой тщательностью и старанием были извлечены артефакты, с каким терпением работали опытные реставраторы, восстанавливавшие прекраснейший погребальный инвентарь: золотые сосуды и кинжалы, украшения, украшенную ляпис-лазурью золотую статуэтку барана, «пойманного в чаше», золотые и серебряные головы животных, украшавшие арфы, золотой головной убор «царицы Шуб-ад» и потрясающий золотой шлем царя Мескаламдуга, возможно ставший самой

выдающейся находкой из всех, сделанных археологами. И это только самые выдающиеся шедевры... Человека, читающего предположение Вулли о том, что во время этого странного погребения музыканты с арфами, солдаты с оружием и придворные дамы в великолепных одеяниях по собственной воле последовали за своими господами к ужасным ямам, где их предали безболезненной смерти, охватывает незабываемое и острое ощущение ужаса, смешанного с любопытством и восхищением.

Однако после обнаружения Царского некрополя Ура историки были вынуждены столкнуться с рядом довольно сложных проблем. Он, несомненно, возник на заре истории, в период, непосредственно предшествовавший воцарению первого представителя I династии Ура (ок. 2650 до н. э.). Также нет никаких сомнений в том, что люди, погребенные с такими почестями, были царями, царицами и их отпрысками. В шестнадцати царских гробницах было найдено несколько надписей, большинство из которых вырезано на цилиндрических печатях, но только после двух имен: Мескаламдуг («Герой благой земли») и Акаламдуг («Сын благой земли») – стоит титул *лугаль*. Еще два имени: Нин-банды, супруги Мескаламдуга, и Пуаби (прежде оно читалось как «Шуб-ад»), жены неизвестного правителя, – сопровождаются титулом *нин*, «царица». Все гробницы, кроме двух, были разграблены еще в древности, что может объяснять отсутствие других царских надписей, которое тем не менее приводит в замешательство.

Еще более неясной кажется практика коллективных захоронений – в последний путь правителя сопровождали от трех до семидесяти четырех спутников, а это почти все обитатели дворца. Подобная практика (правда, в меньших масштабах) существовала в иных странах и в другие исторические периоды, например в Египте в правление представителей I династии, у скифов и монголов, в Ассаме и даже на юге России, но в других городах Месопотамии, кроме Ура, этот обычай не засвидетельствован. Конечно, можно утверждать, что почти все царские захоронения Древнего Ирака были разграблены и что в нашем распоряжении отсутствуют письменные источники, содержащие описание погребения правителей. В то же время это «молчание» источников по поводу церемонии, которая должна была играть важную роль в жизни всего государства, само по себе удивительно, и объяснить его можно, лишь предположив, что обряд погребения царей с человеческими жертвами перестал использоваться довольно рано, возможно в раннединастический период. Однако для чего были нужны все эти жертвы?

Единственным источником, в котором говорится о том, как царь отправляется в последний путь в сопровождении всей своей свиты, является шумерский эпос, известный нам как «Смерть Гильгамеша». Мы знаем, что этот правитель и Мескаламдуг жили примерно в одно и то же время, а по другим источникам – что Гильгамеш считался богом загробного мира. Это подтверждает впервые сформулированную Вулли теорию о том, что Мескаламдуг, Акаламдуг, Пиабу и другие безымянные цари и царицы, погребенные в Царском некрополе, были больше чем правителями. Они считались богами или по меньшей мере земными воплощениями божеств и поэтому могли брать с собой свои свиты в потусторонний мир, где жизнь была гораздо более приятной, чем простое человеческое существование.

Месопотамских царей довольно рано перестали считать «заместителями» богов, но они всегда сохраняли некоторые из своих жреческих функций. На протяжении всей истории существовала общая тенденция к постепенному отделению государства от «церкви», начавшаяся в досаргонский период. Уже около 2500 г. до н. э. *энси* Лагаша Энтемена не был верховным жрецом этого города, так как на прекрасном серебряном сосуде, посвященном им Нингирсу, вырезана надпись, в которой недвусмысленно говорится: «В те дни Дуду был жрецом (*санга*) Нингирсу». Очевидно, были времена, когда правитель и жрецы открыто конфликтовали. Примерно через столетие после правления Энтемены Урукагина⁶, последний правитель Лагаша, описывал в своей знаменитой надписи, как он, будучи заступником богов, положил конец бесчинствам, царившим до его правления: чиновники правителя вмешивались

6 Современное прочтение этого имени – Уруинимгина. (Примеч. пер.)

во все дела, неподъемные подати приходилось платить при совершении погребения и, вероятно, организации свадьбы, богатые сановники покупали дома за цену гораздо меньшую, чем те действительно стоили, взяточничество было обычным делом, а бедные очень страдали, но, что еще более важно, *энси* сосредоточил в своих руках огромные владения, его «луковые и огуречные сады» стояли на лучших полях богов, и вспахивали их быки и ослы, принадлежавшие храмам. Урукагина сместил многих чиновников, уменьшил подати и в доме и поле правителя «бога Нингирсу царем их поставил»: «Он приказал детей Лагаша от подати жизни, меры установленной, зерна усущенного, грабежа, убийства, разрушения дома освободить (букв. «очистить»), право их создал»⁷.

Однако эти реформы, если они и проводились в действительности, не оказали продолжительного воздействия, так как именно в правление Урукагины Лагаш и весь Шумер оказались во власти иноземцев.

Ход истории

Восстановить последовательность событий, происходивших в раннединастический период, – нелегкая задача. Значительные трудности создает не только то, что письменные источники, проливающие свет на это время, крайне немногочисленны и, как правило, довольно немногословны, но и то, что в стране одновременно правили несколько «династий», а некоторые цари, сыгравшие определенную роль в истории, не упоминаются в Шумерском царском списке. В связи с этим мы лишь коротко опишем ход событий, произошедших в досаргонский период. При этом читатель должен понимать, что многие из наших высказываний могут оказаться спорными.

Первая из известных нам надписей принадлежит Энмебарагеси (ок. 2700 до н. э.), перед царствованием которого правители I династии Киша занимали престол уже на протяжении нескольких поколений, и титул «царь Киша» стал почти синонимом другого – «царь страны, царь Шумера». Если сведения, содержащиеся в Туммальской надписи, правдивы, именно Энмебарагеси построил первый храм Энлиля в Ниппуре, и вскоре шумеры стали считать этот город религиозной столицей, Римом или Меккой своей страны. Сначала *дугали* и *энси* почти всех городов-государств, состязаясь друг с другом, посылали в храм Энлиля драгоценные подарки, но к концу рассматриваемого нами периода цари, желавшие, чтобы их власть над собой признали правители других городов, должны были быть «избраны Энлилем в Ниппуре». Владение этим городом стало обязательным условием доминирующего положения в Шумере.

Удовлетворительное объяснение этого обычая так и не было найдено. Сторонники теории «первобытной демократии» предположили, что в протоисторические времена, если Шумеру угрожало вторжение извне, представители всех городов-государств собирались в Ниппуре, чтобы избрать военачальника. «Избрание» Энлилем человека, управлявшего всей страной, является пережитком этого обычая. Однако существование этой «ниппурской лиги» так и не было доказано.

Можно также принять во внимание экономические факторы. Следует помнить, что и Киш, и Ниппур находятся на севере Шумера, а их территории занимали пространство между Тигром и Евфратом, протекавшими тогда на этой широте гораздо ближе друг к другу, чем сейчас. Таким образом, два города контролировали крупнейшие торговые пути («бронзовые»), шедшие вдоль двух рек из Анатолии, Армении и Азербайджана на юг Ирака, а также, возможно, ключевые оросительные каналы. Владевший ими контролировал торговлю и ремесленное производство в самом Шумере. Возможно, именно поэтому обладание ими считалось столь важным. Однако сложно объяснить, почему никто не решил воспользоваться ситуацией и сделать Ниппур резиденцией могущественного правителя всей

⁷ Цитата приведена по изданию: *Хрестоматия* по истории Древнего Востока / Под ред. В.В. Струве и Д.Г. Редера. М., 1963. С. 177–182. (Примеч. пер.)

страны. Возможно, акцент следует делать на божестве, а не на городе. Ниппур был только религиозным центром, божественного покровителя которого Энлиля местные теологи поставили во главе всего шумерского пантеона. Аналогичная ситуация существовала в Египте, где гелиопольские жрецы оказывали заметное влияние на религию и даже политику, хотя сам город, как и Ниппур, никогда не был царской резиденцией.

Согласно легенде, правитель Ура Гильгамеш победил царя Киша Аггу и положил конец его династии, но в реальности преемником Киша в качестве государства, доминирующего в регионе, стал Ур. На оттисках печати, обнаруженных в этом городе, Месанепада называет себя «царем Киша». Возможно, двое его сыновей обладали Ниппуром, так как именно они восстановили его храм. Богатство предшественников Месанепады, заметное по роскошному инвентарю, найденному в Царском некрополе, свидетельствует о том, что Ур на протяжении длительного времени был весьма процветающим городом. Эту гипотезу подтверждают и сооружения раннединастического периода, найденные как в самом Уре, так и в Убейде.

Однако примерно через столетие Ур потерял свое доминирующее положение. С гор, граничащих с Ираком с востока, пришли орды эламцев, и по крайней мере в части Шумера свои правила устанавливали представители двух иноземных династий – из Авана и Хамази. Это был отнюдь не первый эпизод в длинной череде войн между Месопотамией и Эламом, начавшейся в тот период и продлившейся на протяжении двух тысячелетий. Согласно Шумерскому царскому списку Энмебарагеси «поразил оружие страны Элам», и, судя по рассказам об Энмеркаре и Лугальбанде, этот конфликт уходит своими корнями в доисторические времена.

Сейчас нам следует переключить внимание на Лагаш, причем не только потому, что в его руинах было найдено большее количество письменных источников, чем в любом другом городе, но и потому, что один из его правителей сыграл важную роль в истории страны, сильно пострадавшей из-за двух иноземных вторжений. Подобно своему деду Ур-Нанше, *энси* Лагаша Эанатум (около 2550 до н. э.) построил множество храмов и вырыл большое количество каналов. Обстоятельства заставили его стать и великим воином. Он освободил Шумер от эламцев и обезопасил его восточную границу, завоевав если не сам «Элам, гору удивительную, которая наводит ужас, в ее целостности», как он заявлял, то по крайней мере несколько городов на границе с ним. Он покорил Ур и Урук и присоединил их «к княжеству (*нам-энси*) Лагаша, царству Киша». Однако война, о которой нам известно больше всего, представ ляет собой лишь локальный конфликт с городом Уммой, расположенным в 29 км от Лагаша. Яблоком раздора стало некое поле под названием Гуэден, лежавшее на границе между двумя государствами, каждое из которых считало его своим. Уже за несколько поколений до Эанатума некий Месилим, правитель Киша, которого, вероятно, можно отождествить с Месанепадой, царем Ура и Киша, выступал в этом споре в качестве судьи и установил в этой местности приграничную стелу, но затем: «Урлумма, *энси* Уммы, пограничный канал бога Нингирсу, пограничный канал богини Нанше осушил. Стелу (установленную там) огню предал, землю (в этом месте) распахал. Троны всех богов в Намнундакигаре он разрушил. Со всеми враждебными странами он договорился, пограничный канал бога Нингирсу перешел»⁸. Пехота Лагаша, вооруженная длинными копьями и защищенная тяжелыми щитами, вступила в битву с солдатами Уммы. Эанатум одержал победу: «Я – Эанатум – на Умму, подобно злему ветру ветров, потоп наслал... Людей Уммы оружием поразил, горы трупов насыпал... Я – Эанатум – для Нингирсу чужие земли разрушил, Нингирсу его любимое поле Гуэден в руки вернул. Человеку Уммы я – Эанатум – большую сеть Энлиля дал, на ней он присягнул»⁹.

По окончании сражения был подписан мирный договор. *Энси* Лагаша и Уммы

8 Фрагмент надписи Энтемены на глиняных конусах, из которой взята эта цитата, приведен в переводе Ю.Б. Гавриловой. (*Примеч. пер.*)

9 Фрагменты текста на Стеле коршунов приведены в переводе Ю.Б. Гавриловой. (*Примеч. пер.*)

определили границу. Эанатум снова установил стелу Месилима на ее первоначальном месте, а жители Уммы были вынуждены платить ему тяжелую подать ячменем. Победа Эанатума (точнее, как сказано в источниках, Нингирсу, божественного покровителя Лагаша, над Шарой, богом Уммы) была увековечена на Стеле коршунов, настоящем шедевре раннего шумерского искусства, названном так потому, что на нем изображены эти хищные птицы, терзающие тела поверженных врагов, и, к несчастью, найденном в виде разрозненных фрагментов.

Ближе к концу своего царствования Эанатум был вынужден сражаться против Киша и Мари, заключивших союз, во главе которого встал царь Акшака Зузу (или Унзи). Несмотря на заявления Эанатума, будто он одержал победу, у исследователей почти нет сомнений в том, что эта война положила конец созданной им небольшой державе.

События, происходившие на протяжении столетия после смерти Эанатума, довольно запутанны. Очевидно, правитель Урука Эн-Шакушана и царь Адаба (в настоящее время Бисмая, находящаяся в 9,7 км к северу от Телль-Фары) Лугальаннемунду захватили Киш и Ниппур и были признаны правителями всего Шумера. Однако цари Мари бросили им вызов. Согласно Шумерскому царскому списку, на протяжении 136 лет Шумером правили шесть царей этого государства. Это число, несомненно, преувеличено, но сам факт того, что югом Ирака управляли цари из города, расположенного далеко на северо-западе, свидетельствует о почти полном безвластии, воцарившемся в данном районе в описываемое нами время.

Племянник Эанатума Энтемена вновь был вынужден вступить в вооруженный конфликт с Уммой, царя которой поддерживали некие «иноземные цари», возможно правители Мари. В длинной надписи, вырезанной на двух глиняных табличках, Энтемена вспоминает события, случившиеся в прошлом, затем рассказывает, как он «оружием врага одолел», и прямо выступает против претензий нового *энси* Уммы: «Иль власть в Умме захватил, пограничный канал Нингирсу, пограничный канал Нанше, насыпь Нингирсу, на берегу Тигра расположенный, берега Гирсу, Намнундакигару Энлиля воды он лишил. Зерно Лагаша – 3600 гуров – себе присвоил». Из других источников нам также известно, что Энтемена заключил «договор братства» со своим могущественным соседом – правителем Урука Лугалькингенешдуду, объединившим под своей властью Ур и Урук, и что в конце его царствования в государстве воцарились мир и благополучие.

Однако через несколько лет ситуация изменилась, причем не в пользу Лагаша. Жрецы Нингирсу захватили престол и занимали его на протяжении примерно двух десятилетий, обогащаясь за счет богов. Их низверг Урукагина, известный своей реформой, но он правил всего на протяжении восьми лет. Лугальзагеси, энергичный и амбициозный *энси* Уммы, выступил против Лагаша, захватил его и уничтожил, отомстив таким образом за два столетия поражений. Впоследствии безымянный писец присел на тлеющих руинах города, чтобы записать плач, сохранившийся до нашего времени: «Люди Уммы предали огню (храм) Антасурры, они унесли серебро и драгоценные камни... Они пролили кровь в храме богини Нанше Э-Энгура, они унесли серебро и драгоценные камни... Люди Уммы, разрушив Лагаш, совершили прегрешение против бога Нингирсу... Что касается Лугальзагеси, *энси* Уммы, пусть богиня Нидаба сделает так, чтобы он нес свой смертный грех на своей голове».

Правда, это проклятие не привело к каким-либо результатам немедленно. Одержав победу над Лагашем, Лугальзагеси захватил Ур и стал царем этого города. Затем он стал присоединять к своим владениям весь остальной Шумер и, очевидно, достиг в этом успеха. В тексте, украшающем сосуд, который он передал в храм бога Энлиля в Ниппуре, он заявляет, что завоевал всю Месопотамию, а также Сирию.

Сложно поверить, что Лугальзагеси в действительности правил столь огромной державой. Возможно, здесь мы имеем дело с своеобразным высоким стилем. Вероятно, правитель Урука сумел покорить живших в Мари семитов, под политическим влиянием которых, в свою очередь, находились их сородичи из Сирии, или заключить с ними союз. В любом случае шумерская держава Лугальзагеси просуществовала недолго – на протяжении 25 лет, лишь до конца его правления. Конец и первой, и второму положил пришелец –

семитский правитель Саргон Аккадский.

Глава 9

Семитская интермедия

На протяжении всего раннединастического периода шумерские правители состязались и боролись друг с другом за власть над дюжиной городов и несколькими квадратными километрами орошаемой земли – Шумером. На юге их амбиции ограничивало морское побережье, а на севере – Киш, а Мари и Ашшур, очевидно, они считали столь же чужеродными, как и Элам. Но вскоре после 2400 г. до н. э. семитские правители, пришедшие из центральной части Ирака, коренным образом изменили эту ситуацию. Саргон и его преемники не только подчинили все шумерские города-государства, но и завоевали весь бассейн Тигра и Евфрата, а также ряд регионов, расположенных неподалеку, плавали по Персидскому заливу и создали первую из величайших держав Месопотамии. Впервые с убейдского периода две части Междуречья, прежде объединенные непрочными культурными связями, превратились в одно огромное государство, простиравшееся от Таврских гор до «Нижнего моря», от Загроса до Средиземного моря. Людям того времени эта территория казалась колоссальной; по их мнению, она включала в себя «четыре стороны света», была целой «вселенной».

Держава Саргона и его потомков просуществовала на протяжении примерно двух столетий и погибла из-за двух несчастий, случившихся одновременно: с Загроса пришли враждебные племена, а внутри самой страны разгорелось восстание. Однако она стала примером, который никогда не будет забыт. Впоследствии все правители мечтали о восстановлении единства Месопотамии, достижении пределов, которые можно назвать ее естественными границами, и вся история Ирака, начиная с середины 3-го тыс. до н. э. и заканчивая падением Вавилона в 539 г. до н. э., представляет собой череду попыток добиться этого, успехов и неудач царей, стремившихся к достижению данной цели. Кем же в таком случае были семиты, столь триумфально ворвавшиеся на страницы истории?

Семиты

Прилагательное «семитский» впервые было использовано немецким исследователем Шлёцером для обозначения группы тесно связанных друг с другом языков. Соответственно, люди, говорившие на них, были названы семитами. Оба этих слова происходят от имени одного из сыновей Ноя – Сима, отца Ассура, Арама и Елама (Быт., 10: 22), который, по преданию, стал родоначальником ассирийцев, арамейцев и евреев. Из всех семитских языков наиболее распространенным в настоящее время является арабский, за ним следуют амхарский (эфиопский) язык и иврит (письменный вариант последнего был относительно недавно восстановлен). Другие, такие как аккадский (авилонский и ассирийский) и ханаанские диалекты, являются «мертвыми» языками, в то время как арамейский, хотя и в значительной степени измененный, продолжает использоваться в качестве литургического в некоторых восточных церквях (сирийской), а также на нем разговаривают представители ряда немногочисленных изолированных групп в Ливане и на севере Ирака. У всех этих языков много общего, и они образуют большую крепкую семью. Одной из их основных особенностей является то, что почти все глаголы, существительные и прилагательные образованы от корней, состоящих из трех согласных, между которыми вставляются длинные или короткие гласные, уточняющие мысль, выраженную в корне. Так, в арабском языке основа *ktb* используется для обозначения понятий, связанных с письмом в целом, но для того, чтобы сказать «он написал», используется слово *катаба*, «он пишет» – *йиктиб*, «писатель» – *катиб* и т. д. Такие языки называют флективными, и они отличаются от агглютинативных, к числу которых относится, например, шумерский.

Термины «семитский» и «семит», используемые с лингвистической точки зрения,

удобны и приемлемы для всех. Однако, так как до арабских завоеваний на семитских языках говорили на ограниченной территории, некоторые исследователи относят их носителей к отдельной расе, точнее (при условии, что современные антропологи отвергают теорию существования семитской расы), однородному сообществу людей, не только говорящих на одном и том же языке, но и обладающих сходной психологией, законами и обычаями, а также придерживающихся аналогичных религиозных представлений. Иными словами, семитов считают одним многочисленным народом. Обоснованна ли данная точка зрения? Эта проблема, несомненно, крайне важна для изучения рассматриваемой нами темы, поэтому на ней следует остановиться подробнее.

В древности люди, говорившие на семитских языках, жили на Аравийском полуострове и недалеко от него на севере – в Сирийской пустыне, в Сиро-Палестинском регионе и на территории Плодородного полумесяца. Это ясно очерченный небольшой по площади регион, со всех сторон отделенный от окружающего мира морем и высокими горами. Существует классическая точка зрения, согласно которой изначально все семиты входили в состав кочевых племен, обитавших в центре этого района. В различные промежутки времени многочисленные группы покидали данную местность, стремясь поселиться (мирно или не очень) в периферийных районах, в основном в Месопотамии, Сирии и Палестине. К их числу относились:

- аккадцы в 4-м тыс. до н. э.;
- западные семиты (хананеи-финикийцы и амореи) в Междуречье и Сиро-Палестинском регионе в 3-м и 2-м тыс. до н. э.;
- арамеи по всему Плодородному полумесяцу в XII в. до н. э.;
- набатеи и другие доисламские арабы со II в. до н. э. по VI в. н. э.;
- арабы-мусульмане с VII в. н. э.

Эта теория хороша, особенно когда речь идет о трех последних лингвистических группах, так как она позволяет в общих чертах описать ход определенных событий. Однако, когда речь заходит о деталях, ее не удастся применить, не внеся в нее значительные коррективы. О том, чтобы считать Сирийскую и Аравийскую пустыни центрами расселения семитов, не может быть и речи. Благоприятные для жизни условия существуют только в Йемене и в некоторых частях Хадрамаута и Омана, а также в нескольких оазисах в самой Аравии.

У нас имеются большие сомнения в том, что пустыня, расположенная в центре Аравии, была вообще населена в эпоху между периодом палеолита, когда на ее месте находилась саванна, и 1-м тыс. до н. э. Жизнь в обширных пустынях подразумевает сезонные миграции на большие расстояния в поисках пастбищ, но до распространения в XII в. до н. э. на Ближнем Востоке одомашненных верблюдов были возможны лишь путешествия на незначительные дистанции. До этого кочевники, передвигавшиеся на ослах и разводившие овец, были гораздо более серьезно ограничены в передвижениях, чем современные бедуины, и не могли выходить далеко за пределы покрытой травой степи, простиравшейся между Тигром и Евфратом у подножия гор Загроса, Тавра и в районе Ливана. Там они часто сталкивались и близко общались с местным земледельческим населением, покупавшим у них овец в обмен на зерно, финики, орудия труда, оружие и другие предметы и блага.

Отношения между кочевниками и земледельцами могли принимать различные формы. Как правило, они встречались в деревнях или на базарах, разбитых за пределами поселений, и обменивались товарами, а также некоторыми представлениями. Затем кочевники возвращались в степь, которая могла быть расположена всего в нескольких километрах. Иногда отдельные люди уходили из племени в поисках работы в городах в качестве наемников, ремесленников или торговцев. Порой отдельная семья, «клан» или все племя приобретало (или получало в дар) землю и начинало заниматься земледелием и разведением овец. Нередко местные власти брали кочевников под свой контроль, используя их в случае необходимости в качестве вспомогательных войск. Но во времена политических неурядиц ситуация могла измениться: племена или их союзы вступали в войну против оседлого

населения, грабили города и занимали определенную территорию, где постепенно оседали. Таким образом, переход кочевников к оседлому образу жизни был медленным, почти непрерывным процессом, в рамках которого иногда случались вооруженные столкновения. Он представлял собой не движение от пустынного центра к плодородной периферии, а набор непродолжительных миграций внутри ее самой – от степи к орошаемым землям.

Таким образом, истинной родиной племен, говорящих на семитских языках, являются Плодородный полумесяц и, возможно, некоторые окраины Аравийского полуострова. Насколько мы можем судить, они находились там с доисторической эпохи, но на исторической сцене появлялись в различные периоды – когда обретали письменность, проявляли вооруженную активность или приобретали политическое влияние, благодаря чему упоминались в письменных источниках, оставленных оседлым населением.

Из того, что большая часть кочевых племен, живших на Ближнем Востоке, говорила на семитских языках, вовсе не следует вывод, согласно которому все разговаривавшие на них были кочевниками. Неспособность осознать это привела к множеству ошибок. Черты, справедливо или ошибочно приписывавшиеся семитам в целом: «их горячий, нетерпеливый, переменчивый и эмоциональный тип мышления», «монотеистические, антимифологические и антиритуальные религиозные представления», социополитические взгляды, вращавшиеся вокруг племени, – все это относится только к семитам-кочевникам и во многом происходит из их образа жизни. Однако если некоторые арабы, арамеи и западные семиты относятся к этой категории, то действительность того, что аккадцы в Месопотамии и хананеи-финикийцы в Сиро-Палестинском регионе изначально также были кочевниками, мы доказать не в состоянии.

Мы не знаем, когда семиты впервые пришли в Междуречье (если они вообще туда приходили). Некоторые исследователи пытались соотнести то или иное переселение племен, произошедшее в протоисторические времена, с вторжением семитов, но слишком большое расхождение во мнениях по этому вопросу равнозначно признанию полной неосведомленности. Судя по географии обнаружения относящихся к раннединастическому периоду текстов, содержащих личные имена семитского происхождения, и немногочисленных источников, написанных на семитском языке, на юге, где преобладало шумерское население, семиты оказались в меньшинстве, но в районе Киша они были весьма могущественны и активны, а возможно, и преобладали. Проанализировав тексты из архива Мари и более поздние письменные источники, мы можем с почти полной уверенностью утверждать, что эти люди составляли значительную часть населения Северного Ирака. Начиная со времени правления Саргона центральная часть Месопотамии – от Ниппура до, возможно, Хита и Самарры, включая долину, расположенную в нижнем течении Диялы, – называлась страной Аккад (это слово, как правило, выписывалось с шумерской идеограммой *ури*). Таким образом, древнейших семитов, живших в Междуречье, можно называть аккадцами. Их язык, аккадский, составляет отдельную ветвь семитских языков, а писали на нем при помощи клинописи, изобретенной шумерами для обозначения слов их собственного языка. Адаптация вышла не самой удачной, так как два этих языка совершенно не связаны друг с другом, как и, например, китайский и латынь. В то время как в аккадский язык вошло довольно много шумерских слов, шумеры позаимствовали у аккадцев совсем немного (например, *хази* – «топор», *шам* – «цена», *сум* – «чеснок»).

Это почти все, что мы можем узнать по имеющимся в настоящее время источникам. Однако следует обратить внимание, что ни в одном шумерском тексте аккадцы не названы врагами, захватчиками или кочевниками. И хотя вполне возможно, но не доказано, что организация общества и политическое устройство, принятые у аккадцев, отличались от тех, на базе которых были основаны шумерские города-государства, с уверенностью можно утверждать: аккадцы занимались земледелием, жили в деревнях и городах и разделяли образ жизни, религию и культуру своих соседей – шумеров. Насколько нам известно в настоящее время, единственное очевидное различие между аккадцами и шумерами заключалось в языке. Во всех остальных отношениях представителей двух этих этнических групп

невозможно отличить друг от друга. Преобладание аккадцев в эпоху правления Саргона и его потомков изменило ход истории, но не повлияло на по большей части шумерский характер месопотамской цивилизации.

Саргон Аккадский

Правление Саргона, первого царя Аккада, произвело на шумеро-аккадцев столь яркое впечатление, что его личность на долгое время стала легендарной. В источнике, написанном в новоассирийский период, приведен рассказ о его рождении и раннем детстве, напоминающий истории о Моисее, Кришне и других выдающихся людях:

Мать моя – жрица, отца я не ведал,
Брат моего отца в горах обитает,
Град мой – Ацупирану, что лежит на берегах Евфрата.
Понесла меня мать моя, жрица, родила меня втайне.
Положила в тростниковый ящик, вход мой закрыла смолою,
Бросила в реку, что меня не затопила.
Подняла река, понесла меня к Акки, водоносу.
Акки, водонос, багром меня поднял,
Акки, водонос, воспитал меня, как сына.
Акки, водонос, меня садовником сделал.
Когда садовником был я, Иштар меня полюбила,
И пятьдесят четыре года на царстве был я¹⁰.

В лучшем случае этот рассказ сильно приукрашен, хотя из более достоверных источников нам известно, что человек, называвший себя Шаррукином, «истинным (легитимным) царем», происходил из низов общества. Будучи чашеносцем правителя Киша Ур-Забабы, он каким-то неизвестным нам образом сумел низвергнуть своего господина и выступить против Урука, где правил владыка Шумера Лугальзагеси. Тот, несмотря на то что в его распоряжении находились 50 *энси*, потерпел поражение, был захвачен в плен, привезен в Киш в «собачьем ошейнике» и выставлен на всеобщее обозрение у ворот Энлиля. Затем узурпатор напал на Ур, Лагаш и Умму. Везде он одерживал победы и в каждом городе «разрушал стены». Для того чтобы показать, что весь Шумер находится в его власти, Саргон совершил символический жест, который затем будут повторять и другие монархи, – омыл свое оружие в водах Персидского залива.

Саргон не стал довольствоваться весьма престижным титулом «царь Киша» – он был более амбициозен. Где-то на берегах Евфрата он основал новую столицу – Аккад, единственную царскую резиденцию Древнего Ирака, точное местонахождение которой неизвестно. Там он построил дворец и храмы для своей богини-покровительницы Иштар и Забабы, бога-воина, защитника Киша. Основным новшеством, связанным с его правлением, стало превосходство семитов над шумерами. Во все ключевые города-государства градоправителями были назначены аккадцы, а на аккадском языке, как и на шумерском, стали составляться официальные надписи. В то же время Саргон с уважением относился к шумерской религии – он сделал свою дочь жрицей бога луны и покровителя Ура Нанны. Называя себя «помазанным жрецом Ану» и «великим *энси* Энлиля», царь Аккада продемонстрировал, что не хочет нарушать древние и весьма уважаемые традиции.

Утвердив свою политическую и идеологическую власть над Шумером, а также значительно увеличив численность своего войска, Саргон предпринял несколько военных походов по меньшей мере в двух направлениях: вдоль Тигра в сторону Ирана и по Евфрату по направлению к Сирии. На востоке он столкнулся с ожесточенным сопротивлением войска,

10 Перевод И. Дьяконова. (Примеч. пер.)

собранных четырьмя правителями с юго-востока Персии с царем Авана во главе. В конечном итоге враги были повержены, несколько городов – разграблено, а различные правители, наместники и цари Элама, Варахше и соседних районов признали власть Саргона. Очевидно, именно тогда, возможно, сам Саргон превратил Сузы из небольшого торгового поселения в столичный город. Что бы он ни сделал для этого – вложил средства или просто согласился с переносом столицы с гор Авана на равнину, – царь Аккада вряд ли предвидел, что правитель Элама внесет свой вклад в падение его династии или что через несколько столетий топоним Сузы станет синонимом поражения и унижения Месопотамии.

Поход на северо-запад описан (возможно, ошибочно) почти как вооруженная прогулка. Саргон утверждает, что в Тутуле (Хите) он «простерся перед Даганом» (богом плодородия, которому поклонялись все обитатели местности в среднем течении Евфрата) и что «он (Даган) даровал ему верхнюю землю, (а именно) Мари, Ярмути (и) Иблу, вплоть до Кедрового леса (и) до Серебряной горы». Ярмути и Ибла, несомненно находившиеся в Северной Сирии, до сих пор точно не локализованы, но под Кедровым лесом, очевидно, подразумевается Ливан или Аманос, а под Серебряной горой – Таврские горы. Как понятно по обоим названиям, Саргон стремился обеспечить свою державу древнею синей и металлом, которые теперь можно было беспрепятственно и безопасно спускать по Евфрату в Шумер и Аккад.

Это все, о чем нам рассказывают достоверные источники – надписи самого Саргона. Однако можно предположить, что в них не описан один или даже несколько походов на север вдоль Тигра по меньшей мере до широты Мосула, так как тогда в этом регионе появились таблички с текстами, написанными на аккадском языке, а в Ниневии была обнаружена прекрасная бронзовая голова, которую большинство ученых считает изображением самого Саргона.

Как нам следует относиться к нескольким анналам, предсказаниям и литературным произведениям, написанным в более позднее время и содержащим подробное, нередко поэтическое описание походов и завоеваний Саргона? Где, например, в эпической песне, известной нам под названием «Царь битвы», в которой говорится, будто царь Аккада зашел в самое сердце Малой Азии, чтобы защитить местных купцов от притеснений, учиненных правителем Пуршаханды, заканчивается описание исторических событий и начинается вымысел? Можно предположить, что Саргон действительно совершил успешные походы в Курдистан и, возможно, через Персидский залив добрался до Омана, но стоит ли верить, что он «пересек Западное море» и побывал на Кипре и Крите, как сказано в пророчестве и довольно невразумительном списке географических названий? Личность первого великого месопотамского завоевателя разжигала воображение древних авторов. Для них царь, сказавший: «Пусть любой царь, захотевший стать мне равным, дойдет до тех мест, где я бывал», вполне мог завоевать весь мир. Конечно, чрезмерный скептицизм, как и излишняя легковёрность, нежелательны, так как в большинстве из этих рассказов, скорее всего, присутствует хотя бы крупица правды.

Великолепное царствование Саргона продлилось на протяжении целых 55 лет (ок. 2371–2316 до н. э.). «Когда он был стар, – говорится в довольно поздних вавилонских анналах, – все страны восстали против него и осадили его в Аккаде». Но у старого льва еще остались зубы и когти: «Он вышел на битву и победил их; он опрокинул их и уничтожил их многочисленное войско». Ниже говорится следующее: «Субарту (кочевые племена Верхней Джазиры) напали в своей мощи, но покорились его рукам, и Саргон добрался до их жилищ и жестоко расправился с ними».

Аккадская держава

События, омрачившие последние годы правления Саргона, были предзнаменованием масштабного восстания, разразившегося в Шумере и Иране после его смерти. Его сын и преемник Римуш отважно подавил его, но ему бросили вызов собственные придворные.

Через девять лет после его воцарения (2315–2307 до н. э.), в течение которых он предпринял успешный поход в Элам, «его слуги», как сказано в одном вавилонском пророчестве, «убили его с помощью своих табличек», а значит, уже тогда письменное слово стало смертельным оружием.

Место Римуша занял Маништушу, возможно бывший его братом-близнецом (по крайней мере, судя по его имени, которое можно перевести как «Кто с ним?»). Одним из ключевых событий, произошедших в его правление, стал поход в земли на другом берегу Персидского залива, описанный следующим образом: «Маништушу, царь Киша, когда он покорил Аншан и Ширикум (в Юго-Восточном Иране), он пересек Нижнее море на кораблях. Цари городов на другом конце моря, 32 всего, собрались на битву. Он победил их и подчинил их города. Он низверг их правителей и захватил всю страну вплоть до серебряных рудников. Горы за Нижним морем, их камни он увез, и сделал свою статую, и подарил ее Энлилю». Вопрос о том, где были расположены эти «горы за Нижним морем» – в Омане или Персии, остается спорным, но о цели этой экспедиции в источнике сказано вполне отчетливо.

Разобравшись в ситуации, сложившейся в Месопотамии в это время, мы поймем, для чего именно царю был нужен этот поход. На севере Междуречья находились войска Саргона, но они не могли эффективно контролировать данный регион. Население Джазиры и Северной Сирии снова обрело свободу. Дальше на севере хурриты, которые вскоре станут играть важную роль в истории Древнего Ирака, заняли Таврский хребет от Уркеша, находящегося к северу от Каркемиша, до страны Намар, что простиралась вокруг озера Ван, а на юге, возможно, до Верхнего Заба. Их восточные соседи, луллубеи, укрепились на равнине Шехризор, неподалеку от Сулеймании. За ними, вокруг Хамадана в центральной части Загроса, жили дикие гутии, а еще южнее – беспокойные племена, поселившиеся вокруг Элама. Все эти народы относились к аккадцам как угодно, только не дружелюбно, и, так как они контролировали все пути, ведущие из Анатолии, Армении и Азербайджана в Месопотамию, последняя была отрезана от традиционных источников меди, олова и серебра. «Бронзовые маршруты» закрылись, и у аккадцев было только два выхода: обеспечить себя другими источниками металла, такими как Оман или Юго-Восточная Персия, или сражаться на севере.

Сын Маништушу Нарам-Суэн («Любимец Сина») выбрал войну, и по крайней мере в течение некоторого времени ему сопутствовал успех. К титулу «царь Аккада» он с гордостью добавил «царь четырех сторон света» (*шар кибрат арбаим*) и «правитель вселенной» (*шар кишишати*). Более того, перед его именем в текстах ставили изображение звезды, идеограмму, обозначающую слово «бог», которая на шумерском языке читалась как *дингир*, а на аккадском – как *илу*. Таким образом, царь, подобно Лугальбанде и Гильгамешу, стал богом. Мания величия? Несомненно, нет. Великих ассирийских царей 1-го тыс. до н. э. никогда не обожествляли. Но следует признать, что обожествление некоторых отдельных правителей в Древней Месопотамии имело место, и пока мы не в состоянии полностью понять эту практику. Существует мнение о том, что божественный титул принимали только те правители, которые выступали в роли мужского божества во время обряда священного брака, проходившего в рамках празднования Нового года. Другие полагали, будто обожествление было единственным способом, с помощью которого эти создатели первых месопотамских держав могли обеспечить себе полное подчинение со стороны различных *энси* своего царства. Однако оба этих объяснения гипотетические и весьма спорные.

Нарам-Суэн был сделан из того же теста, что и его дед Саргон, и, подобно ему, стал легендарным персонажем. На протяжении почти всего своего продолжительного правления (2291–2255 до н. э.) он совершал военные походы на периферию Месопотамии. На западе он «разрушил Арманум (Алеппо?) и Эблу оружием бога Дагана» и «взял верх над Аманосом, Кедровой горой». Судя по царскому рельефу, вырезанному на скале неподалеку от Диярбакыра, на севере Нарам-Суэн предпринял поход против хурритского государства Намар, а в Телль-Браке, стратегическом пункте в самом сердце бассейна реки Хабур, позволявшем контролировать все дороги Джазиры, была построена царская резиденция.

Вероятно, далеко на юге восстал Маган (Оман?), так как Нарам-Суэн «выступил против Магана и лично захватил Маниума, его царя».

Однако основной поход был направлен против могущественных луллубеев. Победа аккадцев над ними увековечена на другом рельефе – в Дарбанд-и-Гавре, неподалеку от Сарипуля (Иран), и на шедевре месопотамского искусства – знаменитой стеле, обнаруженной в Сузах и в настоящее время являющейся одним из наиболее ценных экспонатов Лувра. На нем Нарам-Суэн с рогатой короной богов на голове, вооруженный луком, поднимается на высокую гору, наступая на мертвые тела поверженных им врагов. За ним идут его солдаты, над которыми возвышается царь. Боги, затмевавшие людей в шумерской скульптуре раннединастического периода, теперь стали обозначаться с помощью незаметных символов – двух звезд на небе.

Закончилось ли царствование Нарам-Суэна почти полной катастрофой? В одной из легенд говорится, что царь был «озадачен, приведен в замешательство, погружен в уныние и горе, изнурен» из-за масштабного вторжения луллубеев и других врагов, но в итоге одержал победу. Но и в данном случае следует учитывать, что перед нами смесь реальных и выдуманных фактов.

Однако не может быть ни малейших сомнений, что Нарам-Суэн был последним выдающимся представителем своей династии. Вскоре после его смерти ситуация на границах его державы накалилась до предела. Во время его правления Элам и Месопотамия находились в дружественных отношениях: царь благоволил к Сузам, и предприимчивый правитель Элама Пузур-Иншушинак по его поручению подчинил племена, жившие в южной части Загроса. Однако при преемнике Нарам-Суэна Шаркалишарри Пузур-Иншушинак объявил о независимости своей страны, заменил аккадский язык эламским и осмелился принять высший титул – «царь вселенной». У правителя Аккада, имя которого по иронии переводится как «царь царей», не хватило сил, чтобы помешать Пузур-Иншушинаку, так как в это время он был очень занят подавлением восстаний в Шумере и войнами против луллубеев, гутиев и сирийских кочевников.

Подобно Римушу и Маништушу, Шаркалишарри пал жертвой дворцового заговора (2230 до н. э.), и Аккадская держава развалилась так же быстро, как и была создана. В столице царя анархия, которую не обошли стороной даже составители Шумерского царского списка: «Затем кто был царем? Кто не был царем. Кто был царем? Кто в самом деле был царем? Был Игиги царем? Был Ими царем? Был Нанум царем? Был Элулу царем? И четверо из них правили только три года». Несколько шумерских городов получили независимость, следуя примеру Урука, где начиная с последних дней правления Нарам-Суэна царствовала собственная династия (IV династия Урука, в которую вошли пять царей, правивших на протяжении 30 лет). Пузур-Иншушинак организовал набег на Месопотамию и добрался до окрестностей Аккада. В Курдистане правитель луллубеев Аннубанини приказал вырезать на скале свое изображение и надпись на аккадском языке, в которой он хвастался многочисленными завоеваниями. Однако победу в решающей битве одержали не эламцы или луллубеи, а гутии. Правда, мы не знаем, когда и где она произошла и каким образом это им удалось. В царствование последних марионеточных правителей Аккада они уже находились на территории Месопотамии, и на протяжении примерно столетия шумерам и аккадцам приходилось подчиняться царям, отзывавшимся на такие странные имена, как Инимагабеш или Джарлагаб.

Взлет и падение Аккадской державы прекрасно иллюстрируют судьбы всех месопотамских держав, создававшихся позднее: за быстрой экспансией следовали постоянные восстания, дворцовые перевороты, военные столкновения на границах и, наконец, решающий удар от рук горцев: сначала гутиев, потом эламцев, касситов, мидийцев и персов. Для того чтобы обеспечить существование на территории такой страны, как Ирак, цивилизации, основанной на земледелии и обработке металла, необходимо было соблюсти два условия: постоянное сотрудничество между представителями различных этнических и общественно-политических групп в самой стране и сохранение дружественных или по

крайней мере нейтральных отношений с соседями. К несчастью, ни первое, ни второе не может сохраняться на протяжении длительного времени. Шумеры, охваченные стремлением к независимости, уходящим корнями в далекое прошлое и основанным на привязанности к местным божествам, не могли смириться с необходимостью подчиняться общему правителю, который по вполне понятным причинам всегда оказывался иноземцем. С другой стороны, сокровища, скапливавшиеся в богатых городах на равнине, не давали покоя бедным пастухам, жившим на холмах или в степи, и они отправлялись в грабительские набеги. Для того чтобы свободно передвигаться по жизненно важным для них торговым путям, жители Месопотамии не могли ограничиться сдерживанием племен на солидном расстоянии – им нужно было одержать над кочевниками победу, подчинить их. В этой бесконечной партизанской войне на два фронта цари Аккада, как и правители Ура, Вавилона и Ассирии в более позднее время, истощали свои силы, и рано или поздно их державы рушились.

Смерть Шаркалишарри в 2230 г. до н. э. олицетворяла конец «аккадского периода», как это время нередко называют. Каким бы коротким ни был данный период, он оказал на историю Междуречья сильнейшее влияние, сохранявшееся на протяжении длительного времени. Географический кругозор шумеров значительно расширился. Семитский язык аккадцев стал использоваться большим количеством людей, и два древнейших из живших в Ираке народов тесно переплелись. Шумеро-аккадскую культуру и способствовавшую ее распространению клинопись переняли не только народы, жившие на севере Месопотамии, но и хурриты, луллубеи и эламцы. В Месопотамию, в свою очередь, в больших количествах стали поступать бронза, серебро, древесина и камень, в то время как многочисленные пленники, ставшие рабами, могли использоваться в качестве дешевой рабочей силы. Под влиянием Междуречья оказались Элам, Бахрейн (Дильмун), Оман (Маган?) и весь Персидский залив, а в самом Ираке археологи находят протоиндийские печати, сосуды и украшения, свидетельствующие о наличии торговых связей с долиной Инда (возможно, в письменных источниках ее называли Мелуххой), где процветали блестящие цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро. В искусстве появились тенденции к реализму, и более или менее условные изображения раннединастического периода уступили место настоящим портретам. Говоря о политической организации, следует признать, что этот период ознаменован упадком небольших городов-государств, предвещавшим появление больших централизованных царств. Что касается социальной и экономической сфер, то свойственное аккадцам развитие частной инициативы и появление обширных царских владений «поколебали фундаментальные принципы, на которых базировалось шумерское храмовое государство». Даже шумерский ответ, следовавший за аккадской интермедией, не смог полностью возродить старые идеи и обычаи. Во многом правители Ура следовали по пути, проложенному Саргоном и его преемниками.

Глава 10

Шумерское возрождение

Мы почти ничего не знаем о гутиях, уничтоживших Аккадскую державу и правивших в Месопотамии на протяжении почти столетия. В Шумерском царском списке говорится о «войсках гутиев», о 21 царе, но до нашего времени сохранились надписи лишь пяти из них. Этот факт, наряду с отсутствием информации из других источников, свидетельствует о том, что в данный период в стране царили политические волнения, а культура находилась в упадке. Захватчиков, несомненно, было не очень много, но они сумели разорить страну, вероятно, разрушили Аккад и захватили Ниппур, а также несколько стратегически важных пунктов. Когда примерно в 2120 г. до н. э. *энси* Урука Утухенгаль собрал войско и выступил против «дракона горы, врага богов», за ним последовало несколько правителей с юга Ирака. Ненавистные иноземцы потерпели поражение, их царь Тирикан пытался бежать, но был схвачен и передан предводителю шумеров: «Тирикан пал к его ногам, а он поставил на него свою ногу, и власть над Шумером вернулась в его руки».

Ниппур, несомненно, восстановили, а Урук, в котором со времен Гильгамеша правили четыре династии, снова встал во главе городов-государств. Однако пятая династия просуществовала недолго: через семь лет правления Утухенгаль был изгнан одним из своих чиновников – Ур-Намму¹¹, наместником Ура, принявшим титул «царь Ура, царь Шумера и Аккада». Так была основана III династия Ура (ок. 2113–2096 до н. э.), представители которой правили на протяжении одного из наиболее блистательных периодов в истории Древнего Ирака, ибо Ур-Намму и его преемники не только вернули под свою власть все земли, входившие в состав Аккадской державы, но и даровали Месопотамии столетие относительного спокойствия и процветания, а также способствовали возрождению всех областей шумерского искусства и литературы.

Ур-Намму и Гудеа

По сравнению с саргонским периодом от времени правления III династии Ура, новошумерского периода, как его иногда называют, до нас дошло не так уж много надписей, и, как бы мы того ни хотели, мы не можем подробнее узнать о битвах, с помощью которых Ур-Намму расширял свое царство. За низвержением гутиев последовало убийство Утухенгаля («река унесла его труп»), из-за чего, очевидно, образовался политический вакуум. Можно предположить, что все Междуречье оказалось во власти правителей Ура в течение относительно короткого промежутка времени.

Остальную часть своего правления (2113–2096 до н. э.) Ур-Намму посвятил выполнению внутренних, хотя и не менее важных задач, – он восстанавливал порядок и возвращал своим владениям процветание, а также заботился о богах. Ур-Намму «освободил страну от воров, грабителей и мятежников» и разработал свод законов, очевидно являющийся древнейшим в мире. Табличка, на которой они записаны, находится в очень плохой степени сохранности. Говоря о самих законах, интересно отметить, что по крайней мере некоторые преступления, такие как население физических увечий, не карались смертью или калечением, как в более поздних законах Хаммурапи или еврейском законе. Виновник должен был заплатить пострадавшему компенсацию серебром, вес которого зависел от тяжести преступления. Таким образом, перед нами предстает гораздо более изысканное и цивилизованное общество, чем принято считать.

Ур-Намму способствовал развитию земледелия и транспортной инфраструктуры, выкопав несколько каналов. Он восстановил торговлю с Маганом, оказавшуюся в упадке в правление гутиев; укрепил города, чтобы лучше подготовить их к будущим войнам; перестроил и восстановил множество зданий. Однако археологи всегда будут связывать имя Ур-Намму с зиккуратами, или ступенчатыми башнями, возведенными в Уре, Уруке, Эриду, Ниппуре и других городах и до сих пор являющимися наиболее впечатляющими сооружениями на этих городищах.

В качестве примера можно привести лучше всего сохранившуюся из этих ступенчатых башен – зиккурат в Уре. Построенный из кирпича-сырца, но облицованный слоем обожженных кирпичей шириной почти 2,5 м, скрепленных битумом, он имеет основание 46 × 61 м. Эта башня состоит из по меньшей мере трех этажей, и, несмотря на то что сохранились лишь первый и часть второго этажа, в настоящее время ее высота превышает 18 м. Благодаря отчасти своим прекрасным пропорциям, отчасти – тому, что все линии слегка изгибаются (жители Месопотамии придумали этот прием задолго до греческих архитекторов, строивших Парфенон и применивших его почти через 2000 лет), это огромное сооружение кажется легким и воздушным. У северо-восточной стены башни располагались три длинные лестницы, сходящиеся в одной точке между первой и второй платформами. Оттуда некогда шли другие лестницы, по которым можно было подняться на второй и третий этажи, а затем и в святилище, расположенное на самом верху. Зиккурат стоял на большой террасе в самом

¹¹ Это имя переводится как «человек богини Намму» и никоим образом не связано с городом Уром.

сердце «священного участка» – территории, окруженной стеной, предназначенной для богов и царей и занимавшей большую часть северной половины города. Он отбрасывал тень на большой двор храмового комплекса бога луны Нанны и его супруги Нингаль – низко расположенного открытого пространства, вокруг которого находились склады и жилища жрецов, – на царский дворец и другие менее важные здания. Возвышающаяся над стенами столицы, башня отражалась в водах Евфрата, который протекал мимо нее на западе. Даже сейчас округлая красно-коричневая «пирамида», стоящая на вершине гигантского сероватого холма, под которым скрыты руины города, является ориентиром, заметным за много километров.

Зиккураты, некогда построенные в других городах, сохранились не так хорошо, а некоторые детали их архитектуры отличают их от башни, возведенной в Уре. Однако их форма, ориентация в пространстве и положение относительно основных храмов остаются неизменными. С какой же целью возводили подобные здания?

Пионеры месопотамской археологии наивно полагали, будто зиккураты служили для «халдейских» звездочетов обсерваториями или башнями, «в которых жрецы бога Бела могли скрыться ночью от жары и москитов». Однако все эти гипотезы, очевидно, не соответствуют действительности. Почти сразу в голову любого человека, увидевшего зиккурат, приходит мысль о египетских пирамидах. Конечно, египетское влияние на шумерских архитекторов полностью исключать нельзя, но следует обратить внимание на то, что, в отличие от пирамид, внутри зиккуратов никогда не находились гробницы или какие-либо другие помещения. Как правило, их возводили над более древними и гораздо более скромными сооружениями, построенными на протяжении раннединастического периода. В свою очередь, эти невысокие одноэтажные древнейшие зиккураты, как сейчас принято считать, произошли от платформ, на которых стояли храмы убейдского, урукского и протописьменного периодов.

Тем не менее знание о том, что эти прекрасные башни, построенные Ур-Намму, представляют собой последнюю стадию развития архитектуры, не позволяет нам делать выводы об их религиозном значении. Почему именно платформы и башни? Филология не помогает решить эту проб лему, так как слово «зиккурат» происходит от глагола *zakaru*, который переводится всего лишь как «строить высоко». Пытаясь ответить на этот вопрос, можно присоединиться к числу сторонников одной из нескольких теорий.

Некоторые исследователи полагают, что шумеры изначально жили в горах, на вершинах которых они и поклонялись своим богам. Таким образом, возводившиеся ими башни должны были стать своего рода искусственными горами, возвышающимися над Месопотамской низменностью. Другие ученые, отрицая это упрощенное и во многом довольно спорное объяснение, полагают, что храмовая платформа (а значит, и зиккурат) предназначалась для того, чтобы возвысить главного городского бога над другими божествами и отдалить его от «мирян». Исследователи, относящиеся к третьей группе, видят в зиккурате огромную лестницу, мост, соединявший расположенные ниже храмы, где проводились ежедневные ритуалы, и находившееся наверху святилище, располагавшееся на полпути между землей и небом, где в определенных случаях люди могли встретиться с богами. Полагаем, что сторонники последней точки зрения подошли к истине ближе, чем все остальные.

Пожалуй, лучшее определение зиккурата содержится в Библии (Быт., 11: 4), где говорится, что Вавилонскую башню строили, чтобы она стала «высотой до небес». В глубоко религиозном сознании шумеров эти огромные, но в то же время удивительно воздушные сооружения были «молитвами из кирпичей» (по аналогии с готическими соборами, ставшими «молитвами из камня»). Они служили постоянным приглашением богам спуститься на землю и в то же время выражением одного из важнейших стремлений человека – подняться над своей немощностью и вступить в более тесные отношения с божеством.

Из-за того что кирпичи с именем Ур-Намму были обнаружены по всей территории Южного Ирака, может показаться, будто строительство храмов было привилегией одного лишь царя. Однако мы знаем, что правитель одного города неподалеку от столицы развернул там грандиозный строительный проект, причем с поистине царским размахом. Речь в данном

случае идет о Лагаше и его знаменитом *энси* Гудеа.

Выше (в главе 8) говорилось, что правитель Уммы Лугальзагеси положил конец затянувшемуся конфликту между своим городом и Лагашем, предав последний огню и превратив его в груды развалин. Однако в действительности древневосточные города редко разрушались полностью, как бы ни пытались нас убедить в этом авторы письменных источников. Лагаш каким-то образом пережил данную катастрофу. Ближе к концу правления гутиев в нем стали царствовать энергичные *энси*, очевидно сумевшие сохранить независимость и решившие вернуть своему городу прежнюю славу. Одним из них стал Гудеа, современник Ур-Намму или, возможно, последний из правителей-гутиев, многочисленные статуи и надписи которого являются превосходными образцами достижений шумеров в сфере искусства и литературы.

Гудеа построил (или, скорее, перестроил) по меньшей мере 15 храмов в Лагаше, но ни к одному из них не был так щедр, как к Эннину, храму божественного покровителя города Нингирсу. В надписях, вырезанных на двух больших глиняных цилиндрах и на некоторых его статуях, Гудеа подробно объясняет, зачем и каким образом был возведен данный храм, при этом ненамеренно снабжая нас бесценными сведениями о сложных обрядах, связанных с закладкой месопотамских святилищ. Для шумерского мышления вполне характерно утверждать, будто решение о постройке храма исходило не от правителя, а от божества, высказавшего свое желание в загадочном сне:

Во сне человек один явился. Рост его подобен небу,
Земле подобны его размеры.
По венцу на главе его, он – бог!
На руке – Анзуд,
У ног – потоп!
Справа и слева львы лежат.
Храм его построить он мне приказал,
Но смысла сна я не понял.
Солнце взошло над окомом,
И жена одна – кто она? Кто она?
Воздымаясь, расчищала место.
Стило серебряное держит в руке,
Табличку звезд доброго неба
И советуется с табличкой...¹²

Озадаченный и растерянный, Гудеа сначала отправился искать утешения у своей «матери» – богини Гатумдуг, а затем поплыл на лодке к храму богини Нанше, прорицательницы, всемудрейшей, вседостойной. Та объяснила, что этим человеком был Нингирсу, а женщиной – Нисаба, богиня науки. Нанше посоветовала Гудеа сделать для бога колесницу, украшенную блестящим металлом и ялпис-лазурью:

Сердце владыки что небо просторно.
Сын Энлиля Нингирсу о тебе позаботится.
Очертания храма тебе объяснит.
Герой – Сути его огромны,
Он к тебе протянет руку.

Гудеа подчинился. Собрав вместе жителей Лагаша, «будто сыновей одной матери», и

¹² Здесь и далее строительная надпись Гудеа цитируется в переводе В.К. Афанасьевой по изданию: *От начала начал. Антология шумерской поэзии*. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. С. 238–240. (Примеч. пер.)

установив мир в каждом доме, он провел очистительные обряды: «Он очистил священный город и окружил его огнями... Он набрал глину в самом чистом месте; в чистом месте он сделал из нее кирпичи и поместил кирпичи в форму. Он выполнил обряды во всем их великолепии: он очистил основания храма, окружил его огнями, смазал платформу ароматной мазью»¹³. Когда это было сделано, издали привезли мастеров:

«Из Элама пришли эламцы, из Суз – их обитатели. Маган и Мелухха собрали древесину со своих гор... И Гудеа привел всех их в город Гирсу.

Гудеа, великий жрец-эн Нингирсу, проложил путь в Кедровые горы, где никто не был прежде. Он срубил ее кедры огромными топорами... Подобно гигантским змеям, кедры плыли по воде (реки)...

В каменоломни, где никто не бывал прежде, Гудеа, великий жрец-эн Нингирсу, проложил путь, и затем камни были доставлены в виде огромных блоков... Многие другие драгоценные металлы были доставлены энси. С Медной горы Кимаш... ее медь добывалась во множестве; золото привозили с ее гор, как пыль... Для Гудеа они добывали серебро в ее горах, доставляли красный камень из Мелуххи в огромных количествах».

Наконец началось само строительство, и уже через год прекрасно обустроенное и готовое к прибытию бога святилище было готово:

Экур Энлиля – великий праздник!
Могучая сила его излучений
Священным трепетом в Страну ударяет.
Сиянье его почитанья
Ко всем чужеземным странам близится.
Храм Эннину – трепетанье его излучений все страны,
словно тканью, покрыло!

К сожалению, от этого великолепного храма почти ничего не сохранилось. Мы могли бы заподозрить Гудеа в преувеличении, если бы в нашем распоряжении не оказались 17 статуй энси, большинство из которых было обнаружено в ходе незаконно проводившихся раскопок. Вырезанные из твердого, отполированного диорита, привезенного из Магана, они отличаются простотой линий, минимумом деталей и экспрессией, позволяющими им занять далеко не последнее место среди величайших произведений мировой скульптуры. Если подобные шедевры хранились в святилищах Лагаша, вполне можно поверить, что остальное их убранство и сами здания не уступали им.

Гудеа изображен в виде спокойно сидящего юноши с легкой улыбкой на губах. Его руки сложены перед грудью, ладони собраны в «замок». Возле его колен лежит план храма или линейка. Этот человек был лучшим проявлением того типа правителей, которому вскоре суждено было исчезнуть, идеальным шумерским царем, благочестивым, справедливым, образованным, верным древним традициям, заботящимся о своем народе, исполненным любовью и гордостью за родной город и (по крайней мере в этом отдельно взятом случае) мирным (в надписях Гудеа упомянут только один военный поход – в Аншан (восток Элама)). Мы можем быть полностью уверены, что древесину, металл и камень привозили в Лагаш торговцы, а не солдаты, добывавшие их благодаря завоеванию тех или иных территорий. Мы не знаем, что купцы получали в обмен на эти товары, но обширность торговых связей энси Лагаша свидетельствует о том, что шумерский город, несмотря на двухсотлетнее пребывание в составе Аккадского государства и столетнее иноземное владычество, достиг невероятного процветания.

¹³ В связи с тем, что этот и следующий фрагменты текста не переведены в названном выше издании, их перевод сделан с английского языка, по цитатам, содержащимся в книге Ж. Ру. (Примеч. пер.)

Шульги, Амар-Суэн и шумерская держава

«Оставленный на поле боя, подобно разбитому сосуду», Ур-Намму погиб в войне с неизвестным противником, и его место на престоле занял сын – Шульги¹⁴, царствовавший на протяжении 47 лет (2095–2048 до н. э.). Первую половину своего продолжительного правления он посвятил мирным делам – завершал храмы и зиккураты, строительство которых было начато Ур-Намму, возводил собственные, восстанавливал права богов на их святилища, назначал верховных жрецов, реформировал календарь, ввел новую меру объема зерна – царский *гур* (ок. 255 л) вместо использовавшихся прежде местных мер. По всей вероятности, в этот период проводилось масштабное реформирование политической и административной системы, а также хозяйства страны.

Однако на 24-м году своего царствования Шульги отправился в первый из множества ежегодных военных походов, целью которых были равнины к северу от Диялы и в холмах Курдистана. Мы не знаем, в чем заключалась цель этих походов, а тот факт, что большинство из них было направлено на слом сопротивления относительно малозначительных городов, несколько озадачивает. Здесь следует обратить внимание читателя на явную нехватку источников, написанных на протяжении всего данного периода. Практически единственными источниками информации являются списки датировочных формул, состоящих из кратких и довольно однообразных фраз: «год, когда Эрбиль был разрушен», «год, когда симурру и луллубеи были разорены в девятый раз» и т. д. При этом в других регионах Шульги больше полагался на дипломатию. Он выдал своих дочерей замуж за правителей Варахше и Аншана (Юго-Западный Иран), а в Сузах, которые теперь полностью перешли под контроль Шумера, возвел храмы для богов Элама.

Следуя примеру Нарам-Суэна, Шульги принял титул «царь четырех сторон света», и ему поклонялись как богу при жизни и после смерти. По всей державе дважды в месяц к его статуям доставлялись подношения, а один из месяцев шумерского календаря получил название «божественный Шульги».

Сын Шульги Амар-Суэн¹⁵ правил на протяжении всего девяти лет (2047–2039 до н. э.). Подобно отцу, он посвящал себя строительству храмов и ведению войн в тех же северо-восточных районах, был обожествлен и, полностью лишенный скромности, называл себя «богом, дающим жизнь стране» или «богом, солнцем (то есть судьей) страны». Согласно позднему пророчеству, Амар-Суэн умер «от «укуса» своей обуви». Похоронен он был рядом с Шульги и, возможно, Ур-Намму в обширной и весьма примечательной подземной усыпальнице, найденной археологами на священном участке Ура, неподалеку от знаменитого Царского некрополя, и прекрасно сохранившейся, хоть и разграбленной.

Шульги и Амар-Суэн правили державой, по площади не уступавшей Аккадской, но при этом гораздо более целостной. В то время как цари Аккада были вынуждены опираться на свои войска и доверять ненадежным местным царькам, правители Ура сумели распространить шумерскую систему организации власти на довольно обширную территорию. Административной единицей как в Эламе, Ливане и Сирии, так и в самой Месопотамии был город-государство, которым управлял *энси* (*ишакку* на аккадском языке), а царь, по крайней мере теоретически, являлся еще одним *энси*, первым среди равных, избранным Энлилем в Ниппуре, чтобы вершить судьбы столь разных народов. Если в некоторых городах, таких как Мари и Ашшур, *энси* были почти полностью независимыми, то в других местах они потеряли почти все свои прежние привилегии – правитель назначал их на должность, переводил из одного города в другой, их регулярно посещали царские проверяющие, а некоторых даже подчиняли властям «провинции». Таким образом, они обладали полномочиями лишь немногим более широкими, чем у римских префектов, и

14 Прежде это имя, которое можно перевести как «сильный юноша», читалось как «Дунги».

15 Также Амар-Син. Это имя прежде читалось как «Бур-Син».

отвечали только за подведомственную им территорию. В периферийных областях *энси* в основном были местными, в то время как в самой Месопотамии чиновников выбирали из числа как шумеров, так и аккадцев. Благодаря этой мудрой политике представители различных этнических групп не были разобщены, в более отдаленных регионах развивались хозяйство и культура, а в стране царил мир.

Централизация власти и весьма необычное расположение столицы вынуждали правителей Ура развивать систему дорог. Вдоль основных путей были построены крепости с сильными гарнизонами и специальные пункты, где царские посыльные получали двойную порцию еды: первую половину – «за пребывание в городе», а вторую – «на дорогу». Так как купцы вместе со своими караванами передвигались по одним и тем же дорогам, они легко и безопасно перевозили материальные и духовные произведения шумеро-аккадской цивилизации из одного конца державы в другой. Между Эламом и Шумером существовали прочные торговые связи, а относительно малоразвитые области, такие как Северная Сирия, получили от Месопотамии импульс, способствовавший развитию их собственных культур.

Несмотря на огромное количество имеющихся в нашем распоряжении письменных источников, мы еще очень плохо знаем, что представляло собой шумерское хозяйство. По разным причинам еще никто не взялся за изучение 20 000 договоров, поручительств, ведомостей, счетов и т. д., которые уже были опубликованы в надежде, что рано или поздно кто-либо сделает на их основе точные и подробные выводы. Поэтому за деревьями мы не видим леса.

Однако, бегло изучив эти многочисленные, но очень однообразные и краткие источники, мы можем прийти к двум выводам. Во-первых, по ним заметно увеличение роли частной собственности и частной инициативы, а во-вторых, прослеживается расширение влияния светской власти (в противовес духовной) на хозяйство страны. Мы не знаем, насколько велик был частный сектор, но по крайней мере в Шумере (а также, предположительно, в других частях страны) некоторые частные лица владели землей, домами, движимым имуществом, рабами и животными, которых они могли продать на основании договора. Цена зависела от качества товара, места и времени продажи и выражалась в определенном количестве серебра или зерна. В среднем поля и рощи финиковых пальм в Ниппуре стоили около одного шекеля серебра (ок. 7 г) за *сар* (примерно 10,8 м²); здоровый раб – около 11 шекелей, осел – пять *гур* зерна, свинья – два *гура*, а ребенок – одну пятую часть *гура*.

Зерно для сева можно было позаимствовать во дворце или в храмах за 20 % от его веса, но частные ростовщики выдавали краткосрочные ссуды за 33,5 %. Что касается земли, переданной в аренду, то арендатор, как правило, должен был отдать ее владельцу одну треть урожая. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что многие бедные люди погрязли в долгах и были вынуждены продавать в рабство собственных детей и что очень многие предпочитали работать на местные храмы и на царя, где им регулярно платили зерном, едой и одеждой.

На всей территории Месопотамии храмы оставались крупнейшими землевладельцами. Именно им принадлежала значительная часть драгоценных металлов и скота. На них трудилось большинство работников. Но, в отличие от раннединастического периода, они уже не владели всей страной.

У царя были собственные владения, склады и мастерские, писцы, торговцы, ремесленники, работники и рабы. Для проведения общественных работ он всегда мог привлечь огромное число людей, а его приказы претворяли в жизнь многочисленные чиновники. При этом царь и храмы никоим образом не соперничали друг с другом. Первый традиционно оставался верховным жрецом, а в самом Шумере именно он (не *энси*) занимался сооружением храмов, делал им богатые пожертвования, назначал верховных жрецов и проводил важнейшие религиозные церемонии. В обмен на это храмы регулярно платили подати, а в случае серьезных кризисных ситуаций позволяли царю распоряжаться своими богатствами. Во многом храмовое хозяйство было подчинено царской власти, и на практике доходы храмов и государства, как правило, неотделимы друг от друга. Так, в

Пузриш-Дагане (современный Дрехем), расположенном в нескольких километрах к югу от Ниппура, Шульги приказал построить большое хранилище, куда приводили крупный рогатый скот, овец, коз, привозили зерно, пиво и другие товары со всех концов державы. С их помощью царю как подносили «подарки», так и регулярно выплачивали дань и платили натурой *энси* различных городов в соответствии с жесткой системой очередности, которая называлась *бала*.

Писцы, являвшиеся очень узкими специалистами, регистрировали поступающие и исходящие товары с типичной для шумеров тщательностью. Судя по их записям, большинство «отправлений» следовало в храмы Ниппура, крупнейшей религиозной столицы, хотя у нас есть вполне веские основания полагать, что значительная часть скота, приводимого в Дрехем, переправлялась затем в Ур, где его использовали для нужд царского дворца.

Вследствие сосредоточения огромной политической и экономической власти в руках правителей Ура на всей объединенной с административной точки зрения территории страны сложилось общество, находящееся под контролем государства. Частная инициатива оставалась запрещенной и была опасным делом. Жизнь значительной части населения была строго регламентирована, по сути, многие люди находились в положении рабов. Но торговля, ремесленное производство и земледелие, которым оказывало поддержку государство, процветали.

Государство было богатым и сильным. За исключением небольшой гористой местности в Северо-Восточном Ираке, царю подчинялись везде, начиная от Библа и заканчивая Сузами, очевидно даже не пытаясь противостоять его власти. В правление величайших представителей III династии Ура не было гражданских войн или дворцовых переворотов. Численность населения Месопотамии увеличивалась, по всей ее территории строились новые храмы, появлялись новые города и деревни. Блестящая шумерская цивилизация распространилась по всему Плодородному полумесяцу, а сами шумеры благодарили своих богов за свои победы и процветание, посвящая им превосходные произведения искусства и литературы. Вероятно, современники Шульги и Амар-Суэна представляли державу, где они жили, в виде огромного, ухоженного и почти неразрушимого здания. Но солдаты, патрули которых ходили по пыльным дорогам в пустыне, знали, что кочевники всегда в пути. Они пересекали Евфрат и Хабур и стекались в зеленую долину. Пока их можно было сравнить с безвредными небольшими ручейками, но в не стольком далеком будущем воинственные племена накроют ее огромным потоком, остановить который не сумеет никто.

Падение Ура

Первые признаки того, что ситуация в стране не так спокойна, как хотелось бы, появились на ее западной границе в правление Шу-Суэна¹⁶ (2038–2030 до н. э.), брата и преемника Амар-Суэна. Подобно своим предшественникам из III династии Ура, Шу-Суэн восстанавливал храмы и отправлялся в походы в горы Загроса, где одержал победу над союзом нескольких иранских правителей. Однако, судя по датировочной формуле, на четвертом году его царствования произошло нечто необычное – в ней говорится, что в этот год Шу-Суэн «построил крепость *марту*, (названную) «Та, которая сдерживает *тиднум*». Из других источников нам известно, что *марту* шумеры называли местность, расположенную к западу от Евфрата, а также ее обитателей. Аккадцы для обозначения этих людей использовали слово *тиднум* (или чаще *амуррум*). В настоящее время в этом обширном регионе находится Сирия, включая пустыню вокруг Пальмиры, долину Оронта и горы, граничащие со Средиземным морем. Часть населения тех мест жила в небольших городах и деревнях, но, говоря о *марту* или *амурру* (мы называем этих людей амореями), шумеры и аккадцы имели в виду племена, с которыми они особенно часто сталкивались и которые

¹⁶ Также Шу-Син. Ранее это имя читалось как «Гимиль-Син», но теперь эта транскрипция не используется.

кочевали по Сирийской пустыне и нередко пересекали реки, чтобы выпасать свой скот в степях Месопотамии. Эти кочевые амореи были прекрасно знакомы шумерам еще с раннединастического периода. Они нередко видели отдельных людей, покидавших свое племя, чтобы жить и работать в городах, и «бедуинов», к чьему непривычному образу жизни относились с отвращением и презрением: «Марту, что зерна не знают... Марту, что не знают ни дома, ни города, невежи с гор... Марту, которые выкапывают корни... которые не опускаются на колени (чтобы обрабатывать землю), что едят сырое мясо, у которых нет дома всю жизнь, которых не хоронят после смерти...» Или так: «Они приготовили пшеницу и *гунунуз* (зерно) как деликатес, но аморей съест это, даже не поняв, из чего оно сделано».

Против этих дикарей, нападавших на деревни и караваны, нередко устраивались рейды, а иногда и полноценные военные походы. Так, один из годов правления Шаркалишарри, последнего великого царя Аккада, назван в честь его победы над *марту* в Басаре (Джебел-Бишри), между Пальмирой и Дейр-эз-Зауром. В источниках, написанных в царствование Шульги и Амар-Суэна, упоминаются пленники-амореи. Однако ситуация изменилась: шумеры оборонялись. Они были вынуждены построить где-то между Мари и Уром крепость, чтобы сдерживать кочевников. Очевидно, на протяжении какого-то времени эта мера была эффективной, так как в источниках, составленных в течение последующих десяти лет, об амореях ничего не говорится.

После смерти Шу-Суэна на трон в 2029 г. до н. э. взошел его сын Ибби-Суэн. Пожалуй, мы никогда не узнаем, что произошло при его вступлении на престол, но почти сразу после того, как новый царь принял бразды правления, его держава буквально развалилась. Один за другим расположенные на востоке области и города-государства, начиная с Эшнунны на второй год правления Ибби-Суэна и Суз – на третий, заявили о своей независимости и отпали от Ура. Одновременно с этим на границах царства усилили натиск и амореи. На пятом году правления царя они прорвались через укрепления и вторглись в самое сердце Шумера.

О том, насколько критической была сложившаяся ситуация, свидетельствуют два письма из тех, которыми правитель обменивался с Ишби-Эррой, своим военачальником, происходившим из Мари. Ибби-Суэн приказал ему купить большое количество зерна в Ниппуре и расположенном неподалеку Исине и перевезти его в Ур. Ишби-Эрра заявил, что не может выполнить это задание, так как *марту* разорили страну, перерезали все пути, ведущие в столицу, и готовятся к нападению на Исин и Ниппур. Военачальник попросил царя позволить ему отвечать за защиту этих городов. В своем ответном письме Ибби-Суэн согласился, посоветовал Ишби-Эрре обратиться за помощью к другим *энси* и предложил купить зерно за двойную цену. Вскоре после этого царю удалось победить *марту*, но его подданные голодали, и собственные чиновники стали представлять для него угрозу.

На 11-м году правления Ибби-Суэна (в 2017 до н. э.) Ишби-Эрра провозгласил себя царем Исина, того самого города, который он обещал защищать от имени своего господина, а за несколько лет до этого вождь амореев по имени Напланум был назван правителем Ларсы, расположенной всего в 40 км от Ура. Хуже того, эламцы решили воспользоваться сложившейся ситуацией и, как и много раз в прошлом, вторглись на территорию Шумера. Покинутая богами, охваченная голодом, подвергающаяся нападениям с двух сторон, уменьшившаяся почти до размеров столицы и ее непосредственных окрестностей, некогда великая шумерская держава теперь напоминала лишь собственную тень.

Ибби-Суэн бился до последнего и, очевидно, сумел заключить союз с амореями против эламцев и Ишби-Эрры.

Но и этому его плану не суждено было сбыться. В 2000 г. до н. э. эламцы подошли к стенам Ура, построенным Ур-Намму и «высоким, как сверкающая гора». Они напали на великий город, захватили его, разграбили, сожгли и покинули, оставив лишь небольшой гарнизон. Несчастного Иб-би-Суэна захватили в плен и отправили в Иран:

От подножья Забуа-гор по грядам горным через Аншан
побрел,

Дабы, словно воробей, что домой стремится, он бы в свой град не возвратился¹⁷.

Там он и погиб.

Через много лет, когда Ур снова процветал, шумеры все еще помнили о его разрушении и оплакивали его, считая своей катастрофой:

Отец Нанна, этот город в руинах. Рыдает народ...
Его люди – не черепки битые – вокруг лежат.
Его стены насквозь пробиты – рыдает народ.
В главных воротах, где прежде ходили, лежат трупы.
На его площадях, где праздники были, навалены люди.
В переулках и улицах, где раньше гуляли, лежат трупы.
В местах, где праздники прежде справляли, людей навалены
груды...
Бедняков и богачей Ура – всех их охватил голод.
Старики и старухи, что из дома не вышли, в пламени они
погибли.
Малышей, что на материнских коленях лежали, словно
рыбок, унесло водою...
В городе супруга брошена, дитя покинуто, добро рассеяно...
О Нанна, Ур разрушен, народ его раскидан!¹⁸

Глава 11 Амореи

Падение Ура в конце 3-го тыс. до н. э. является одним из ключевых поворотных пунктов в истории Древнего Ирака. Оно не только сопряжено с гибелью династии и целой державы, но и знаменует конец доминирования шумеров. Вмешавшись в ход событий в самый последний момент, эламцы захватили столицу, но настоящими причинами поражения шумеров стали отпадение от державы целых областей, восстание чиновников, служивших Ибби-Суэну, и вторжение амореев. Эламцев вскоре изгнали из Ирака, а семиты остались и с тех пор держали власть в своих руках на протяжении почти полутора тысяч лет.

Шумерская держава развалилась еще до того, как был захвачен Ур. Сирия и Элам вернули свою независимость, а Месопотамия превратилась в скопление разнокалиберных государств, наиболее значимыми из которых были Исин и Ларса на юге, а также Ашшур и Эшнунна на севере. Примерно на протяжении двух столетий (2000–1800 до н. э.) эти государства сосуществовали, хотя их отношения далеко не всегда были мирными: царства, расположенные на юге, сражались друг с другом за обладание Уром и властью над Шумером и Аккадом, а находившиеся на севере – за контроль над основными торговыми путями, пересекавшими Верхнюю Месопотамию.

Тем временем семиты-кочевники продолжали вторгаться в Ирак с запада, устанавливая свои палатки на всей территории до подножия Загроса или основывая вокруг занятых ими городов новые государства. Правители одного из таких городов, Вавилона, вскоре достигли могущества, достаточного для того, чтобы состязаться со своими соседями, и в первой половине XVIII в. до н. э. Хаммурапи сумел уничтожить соперников и подчинить своей власти всю Месопотамию. Созданная им держава, которую можно назвать Старовавилонским

17 Перевод В.К. Афанасьевой по изданию: *От начала* начал. С. 270. (Примеч. пер.)

18 Там же. С. 278–280. (Примеч. пер.)

царством, просуществовала недолго, но даже после ее падения Вавилон, наряду с соперничавшим с ним Ашшуром, остался одним из двух столпов истории и цивилизации Междуречья.

Правители, занявшие место шумеров на политической арене, по происхождению были аккадцами из самого Ирака или западными семитами – амореями в широком смысле этого слова – из Сирии и западной пустыни. Первых можно назвать высокоцивилизованными, последние, предположительно первоначально являвшиеся дикими кочевниками, на удивление легко и быстро восприняли шумеро-аккадскую культуру отчасти из-за того, что пришли из районов, находившихся на протяжении длительного времени под ее влиянием, отчасти в связи с тем, что освоение языка, на котором говорили ее носители, не было сопряжено для них с какими-либо трудностями. Так как амореи говорили на семитских диалектах, они с легкостью научились писать на аккадском языке, который (медленно на юге и довольно быстро на севере) стал преобладать над шумерским в источниках частного характера и в официальных надписях. Однако вряд ли эта смена языка повлияла на религиозную жизнь, отношение к представителям различных этносов и ремесленные приемы, существовавшие в Месопотамии с протоисторической эпохи. Амореи поклонялись шумерским богам, называя их семитскими именами, и благочестиво копировали древние шумерские мифы и эпические поэмы, переводили и адаптировали их (причем в целом с минимальными изменениями). Что касается немногочисленных произведений искусства того периода, то их крайне сложно отличить от созданных во время правления III династии Ура. Таким образом, созданная шумерами цивилизация пережила их и продолжила свое существование, несмотря на все неурядицы, как в свое время она сохранилась в периоды господства аккадцев и гутиев.

Однако появление на изучаемой нами территории западных семитов имело значительные последствия для структуры власти, общества и хозяйства Месопотамии. Из-за того что страна была разделена на царства, стерлись последние воспоминания о городах-государствах, а вместе с ними исчезли и принципы, на которых основывалось их существование. Люди, земля и скот перестали считаться принадлежащими богам, как это было в раннединастический период, или храмам и царю, как в правление представителей III династии Ура. Новые правители дарили или передавали частным лицам на неопределенное время многочисленные участки царской или храмовой земли, освободили жителей нескольких городов от податей и общественных работ, а также, очевидно, всеми доступными им средствами способствовали развитию частной собственности. Вскоре появилось новое общество, основой которого стали мелкие землевладельцы, свободные горожане и предприимчивые купцы и которому суждено было просуществовать на протяжении многих веков. Лишенные своих привилегий, храмы стали «такими же землевладельцами, как и все остальные; такими же плательщиками податей, как и все остальные». Жрецы служили богам и удовлетворяли духовные потребности людей, в то время как царь управлял своими подданными и заботился об их благополучии. При этом хозяйство страны больше не находилось только (или почти только) в их руках.

Если, как в прошлом, каждое царство ассоциировало себя с собственным богом-покровителем, если каждый правитель заявлял, будто получил свой скипетр благодаря доброй воле бога, то традиционная точка зрения, согласно которой никто из тех, кто не был избран Энлилем в Ниппуре, не может править Шумером и Аккадом, потеряла всякий смысл. Шумерские *лугали* обращались к благословению Энлиля, чтобы оправдать свои завоевания. Для беспощадных вождей, захвативших власть с помощью меча и не знающих другого закона, кроме действующего во время грабительских набегов, было, очевидно, достаточно согласия местного божества. Таким образом, Ниппур перестал играть сколь бы то ни было важную роль, а Энлиль потерял свою власть. Когда единственной столицей Месопотамии стал Вавилон, в мифе о сотворении мира имя Энлиля заменили именем божественного покровителя этого города – Мардука. Вряд ли можно найти лучшее доказательство конца верховенства шумеров.

Период, начавшийся с падением Ура и завершившийся воцарением Хаммурапи, который называют иссино-ларским, очень богат событиями. Для того чтобы сделать наше повествование более понятным, следует рассказывать о том, что происходило на севере и на юге Месопотамии, по отдельности, начав с последнего.

Исин, Ларса и Вавилон

Царство Ларса было основано через восемь лет после Исина, но на протяжении почти столетия Исин во всем превосходил Ларсу. В то время как правитель последней Напланум был вынужден довольствоваться лишь городом, который ему удалось занять, захвативший власть в Исине Ишби-Эрра владел тремя важными центрами – Ниппуром, Уруком и Эриду. Ближе к концу своего царствования он захватил эламский гарнизон в Уре и восстановил разрушенный, но все еще важный город. Благодаря захвату Сиппара владения его внука Иддин-Дагана простирались от Персидского залива до широты, на которой сейчас находится Багдад. Теперь они пролегали вдоль всего нижнего течения Евфрата, жизненно важной для Шумера водной артерии.

Следует вспомнить, что Ишби-Эрра был аккадцем из Мари и двое его потомков носили имена в честь божественного покровителя этого города – Дагана. В то же время эти семиты считали себя прямыми преемниками шумеров – представителей III династии Ура. Подобно Шульги и Амар-Суэну, большинство из них было обожествлено, и в их честь были написаны гимны. Они приняли титул «Царь Ура, царь Шумера и Аккада», восстановили и украсили прежнюю столицу, снова наладили торговые отношения с Дильмуном и по иронии судьбы были вынуждены защищать свое царство от тех, кому были обязаны его появлением, сражаясь с эламцами, строя укрепления против *марту* и облагая данью кочевые племена. Официальные надписи, происходящие из Исина, составлены исключительно на шумерском языке. Кроме того, следует обратить внимание, что именно в этот период по заказу правителей, стремившихся приобщиться к шумерской культуре, были написаны или скопированы почти все выдающиеся произведения шумерской литературы, найденные в знаменитой «библиотеке» в Ниппуре. Шумер того времени напоминал закатывающуюся Римскую империю, где все, кроме императоров, было латинским.

Превосходству Исина ничто не мешало до воцарения Липит-Иштара (1934–1924 до н. э.), составившего свод законов, от которого до нашего времени сохранились 43 статьи, а также фрагменты вступления и заключения. Так случилось, что эти нормы регулируют в основном право наследования, вопросы, связанные с недвижимым имуществом, договорами о найме рабочей силы и имуществом и положением рабов, находившихся в собственности частных лиц, а значит, являются довольно односторонним, но весьма интересным источником, позволяющим нам представить себе складывавшееся в те времена общество. К несчастью, мирный законотворец Липит-Иштар вступил в конфликт с грозным воином, само имя которого звучит подобно удару барабана, – царем Ларсы Гунгунумом. Тот уже успел совершить несколько походов в район Загроса, а затем, на восьмом году своего царствования (1924 до н. э.), напал на Исин, занял Ур и заявил о своем праве на власть над Шумером и Аккадом. Еще через несколько лет в его руках оказались Лагаш, Сузы и, возможно, Урук. Теперь во владении Ларсы находились лишь половина Южного Ирака и выход к «Нижнему морю».

Потеря ключевых городов и портов стала для Исина жестоким ударом в спину, отягощенным тем, что прервался царский род. Вместо Липит-Иштара, умершего в год, когда был захвачен Ур, на трон сел узурпатор, которого, в свою очередь, победил и убил правитель Ларсы Абисарихи. Примерно через 20 лет еще один захватчик, Эрра-имитти, сдал Ниппур своему сопернику Сумуэлю, и вскоре в составе царства остались только сам Исин и его непосредственные окрестности.

Нам стоит обратиться к истории о смерти Эрра-имитти и о том, кто унаследовал его власть, так как она связана с довольно редким и странным месопотамским институтом. Если

предсказания были очень мрачными и царь опасался гнева богов, на трон сажали человека незнатного происхождения, который становился «заместителем» царя. Он правил на протяжении ста дней, а затем его предавали смерти. О событиях, произошедших в Исине, в вавилонской хронике говорится следующее: «Чтобы династия не прервалась, царь Эрра-имитти сделал так, чтобы садовник Энлиль-бани занял его место на троне и надел на свою голову царскую корону. Эрра-имитти умер в своем дворце из-за того, что проглотил кипящую похлебку. Энлиль-бани, занимавший трон, не оставил его и был провозглашен царем». Следует добавить, что удачливый садовник был обожествлен и смог править остатками царства Исины на протяжении 20 лет, в то время как цари Ларсы Нур-Адад и Синиддинам направляли свои войска на север, завоевывая один город за другим. Однако к тому времени у соперников появился в данном регионе общий противник – Вавилон.

Первым царям Исины удавалось сдерживать амореев, но, после того как их династия прервалась, множество последних снова сумело пересечь Евфрат и проникнуть на территорию Ирака. В Кише, Уруке, Сиппаре, Мараде и других городах их вожди провозглашали себя царями, внося свой вклад в царившую в то время политическую сумятицу. В первый же год правления в Ларсе Сумуэля (1894 до н. э.) один из них, Сумуабум, выбрал в качестве своей столицы город, располагавшийся всего в нескольких километрах к западу от Киша, на левом берегу Евфрата, «на талии» Месопотамии, большое значение которой мы уже подчеркивали выше. По крайней мере в царствование представителей III династии Ура этим городом управлял *энси*, но он никогда не играл важной роли в шумерской политике. На шумерском языке он назывался Кадингирра, а на аккадском – Бабилим. Оба этих топонима можно перевести как «Ворота бога». Мы, в свою очередь, называем его (благодаря грекам) Вавилоном.

С самого начала было ясно, что энергичные и умные правители Вавилона очень хотели сделать его не только могущественным и богатым городом, но и столицей всей страны. Постоянные войны между Исином и Ларсой, а также существование множества небольших аморейских государств стали прекрасными поводами для этого. Для того чтобы воплотить свои мечты в реальность, царям Вавилона потребовалось почти 60 лет, но первые пять представителей I Вавилонской династии, обладавшие бесконечным терпением, использовавшие порой дипломатию, а иногда и грубую силу, постепенно завоевали весь Аккад. Они уже подбирались к Ниппуру, ключу к Шумеру, когда столкнулись с ожесточенным сопротивлением иноземных князей, к тому времени занявших престол Ларсы.

Мы уже прекрасно знаем, что эламцы никогда не упускали возможности сунуть свой нос во внутренние дела Месопотамии. В 1834 г. до н. э. трон Ларсы оказался свободен, так как Цилли-Адад, успевший процарствовать совсем недолго, погиб в войне против вавилонян. Эламский сановник Кудурмабуг, контролировавший племена амореев, обитавшие между Тигром и горами Загроса, занял Ларсу и посадил на трон этого города одного из своих сыновей, довольствуясь титулом «отец (то есть защитник) амурру». Примечательно, что оба сына Кудурмабуга: Варад-Син («Раб Сина») и Рим-Син («Бык Сина»), правившие один за другим Ларсой, носили семитские, а не эламские имена.

Еще более примечателен тот факт, что эти иноземцы во всем вели себя как исконно месопотамские правители, построили в одном только Уре не менее девяти храмов и дюжину важных сооружений. В другие времена они могли бы стать выдающимися мирными правителями, такими как Ур-Намму, но, пока существовал Исин, а Вавилон проявлял активность, в Шумере не мог установиться мир. Рим-Син одержал победу над союзом царей, во главе которого стоял его соперник из Вавилона, и в 1794 г. до н. э. сумел захватить Исин, наконец низвергнув старейшего врага Ларсы. Через два года на вавилонский престол взошел Хаммурапи.

Здесь нам следует на какое-то время оставить юг и переключить свое внимание на северную часть Ирака. Там также существовали противостоявшие и соперничавшие друг с другом царства, однако культура, а также политические и экономические причины, приведшие к конфликту, были совершенно иными.

Эшнунна, Ашшур и Мари

Расположенная между Тигром и горами Загроса, примерно в 16 км к востоку от реки Диялы, Эшнунна (Телль-Асмар) находилась примерно на середине пути из Верхней Месопотамии в Элам, из-за чего подвергалась воздействию трех факторов: она находилась внутри шумеро-аккадской цивилизации, тесно контактировала с государствами, расположенными на севере (ее бог-покровитель Тишпак отождествлялся с хурритским божеством Тешупом), и имела тесные экономические, политические и культурные связи с Эламом. Поэтому, очевидно, не является совпадением тот факт, что Эшнунна (наряду с Сузами) стала первым городом-государством, отправшим от Ура на втором году правления Ибби-Суэна (2028 до н. э.). Насколько нам известно, этот процесс произошел быстро и бесконфликтно: правители Эшнунны называли себя «слугами бога Тишпака», а не «слугами царя Ура» и заменили на местные названия месяцев и лет, использовавшиеся в шумерской державе. Храм, некогда построенный для обожествленного правителя Ура Шу-Суэна, был секуляризован, а за ним возвели большой дворец. В официальных надписях вместо шумерского стал использоваться аккадский язык.

Первые правители Эшнунны, носившие семитские и эламские имена, тотчас же значительно увеличили свое царство. С помощью амореев они заняли всю долину, простиравшуюся в нижнем течении реки Диялы, включая Тутуб (Хафадже), являвшийся довольно важным центром, и, возможно, распространили свою власть на север вплоть до Киркука. Некоторые исследователи приписывают одному из них, Билаламе, современнику второго царя Исына, составление «свода» законов, написанного на аккадском примерно за два столетия до кодекса Хаммурапи и имеющего с ним много общего. Следует отметить, что текст законов Эшнунны был найден не в Телль-Асмаре, а в Телль-Хармале (этот небольшой холм расположен в окрестностях Багдада), где иракцы проводили археологические раскопки в период между 1945 и 1949 гг. Телль-Хармал (древний Шадуппум) являлся административным центром земледельческой области царства Эшнунна, и список царских законов хранился в здании «городской администрации» на случай, если с ними нужно будет свериться. На том же памятнике был обнаружен и ряд весьма интересных табличек, содержащих, в частности, списки датировочных формул и математические задачи.

После смерти Билаламы территория Эшнунны стала постоянно сокращаться. В частности, на нее напал правитель Дера (современная Бадра, примерно в 105 км к востоку от Телль-Асмара), ее царь потерпел поражение от войска правителя Киша и лишился большей части своих владений. Однако удача снова улыбнулась этому государству, и примерно в 1850 г. до н. э. Ипик-Адад II, называвший себя «расширителем Эшнунны», снова начал расширять территорию своего царства, захватив Рапикум, стоявший на Евфрате (где-то неподалеку от Рамади), Ашшур на Тигре, Кабру на равнине в районе Эрбиля и Ашнаккум на берегу реки Хабур.

Расположение этих городов определенно свидетельствует о том, что правители Эшнунны стремились завоевать всю долину Тигра, Верхнюю Джазиру и предгорья Курдистана, а также создать на берегу Евфрата свой плацдарм. Только таким образом они могли контролировать крупнейшие торговые пути, шедшие с севера и запада и соединявшиеся в районе Суз, чтобы затем передвигавшиеся по ним караваны могли направиться в сторону столицы их государства. Но завладеть этими городами царям Эшнунны удалось лишь на время, и попытки вернуть прежде завоеванные, а затем потерянные территории, которые предпринимали последние правители этого царства, провалились. Теперь Эшнунну окружали четыре могущественных государства: Вавилон и Ларса на юге, Ашшур на севере и Мари на западе, создавшие непреодолимую преграду, прорваться через которую не смогли бы даже самые амбициозные правители.

Основными событиями, произошедшими в период столь богатый на различные нововведения, стали создание Ассирийского царства и его превращение в мощную с

политической и военной точки зрения державу. Город, в честь которого названо это государство, Ашшур, занимал стратегически выгодное положение. Построенный на холме чуть выше места, где Тигр втекает в ущелье в горах Джебель-Хамрин, с одной стороны защищенный рекой, а с другой – широким каналом, превосходно укрепленный, он возвышался над дорогой, шедшей из Шумера или Аккада вверх по долине Тигра в Курдистан или Верхнюю Джазиру. Эту стратегически важную позицию, своими истоками уходящую в раннединастический (а возможно, и еще более ранний) период, занимали сначала Саргон, затем Нарам-Суэн и представители III династии Ура. В нашем распоряжении нет свидетельств того, что вплоть до 2-го тыс. до н. э. Ашшур обладал независимостью. В то же время в Ассирийском царском списке, составленном на севере аналоге Шумерского царского списка, найденном в Хорсабаде и впервые опубликованном в 1942 г., перечисляются 17 ассирийских царей, согласно этому источнику якобы живших в раннединастический период. Однако, как и в случае с Шумерским царским списком, династии, упомянутые в данном источнике одна за другой, могли на самом деле царствовать одновременно. К тому же в тексте сказано, что эти цари «жили в палатках», а значит, в действительности они могли вовсе не править Ашшуром, а быть вождями какого-либо влиятельного племени, обитавшего неподалеку от этого города. Наконец следует отметить, что имена нескольких древнейших ассирийских правителей, такие как Тудия, Ушпия, Сулили и Киккия, не являются ни семитскими, ни шумерскими и свидетельствуют о том, что их носители принадлежали к какой-то другой этнической группе, возможно, были хурритами.

После падения шумерской державы Ашшур, как и многие другие города, обрел независимость. Пузур-Ашшур I, правивший около 2000 г. до н. э., стал первым из царей, носивших сугубо аккадские имена, такие как Саргон или Нарам-Син. По приказу двоих из них, Илушумы и Эришума II, были составлены надписи, дошедшие до нашего времени, в которых говорится о строительстве в городе храмов Ашшура, Адада и Иштар. Более того, нам известно, что в правление царя Исина Ишме-Дагана (1953–1935 до н. э.) Илушума устраивал походы далеко в глубь территории Южного Ирака. Вероятно, именно тогда территория нового царства расширилась и стала включать в себя Ниневию, находившуюся в 97 км к северу от самого Ашшура.

Однако своим могуществом Ассирия обязана западным семитам, которые на протяжении первых столетий 2-го тыс. до н. э. наводнили север Ирака, повторив таким образом ситуацию, сложившуюся на юге. Хале, вождь одного из аморейских племен, установил свою палатку где-то между реками Хабур и Тигр, и его преемники находились в зависимости от «аккадских» царей до тех пор, пока один из них по имени Ила-каббабу не сумел захватить город и взойти на престол. Примерно тогда же еще один аморей стал царем Мари, расположенного на берегу Евфрата. С тех пор судьбы двух государств, расположенных на севере, были тесно связаны.

Читатель уже многое знает о Мари, поэтому у нас нет необходимости подробно рассказывать здесь о его длинной истории. Достаточно просто вспомнить, что считалось, будто в раннединастический период представители династии царей Мари правили Шумером на протяжении более чем столетия, что этот город был захвачен и разграблен войсками Саргона Аккадского, направлявшимися на север Сирии, и что в правление представителей III династии Ура он являлся важным центром, которым управляли наиболее активные *шакканак*. Как это ни прискорбно, в нашем распоряжении нет источников, рассказывающих о событиях, происходивших до 1900 г. до н. э., когда территорию Мари заняли западные семиты, пришедшие, очевидно, из района Алеппо и сделавшие этот город столицей царства, простиравшегося вдоль Евфрата от Хабура до окрестностей Аны.

Яггид-Лим, первый представитель Аморейской династии Мари, был современником Ила-каббабу, с которым, как сказано в наших источниках, он обменивался «торжественными клятвами». Однако в итоге этой дружбе пришел конец: «крепость» Яггид-Лима была уничтожена, и его сыну Яхдун-Лиму пришлось отвоевывать свое царство. Однако вскоре правитель Мари совершил несколько весьма амбициозных военных походов и даже добрался

до Средиземного моря: «Он завоевал страну на берегу «океана», заставил ее подчиняться своим приказам и вынудил ее следовать за ним. Он возложил на нее вечную дань, которую регулярно доставляли». Очевидно, ассирийцы завидовали этому оглушительному успеху. Мы не знаем, кто убил Яхдун-Лима – они или его собственные слуги, но ассирийцы сумели воспользоваться ситуацией и захватить Мари.

Шамши-Адад и его сыновья

Шамши-Адад (1814–1782 до н. э.), захвативший Мари и создавший государство, которое нередко называют «первой Ассирийской державой», сначала был изгнанником. Когда его брат Амину взшел на престол после смерти Ила-кабкабу, Шамши-Адад бежал на юг, где набрал войско наемников, захватил Экаллатум, город в среднем течении Тигра, точное местонахождение которого пока не установлено и который прежде принадлежал Эшнунне, выступил против Ашшура и вырвал царский скипетр из рук Амину. Заняв престол, он повел свои войска на запад, к покрытым лесом горам Ливана, и к Средиземному морю, располагавшемуся, по мнению жителей Месопотамии, на самой границе мира и столь поразившему завоевателя: «Стелу, на которой написано мое великое имя, я установил в стране Лабан (Ливан), на берегу Великого моря». Затем, после того как был убит Яхдун-Лим, Шамши-Адад захватил Мари и передал его своему сыну Ясмах-Ададу, а другого сына, Ишме-Дагана, назначил наместником Экаллатума. Теперь ассирийцы контролировали и Тигр и Евфрат и правили почти всей Северной Месопотамией.

Лишь несколько периодов истории Древнего Ирака так же подробно освещены в источниках, как время правления Шамши-Адада и его сыновей. Более того, мы черпаем информацию о нем не из ставших уже привычными официальных надписей, а из самых точных и достоверных источников – писем, которыми обменивались три правителя, а также Ясмах-Адад и другие цари, и отчетов, подготовленных чиновниками для своих повелителей. Все эти тексты выданы на более чем 3 000 табличек, представляющих собой часть царского архива, найденного во дворце правителей Мари. Несмотря на то что, как правило, все эти письма не датированы, а значит, их довольно сложно расположить в хронологическом порядке, в них содержатся крайне важные сведения о повседневной жизни двора и отношениях между правителями Ашшура, Мари и Экаллатума, а также с различными народами, государствами и племенами, окружавшими их.

Кроме того (и это еще одна причина, по которой данный источник представляет для историков значительный интерес), по ним можно составить представление о моральном облике отца и двоих его сыновей, причем на основе информации, полученной из первых рук. Впервые мы не только читаем имена правителей, но и можем представить себе, какими качествами и недостатками они обладали при жизни. Ишме-Даган, врожденный воин, как и его отец, всегда был готов ринуться в бой и с гордостью сообщал брату о своих победах: «Мы сражались в Шиманахе, и я захватил всю страну. Возрадуйся!» Порой он опекал брата: «Не пиши царю. Страна, где я нахожусь, ближе к столице. О том, о чем ты хочешь написать царю, напиши об этом мне, чтобы я мог дать тебе совет». Наместник Мари Ясмах-Адад, наоборот, был послушным, но ленивым, безалаберным и трусливым. «Ты остаешься ребенком, – пишет ему отец. – Нет бороды на твоём подбородке, и даже сейчас, в зрелом возрасте, ты не создал «дом». В другом письме Шамши-Адад укоряет сына: «В то время как твой брат здесь наносит поражения, ты там лежишь среди женщин. Так что теперь, когда ты отправляешься в Катанум с войском, будь мужчиной! Подобно твоему брату, прославляющему свое имя, ты тоже прославь свое имя в своей стране».

Судя по этим письмам, Шамши-Адад, отец двух царевичей, был мудрым, хитрым, педантичным человеком, не лишенным чувства юмора. Он всегда был готов дать своим сыновьям совет, сделать им замечание или похвалить их, всегда держал Мари под жестким контролем, которого более зрелый царевич не выдержал бы.

Постоянным источником беспокойства трех правителей были кочевники, особенно

многочисленные в районе Мари. В самом этом царстве и внутри его обитали три большие группы племен: хананеи, бени-ямина и сугии. Хананеи (*хану*) , жившие на протяжении длительного времени около Евфрата, наряду с аккадцами составляли большинство местного населения. Часть из них вела оседлый образ жизни. Эти люди создавали деревни и стоянки, где жили, подчиняясь власти собственных вождей и знати. Периодически их обязывали поставлять молодых людей для войска. Считалось, что те обладают прекрасными боевыми качествами, «думают только о том, как использовать свое оружие и победить врага».

Несмотря на то что эти закаленные бойцы по крайней мере однажды восстали и разграбили дворец, который должны были охранять, хананеи не представляли большой угрозы. Однако ситуация с бени-ямина, «сынами юга», складывалась иначе. Крайне многочисленные и подвижные, постоянно кочевавшие вдоль Хабур или форсировавшие Евфрат, всегда готовые совершить грабительский набег, они не поддавались контролю, уклонялись от службы в царском войске и порой оказывали помощь правителям Эшнунны и другим врагам ассирийцев. Однако Ясмах-Адад хорошо с ними обращался, отдавал им землю, орудия труда и зерно, если наступал голод, и сохранял с ними неплохие отношения. Что касается сугиев (*сугу*) , которые, вероятно, были наиболее многочисленны, в источниках они описываются как закоренелые бандиты, нападавшие на караваны и небольшие поселения, разорявшие целые области. Именно против них всегда нужно было применять силу.

Отношения между Ассирийской державой и окружающими ее небольшими царствами зависели от каждого конкретного случая, а порой и ежедневно менялись. С государствами, расположенными на западе (в Сирии), они были, как правило, превосходными. К примеру, нам известно, что правитель Каркемиша (Джераблус) Аплаханда присылал «своему брату» Ясмах-Ададу «превосходное вино», пищу, украшения и красивую одежду, подарил ему преимущественное право на разработку ряда медных рудников, расположенных на подвластной ему территории, и предлагал даровать ему все, что тот ни пожелает. В источниках также говорится, что Ясмах-Адад давал лодки кочевникам из Ямхада (Алеппо), занимавшимся разведением овец, чтобы они могли пересечь Евфрат, женился на дочери правителя Катны и отправил войска ему на помощь. В свою очередь, правитель Катны разрешил пастухам Ясмах-Адада пригонять скот на его пастбища и приглашал сына Шамши-Адада в гости.

Однако племена, жившие к северу и востоку от Ассирии, были настроены намного менее дружелюбно. В царской переписке, продолжавшейся на протяжении более чем 20 лет, говорится, что Шамши-Адад вторгся в «Верхнюю страну» (долины рек Балих и Хабур) и один за другим устраивал походы вдоль Заба и в окрестностях Киркука, в то время как импульсивный Ишме-Даган сражался с племенем турукку, а мелкие царьки утверждали свою власть в предгорьях Загроса.

К большинству из этих войн приложил руку правитель, которого авторы писем называют «человеком Эшнунны». Очевидно, речь в данном случае идет о Дадуше. Как было сказано выше, цари Эшнунны сумели захватить большую часть Субарту (Ассирии) и часть «Верхней страны» (Джазиры), но благодаря политике Шамши-Адада они лишились своих северных владений и были отрезаны от путей снабжения. Дадуша не был готов принять это. Терпеливый, целеустремленный, прекрасный военачальник и, несомненно, дипломат, он на протяжении всего своего правления сражался и плел интриги. В частности, для Ишме-Дагана, его непосредственного соседа, «человек из Эшнунны» постоянно представлял угрозу, и вооруженные стычки происходили почти все время. Состоявшие из нескольких тысяч человек армии с двух сторон пересекали не очень четко установленную границу между двумя государствами и совершали стремительные броски вверх и вниз по «коридору» между Тигром и горами Загроса. Так, на какое-то время ассирийцы получили контроль над Мальгумом (возможно, находившимся неподалеку от современной Кут-эль-Имары), расположенным в глубине вражеской территории, в то время как войска Эшнунны объединились с турукку в районе Курдистана и подошли к Киркуку. Даже в Мари

чувствовали угрозу, и новость о том, что враг движется вдоль Евфрата, вызвала в западной столице настоящую панику. «Срочно пришли мне многочисленные войска, – написал Ясмах-Адад брату. – Расстояние огромно!» Однако конфликт так и не разгорелся, и царство Мари было спасено. На Евфрате, как и на Тигре, ассирийцы обладали значительными силами, способными сдерживать войска Эшнунны.

Наконец следует рассказать о Вавилоне, еще одном могущественном соседе Ассирии. Отношения с этим государством были весьма холодными, но вежливыми, ибо ни Синмубаллит (1812–1793 до н. э.), ни Хаммурапи (1792–1750 до н. э.), оба являвшиеся современниками Шамши-Адада, не стремились к завоеваниям на севере. Поэтому ассирийский царь направлял Хаммурапи по его просьбе копии табличек, а Ясмах-Адад вернул в Вавилон караван, задержанный в Мари, и пленника-турукку, бежавшего и попытавшегося укрыться в этом городе. Только в одном письме можно заметить тень беспокойства. Очевидно, Ясмах-Адад узнал о каких-то неприятных для Ассирии планах «человека Вавилона», но один из его чиновников, проведя расследование, уверил его: «Теперь пусть сердце моего господина успокоится, ибо человек Вавилона никогда не навредит моему господину».

Однако примерно через 30 лет Хаммурапи захватит Мари и уничтожит его.

Глава 12

Хаммурапи

Одних только побед над четырьмя могущественными правителями и объединения Междуречья было бы достаточно для того, чтобы считать Хаммурапи¹⁹ одним из величайших месопотамских царей. Однако этот правитель Вавилона был не только успешным военачальником. Судя по тому, как он обращался со своими противниками, он также являлся умелым дипломатом, а составленный им свод законов свидетельствует о его любви к правосудию, которая отчасти компенсирует жестокость наказаний. Составленные по его приказу надписи свидетельствуют о том, что его заботило благосостояние подданных и он с огромным уважением относился к традициям страны, не являвшейся родной для его народа. Его письма доказывают, что потомок аморейского вождя мог управлять обширным государством с не меньшим тщанием и внимательностью к деталям, чем те, что прилагали правители шумерских городов-государств. Во время продолжительного и славного правления Хаммурапи в объединенной Месопотамии вновь воцарился мир, а Вавилон стал важнейшим столичным городом. Кроме того, благодаря ему семиты подтвердили свое право на доминирование в Междуречье. Невозмутимость и сила, отразившиеся в произведениях искусства, элегантность и красота аккадского языка, даже искусственное, но широкомасштабное реформирование шумеро-аккадского пантеона, целью которого было «назначение» Мардука царем богов, – все это позволило 43 годам царствования Хаммурапи (1792–1750 до н. э.) стать решающим периодом в истории Древнего Ирака. Несомненно, выдающаяся личность Хаммурапи, государственного деятеля и законодателя, заслуживает отдельного внимания.

Государственный деятель

От своего отца Синмубаллита Хаммурапи получил в наследство сравнительно небольшое царство длиной примерно 129 км и шириной чуть больше 32 км, простиравшееся от Сиппара до Марада, или, если обращаться к современной карте, от Эль-Фаллуджи до Диванийе. Вокруг него располагались более крупные государства, где правили гораздо более могущественные цари: на юге простирались владения правителя Ларсы Рим-Сина, который

¹⁹ Очевидно, это имя можно перевести как «Бог Хамму (божество, которому поклонялись западные семиты) – целитель». Существует еще одно прочтение этого имени – Хаммураби.

за два года до воцарения Хаммурапи захватил Исин (1794 до н. э.) и положил конец династии своих соперников; на севере находились три царства: Мари, Экаллатум и Ашшур, где правили Шамши-Адад и его сыновья; на востоке, на противоположном берегу Тигра, лежали владения царя Эшнунны Дадуши, являвшегося союзником эламцев. Новый царь Вавилона не меньше, чем его предки, желал расширить свои владения, но, прежде чем сделать первый шаг, он терпеливо ждал на протяжении пяти лет. Затем, упрочив свое положение на престоле, Хаммурапи отправил войска сразу в три стороны: он захватил Исин и прошел вдоль Евфрата вплоть до Урука (на шестой год своего правления); предпринял поход в страну Эмутбал, лежавшую между Тигром и горами Загроса, и занял Мальгум, ключевой пункт в этом районе (на седьмом и девятом годах своего царствования); наконец он захватил Рапикум, находившийся выше Сиппара (на десятом году правления). Судя по датировочным формулам, следующие 20 лет Хаммурапи посвятил украшению храмов и укреплению городов.

Благодаря этой непродолжительной серии военных операций царь Вавилона вторгся на территории Ларсы и Эшнунны, что, несомненно, настроило против него Рим-Сина и Ибальпи-Эля II, который в 1790 г. до н. э. унаследовал трон после смерти Дадуши. Однако мы не знаем, сумели ли они отомстить и как поступили, если им это удалось. Ассирийцы, в свою очередь, могли бы порадоваться унижению «человека Эшнунны», если бы не были заняты решением других проблем. На 10-м году правления Хаммурапи (1782 до н. э.) умер Шамши-Адад, оставив трон наиболее энергичному из своих сыновей – Ишме-Дагану. Слабый Ясмах-Адад оставался наместником Мари. В нашем распоряжении имеется письмо, которое новый царь написал своему брату, чтобы уверить: в его жизни ничего не изменится и Ишме-Даган сделает все, чтобы защитить его: «Не бойся. Твой трон – это твой трон, а я держу в руке (богов) Адада и Шамаша. Люди Элама и человек Эшнунны, я держу их на цепи. Не бойся. Пока живы мы, я и ты, навсегда ты будешь сидеть на своем троне. Давай поклянемся друг другу торжественной клятвой богов, затем я и ты, пусть мы встретимся и утвердим братство друг с другом навеки».

Однако через несколько лет Ясмах-Адада низверг с его престола Зимри-Лим, представитель «местной» династии Мари, сын Яхдун-Лима, который с помощью правителя Алеппо сумел «взойти на трон дома своего отца».

Нашим основным источником информации о правлении Зимри-Лима и почти всем царствовании Хаммурапи, как и в случае с ассирийским междоусобицей, снова являются царские архивы Мари. Несмотря на ненависть, которую он должен был питать к ассирийскому узурпатору, Зимри-Лим был достаточно мудрым для того, чтобы сохранить переписку своего предшественника. Примечательно, хотя и неудивительно, что, сравнив тексты, написанные в правление обоих, мы увидим: новый правитель в основном придерживался той же политики, что и Ясмах-Адад. Проведя несколько походов, чтобы упрочить свою власть в «Верхней стране» (в долинах рек Хабур и Балих), он занял более жесткую позицию по отношению к кочевникам, чем его предшественник, и нанес сокрушительное поражение неугомонным биньяминитам.

С государствами, расположенными на западе, сложились более сердечные, чем когда-либо, отношения. В Мари постоянно останавливались послы и вестники из государств, находившихся на территории Сирии, а сам Зимри-Лим посетил Алеппо и посвятил статую Ададу, богу – покровителю этого города. Несмотря на то что между Мари и Ашшуром вряд ли складывались теплые отношения, в нашем распоряжении нет источников, свидетельствующих о попытках Ишме-Дагана низвергнуть Зимри-Лима. Враждебность, которую два правителя питали друг к другу, проявлялась лишь во взаимных нападениях на один или два города, располагавшиеся на границе между двумя царствами, и, судя по тому, что на стороне ассирийцев в этих конфликтах принимали участие войска Эшнунны, можно предположить: Ишме-Дагану удалось превратить старого врага в союзника. В любом случае «человек Эшнунны», который плел интриги в «Верхней стране» и даже организовал полномасштабный военный поход в район Харрана, был самым опасным из двух восточных соседей Зимри-Лима.

С не меньшим волнением за передвижением войск правителя Эшнунны и его эламских союзников наблюдал лучший друг Зимри-Лима – Хаммурапи. Так как Вавилон и Мари контролировали все течение Евфрата, их правителям было выгодно находиться друг с другом в дружественных отношениях. Посол Зимри-Лима, живший при вавилонском дворе, сообщал ему «обо всех важных делах», происходивших в этом царстве, а вавилонский посол, в свою очередь, передавал Хаммурапи все новости, услышанные им в Мари. Создается впечатление, будто оба правителя прекрасно знали об этой «разведывательной деятельности» и одобряли ее. Цари одалживали друг другу войска (Зимри-Лим даже однажды отправил солдат из Алеппо на помощь Вавилону), и каждый из них, как и положено доброму соседу, оказывал другому различного рода услуги, мелкие и не очень. Однако, изучив события, произошедшие позднее, можно предположить, что Хаммурапи был менее бескорыстен, чем может показаться, и использовал союзника только для того, чтобы укрепить свою власть.

Читая недатированные, а значит, не позволяющие их классифицировать тексты, содержащиеся в архиве, мы постепенно, шаг за шагом, представляем себе, как этот терпеливый и коварный политик пробовал различные комбинации: сначала был союзником, а затем противником Эшнунны; сражался с Рим-Сином, а потом вступал с ним в переговоры. Создается впечатление, будто Хаммурапи ждал удобного момента, когда сможет совершить удар, который гарантированно принесет ему победу.

В конце концов на 29-м году царствования Хаммурапи время пришло, причем, вероятно, это произошло раньше, чем ожидал сам царь, так как, согласно его версии событий, на Вавилон напали эламцы, гутии, жители страны Субарту (ассирийцы) и Эшнунны, заключившие между собой союз: «Правитель, возлюбленный Мардуком, разбив многочисленное войско, которое собрали Элам... Субарту, гутии, Эшнунна и Мальгиум, благодаря огромной силе великих богов, создавших Шумер и Аккад...» (датировочная формула 30-го года правления Хаммурапи).

В следующем году (1763 до н. э.) правитель Вавилона перешел в наступление и, «вдохновленный пророчеством», напал на Ларсу. Рим-Син, которого он презрительно называл «царем страны Эмутбал» (оттуда происходил род Рим-Сина), был свергнут с престола после того, как занимал его на протяжении 60 лет (его правление было самым продолжительным в истории Древнего Междуречья).

На 31-м году царствования Хаммурапи его старые враги создали новый союз. «Герой» не только «разгромил их войско», но и двинулся «вдоль берега Тигра» вплоть до «границы Субарту». Так пришел черед Эшнунны.

Став владыкой Южной и Центральной Месопотамии, Хаммурапи не остановился. Собираясь напасть на своего старого друга Зимри-Лима, он, возможно, думал о великих державах Аккада и Ура: «Мари и Мальгум он разгромил в битве и заставил Мари и... еще несколько городов Субарту посредством мирного договора (слушаться) своих приказов» (датировочная формула 32-го года правления Хаммурапи). Судя по последним словам этой датировочной формулы, Зимри-Лим не лишился своего трона, однако оказался в зависимости от Хаммурапи. Однако через два года войска Вавилона снова отправились в Мари, возможно, для того, чтобы подавить восстание. На этот раз городская стена была разрушена, прекрасный дворец Зимри-Лима разграблен и сожжен, а крупнейший в среднем течении Евфрата город навеки превратился в руины (1759 до н. э.).

Наконец на 36-м и 37-м годах своего правления Хаммурапи «разбил войско страны Субарту (Ассирии)» и «победил всех своих врагов вплоть до страны Субарту». Мы не знаем, как он приказал поступить с Ашшуром. Каким-то образом династии ассирийских царей удалось сохраниться, но преобладанию Ассирии в Северном Ираке пришел конец.

Таким образом, в течение 10 лет пять месопотамских государств одно за другим прекратили свое существование, и Междуречье вошло в состав одного царства, столица которого находилась в Вавилоне. Сложно сказать, как далеко простиралась власть Хаммурапи. Стела с его надписью была обнаружена неподалеку от Диярбакыра, в предгорьях Тавра, но Элам и Сирия оставались независимыми. В те времена они были сильнее, чем в

правление Ур-Намму, и для того, чтобы покорить их, Хаммурапи потребовалось бы больше времени и сил, чем он мог себе позволить. Правитель Вавилона назвал себя «могучим царем, царем Вавилона, царем всей страны Амурру, царем Шумера и Аккада, царем четырех сторон света». Однако, он, несомненно, поступил мудро, не пытаясь заявлять, будто управляет «вселенной».

Законотворец

Объединив Месопотамию с помощью оружия, Хаммурапи в то же время сумел провести ряд административных, социальных и религиозных нововведений, цель которых заключалась в сосредоточении в руках самого Хаммурапи и его преемников власти над государством, где жили представители нескольких этнических групп, придерживавшихся собственных законов и обычаев, поклонявшихся разным богам и почитавших местные традиции. Царь занимался преобразованиями внутри страны с той же смесью безудержной энергии и мудрой умеренности, которые он проявил в отношениях с соседями. Наместники находились под жестким контролем со стороны царя и, судя по всему, обладали совсем небольшим объемом полномочий. Однако в каждом городе существовал совет старейшин, обсуждавший различные проблемы местного значения, выносивший решения по незначительным судебным делам и собиравший подати. В итоге у подданных Хаммурапи была по крайней мере иллюзия самоуправления.

Для того чтобы легализовать власть своей династии и не допустить появления новых претендентов на трон Шумера и Аккада, Хаммурапи поставил во главе пантеона бога Мардука – покровителя Вавилона, прежде являвшегося третьесортным божеством. Однако правитель тактично добавил, что власть над богами была дарована Мардуку Ану и Энлилем и что он сам, Хаммурапи, был призван теми же богами, чтобы «обеспечить благосостояние людей». Выполняя царский приказ, жрецы исправили генеалогию богов, наделили Мардука качествами других божеств и переписали миф о творении, сделав так, чтобы он играл в нем ведущую роль. При этом фундаментальные изменения в шумеро-аккадских религиозных представлениях не произошли. Везде, включая Ниппур, перестраивались, восстанавливались или украшались храмы, причем без отклонения от древних месопотамских традиций, и царь старательно избегал шагов, которые могли бы задеть религиозные чувства людей.

Мы больше не можем считать свод законов Хаммурапи, составленный, «чтобы дать сиять справедливости в стране, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого»²⁰, древнейшим в мире, так как в нашем распоряжении имеются аналогичные источники, составленные во время правления Ур-Намму, Липит-Иштара и Билаламы, не говоря уже о «реформах» Урукагины. Тем не менее он до сих пор является самым полным и в связи с этим заслуживает более пристального внимания.

Следует отметить, что слово «кодекс», которое иногда ставят в начале названия этого источника, не следует понимать буквально. Дело в том, что здесь мы имеем дело не с продуманной реформой законодательства и не с всеохватывающим собранием правовых норм, сгруппированных в определенном, поддающемся логическому осмыслению порядке, таким как Кодексы Юстиниана и Наполеона. Жители Месопотамии руководствовались обычным правом, которое «переходило» от одного правителя к другому и иногда видоизменялось, чтобы соответствовать состоянию общества и хозяйства в определенный период.

Одним из первых деяний каждого царя (по крайней мере, со времен Урукагины) было установление *мешарум*. Это слово можно перевести как «справедливость», «правосудие», но в данном контексте оно имело более широкое значение, в частности было связано с прощением некоторых долгов и обязательств, установлением цен на определенные виды

²⁰ Здесь и далее текст законов Хаммурапи приведен в переводе с аккадского В.А. Якобсона (по изданию: *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Т. 1. М., 1980. С. 152–177). (Примеч. пер.)

продуктов, что являлось довольно эффективным способом регулирования хозяйственной жизни страны. Именно об этом говорится в датировочной формуле второго года правления Хаммурапи – «он установил справедливость в стране». Прекрасный пример деяния, связанного с *мешарум*, можно встретить в «эдикте» царя Амми-цадуки, одного из преемников Хаммурапи.

Во всем другом новый царь просто обращался к законам своих предшественников, таким образом обеспечивая непрерывность традиции, которая, как в этой, так и в других сферах, была одной из наиболее характерных черт месопотамской цивилизации. Однако на протяжении царствования общество и хозяйство менялись, а значит, необходимо было упорядочить законы, и царь выносил приговоры по делам, к которым невозможно было подобрать прецедент. Эти решения царя (*динат шаррим*) старательно записывались и в конечном итоге были собраны вместе, чтобы их могли использовать следующие поколения судей. Таким образом и создавались так называемые кодексы законов. В нашем распоряжении имеется несколько списков законов Хаммурапи, вырезанных на глиняных табличках, датирующихся периодом от правления I Вавилонской до царствования Халдейской династии (VI в. до н. э.).

Ближе к концу своего царствования Хаммурапи приказал, чтобы его решения вырезали на стелах, которые затем помещали в храмы и которые должны были стать подтверждением того, что правитель хорошо выполнял одну из своих важнейших функций – «царя правосудия» и действовал в соответствии с велениями богов. Одна из этих стел, найденная в прекрасной степени сохранности, сама по себе является настоящим произведением искусства. Изначально она была установлена в храме Шамаша в Сиппаре, но затем, в XII в. до н. э., эламцы перевезли ее в качестве военного трофея в Сузы. Там в 1901 г. ее и обнаружили французы, и теперь она хранится в Лувре. Высота этой стелы с неровно закругленной верхушкой, вырезанной из базальта, составляет почти 2,5 м. В ее верхней части помещено изображение Хаммурапи, молящегося перед сидящим на троне богом – Мардуком или Шамашем, божеством солнца и правосудия. Остальная часть стелы с обеих сторон покрыта расположенными по горизонтали, прекрасно вырезанными колонками текста, написанного на превосходном вавилонском диалекте аккадского языка.

За длинным вступлением, в котором перечисляются религиозные деяния царя, следуют по меньшей мере 282 нормы, устанавливающие ответственность за различные правонарушения, регулирующие торговлю, брачные отношения, семейную жизнь и вопросы, связанные с собственностью, размер сборов и ответственность людей определенных профессий, позволяющие решить правовые проблемы, касающиеся земледелия, заработной платы и платы за наем работников и имущества, покупки и продажи рабов. В конце идет длинное заключение, где говорится о наказании, ожидающем того, кто повредит стелу или «не будет чтить... постановления», которые Хаммурапи «начертал на своей стеле».

Из законов Хаммурапи и других источников мы узнаем, что в Вавилоне людей делили на три категории: свободных (*авелумов*), *мушкенумов* и рабов. Термин *мушкенум*, оставленный здесь без перевода, трактовали как «плебей», «общинник», «зависимый крестьянин» или «бедный» (ср. арабское слово *мескин*), но в действительности, вероятно, так называли человека, находившегося в той или иной зависимости от государства, который должен был выполнять определенные обязанности и запреты в обмен на конкретные привилегии.

Рабами могли стать как пленники и их потомки, так и обедневшие свободные люди, продававшие себя или своих детей кредиторам. Выбранные и определенным образом помеченные, они считались имуществом своих господ, и жестокие наказания ждали тех, кто помогал беглым рабам или укрывал их. Тем не менее их положение не было таким безнадежным, как может показаться. Хозяева могли освободить или усыновить их. Кроме того, из законов Хаммурапи мы с удивлением узнаем, что по крайней мере некоторые из них могли обладать имуществом или даже жениться на дочерях свободных людей (§ 175–176). Цены и наказания зависели от социального статуса человека. К примеру, за тяжелую

операцию, в результате которой была спасена жизнь *авелума*, врач должен был получить 10 шекелей серебром. Если он спас *мушкенума*, ему полагались пять шекелей, а за раба платили два шекеля (§ 215–217). Кроме того, «если человек выколол глаз сыну человека»²¹, то должны выколоть ему глаз», но «если он выколол глаз мушкенуму или переломил кость мушкенуму, то он должен отвесить 1 мину серебра», а если речь шла о рабе, то виновный должен был выплатить половину его выкупной цены (§ 196, 198, 199). Компенсация натурой или деньгами, составлявшая основу шумерской системы наказания, теперь частично была заменена смертной казнью, причинением увечий и телесными наказаниями, а если жертва или истец был свободным человеком, как правило, применялось чудовищное право талиона, даже если правонарушение было совершено не намеренно. Например:

(§ 218) Если лекарь сделал человеку тяжелую операцию бронзовым ножом и убил этого человека или же он вскрыл бельмо (?) у человека бронзовым ножом и выколол глаз человеку, то ему должны отрубить кисть руки...

(§ 229) Если строитель построил человеку дом и свою работу сделал непрочной, а дом, который он построил, рухнул и убил хозяина, то этот строитель должен быть казнен...

(§ 231) Если он убил раба хозяина, то он, строитель, должен отдать хозяину раба за раба.

Несмотря на то что современному человеку законы Хаммурапи могут показаться чересчур жестокими, в действительности многие из содержащихся в них норм вполне соответствуют нашим представлениям о правосудии. В частности, в правилах, регулирующих семейные и имущественные отношения, отразилась попытка защитить женщин и детей от самоуправства, бедности и пренебрежения. Наказания в этом разделе также довольно суровые, но их можно было смягчить, получив прощение или доказав наличие смягчающих обстоятельств. Супружеская неверность жены каралась смертью, но муж мог простить ее, а царь – ее любовника, чтобы их не связали и не бросили в воду (§ 129). Когда жена пленника в его отсутствие «вступала в дом другого», ее освобождали от наказания, если «в его доме нет пропитания» (§ 134). Мужчина мог развестись с женой, ничего ей не дав, если она «вздорничала» (§ 141). Но если он хотел оставить ее, так как она не сумела родить ему детей, «то он должен дать серебро, равное ее выкупу, а также восстановить ей приданое, которое она принесла из дома своего отца, а затем он сможет ее оставить» (§ 138). Супруг больной женщины мог жениться на другой, но он был должен оставить свою первую супругу в доме и содержать ее, «пока она жива» (§ 148). После смерти человека его имущество делили между его сыновьями, но его вдова обладала правом пожизненного пользования этим имуществом (§ 171) и могла свободно распоряжаться полем, садом, домом или имуществом, подаренным ей мужем (§ 150). После смерти женщины ее отец не мог претендовать на ее приданое – оно принадлежало только ее сыновьям (§ 162). Аналогичные нормы защищают сыновей «первой жены» от притязаний рожденных рабыней или наложницей, а сыновей в целом – от необоснованного лишения наследства (§ 168).

Не меньший интерес представляет упомянутый в законах Хаммурапи институт *илькома* (§ 26–41). Очевидно, люди, принадлежавшие к определенным профессиям, такие как редумы (воины), бариумы (моряки)²² и *наш бильтим* (дословно «носильщики дани»), получали от царя зерно, земли, овец и крупный рогатый скот в обмен на выполнение определенных обязанностей, наиболее очевидной из которых является военная служба. Полученное таким образом имущество считалось принадлежащим человеку, которому оно было передано, на протяжении всей его жизни, а после смерти делилось между его наследниками. Оно не могло быть продано держателем либо передано им своей жене или дочерям, хотя его можно было

21 «Человеком» в переводе законов Хаммурапи на русский язык именуются люди, которых Ж. Ру называет *авелумами*. (Примеч. пер.)

22 Существует точка зрения о том, что редумы были тяжеловооруженными солдатами, а бариумы – легковооруженными. (Примеч. пер.)

использовать для уплаты выкупа, если его владелец был захвачен в плен во время службы царю, либо передать другому, если держатель отказывался от службы или бежал. Таким образом, становится понятно, что дарение имущества было не просто наградой за службу царю, а способом (возможно, внедренным самим Хаммурапи) «привязать» часть подданных к земле и создать между ними и правителем связь, похожую на ту, которая существовала между господином и его вассалом в средневековой Европе.

Таково краткое перечисление основных отличительных черт знаменитых Законов Хаммурапи. Возможно, они менее незаурядны, чем могли бы показаться, но длина этого источника, красота и точность его языка и тот свет, который он проливает на довольно жестокое, но весьма цивилизованное общество того периода, делают его уникальным. Написанные в последние годы правления Хаммурапи законы стали блестящим итогом его продолжительного и вполне успешного царствования. Вспоминая о своих достижениях, царь Вавилона имел полное право на то, чтобы с гордостью заявить:

Я уничтожал врага сверху и внизу,
Я положил конец войне,
Я способствовал благополучию страны,
Я сделал так, чтобы люди жили в мирном обиталище,
Я сделал так, чтобы никто не угрожал им.
Великие боги призвали меня,
Поэтому я стал добрым пастырем, чей скипетр праведен,
Моя милосердная тень простерлась над городом.
В своем сердце я нес людей Шумера и Аккада,
Они процветали под моей защитой,
Я управлял ими в мире,
Я укрывал их своей силой.

Глава 13

Во времена Хаммурапи

Каким бы захватывающим ни было постоянное изменение политической и экономической ситуации, всегда бывают времена, призывающие сделать паузу. В истории есть периоды, от которых сохранилось такое огромное количество источников, что историк чувствует себя обязанным на время оставить правителей и их династии, царства и державы, войну и дипломатию и обратиться к изучению того, каким в те времена было общество. Как жили люди? Чем они занимались в повседневной жизни? Эти вопросы, которые приходят нам на ум по вполне понятным причинам, заслуживают ответа.

Для Месопотамии одним из таких периодов стало время правления Хаммурапи, точнее, целое столетие, начавшееся за 60 лет до его воцарения (1850–1750 до н. э.). В нашем распоряжении имеется огромное число относящихся к нему источников, как письменных, так и археологических. Действительно, мы совсем немного знаем о столичных городах Южного Ирака: Исин и Ларса почти не изучены, а за 18 лет раскопок на территории Вавилона археологам удалось едва «поскрестить» поверхность этого огромного памятника – уровень грунтовых вод не позволил немецким археологам углубиться намного ниже слоя нововавилонского времени (609–539 до н. э.). На небольшой территории, где удалось сделать глубокое шурфование, на глубине примерно 12 м было обнаружено лишь несколько табличек и фрагментов стен, относящихся к периоду правления I Вавилонской династии. Однако археологи, работавшие на других городищах, оказались более удачливыми. Возможно, найденные ими памятники: дворцы в Мари и Телль-Асмаре, храмы и частные дома в Уре и другие – не очень многочисленны, но уникальны.

С письменными источниками нам повезло больше, так как в нашем распоряжении

имеется не только свод законов Хаммурапи, но и его переписка, тексты, хранившиеся в царском архиве Мари, и множество юридических, хозяйственных, административных, религиозных и научных источников, найденных в Мари, Ларсе, Сиппаре, Ниппуре, Уре, Телль-Хармале и на других памятниках. Всего, возможно, мы можем похвастаться 30 000 или 40 000 табличек. Без преувеличения можно сказать, что о Междуречье за 1800 лет до рождения Христа мы знаем гораздо больше, чем о любой европейской стране 1000 лет назад. В теории историк вполне может нарисовать довольно полную и подробную картину жизни месопотамского общества XIX–XVIII вв. до н. э. Так как для этого нам придется выйти далеко за рамки данной книги, мы ограничимся рассказом о трех основных аспектах этого общества: о том, как «жило» богам в их храмах, царю – во дворце, а горожанину – в его доме.

Бог в своем храме

Как это ни удивительно, но появление западных семитов не оказало почти никакого воздействия на шумеро-аккадский пантеон. У Амурру, эпонимного божества амореев, были собственные святилища, но он никогда не пользовался особой популярностью. Несмотря на то что в древневавилонский период многие личные имена людей были образованы от имен типично сиро-палестинских богов, таких как Эль, Ерах, Лим или Хамму, в нашем распоряжении нет источников, подтверждающих, что в Месопотамии эти божества являлись объектами организованного культа. Судя по всему, единственным нововведением стало превращение Мардука в царя богов и его наделение функциями и правами Энлиля.

Однако на протяжении продолжительного времени культ Мардука оставался исключительно официальным, государственным и не вызывал эмоционального отклика у жителей страны. Подданные Хаммурапи, да и сам царь продолжали поклоняться Ану, Энлилю, Эа, Сину, Шамашу, Иштар и огромному количеству других божеств, которые с незапамятных времен «поворачивали улыбающиеся лица» к жителям Ирака. Во всех городах Шумера и Аккада шумерские боги (теперь, правда, получившие аккадские имена) сохранили свои святилища, и пыл их почитателей, на который не в состоянии были повлиять политические перемены, только разгорался. Широкое распространение терракотовых статуэток божеств, существование домашних «часовен», преобладание «сцен подношения» на цилиндрических печатях данного периода – все это свидетельствует о близких, личных отношениях, сложившихся тогда между человеком и божеством.

Внешний вид и размер храмов, домов (*биту*) богов, как их называли, разнились. Некоторые из них были лишь маленькими локальными часовнями, являвшимися частью группы домов и состоявшими всего лишь из открытого двора с алтарем и пьедесталом для статуи божества. Другие были более обширными, отдельно стоящими (или имеющими общую стену с другими постройками) зданиями, внутри которых располагалось несколько открытых дворов и помещений. Наконец, существовали огромные храмовые комплексы ключевых божеств, внутри которых, как правило, находилось несколько святилищ для менее важных богов, являвшихся членами их семей или входивших в их свиты.

Храмам больше не была свойственна очаровательная простота древнейших шумерских святилищ. С течением времени они становились все более сложными, чтобы вместить в себя многочисленные службы, необходимые для жестко организованного религиозного сообщества. Более того, судя по их планировке, в отправлении культа существовала узкая специализация. Очевидно, помещения храмов, открытые для всех желающих, заметно отличались от предназначенных для жрецов (или только отдельной их категории). Проблема о том, кто: шумеры или семиты – создал идею, согласно которой к богам приблизиться можно только постепенно, является весьма дискуссионной, и здесь мы не можем уделить ей внимание.

Все основные храмы Месопотамии обладали сходными характерными чертами. Внутри их находился большой двор (*кисальмахху*), окруженный небольшими помещениями,

служившими жилищами, библиотеками и школами для жрецов, кабинетами, мастерскими, хранилищами, погребам и стойлами. В этот двор во время крупнейших праздников торжественно вносили статуи богов, доставленные из других храмов, но в обычные дни он был открыт для всех, поэтому нам не следует представлять его тихим и пустынным. Вероятно, эти дворы были чем-то средним между уединенным местом и базаром, полным шума и движения, людей и животных. Их постоянно пересекали служители храмов, торговцы, которые вели с ними дела, а также мужчины и женщины, приносившие подношения и взывавшие к богам о помощи и совете.

За *кисальмахху* располагался еще один двор, как правило меньшего размера, посреди которого стоял алтарь, а за ним находился сам храм (*аширту*), здание, войти в которое могли только жрецы, называвшиеся только *эриб бити* («те, кто входит в храм»). Храм был разделен на три помещения, расположенные одно за другим: «холл», преддверие целлы и сама целла (святая святых). В целле находилась статуя божества, которому был посвящен храм. Вырезанная, как правило, из дерева и покрытая листовым золотом, она стояла на пьедестале в нише, вырубленной в дальней стене целлы. Когда были открыты все двери, из малого (но не большого, так как тот располагался под прямым углом по отношению к входу в храм) двора можно было увидеть статую, слегка блестящую в полутьме святилища. У ног божества стояли горшки с цветами и курильницы для благовоний, а на невысоких кирпичных помостах, расставленных вокруг святой святы и ее преддверия, располагались статуи других божеств и их почитателей, а также царские стелы и различные подношения, сделанные по обету. В остальном обстановка храма состояла из двухступенчатого алтаря, стола для священных трапез, резервуара с очищающей водой, подставок для регалий и посвященного богам оружия.

При постройке здания использовались редкие и дорогостоящие материалы: его крышу поддерживали балки из кедрового дерева, двери были вырезаны из драгоценной древесины и нередко покрыты медными или бронзовыми листами. Вход охраняли изваяния львов, быков, грифонов или «гениев», вырезанные из камня или дерева либо слепленные из глины. В углах храмового участка и под дорогой были зарыты кирпичные «короба», в которых лежали глиняные или бронзовые «гвозди», царские надписи и статуэтки правителей, построивших или восстановивших это святилище. Данные предметы (*темену*) подтверждали священный статус участка, устанавливали его границы и отгоняли демонов подземного мира.

Каждый день на протяжении всего года в храме проводились религиозные обряды: воздух колебался от звуков музыки, гимнов и молитв; на стол перед изваянием бога ставили хлеб, пироги, мед, масло и фрукты; совершались возлияния водой, вином или пивом; по алтарю текла кровь, и запах жарящегося мяса смешивался с ароматом кедрового и кипарисового дерева и благовоний. Основной целью отправления культа было служение божеству – *дуллу*. Считалось, что жизнь богов мало чем отличается от человеческой – их нужно мыть, умащать, надушить, одевать, наряжать и кормить. Повседневную пищу храмы получали благодаря подношениям, раз и навсегда устанавливавшимся царем как верховным жрецом, а также поставлявшимся сообществами верующих. Кроме того, некоторые дни месяца считались священными или благоприятными (например, к их числу относились дни, когда появлялась или исчезала луна) и предназначались для проведения определенных торжеств. Также иногда проводились обряды, связанные с очищением и освящением, а в некоторых городах весной и осенью устраивали празднование Нового года.

Однако жрецы также служили посредниками между богами и людьми. Они лучше других знали способы, которые лучше всего подходят для того, чтобы приблизиться к могущественным божествам. От имени больных, скорбящих, раскаявшихся грешников они совершали жертвы, читали молитвы и плачи, пели гимны о прощении и раскаянии.

Так как только жрецы умели заглядывать в будущее, и цари, и простые общинники нередко обращались к ним за советом и предсказанием. Для совершения каждого из этих культовых действий необходимо было выполнить отдельный, строгий и сложный ритуал. Изначально молитвы и заклинания читали на шумерском языке, но в правление

представителей I Вавилонской династии в храмах разрешили использовать аккадский. До нашего времени сохранилось описание обряда накрывания храмового литавра, согласно которому через трубку из стебля тростника в правое ухо быка нужно прошептать определенную молитву на шумерском языке, а в левое – на аккадском.

В основных храмах служило огромное число жрецов. Будучи сыновьями и внуками жрецов, они выросли в святилище и получили прекрасное образование в храмовой школе – *бит мумми* (дословно – «дом знания»). Во главе всей жреческой иерархии стояли верховный жрец, *эну* (аккадский вариант шумерского слова *эн*, «господин»), и *уригаллу* (изначально так называли сторожей у ворот, а затем – первосвященника). Из числа специализированных жрецов наиболее важную роль играли *машмашшу*, произносившие заклинания, *паишшу*, умащавшие богов и накрывавшие им стол, *калу*, произносившие плачи, *ашишу*, изгонявшие злых духов, и *бару*, толковавшие сновидения и предсказывавшие будущее. Однако в храмах трудились и жрецы, относившиеся к другим категориям, а также певцы, музыканты, ремесленники, слуги и рабы.

Женщин, служивших в храмах, было не меньше, и они также распределялись по группам. Верховная жрица, *энту*, как правило, могла похвастаться царским происхождением, а жрицы *надиту*, которые могли выходить замуж, но не имели права рожать детей, пока продолжают служить в храме, обычно происходили из лучших семей. Бок о бок с этими респектабельными дамами служили женщины, посвятившие себя профессии, считавшейся тогда постыдной, но позволявшей человеку вступить в контакт с божеством, – храмовые проститутки.

Все эти люди образовывали закрытое сообщество, жившее по собственным правилам и традициям, члены которого обладали особыми правами, существовали отчасти за счет доходов от принадлежавшей храму земли, отчасти от различных «финансовых» и торговых операций, отчасти – «с алтаря» и играли важную роль в государственных делах и в частной жизни каждого обитателя Междуречья. Но времена, когда храмы полностью контролировали общество и хозяйство Шумера, ушли в прошлое, и жизненно важным центром, сердцем и мозгом государства стал царский дворец.

Царь во дворце

Важная роль, которую, по мнению современников, играл царский дворец (*эгаль* на шумерском языке и *экаллум*, «великий дом», на аккадском), является специфической особенностью старовавилонского периода. Сосредоточение власти в руках одного правителя, необходимость в централизованном административном аппарате, постоянно возрастающие расходы на поддержание престижа – все это превратило царскую резиденцию, до этого бывшую довольно скромным зданием, в обширный комплекс, состоявший из комнат, залов для приемов, кабинетов, мастерских и складов, окруженный в целях безопасности крепкими оборонительными стенами. Одновременно усадебный дом, замок и сераль – дворец превратился в город в городе.

Лучшим примером подобной царской резиденции является дворец в Мари. Найденный в прекрасной степени сохранности, он привлекает внимание не только своим размером (его размеры составляют примерно 137 × 198 м, и он занимает площадь почти 3 га), но и благодаря выдержанному и гармоничному внешнему виду, красоте украшений и качеству самих построек. Археологи называли его «жемчужиной архаической восточной архитектуры», а в древности он пользовался настолько широкой славой, что правитель Угарита, расположенного на побережье Сирии, отправил своего сына за более чем 560 км, чтобы тот посетил «дом Зимри-Лима».

Гигантскую внешнюю стену дворца (в некоторых местах толщиной более 12 м), стоявшую на каменном основании и укрепленную башнями, можно было преодолеть, только пройдя через единственные ворота, расположенные в ее северной части. Преодолев охраняемый вестибюль, небольшой двор и темный коридор, посетитель попадал в огромный

дворцовый двор, поистине прекрасное открытое пространство (площадью более 418 м²), наполненное солнечным светом и вымощенное гипсовыми плитами. Непокрытой осталась только земля посреди двора, где, вероятно, некогда были высажены пальмовые деревья. Напротив входа располагалась лестница с элегантно изогнутыми ступенями, которая вела в «зал для аудиенций» продолговатой формы с высокими потолками. Вероятно, именно здесь сидел царь Мари, принимая своих подданных.

Пройдя через дверь в западной стене «двора славы» и коридор в форме латинской буквы L, царские особы, послы, высокопоставленные сановники и другие статусные посетители попадали в другой двор, меньший по размеру, но очень аккуратный, пол которого был замазан толстым слоем белой штукатурки, а стены покрыты росписями, причем над некоторыми из них, очевидно, на деревянных столбах были натянуты навесы, позволяющие укрыться от дождя и сильной жары. На ярких росписях, частично сохранившихся и являющихся предметами гордости Лувра и музея в Алеппо, изображены религиозные церемонии общегосударственной важности: приношение в жертву быка, то, как царь Мари «касается» руки Иштар (ритуал подтверждения власти, проводившийся в рамках празднования Нового года), подношения и возлияния богине и другие сцены, сохранившиеся лишь частично.

За этим двором располагались, одно за другим, два вытянутых помещения. В первом из них находилось покрытое штукатуркой и раскрашенное возвышение, на котором некогда стояла статуя, возможно найденное неподалеку изваяние богини, держащей в руках сосуд, из которого текла вода, обезглавленное и сброшенное со своего пьедестала. Другое помещение служило тронным залом. С одной его стороны, напротив стены, располагался невысокий пьедестал (вероятно, таким образом было отмечено место для высокопоставленных посетителей). В противоположном конце находилась превосходная длинная лестница, которая вела на приподнятую платформу, где некогда сидел правитель, исполненный царственного величия.

Сердцем дворца были зал для аудиенций и тронная зала. Вокруг них располагались другие помещения. По другую сторону от ворот находились жилища для гостей и казармы для солдат из дворцового гарнизона. Рядом с северо-западным углом здания было обнаружено скопление превосходно украшенных помещений и ванных комнат, в одной из которых стояли две терракотовые ванны. Вероятно, здесь и находились царские апартаменты. Неподалеку жили комендант дворца и различные чиновники.

Южнее располагалось здание школы, состоявшее из двух помещений. В нем стояли ряды глиняных скамеек, а по полу были разбросаны таблички с записанными на них упражнениями. От двора славы отходило несколько длинных коридоров, пройдя по которым можно было попасть в двойную часовню, предположительно посвященную богиням Анунит и Иштар и предназначенную лично для царя. В остальных трехстах с небольшим помещениях дворца располагались кухни, хранилища, жилища слуг, печи, использовавшиеся кузнецами и горшечниками.

Конструкция здания не менее примечательна, чем его план. Очень толстые стены, в некоторых местах возвышавшиеся почти на 5 м, были сложены из крупного кирпича-сырца, покрытого несколькими слоями глины и штукатурки. Пол и нижние части стен многих помещений, особенно ванных комнат и уборных, был покрыт защитным слоем битума. Археологи не нашли окон. Вероятно, свет поступал в помещения через высокие и широкие дверные проемы, которые вели во дворы или через круглые отверстия в потолках, закрывавшиеся с помощью глиняных заглушек, по форме напоминавших грибы. Остатки лестниц свидетельствуют о том, что по крайней мере некоторые части дворца были двухэтажными. Для дренажа использовались кирпичные желоба, продолженные под вымосткой, и обмазанные битумом глиняные трубы, опускавшиеся вниз на 9 м. Вся дренажная система была спланирована и установлена настолько умело, что вода, накопившаяся после сильного ливня, шедшего во время раскопок, ушла за несколько часов. Сточные трубы заработали снова, после 40 столетий бездействия!

Подобно тому как дворец Мари свидетельствует, в какой обстановке жили месопотамские цари, таблички, найденные в различных его помещениях (наряду с письмами Хаммурапи, обнаруженными в других городах Междуречья), рассказывают, чем они занимались в повседневной жизни. Возможно, самым поразительным в этих письмах является тот интерес, который царь проявлял к тому, что происходило в его государстве. Правителям постоянно писали наместники, военачальники, послы, служившие при дворах других царей, чиновники всех рангов и мастей и даже простые смертные, сообщая им о том, что происходило в сферах их деятельности, и обращаясь за советом. Царь, в свою очередь, отдавал приказы, воодушевлял, порицал, наказывал своих подданных или просил их предоставить более подробные сведения. Гонцы, которых сопровождал эскорт, постоянно привозили во дворец и увозили из него огромное количество писем. Подавляющее большинство из них было посвящено военным и дипломатическим делам, правосудию и общественным работам. К примеру, Хаммурапи направлял в Ларсу, ставшую столицей южных областей его царства, сообщения, в которых выносил судебные решения, назначал чиновников, вызывал их к своему двору и приказывал выкапывать или расчищать каналы. Ясмах-Адад и Зимри-Лим тоже давали указания, связанные с переписью кочевников и мобилизацией войск, а также обменивались со своими царственными «братьями» подарками и идеями.

Однако, как нам станет понятно по нескольким примерам, отобранным случайно, в письмах говорилось и о более тривиальных вещах. Дочери Яхдун-Лима, которых держал в Мари в качестве заложниц узурпатор Ясмах-Адад, выросли. Шамши-Адад отправил своему сыну письмо, в котором предлагал отослать их к нему во дворец в Шубат-Энлиле, чтобы там их смогли обучить музыке. Колесницы, изготавливавшиеся в Мари, значительно превосходили по качеству те, что делали в Экаллатуме, и Ишме-Даган обратился к брату с просьбой прислать ему несколько колесниц, а также хороших плотников. В Терке появилась саранча, и наместник этого города отправил своему господину Зимри-Лиму корзины, полные этих насекомых. Царь, подобно современным арабам, обожал этот деликатес. Опять же в Терке человеку приснился странный пророческий сон, о котором стали много говорить в городе. Автор одного из писем отправил его пересказ царю, так как посчитал, что тому будет интересно узнать о содержании этого сна. Некий Якким-Адду, наместник Сагаратима, поймал льва, посадил его в деревянную клетку и отправил Зимри-Лиму. Недалеко от Мари было обнаружено изувеченное тело ребенка. Комендант дворца Бахди-Лим уверял царя, что тотчас же начнется расследование. Служанка, работавшая в царском дворце, бежала и направилась из Ашшура в Мари. Шамши-Адад попросил своего сына поймать ее и вернуть под охраной. Некая женщина, отправленная в ссылку в Нахур, неподалеку от Харрана, обратилась к Зимри-Лиму с просьбой: «Может ли мой господин написать, чтобы они вернули меня назад и чтобы я снова смогла увидеть лицо своего господина, по которому скучаю?» В таком простом прозаическом стиле написано огромное количество табличек, что заметно отличает их от помпезных царских надписей: «Моему господину скажи следующее: так говорит Х, твой слуга». Это тот редкий случай, когда мы действительно можем увидеть, как жили люди, понять их проблемы и разделить их тревоги. В то же время мы понимаем, насколько большое число людей в то далекое время умело писать, насколько многочисленны были писцы, насколько эффективно работала царская канцелярия, какими занятыми и ответственными были царь и его чиновники. Ничто не создает такого сильного ощущения путешествия назад во времени, как посещение царского дворца в Мари и просмотр содержимого его архивов.

Горожанин в своем доме

Нам осталось только рассказать о том, как жили почти 4000 лет назад простые месопотамские горожане – *авелумы*. Для этого нам нужно перенестись почти на тысячу километров вниз по течению Евфрата, направившись из Мари в величественный город Ур.

Там также были найдены письменные источники, которые вкпе с руинами зданий могут дать нам всю необходимую информацию. Прекрасно сохранились более 8000 квадратных метров улиц и частных домов, раскопанных в 1930–1931 гг. сэром Леонардом Вулли. И даже сейчас, через много лет, несмотря на ветры и дожди, эти руины вызывают в воображении прошлое, причем с такой живостью, которую можно достичь только в Помпеях и Геркулануме.

Эти улицы, покрытые грязью зимой, пылью – летом, усеянные мусором, который выбрасывали из окон соседних домов и не собирали, тем не менее не теряют свою привлекательность. Они извинаяются без всякого плана между компактными группами домов, от которых сейчас остались лишь пустые фасады без окон, иногда прорезанные небольшими дверными проемами. То тут, то там, однако, встречаются скопления лавок, образующие базар или стоящие среди домов, которые немного разнообразят строгий пейзаж. Подобно магазинам современных восточных *суков*, в них есть «выставочный зал», прекрасно видный и легкодоступный с улицы, и несколько задних помещений для хранения товаров. На беспорядочно расположенных, разноцветных и приятно пахнущих витринах выставлены на продажу еда, одежда, ковры, горшки, специи и благовония. В промежутках видны красное свечение печи в темной мастерской кузнеца, кирпичная стойка «кафе», где можно заказать и поесть из глиняных мисок лук, огурцы, жареную рыбу или вкуснейшее жареное мясо, порезанное на куски, или небольшая часовня, украшенная терракотовыми статуэтками, висящими по обе стороны от двери. На то, чтобы войти во двор, бросить гроздь фиников или муки на алтарь и обратиться к божеству, улыбающемуся из своей ниши, с короткой молитвой, нужно потратить всего несколько минут, но получить благодаря этому можно благословение, которое будет сопровождать верующего на протяжении долгого времени.

Движение на улицах не очень оживленное. Они слишком узкие для телег, и даже осел, везущий объемный груз, загородил бы значительную часть из них. Слуги, отправлявшиеся за покупкой, водоносы, разносчики избегали солнца и прятались от него в тени стен, но ранним утром или поздним вечером небольшие толпы собирались на перекрестках дорог вокруг писца или рассказчика, декламировавшего «Эпос о Гильгамеше», в то время как дважды или трижды в день стайки шумных детей наполняли улицы криками, направляясь в школу или возвращаясь из нее.

Открыв одну из дверей и войдя в дом, мы столкнемся с приятным сюрпризом, так как внутри будет гораздо прохладнее, уютнее и просторнее, чем казалось снаружи. Омыв ноги в небольшом холле, мы пройдем в центральный двор и увидим, что он вымощен, а в центре располагается водосток, не дающий воде залить двор во время сезона дождей. Со всех сторон нас окружают стены, покрытые штукатуркой и выбеленные, но мы знаем, что их верхняя часть сложена из кирпича-сырца, а нижняя – из обожженных кирпичей, осторожно уложенных и скрепленных глиняным раствором. Двор окружает галерея (шириной ок. 90 см), разделяющая здание на два этажа. На верхнем из них живут хозяин дома со своей семьей, а на нижнем – слуги и посетители. Мы легко узнаем кухню, мастерскую и хранилище, помещение для омовений и уборную, а также помещение, имеющееся в каждом восточном доме, – «диван», прямоугольную продолговатую комнату, где гости развлекались и проводили ночь. Меблировка дома, которая, конечно, не сохранилась, очевидно, состояла из нескольких столов, стульев, сундуков и кроватей. Также вокруг было множество ковров и подушек.

Приведенное выше описание, прекрасно подходящее для большинства домов Ура, построенных в старовавилонский и предшествовавший ему периоды, покажется знакомым тому, кто посещал Ближний Восток. Каждое использованное в нем слово можно применить для описания любого старого арабского дома, которые еще встречаются кое-где в Алеппо, Дамаске и Багдаде. Царства и державы погибли, языки и религиозные представления изменились, многие обычаи забылись, но этот тип домов оставался неизменным на протяжении тысячелетий только потому, что он лучше всего соответствует климату, сложившемуся в этой части света, и образу жизни местного населения.

Однако в вавилонских домах было нечто, чего больше не встретишь. За зданием

располагался длинный и узкий двор, одна часть которого находилась под открытым небом, а другая скрывалась под односкатной крышей, защищавшей кирпичный алтарь и столб с желобами, на котором стояли статуэтки богов – покровителей домашнего очага, «личных» божеств, столь дорогих сердцам вавилонян. В открытой части этого двора, под кирпичной вымосткой, располагался склеп со сводчатым потолком, где хоронили членов семьи, за исключением маленьких детей, тела которых были погребены в сосудах внутри домашней часовни или вокруг нее. Культы богов-покровителей и предков были тесно связаны с территорией дома. Покойных больше не хоронили на некрополях, расположенных далеко от города, как это было в глубокой древности. Наоборот, считалось, что они принимают участие в жизни своих оставшихся в этом бренном мире родственников.

Артефакты и таблички, найденные в домах, проливают свет на повседневные занятия их обитателей. К примеру, нам известно, что руководителя частной школы звали Игмиль-Син и что он учил письму, религии, истории и математике. Вряд ли кузнец, работавший с бронзой, по имени Гимиль-Нингишзида пользовался шумеро-аккадской грамматикой, найденной в его мастерской. В то же время нам вполне понятно, каким образом торговец медью Эанацир дошел до такого состояния, что вынужден был продать часть своего дома соседу. Все эти люди были скромными горожанами, которых можно отнести к числу представителей среднего класса. Судя по размерам, особенностям конструкции и удобству их домов, они могли похвастаться довольно высоким уровнем жизни.

В то же время, пока одни из них процветали, другие оказывались на пороге катастрофы. Когда в правление Хаммурапи власть и богатство «переехали» из южной части Ирака в центральную, а морская торговля в Персидском заливе сократилась, многие богатые купцы Ура, должно быть, столкнулись с серьезными трудностями. Однако их город перестал переходить из рук в руки, как это часто происходило во время борьбы между Исином и Ларсой. Теперь Месопотамия была объединена под властью могущественного и уважаемого правителя, и многие подданные Хаммурапи, вероятно, надеялись на счастливое будущее. Но период мира и стабильности оказался непродолжительным и продлился не более 10 или 20 лет. Представителям следующего поколения пришлось стать свидетелями новых войн и начала серьезных перемен, повлиявших не только на Междуречье, но и на весь Ближний Восток.

Глава 14

Новые народы

На заре 2-го тыс. до н. э., когда в Шумере друг другу противостояли правители Исины и Ларсы, по другую сторону от Тавра и гор Загроса происходили важные события. В Азию стали проникать люди, пришедшие из отдаленных районов, которые затем основали в сердце Анатолии государство, впоследствии названное Хеттским царством. Примерно в то же время в Армении и Иране среди хурритов и касситов селились другие иноземцы, взяв власть в этом регионе в свои руки и превратившись в местную знать. Через 300 или 400 лет хетты напали на Вавилон, касситы разрушили могущественное царство, с таким трудом созданное Хаммурапи, а хурриты, возглавляемые митаннийцами, заняли северные районы Междуречья.

Хетты, митаннийцы и верхушка касситов принадлежали к обширной этнолингвистической группе, называемой индоевропейской, и их переселение стало лишь частью масштабной миграции, затронувшей Европу, Индию, а также Западную Азию. Индоевропейцы прямо или косвенно принесли цивилизацию в регионы (Анатолию, Грецию), обитатели которых все еще жили в эпохе халколита, вызывали страх у народов, достигших более высоких ступеней раз вития, и заметно изменили этническую, политическую, культурную и экономическую картину Старого Света. Их появление на Ближнем Востоке привело к множеству просуществовавших на протяжении длительного времени последствий, наиболее очевидным из которых является появление молодых и амбициозных народов, с которыми придется считаться правителям как Египта, так и Месопотамии.

Начиная примерно с 1600 г. до н. э. политические проблемы, встававшие в Междуречье, имели поистине международный размах. Поэтому мы, говоря о событиях того времени, не можем делать вид, будто Ирак был почти или полностью оторванным от всего остального мира. Теперь Месопотамия существовала в гораздо более обширном окружении, в которое входили сначала Египет и Анатолия, затем к ним прибавились мидийцы и персы, жившие на территории Ирана, и, наконец, Греция с ее греко-македонскими завоевателями. Для того чтобы понять произошедшие затем события, нам придется значительно расширить свой кругозор. В данной главе будет сделана попытка кратко описать миграции индоевропейцев, историю хеттов, хурритов, жителей Сирии и Египта с XX по XVI в. до н. э.

Индоевропейцы

Прилагательное «индоевропейский» относится к большой лингвистической семье. В ее состав входят языки, на которых говорят от Америки до Индии и от Скандинавии до Испании. К этой группе относятся все современные европейские языки (за исключением баскского, финского и венгерского), армянский, персидский, несколько диалектов хинди, а также некоторые древние: хеттский, санскрит, греческий, латынь и несколько других. Несмотря на очевидные различия, доказать, что эти языки тесно связаны друг с другом, легко. Согласно широко распространенной точке зрения, все они происходят от одного праиндоевропейского языка, носители которого не имели письменности. Более того, проводя сравнительное изучение лексикона разных языков, некоторые ученые пришли к выводу о том, что изначально для всех индоевропейских народов были характерны одинаковый образ жизни и способ организации общества. В основном эти люди занимались скотоводством (и достигли определенных высот в разведении лошадей), а также переложным земледелием. Они знали колесо, способы изготовления лодок и обработки металлов, жили семьями и племенами, а также поклонялись антропоморфным богам. Наконец на основании распределения языков в древнейшие времена был сделан вывод о том, что родиной индоевропейцев, местом, где они жили до того, как разделились на несколько ветвей, являлась территория между Балтийским и Черным морями, вероятно находившаяся на равнинах юга России. Однако исследователи, пытающиеся соотнести различные халколитические археологические культуры Восточной Европы с племенами, говорившими на индоевропейских языках, сталкиваются с рядом сложных проблем, так как письменность в этом регионе появилась довольно поздно и провести точное сопоставление невозможно. Однако для всех этих «понтийских» культур характерны сходные черты: их носители изготавливали каменные или медные боевые топоры, которые археологи находят в курганных могильниках. Многие ученые согласны, что носители культуры боевых топоров имеют большее, чем кто-либо другой, право называться «изначальными» индоевропейцами. Благодаря этим соображениям читателю должно стать понятно, что приведенный ниже рассказ о передвижениях индоевропейцев построен на предположениях и принимать его следует с большой осторожностью.

Первые переселения индоевропейцев принимали различные формы, в разное время они добирались до различных регионов, и, несомненно, эти процессы происходили очень медленно, занимая несколько десятилетий, а возможно, и столетий. Насколько нам известно, они начались примерно в конце 3-го тыс. до н. э., и индоевропейцы двинулись со своей «родины» – с юга России – во всех направлениях. В Европе носители культуры боевых топоров направились на север вдоль Волги и на запад через равнины Польши и Германии. К 1600 г. до н. э. они достигли Дании и долины Рейна, где смешались с представителями другой этнической группы – носителями культуры воронковидных кубков, названной так по характерным для нее большим керамическим сосудам в форме колокола, изначально пришедшим, очевидно, из Испании. Некоторые исследователи полагают, что получившаяся в итоге культура стала предвестницей кельтской цивилизации (которая, таким образом, была индоевропейской), процветавшей в Центральной Европе ближе к концу 2-го тыс. до н. э.

Однако нельзя считать, будто носители культуры боевых топоров принесли в Европу металл, хотя они, несомненно, ускорили его распространение. Еще до их появления в этом регионе мирные торговцы и ремесленники привезли туда медь с Кавказа и из Анатолии, пройдя по долине Дуная или переплыв Средиземное море. Поэтому в самом центре континента, где еще господствовали неолитические культуры, а именно в Румынии, Венгрии, Испании, Греции и на Крите, появились островки, на которых жили люди, умевшие использовать металл. Последние два из перечисленных регионов представляют для нас особый интерес, так как между ними, Египтом и Западной Азией всегда существовали прочные связи.

Первая культура бронзового века Греции, раннеэлладская, очевидно, была привнесена на остров в начале 3-го тыс. до н. э. переселенцами из Анатолии и развивалась благодаря активным торговым отношениям с Малой Азией, Кикладскими островами и Критом. Однако примерно в 1800 г. до н. э. на полуостров пришли многочисленные захватчики, вследствие чего произошли значительные перемены в архитектуре, погребальных обычаях и керамике. На развалинах скромных деревушек выросли большие города, сделанная на гончарном круге керамика серого цвета сменила темную лепную, которую делали в предшествующий период, а на основе того, что новых поселенцев хоронили с большим количеством бронзового оружия, среди которого периодически встречались боевые топоры, исследователи предположили, что среднеэлладскую культуру принесли в Грецию индоевропейцы. Следующая, позднеэлладская, или микенская, культура во многом является результатом развития среднеэлладской. Так как микенцы говорили на диалекте индоевропейского (греческого) языка и, как доказал Вентрис, расшифровав линейное письмо Б, являлись греками, можно прийти к вполне обоснованному выводу о том, что индоевропейцы добрались до континентальной части Греции в начале XVIII в. до н. э., то есть примерно тогда, когда в Вавилоне правил Хаммурапи.

В то время как Греция была завоевана иноземцами, способствовавшими ее развитию, на Крите процветала блестящая минойская цивилизация. Этот остров находился под одновременным влиянием Египта и Азии, и значительный толчок развитию местной цивилизации был дан благодаря ранним контактам с Египтом, хотя истоки местной бронзовой индустрии следует искать в Анатолии, а гробницы-толосы и амулеты в форме двойных топоров, характерные для раннеминойской культуры (2500?—1850 до н. э.), похожи на аналогичные, но гораздо более ранние памятники и артефакты, найденные в Месопотамии и относящиеся к протоисторической эпохе. Тем не менее в результате этого смешения получилась очень своеобразная и на удивление «западноевропейская» цивилизация. Если дворцы, возведенные в Кноссе, Маллии и Фесте, по своей планировке очень похожи на дворец в Мари, то в их архитектуре и убранстве не больше иноземного, чем в керамике, расписанной в стиле камарес, или минойских иероглифах и линейном письме А на глиняных табличках, до сих пор так и не расшифрованных.

На протяжении среднеминойского периода (1850—1550 до н. э.), соответствующего египетской эпохе Среднего царства и периоду правления представителей I Вавилонской династии, Крит отдавал больше, чем получал: его обитатели торговали своими товарами в регионах, расположенных на побережье Эгейского моря и в Восточном Средиземноморье, и помогали укрепить молодой микенской цивилизации, развивавшейся в материковой части Греции. Но в 1450 г. до н. э. микенцы высадились на остров и, в свою очередь, оставили свой след в его культуре, создав островную державу, охватившую всю Эгеиду. Индоевропейцы победили море.

Если мы перенесемся из Европы в Азию, то увидим, как другой народ, говоривший на индоевропейском языке, арии, или индоарии, в конце 3-го тыс. до н. э. отправился с территории России на юг. Во время долгого путешествия от них отделились две ветви, первая из которых добралась через территорию Ирана или Кавказа до гор Армении, а оттуда — до района предгорий Тавра, где смешалась с хурритами, очень древним «азиатским» племенем, а вторая захватила власть над малоазийскими племенами, касситами, обосновавшись южнее — в горах Загроса и на Иранском нагорье.

Основная часть ариев продолжила свой путь на юго-восток и в итоге достигла Синда и Пенджаба, которые прежде входили в состав Индии, а теперь находятся на территории Пакистана. Результаты раскопок, проводившихся на протяжении 14 лет на памятниках Мохенджо-Даро и Хараппа, свидетельствуют, что на протяжении 3-го тыс. до н. э. этот регион был центром процветающей цивилизации, известной как индская, или хараппская. Благодаря прекрасно спланированным городам и уютным кирпичным домам, превосходной расписной керамике и тщательно вырезанным печатям она удивительно похожа на шумерскую цивилизацию, сравнение с которой вполне может выдержать. Действительно, в нашем распоряжении имеются данные, свидетельствующие о наличии торговых связей между «протоиндийцами» и обитателями Месопотамии, жившими в аккадский период. Но пришедшие вместе со своими колесницами и лошадьми арии все это уничтожили (конечно, если внезапная катастрофа, из-за которой Мохенджо-Даро и Хараппа были разрушены до 1500 г. до н. э., а Индия погрузилась во тьму, господствовавшую на территории этого региона на протяжении двенадцати столетий, действительно была связана с их появлением в долине Инда).

Именно на таком фоне жили два народа: хетты и хурриты, которые, благодаря выгодному географическому положению, имели тесные связи с Месопотамией и значительно повлияли на ее историю и о которых нам следует рассказать подробнее.

Малая Азия и хетты

Несмотря на то что на протяжении последнего времени в Турции активно проводились археологические исследования, мы все еще совсем немного знаем об археологии и ранней истории Малой Азии. Охарактеризовать последовательно сменявшие друг друга археологические культуры мы можем только общими словами, и, хотя первые известные нам исторические события произошли в этом регионе в начале 2-го тыс. до н. э., информацию о них мы черпаем лишь из упоминаний в письменных источниках, составленных в гораздо более позднее время. Именно поэтому приведенный ниже рассказ столь несистематичен.

Древнейшие из обнаруженных поселений относятся к эпохе неолита, возможно к 6-му тыс. до н. э. Они расположены на юге Анатолийского нагорья (Хаджилар, Чатал-Хююк) и в Киликии (Мерсин, Тарсус). Существовавшие одновременно с Иерихоном, Джармо и Хассуней, они во многом схожи с этими памятниками. Их обитатели пользовались похожими орудиями труда и статуэтками, возводили аналогичные постройки и т. д., хотя, судя по некоторым находкам, сделанным в Чатал-Хююке, местный докерамический неолит был довольно своеобразным и более развитым. Как было сказано выше, присутствие в Хассуне архаической обожженной керамики, похожей на найденную в Месине и на равнине Амук, свидетельствует об общности культур или по крайней мере о наличии торговых связей между севером Сирии, Киликией и севером Ирака. В следующую, халколитическую эпоху (ок. 5400–3500 до н. э.) эти отношения, судя по находке в том же регионе наряду с местными изделиями многочисленных фрагментов халафской (а позднее – и убейдской) керамики, несомненно, развились.

На протяжении периода раннего бронзового века (примерно 3500–2300 до н. э.) густонаселенными стали другие области Малой Азии, и в западной части Анатолии (Троя, Алишар, Аладжа-Хююк, Полатли и на многих других памятниках) расцвела блестящая цивилизация, затем распространившаяся в Македонии, Фессалии и на островах в Эгейском море. Сравнив степень развития культуры в этой местности и в Восточной Анатолии, а также в Армении, мы можем предположить, будто последние отставали. Однако это впечатление может оказаться ложным, так как в данной части Турции было проведено не так много археологических раскопок. В зависимости от региона между культурами бронзового века существуют различия в деталях, но ряд сходных черт позволяет говорить о доисторической Малой Азии как о едином пространстве. В частности, в основном изготавливалась одноцветная довольно красивая «лощеная» керамика черного цвета; дома строились из камня

и кирпича-сырца, их стены укреплялись с помощью деревянных балок, а ремесленники, занимавшиеся изготовлением предметов из металла, достигли высокого уровня мастерства, о чем свидетельствуют так называемый клад Приама, найденный в слое II Трои (ок. 2600 до н. э.), и пышный инвентарь, обнаруженный в «царском некрополе» в Аладжа-Хююке (примерно 2400 до н. э.).

Конец этой цивилизации, не имеющей названия, положило жестокое и масштабное вторжение иноземцев. Мы почти ничего не знаем о том, что происходило на западе Малой Азии на протяжении нескольких столетий, но жизнь в центральной части Анатолии снова восстановилась, и средний бронзовый век данного региона характеризуется руинами укрепленных городов и широким распространением местных расписных сосудов, включая красивейшую каппадокийскую керамику. Именно этот период стал для Анатолии началом исторической эпохи, хотя в действительности первые письменные источники имеют иноземное происхождение.

Малая Азия была одним из основных центров производства металла на Ближнем Востоке, и очень древние торговые связи между Месопотамией и ее северной соседкой в итоге привели к основанию с другой стороны Таврских гор ассирийских торговых колоний в правление ассирийского царя Саргона I (ок. 1900 до н. э.), а возможно, и в более раннее время. Одна из них была расположена в Богазкёе, будущей столице Хеттского царства, а остатки другой, вероятно игравшей наиболее важную роль, были обнаружены в Кюль-Тепе (древний Каниш), расположенном в Каппадокии, недалеко от Кайсери. Там чешские и турецкие археологи, проводившие раскопки на протяжении нескольких лет, нашли дома торговцев, а также сотни их «деловых писем». Конечно, эти тексты вырезаны на глиняных табличках, которые нередко были запакованы в запечатанные глиняные «конверты». Написаны данные источники на диалекте аккадского языка, известном как староассирийский. Так как они охватывают по меньшей мере шесть поколений, они содержат множество полезных сведений о самих купцах и их торговых делах. К примеру, мы узнаем, что те отправляли в Ассирию серебро, золото и полудрагоценные камни, а привозили олово (*аннакум*) и тканое полотно. Первое ассирийцы, очевидно, доставляли из Азербайджана, и использовали этот металл жители Анатолии, вероятно для изготовления бронзы из добывавшейся там меди. Расчеты, как правило, делались серебром. Товары перевозили караванами, состоявшими из ослов, и мы можем проследить тот путь, который они проделывали из Ашшура в Кюль-Тепе и обратно, проходя через Джазиру и перевалы в Таврских горах.

Деятельность общины ассирийских купцов контролировала организация, называвшаяся *карум* и выполнявшая функции торговой палаты, суда и консульства. Возглавлял ее председатель, или *лимму*, назначавшийся ежегодно.

Однако, вероятно, наиболее важным в этой переписке является то, что она представляет собой основной источник информации об этнической и политической картине Анатолии на заре ее истории. Несмотря на то что ассирийские купцы практически полностью контролировали все хозяйство региона, в целом они находились в хороших отношениях с местными жителями и их правителями, обогащавшимися за счет податей, которые взимались практически на каждом этапе торговли. Анатолия была разделена примерно на десять небольших царств, очевидно подчинявшихся одному правителю, которого называли «великим царем». Несколько топонимов относятся к языку, на котором говорили древнейшие жители Малой Азии – хатты, но присутствие большого количества индоевропейских имен и названий свидетельствует о том, что «хетты» к тому времени уже пересекли Босфор и проникли в рассматриваемый регион.

Словом «хетты» в широком смысле называют всех пришельцев, появившихся в Малой Азии, хотя они были представителями трех племен, говоривших на разных, но тесно связанных друг с другом языках: лувийском, палайском и неситском (хеттском). Носители лувийского языка пришли первыми. Возможно, именно они ответственны за те бедствия, которые произошли в конце раннего бронзового века. Остальные появились в этом регионе

позже. Вскоре они расселились по всему полуострову.

Носители лувийского языка, который через некоторое время получил иероглифическую письменность, поселились к западу от Киликии, вдоль побережья; носители палайского – очевидно, в холмистой местности в районе Сиваса; неситского – в Каппадокии. Столица последних, Неша, или Неса, была отождествлена с Канишем (Кюль-Тепе). Через несколько столетий эти захватчики, говорившие на неситском языке, завоевали центральную часть Анатолийского нагорья, что к востоку от Анкары. Местные жители называли эту область Хатти, и ее новые владельцы позаимствовали это наименование. Они и стали хеттами, сыгравшими столь важную роль в истории Ближнего Востока на протяжении 2-го тыс. до н. э.

Из Сирии, ближайшего к ним развитого региона, хетты позаимствовали клинопись, изобретенную в Месопотамии, и приспособили ее к своему индоевропейскому языку. Большинство текстов, написанных на хеттском языке и имеющих в нашем распоряжении, датируются не позднее чем XIV–XIII вв. до н. э., но в них часто говорится о событиях, произошедших во времена, уже тогда казавшиеся далеким прошлым. Так, в одном из источников говорится о царе Куссары Питханасе и его сыне Анитасе, покоривших пять соседних государств, включая Хатти, и перенесших свою резиденцию в Несу. Так как имена этих правителей также встречаются в текстах, выдавленных на табличках, найденных в Кюль-Тепе, а походы Анитаса, очевидно, положили конец ассирийским колониям в Каппадокии, эти события можно отнести примерно к 1750 г. до н. э. После этого произошел дворцовый переворот, и другой царь Куссары, Лабарна I (ок. 1680–1650 до н. э.), как сказано в источниках, расширил границы своего царства «от моря до моря», а завоеванные территории разделил между сыновьями. Мы мало знаем о происхождении этого правителя, но цари хеттов видели в нем своего настоящего предка. Именно его можно считать основоположником древнехеттской династии, в правление представителей которой хетты, хотя и ненадолго, обрели славу и величие, о чем речь пойдет в следующей главе.

Оставив на время хеттов, мы теперь должны рассказать об одних из наиболее интересных их соседей – хурритах.

Хурриты и митаннийцы

Известные на протяжении 60 лет только по упоминанию в одном клинописном тексте (письме, найденном в Телль-эль-Амарне) и в Библии (под названием хорреев, Быт., 36: 20–30), хурриты относительно недавно стали представлять огромный интерес для историков и археологов. В отличие от хеттов они не играли какой-либо роли в политической жизни Ближнего Востока вплоть до XV в. до н. э., а затем оказывали на нее влияние лишь на протяжении незначительного периода. В то же время у нас нет достаточных доказательств того, что на протяжении 2-го тыс. до н. э. они были важной и активной частью населения Месопотамии и Сирии. Тем не менее мы все еще знаем о них совсем немного, и пересказать известные нам сведения можно всего в нескольких словах.

Язык, на котором они говорили и писали клинописью, не был ни семитским, ни индоевропейским. Он принадлежит к так называемой азианической группе и является ближайшим родственником урартского, на котором говорили в Урарту (Армении) в 1-м тыс. до н. э. Их богами-покровителями были Тешуб, бог грозы, и его супруга Хебат, богиня-мать. Вопрос о том, существовало ли у хурритов собственное искусство, остается дискуссионным, но наиболее ярко их характеризует керамика, подтверждающая их присутствие на определенных памятниках. Принадлежащие этому народу изящные кубки, украшенные расписными изображениями цветов, птиц и геометрическим орнаментом, выполненными светло-коричневой краской на темно-серой поверхности, заметно отличаются от простых месопотамских сосудов того времени и позволяют датировать слой, в котором их находят, с такой же уверенностью, как и халафские и убейдские расписные сосуды протоисторической эпохи.

Судя по языку и религиозным представлениям хурритов, их прародина находится на покрытом горами севере, возможно в Армении, но они не ограничивали себя жизнью лишь в этом регионе. Выше уже говорилось о существовании хурритских государств в верхнем течении Тигра и Евфрата в аккадский период. В хозяйственных текстах, происходящих из Дрехема, расположенного недалеко от Ниппура, и датированных временем правления представителей III династии Ура, встречаются отдельные хурритские имена, свидетельствующие о том, что в Шумере присутствовали небольшие группы переселенцев, принадлежащих к этому народу, которых можно сравнить с армянами, проживающими в современном Ираке.

В первой четверти 2-го тыс. до н. э. хурриты, проникавшие на территорию Плодородного полумесяца, стали настолько многочисленными, что мы можем говорить о своего рода мирном вторжении. Уже примерно в 1800 г. до н. э. представители этого народа составляли подавляющее большинство населения сирийского города Алалахе, расположенного между Алеппо и Антиохией. В то же время хурритские личные имена присутствуют в письменных источниках, найденных в архивах Мари и Чагар-Базара. Там же были обнаружены и принадлежащие этому народу религиозные тексты. Примерно через сто лет хурриты уже были почти полноправными владыками севера Ирака. Они заняли город Гасур, находящийся неподалеку от Киркука, назвали его Нузи, восприняли язык и обычаи семитов, своих предшественников на этой территории, и создали процветающую хурритскую общину. Под их влиянием также находились Тепе-Гавра и Телль-Билла (неподалеку от Мосула). После 1600 г. до н. э. хурритская керамика заменила грубые сосуды, которые изготавливали жители долины реки Хабур, а сами хурриты преобладали на севере Сирии и Ирака, а также в Джазире. Поэтому неудивительно, что в этих регионах в начале XV в. до н. э. сформировалось хурритское государство, достаточно могущественное для того, чтобы сдерживать ассирийцев на востоке, хеттов и египтян на западе. Сердце этого царства располагалось в районе рек Балих и Хабур, в местности, которую ассирийцы называли Ханигальбат, а западные семиты – Нахарим («Реки»). Вполне возможно, что самоназвание хурритов, хурри, легло в основу греческого названия современного Шанлыурфа (Эдессы).

В целом ряде источников хурритское государство, возникшее на территории Джазире, называется Митанни. Именно от этого слова произошло прилагательное «митаннийский», используемое в отношении индоевропейского элемента, присутствовавшего в хурритском обществе в определенный период. Мы не знаем, когда и каким образом индоарии смешались с хурритами и стали править ими, но у нас почти нет сомнений в том, что по крайней мере на протяжении XV и XIV вв. до н. э. они уже жили среди последних, причем в качестве знати. Имена нескольких царей Митанни, такие как Маттиваза и Тушратта, а также термин *марианну*, применявшийся в отношении определенной категории воинов, скорее всего имеют индоевропейское происхождение. Более того, в мирном договоре, заключенном между Митанни и хеттами, наряду с Тешубом и Хебат призываются боги Митрасил, Арунасил, Индар и Насатьяна, являющиеся не кем иным, как прекрасно известными нам богами индоариев Митрой, Варуной, Индрой и Насатьями. Несомненно, им поклонялись те же древние кочевники, пришедшие с равнин России, которые научили хурритов искусству конной выездки (к примеру, целый договор об этом был составлен неким хурритом, жившим в Богазкёе и использовавшим в нем индоевропейскую «профессиональную» терминологию). Индоевропейцы не только привнесли коневодство на Ближний Восток, но и способствовали его распространению.

Хурриты почти не внесли никакого вклада в развитие цивилизации Месопотамии, но, очевидно, оказали сильное влияние на менее развитых жителей Сирии, хотя определить, в чем оно заключалось, довольно сложно. В любом случае появление в этом регионе большого числа хурритов, вероятно, привело к началу многочисленных политических неурядиц и переселению целых этносов, отголоски которых дошли до самого Египта.

Сирия и Египет

В доисторические времена в Сирии²³ существовали те же халколитические и неолитические культуры, характерные для Плодородного полумесяца, что и в Ираке и Южной Турции. Первое поселение в Иерихоне похоже на найденное в Джармо и, возможно, существовало раньше его. Кроме того, фрагменты хассунской, халафской и убейдской керамики были обнаружены далеко на юге – в долине реки Иордан. Однако сложившиеся в Сирии географические условия, в отличие от характерных для равнины Тигра и Евфрата или долины Нила, не позволяли сформироваться там многочисленному сообществу земледельцев. Поэтому, когда в Шумере и Египте уже сложились цивилизации, Сирия оставалась на довольно примитивной стадии развития. Судя по топонимам, встречающимся в древнейших клинописных текстах, население Северной Сирии эпохи раннего бронзового века (3-е тыс. до н. э.) не было семитским. Эти люди принадлежали к этнической группе неизвестного происхождения, возможно к безымянному народу (или народам), которому она обязана появлением на ее территории протоисторических культур. На побережье Ливана и в Палестине западные семиты, наоборот, появились, вероятно, очень рано, хотя мы далеки от того, чтобы утверждать это с полной уверенностью. Различия между севером и югом (граница между ними пролегла к северу от Библа) сыграли крайне важную роль в последующем развитии региона, так как отразились на его хозяйственном, культурном и политическом развитии. В периоды существования Аккада и правления представителей III династии Ура Северная Сирия была включена в сферу влияния Месопотамии, в то время как Ливан и Палестина ориентировались на Египет.

Отношения между Сирией и Египтом, существовавшие еще в додинастическую эпоху, охарактеризованы во множестве источников, датируемых периодом Древнего царства (ок. 2800–2400 до н. э.). Именно тогда были построены великие пирамиды, и сам Египет походил на них своей величием, монолитностью и кажущейся несокрушимостью. Послушные приказам фараона, воплощенного божества, жившего в Мемфисе, и его сановников, простые люди и многочисленные иноземные рабы усиленно трудились. Но, несмотря на все богатство долины Нила, там не было очень важного материала – древесины. В то же время в горах Ливана, добраться до которых было несложно, в обилии росли сосновые, кипарисовые и кедровые леса. В итоге между двумя регионами возникли прочные торговые отношения, ставшие выгодными для обоих. Библ (семиты называли его Губла, а египтяне – Кепен), крупнейший центр торговли древесиной, оказался под сильным египетским влиянием, а оттуда египетская культура распространилась вдоль побережья.

Однако отношения между египтянами и населением внутренних районов Палестины были гораздо менее теплыми. В частности, кочевники, жившие в Негеве, нередко совершали набеги на египетские медные рудники на Синайском полуострове, а порой добирались и до дельты Нила, заставляя фараонов принимать ответные меры, а иногда и строить укрепления на восточных границах своего государства. Когда прервалась последняя династия Древнего царства, защищать Египет стало некому. И мы прекрасно знаем, какую роль сыграли «жители пустыни», «азиаты» в почти полной анархии, продлившейся на протяжении 300 последующих лет.

В течение первых столетий 2-го тыс. до н. э. западные семиты вторглись в Сирию, а также в Месопотамию, о чем свидетельствуют разрыв между культурами раннего и среднего бронзового века и преобладание в Сиро-Палестинском регионе того времени семитских личных имен. В то время как в некоторых городах Междуречья набирали силу аморейские династии, территория Северной Сирии была разделена между несколькими аморейскими государствами, важнейшими из которых стали Ямхад (Алеппо), Каркемиш и Катна.

Благодаря многолетнему шумерскому влиянию этот регион активно развивался. Вокруг

²³ Слово «Сирия» используется здесь в широком смысле. Под ним понимаются как сама Сирия, так и Ливан, Палестина и Трансиордания.

дворцов местных правителей строились обширные укрепленные города. Предметы и скульптурные изображения, найденные во дворце царя Алаха Ярим-Лима, не уступают по качеству обнаруженным в существовавшей примерно тогда же резиденции правителя Мари Зимри-Лима. Выше уже говорилось, что в текстах, найденных в архиве Мари, содержатся свидетельства существования тесных и очень теплых отношений между Месопотамией и Сирией. Действительно, создается впечатление, будто в те времена имел место союз множества аморейских государств, простиравшихся от Средиземного моря до Персидского залива.

В то же время развивались торговые отношения между Сирией и Критом. В городе-порту Угарите (Рас-Шамра) появилась колония минойских купцов, а столы сирийских правителей украшала изысканная посуда, расписанная в стиле камарес. Египет, оправившийся от потрясений, в эпоху Среднего царства (2160–1660 до н. э.) восстановил и укрепил связи с побережьем Ливана и попытался противостоять увеличивавшемуся влиянию хурритов в Северной Сирии, присылая аморейским правителям богатые дары. В любом случае именно этим можно объяснить находку в Библи, Бейруте, Угарите, Катне и Нейрабе (неподалеку от Алеппо) сосудов, украшений и статуй, которые отправляли туда фараоны XII династии.

В регионе, расположенном южнее Ливана, сложилась иная картина. Гораздо более бедная, чем Северная Сирия, и менее доступная для иноземного влияния, Палестина в эпоху среднего бронзового века (2000–1600 до н. э.) была разобщена с политической точки зрения и находилась «на пороге волнений племен». На эту территорию не распространялась власть самих египтян, да они, очевидно, и не стремились расширять сферу своего политического и экономического влияния.

Появление на фоне всех этих беспокойных племен Авраама и его семейства, событие, последствия которого до сих пор влияют на обстановку, сложившуюся на Ближнем Востоке, в те времена, вероятно, почти никем замечено не было. В древности небольшие «кланы» или многочисленные племена постоянно скитались по Сирийской пустыне. И у нас нет оснований сомневаться в правдивости рассказа о путешествии Авраама из Ура в Хеврон через Харран, описанном в Книге Бытия (Быт., 11: 31). Сравнив библейский текст с имеющимися в нашем распоряжении археологическими данными и сведениями, содержащимися в исторических источниках, мы можем предположить, что это переселение произошло около 1850 г. до н. э. или немного позднее. Возможно, к нему привели тяжелые условия жизни в Южном Ираке, вызванные противостоянием между Исином и Ларсой. Историчность описанных в Библии событий, связанных с патриархами, в еще большей степени подтвердилась благодаря находке клинописных и иероглифических текстов, датирующихся в основном XV–XIV вв. до н. э. и содержащих упоминания людей, как правило собиравшихся в воинственно настроенные группы и названных *хабиру* (в египетских источниках – *апиру*), что созвучно используемому в Библии названию евреев – *ибрим*. Казалось, что наконец в нашем распоряжении имеются источники нееврейского происхождения, рассказывающие о семействе Авраама. Однако, к сожалению, последующие тщательные исследования показали: хабиру с евреями объединяет только похожесть названия. Они представляли собой не племя или народ, а слой населения, состоявший из беженцев, «перемещенных лиц», как бы мы сказали сейчас, нередко оказывавшихся вне закона.

Примерно в 1720 г. до н. э. палестинские вожди, буйность и враждебность которых беспокоили последних фараонов XII династии, вторглись в Египет, которым они правили почти 150 лет. Они известны под названием «гиксосы» (греческая огласовка египетского словосочетания *хека-хасут*, «правители чужеземных стран»). Хотя под их контролем находилась только дельта Нила, эти люди оказали значительное влияние на египетское военное дело, искусство и даже язык. Однако в конце концов представители XVIII династии низвергли гиксосов, преследуя их до Газы. С этих событий началась эпоха, которую мы называем Новым царством (1580–1100 до н. э.), несомненно самый блестящий период в

истории Древнего Египта. Месопотамия, напротив, примерно тогда же (1595 до н. э.) оказалась во власти других иноземцев – касситов. С этого времени в данном регионе начался продолжительный период политического застоя.

Глава 15

Касситы

После этого общего, но довольно фрагментарного описания ситуации, сложившейся на Ближнем Востоке, нам следует вернуться в Месопотамию. Вспомним, что последние события, о которых мы рассказали, когда говорили об этом регионе, были связаны с концом правления Хаммурапи, пришедшимся на середину XVIII в. до н. э.

Передвижения этносов, описанные выше, готовы были принести плоды: хетты устанавливали власть над местным населением Анатолии, хурриты мирно проникали на территорию Северной Сирии и Северного Ирака, а за горами Загроса индоарийская знать превращала касситов в народ воинов. Если при вавилонском дворе и знали об этих переменах, то не видели в них повода для беспокойства, так как ни один из этих народов пока не представлял значительной угрозы для Ирака, да и первые трещины в здании, построенном Хаммурапи, возникли не из-за иноземного вторжения, а по причине его собственной внутренней слабости. Вавилонская держава была творением одного человека и почти полностью зиждилась на силе его личности. Созданное за несколько лет путем объединения пяти царств, каждое из которых обладало многовековыми традициями независимости, это государство было единым за счет постоянной жесткой централизации. Попытки царя сконцентрировать в Вавилоне политическую, экономическую и духовную жизнь страны, возможно, в далекой перспективе принесли бы плоды и благоприятно отразились бы на Месопотамии в целом, но до этого они привели к накалению обстановки в разорившихся «провинциях», особенно в некогда процветавших городах Шумера и Ассирии, где еще жива была память о великих деяниях Шамши-Адада. Поэтому неудивительно, что за смертью Хаммурапи (1750 до н. э.) последовала серия восстаний, приведшая, в свою очередь, к быстрому распаду государства. Через полтора столетия, когда хетты захватили Вавилон, он был лишь столицей незначительного царства. Впоследствии он сумел вернуть себе толику прежней славы, но, по иронии судьбы, был обязан этим другим иноземцам – касситам, взошедшим на престол, оставленный преемниками Хаммурапи, и занимавшим его на протяжении более чем 400 лет.

Преемники Хаммурапи

Сын и наследник Хаммурапи Самсуилуна (1749–1712 до н. э.), очевидно, унаследовал некоторые качества своего отца, так как с удивительной стойкостью боролся против различных врагов Вавилона. Но все его попытки напоминали заштопывание в клочья разорванного плаща, ибо в одеянии, несмотря на заплатки, появлялись все новые прорехи, и в итоге территория царства значительно уменьшилась. Так, в первые годы правления нового царя некий авантюрист, назвавшийся Рим-Сином в честь последнего правителя Ларсы, возглавил восстание в пограничной с Эламом области и держал там оборону на протяжении по меньшей мере двух лет, пока не был пойман и казнен. Позднее некий Илумаилу, заявивший, будто является потомком последнего царя Исина Дамикилишу, возглавил борьбу Шумера за независимость. В его власти оказалась обширная территория к югу от Ниппура, где он основал так называемую II Вавилонскую династию, или династию «Страны моря» (ок. 1740 до н. э.). Началась долгая и кровопролитная война, во время которой кем-то из двух противников было разграблено и сожжено несколько шумерских городов, включая Ур. Примерно в то же время свободу себе также вернули северо-восточные области, оказавшиеся под властью Вавилона в результате последнего похода Хаммурапи. Возможно, главную роль в этом сыграл Адаси, один из преемников Шамши-Адада, имя которого сохранилось в

ассирийских анналах благодаря тому, что он «положил конец порабощению Ашшура».

Помимо борьбы с этими бедствиями внутри государства Самсуилуне пришлось защищать его от угрозы иноземного вторжения. Датировочные формулы свидетельствуют о том, что на 9-м году своего правления он нанес поражение касситскому войску, а на 35-м – амореям-сутиям, которые во время своих набегов захватывали в плен мужчин и женщин, а затем продавали их в качестве рабов другим жителям Месопотамии. В конце правления этого царя, омраченного множеством несчастий, Вавилон оказался в безопасности, но царство, лишенное северных и южных областей, вернулось к своим изначальным границам – тем, которыми некогда обладал Аккад.

Однако четверо преемников Самсуилуны смогли сохранять это наследие на протяжении столетия. Абиешу (1711–1684 до н. э.) отбросил вторую атаку касситов, к которой благоприятно относились (а возможно, и поддерживали) касситы, трудившиеся в земледельческих хозяйствах Вавилонии в качестве работников. Но он не смог помешать касситскому вождю Каштилиашу I завоевать Хану (современный Анах), расположенную на берегу Евфрата, всего в 322 км от Вавилона. Пытаясь вытеснить Илумаилу из болот, где тот скрывался, Абиешу запрудил Тигр, но не сумел захватить соперника, продолжавшего безраздельно господствовать над Шумером.

Амми-дитана, Амми-цадука и Самсу-дитана, правившие после смерти Абиешу, мало сделали для возвращения потерянных земель. Насколько мы можем судить по отрывочным источникам, война со «Страной моря» продолжилась, причем с переменным успехом. В различных частях Вавилонии строились укрепленные города, а за этими укреплениями потомки Хаммурапи восстанавливали храмы, выкапывали каналы, издавали законы и управляли своим царством с усердием и заботой. Вряд ли эти энергичные, умелые и благочестивые правители, год за годом подносившие богам в дар собственные статуи, подозревали, что далеко на северо-западе, за покрытыми снегом Таврскими горами, собирается буря, готовая смести их трон с лица земли.

Выше мы уже говорили о том, что хеттский правитель Лабарна I, о котором известно очень мало, основал в Анатолии царство, границы которого он тотчас же расширил и которым правил из города Куссара, но местонахождение его пока неизвестно. Его сын Лабарна II (ок. 1650–1620 до н. э.) присоединил к территории этого государства землю Хатти, расположенную в излучине реки Кызылырмак, перенес свою резиденцию в прежде покинутый город Хаттусу (современный Богазкёй) и стал называть себя Хаттусили, «человек из Хаттусы». Этот воинственный правитель вскоре решил, что территория его царства слишком мала, и стал выбирать государства, которые мог бы завоевать. Но воинственное племя гасгас, обитавшее в Понтийских горах, расположенных к северу от Хеттского царства, лувийцы на западе и хурриты на востоке стали преградой для реализации его амбиций. Относительно свободно было только на юге, путь туда открыл, очевидно, Лабарна I, дошедший до Киликии. По нему, перейдя Таврские горы, можно было попасть в Сирию, а оттуда – в Египет или Месопотамию, плодородные регионы, где благодаря существованию на протяжении многих веков цивилизаций скопились огромные богатства, столь пленительные для любого завоевателя. Поэтому хетты направили свои стопы на юг.

В анналах Хаттусили, сохранившихся лишь фрагментарно, упоминаются по меньшей мере два похода, предпринятые им в этом направлении, в ходе которых был разрушен Алалах, осажден и захвачен Уршу (город на берегу Евфрата, к северу от Каркемиша), а войска Алеппо (Халап) потерпели поражение на территории будущего Коммагенского царства. Сам Алеппо, являвшийся в те времена столицей могущественного аморейского государства Ямхад, захватить не удалось. Очевидно, во время этой войны сам Хаттусили погиб.

Однако его приемный сын и наследник Мурсили I (ок. 1620–1590 до н. э.) сумел выполнить то, что не удалось его отцу. «Он разрушил город Халап, – говорится в хеттском источнике. – И привез в Хаттусу пленников из Халапа и его сокровища». Затем пал Каркемиш. Оттуда хеттское войско направилось вниз по течению Евфрата и внезапно

оказалось у ворот Вавилона. О том, что произошло дальше, мы ничего не знаем. В вавилонских источниках не говорится об этом бедствии. Лаконичное описание присутствует только в гораздо более поздней летописи: «Против Самсу-дитаны люди Хатти выступили, против страны Аккад». Но в процитированном выше хеттском источнике эти события описываются более определенно: «Затем он (Мурсили) отправился к Вавилону и занял Вавилон. Он также напал на хурритов и привез пленников и имущество из Вавилона в Хаттусу».

Таким образом, Вавилон был захвачен и разграблен. Из других источников нам известно, что статуи Мардука и его супруги богини Царпанит были увезены из города в качестве военной добычи, но, отступая, хетты по какой-то непонятной причине оставили их в Хане. Самсу-дитана же лишился своей короны, а возможно, и жизни. Так за один день и, очевидно, без значительного сопротивления прервалась династия, основанная ничем не примечательным аморейским вождем и ставшая знаменитой благодаря Хаммурапи. Ее представители правили Вавилонией на протяжении трех сотен лет (1894–1595 до н. э.).

Ирак под властью касситов

Если бы хетты оставались в Вавилоне постоянно, то их поход изменил бы ход истории Востока. Однако он был всего лишь смелым набегом. Вскоре после победы Мурсили вернулся в Хаттусу, где плелись дворцовые интриги, требовавшие его присутствия. Мы не можем с уверенностью говорить о том, какая судьба постигла Вавилон после ухода хеттского войска. Очевидно, правитель касситов Агум II (Каркиме) взшел на престол, оказавшийся свободным после смерти Самсу-дитаны, и с тех пор в Месопотамии на протяжении не менее чем 433 лет (1595–1162 до н. э.) правили касситские цари, называвшие ее Кардуниаш.

Касситы (на аккадском языке их называли *кашшу*), жившие с незапамятных времен в Иране, сначала занимали центральную часть гор Загроса, известную в настоящее время как Лурестан и находившуюся к югу от Хамадана. В отличие от своих северных соседей, гутиев и луллубеев, в 3-м тыс. до н. э. они не играли никакой роли в политической жизни Ближнего Востока. Внезапная агрессивность, охватившая их в XVIII в. до н. э., очевидно, была связана с индоевропейскими воинами, пришедшими за сто или двести лет до этого с Востока, научившими их искусству коневодства и взявшими в свои руки власть над их племенами.

Так как в нашем распоряжении нет источников на касситском языке – мы можем использовать только аккадские тексты, в которых встречаются касситские слова и выражения, короткий двуязычный перечень богов и список личных имен, о касситском языке мы можем сказать лишь то, что он был агглютинативным, принадлежал к обширной «азианической» группе и, возможно, имел отдаленную связь с эламским. О присутствии индоевропейского элемента свидетельствует наличие в касситском пантеоне индоарийских богов, таких как Шуриаш (инд. Сурья), Марутташ (инд. Марут) и Буриаш (возможно, его можно отождествить с Бореем, греческим богом северного ветра), наряду с шумеро-аккадскими и касситскими (Кашшу, Шипаком, Харбе, Шумалией, Шугамуной). Таковы отрывочные данные, позволяющие нам делать выводы об этнической принадлежности и культурном «багаже» этих горцев.

К несчастью, мы не намного больше знаем о периоде господства касситов в Ираке. Будущие археологические раскопки, несомненно, подарят нам новые источники, но в настоящее время в нашем распоряжении имеется меньше двухсот царских надписей, причем большинство из них довольно короткие и не представляют исторической ценности, несколько писем и ряд хозяйственных текстов. Этого очень мало для того, чтобы охарактеризовать эпоху, продлившуюся на протяжении 400 лет, периода, отделяющего нашу эпоху от времени правления английской королевы Елизаветы I. Основная масса наших источников, например письма, найденные в Телль-Амарне (Египет), и «Синхроническая история Ассирии и Вавилонии», летопись, составленная ассирийским писцом в VII в. до н. э., происходит не из Вавилонии. Из-за недостаточности источников период касситского владычества является

одним из наиболее малоизученных в истории Месопотамии, в связи с чем в голову сразу приходят такие слова, как «темные века» и «упадок».

Тем не менее, тщательно изучив все имеющиеся источники, вспомнив о памятниках, возведенных касситскими царями, и сравнив эти долгие годы политической стагнации с последними годами правления представителей I Вавилонской династии, мы приходим к выводу, что период правления в Вавилонии иноземцев был (по крайней мере, в некоторых сферах) временем возрождения и даже прогресса. К примеру, не вызывает никаких сомнений тот факт, что касситы восстановили порядок и мир в государстве, раздираемом войнами, уважали месопотамские традиции и вели себя как хорошие и благоразумные правители Междуречья. Так, едва заняв трон Вавилона, Агум Каркима (ок. 1602–1585 до н. э.) приказал вернуть из Ханы статуи Мардука и Царпанит и снова установить их в храмах, богато украшенных в честь данного события. С помощью этого поступка новый царь хотел заслужить любовь своих подданных, но данный жест имел и более глубокий смысл – он подразумевал, что иноземец признает Мардука владыкой своего нового царства и собирается вести себя как легитимный преемник прервавшейся династии.

Примерно через восемь лет Улам-буриаш одержал победу над правителем «Страны моря» Эгамилом, вернув таким образом весь Шумер под власть Вавилона (после 1500 до н. э.). Мы не знаем, имели ли место другие, не описанные в источниках и менее успешные войны между Вавилонией и Ассирией, или касситы отказались от надежд распространить свою власть на бывшие северные владения Хаммурапи. Но один из преемников Агума Бурна-Буриаш I подписал с ассирийским правителем Пузур-Ашшуром III договор, согласно условиям которого где-то в районе Самарры устанавливалась граница между двумя царствами.

Примерно через столетие аналогичный договор был подписан между Караиндашем и Ашшурбел-нишешу (ок. 1430 до н. э.). Так было узаконено разделение Месопотамии на две части – Ассирию и Вавилонию. И результаты этого раздела будут сказываться на истории региона почти на протяжении тысячелетия.

Внутри своих владений касситские цари восстанавливали и украшали древние знаменитые святилища в Ниппуре, Ларсе, Уре и Уруке. Один из них, Караиндаш, построил в Э-Анне, на священном участке в Уруке, храм, фасад которого был сложен из кирпичей, сформованных таким образом, что, сложенные вместе, они составляли барельеф с изображениями божеств. В те времена эта оригинальная техника, возможно выросшая из наскальной живописи, не была известна в Месопотамии. Позднее ее использовали в Вавилоне представители Халдейской династии, а также Ахемениды в Сузах и Персеполе. Однако наиболее активно строительством занимался Куригальзу II (около 1345–1324 до н. э.), не только восстановивший священный город Ур, уничтоженный в правление Самсуилуны, но и основавший новый важный город, который теперь известен как Аккар-Куф.

Башня в Аккар-Куфе, возвышающаяся почти на 52 м, отбрасывающая свою длинную тень на равнину и являющаяся прекрасным ориентиром, расположенным в 32 км к западу от Багдада, представляет собой сердцевину зиккурата, некогда возвышавшегося в самом центре Дур-Куригальзу, укрепленного города (*дур*) и резиденции царя Куригальзу. В ходе раскопок, проводившихся иракцами в период между 1943 и 1945 гг., были обнаружены платформа зиккурата с монументальной лестницей, три храма и часть дворца, стены которого были украшены росписями. Кроме того, в нем находилась крытая внутренняя галерея с квадратными в сечении колоннами, ставшими еще одним нововведением в архитектуре. Храмы были посвящены божественному семейству: Энлилю, Нинлиль и их сыну Нинурте. Присутствие этих шумерских богов в городе, построенном касситским царем, свидетельствует о том, что иноземцам удалось полностью ассимилироваться. В храмах были обнаружены различные артефакты, представляющие значительный интерес, в частности статуя Куригальзу, превышающая по высоте рост человека, на которой была вырезана длинная надпись на шумерском, а также раскрашенные терракотовые статуэтки, сделанные с большим умением.

Существует точка зрения, согласно которой именно касситы познакомили жителей Месопотамии с коневодством. Она не совсем верна. «Осел из других стран» (*анише кур ра*) , как коня называли шумеры, иногда упоминается в источниках еще в правление представителей III династии Ура, а в царской переписке из архива Мари для обозначения коней используется аккадское слово *сису* . Однако в правление касситов как сами они, так и хурриты стали чаще использовать лошадь в качестве тяглового животного. Появление на ближневосточных полях боя быстрых колесниц, в которые были запряжены кони, по вполне понятным причинам произвело настоящий переворот в военном деле, а благодаря замене нагруженных ослов повозками, запряженными лошадьми, перевозка товаров стала более простой и быстрой.

Касситы привнесли еще некоторые крупные и мелкие нововведения (или, по крайней мере, они появились в период правления этих иноземцев), начиная от измерения полей до новой моды. Этих новшеств было так много, что у нас нет возможности подробно описывать здесь их все. Однако два из них представляют для историков значительный интерес. Первым из этих новшеств является замена старой системы датировочных формул на более простую, в рамках которой годы каждого царствования, начиная с первого Нового года после коронации, выражены цифрами (например, «первый (второй, третий и т. д.) год правления царя N»). Другим нововведением стали *кудурру* . Аккадское слово *кудурру* можно перевести как «граница». Небольшие стелы, носившие это название, часто именуют «пограничными камнями», хотя на самом деле на них вырезались сведения о подаренных царем землях. Сами каменные стелы хранились в храмах, а их глиняные копии отдавали землевладельцам. *Кудурру* , как правило, делили на две части: на лицевой стороне стелы или наверху вырезались барельефные изображения богов, впрочем нередко заменявшиеся их символами (изображение солнечного диска, например, обозначало Шамаша, полумесяца – Сина, мотыги – Мардука и т. д.), удостоверявшими дарение; на обратной стороне или под изображением помещалась длинная надпись, в которой назывались имя получателя дара, точное местонахождение и размеры земельного владения, различные льготы и привилегии, распространявшиеся на него, приводились перечень свидетелей и, наконец, многочисленные и красочные проклятия, которые должны были пасть на голову того, «кто в будущем испортит, переделает или уничтожит» *кудурру* .

Эти небольшие артефакты наряду с цилиндрическими печатями, а также терракотовыми статуэтками и статуями являются единственными произведениями искусства периода касситского владычества, сохранившимися до нашего времени, и лишь совсем немногие из них красивы. Качество работы довольно посредственное, изображения стереотипны и безжизненны. Рисунки, нанесенные на цилиндрические печати, почти полностью покрыты надписями, и *кудурру* , в основном символичны и статичны. Лишенное своеобразие еще со времен Хаммурапи, пластическое искусство не развивалось, и завершилась эта стагнация только в VII и VI вв. до н. э. с расцветом ассирийской скульптуры.

Для литературы касситского периода характерны активные попытки спасти наследие, сохранившееся от более успешных с точки зрения литературного творчества периодов, а также новый, типично жреческий подход к этическим проблемам. Были скопированы и собраны воедино научные работы, в частности медицинские и астрономические тексты, написанные во время соперничества Исины и Ларсы, а также в старовавилонский период. Составлялись словари и списки клинописных знаков.

В период правления представителей I Вавилонской династии большинство шумеро-аккадских мифов и легенд было переосмыслено, записано простым, ясным и изящным языком и актуализировано. В правление касситских царей несколько поколений храмовых писцов занимались редактированием этих текстов и их изложением на довольно сложном «стандартном вавилонском» диалекте, значительно отличающемся от разговорного средневавилонского.

Традиционные религиозные и философские идеи сохранились. Но акцент в отношениях между человеком и божеством был перенесен с доверия на смирение, с веры на

предрассудок. Новые идеи отразились в литературных произведениях философского характера, таких как «Поэма о невинном страдальце», а характерная для того времени узость взглядов – в существовании календарей счастливых и несчастливых дней и собраний заклинаний против демонов.

Возможно, все эти явления не были уникальны, но, по крайней мере, образованные вавилонские жрецы, как и средневековые монахи в случае с античной культурой, спасли месопотамскую культуру от забвения. Месопотамская литература пользовалась таким уважением на территории Древнего Ближнего Востока, что ее переняли жители многих государств от Анатолии до Египта. К примеру, «Эпос о Гильгамеше» перевели на хеттский и хурритский языки, а на берегах Нила были обнаружены списки текстов вавилонских легенд. Более того, вавилонский диалект аккадского языка на протяжении всей второй половины 2-го тыс. до н. э., когда сама Вавилония не проявляла политическую активность, служил *lingua franca* при дворах восточных правителей и в дипломатических кругах. Таким образом, если в новом окружении Месопотамия играла только третью или даже четвертую скрипку, то во всем, что касается цивилизации, ее достижения ценились очень высоко.

Глава 16

Касситы, ассирийцы и восточные государства

На протяжении трех из четырех столетий касситского господства между наиболее развитыми народами, жившими на Ближнем Востоке, происходили ожесточенные столкновения. Основными их причинами стал захват Сирии Египтом, возобновившиеся притязания хеттов на власть в этом регионе и создание обширного государства хурритов и митаннийцев, простиравшегося от Средиземного моря до гор Загроса и мешавшего египтянам, хеттам, а позднее и ассирийцам удовлетворить свои амбиции. Однако, несмотря на то что спорные территории – Сирия и Джазира – находились совсем недалеко от Вавилона, касситские правители были либо слишком слабы, либо чересчур умны для того, чтобы втянуться в этот конфликт. Они вступили в войну только в середине XIV в. до н. э. под давлением ассирийцев. В период, начавшийся около 1600 г. до н. э. и завершившийся примерно в 1350 г. до н. э., вавилоняне наслаждались почти полным миром, если не считать победоносной войны против «Страны моря» и стычек, периодически происходивших у северной границы. И когда после 1480 г. до н. э. весь Восток запылал, они просто расслабились и стали наблюдать за схваткой держав. В связи с тем, что Вавилония, а вместе с ней на протяжении долгого времени и Ассирия не играли заметной роли в масштабных политических неурядицах второй половины 2-го тыс. до н. э., мы приведем здесь лишь краткое их описание. С подробным рассказом об этих событиях можно ознакомиться в любом более общем труде по истории Древнего Ближнего Востока. Особое внимание мы будем уделять тем событиям, которые происходили в самой Месопотамии или были обусловлены историей этого региона.

Египет против Митанни

Последствия захвата Египта гиксосами (ок. 1700 до н. э.) и падения I Вавилонской династии (1595 до н. э.) проявились не сразу. Судя по немногочисленным источникам, имеющимся в нашем распоряжении, XV в. до н. э. был относительно мирным временем, на протяжении которого государства, войска которых впоследствии будут стоять друг напротив друга на поле боя, зализывали раны или начищали оружие. Уже в 1580 г. до н. э. гиксосов изгнали из дельты Нила, но первые фараоны XVIII династии были слишком заняты утверждением власти в собственной стране, чтобы вторгаться в другие, и даже знаменитый поход Тутмоса I через Сирию до Евфрата (ок. 1520 до н. э.) был военным набегом, не имевшим продолжительных последствий. В Анатолии древнехеттское царство постепенно распадалось, причем причиной этого стали не только иноземные вторжения, но и дворцовые

перевороты. Мурсили I, захвативший Алеппо и Вавилон, был убит в 1590 г. до н. э., а его преемники отказались от всех претензий на территории, расположенные к югу от Таврских гор. В Ашшуре правили потомки Адаси, царя, скинувшего вавилонское иго. Однако от времени их царствования до нас дошло лишь несколько строительных надписей и упоминание в «Синхронической истории» Пузур-Ашшура III. Вавилония, в свою очередь, была снова объединена и преобразована касситскими царями, очевидно не обладавшими экспансионистскими устремлениями или неспособными их реализовать.

Возможно, наиболее активным из всех восточных народов этого периода были хурриты и их митаннийские воинственные господа. Полное отсутствие письменных источников не позволяет нам делать какие-либо обоснованные выводы, но мы, проанализировав последующие события, можем, по крайней мере, предположить, что хурриты и митаннийцы воспользовались вакуумом, образовавшимся на севере Сирии и Ирака из-за распада державы Хаммурапи и отступления хеттов, и создали в этих регионах собственное могущественное государство.

Затем в самом начале XV в. до н. э. на Ближнем Востоке внезапно случилась беда, пришедшая с совершенно неожиданной стороны. Прикрытый пустынями, граничащими с долиной Нила, Египет на протяжении двух тысячелетий был с политической точки зрения изолирован от остального Востока, но при этом поддерживал с ним торговые отношения. Его северо-восточная граница была уязвимой, и несколько раз «дикие аму», ненавистные азиаты пересекали Суэцкий перешеек, устраивали вооруженные набеги на дельту и становились причиной серьезной обеспокоенности. Однако им ни разу не удавалось получить власть над всей территорией страны. Но продолжительное и унижительное правление гиксосов научило египтян: чтобы не допустить подобного вторжения, нужно сражаться с азиатами в их собственной стране и подчинить их себе.

Именно эта идея заставила Тутмоса III в 1480 г. до н. э. завоевать Сирию, что значительно увеличило амбиции египтян и создало модель египетской политики, которой этот народ придерживался на протяжении всей своей истории и которую сохраняет вплоть до настоящего времени. Для того чтобы стать владыкой Палестины, ливанского побережья и Сирии, ему потребовалось 17 лет, на основании чего можно сделать вывод: фараон столкнулся с силами, намного превосходившими те, которыми обладали сиро-палестинские царьки, либо кто-то оказывал поддержку его противникам человеческими ресурсами, вооружением, лошадьми, что могло позволить себе только очень могущественное государство. Настоящими противниками египтян в Сирии были не хананеи или амореи, а хурриты и митаннийцы, давно укоренившиеся в этом регионе, а теперь создавшие сильное, прекрасно организованное государство.

Царство Митанни заняло территорию региона, который ассирийцы называли Ханигальбат и который располагался в степи между Тигром и Евфратом, к югу от Таврских гор, и где-то в этом районе, возможно в верховьях реки Хабур, находилась столица этого государства – Вашшуканни, точное местонахождение которой пока определено не было. Сами хурриты и митаннийцы, как и мы, не очень хорошо понимали, где именно проходят северная и южная границы их царства, хотя из хеттских источников нам известно, что хурриты обосновались в Армении, представляя угрозу для государства хеттов. В XV в. до н. э. Северная Сирия на западе и Ассирия на востоке находились в зависимости от Митанни.

Первый правитель этого государства, имя которого нам известно, Парраттарна (ок. 1480 до н. э.), упоминается в надписи на статуе царя Алалаха Идрими, называвшего его своим господином, а также в тексте, нанесенном на поверхность таблички, найденной в Нузи, неподалеку от Киркука. В этом городе также была обнаружена печать преемника Парраттарны Сауштатара. Кроме того, у нас имеются веские доказательства того, что политическое влияние Митанни распространялось на Угарит, Катну и, косвенно, на Палестину. Еще большее воздействие это государство оказывало на север Ирака, и у нас есть все основания полагать, что все цари Ашшура, правившие между 1500 и 1360 гг. до н. э., находились в зависимости от царей Митанни. Когда один из них осмелился восстать,

Сауштатар, как сказано в одном из источников, разграбил Ашур и привез в Вашшуканни «дверь из серебра и золота».

В результате побед Тутмоса III только часть территории этого обширного царства оказалась во власти египтян. В Сирии Митанни сохранило власть над Алалахом и Каркемишем, благодаря чему его правители могли разжечь в захваченных областях восстания, достаточно серьезные для того, что оправдать несколько египетских походов в правление Аменхотепа II. В царствование Тутмоса IV (1413–1405 до н. э.) эта постоянная, хотя и косвенная вражда прекратилась, и между Фивами и Вашшуканни установились самые теплые отношения. «Семь раз» фараон просил царя Митанни Артадаму II, чтобы тот отдал ему в жены свою дочь, а Аменхотеп III (1405–1367 до н. э.) женился на дочери Шуттарны Килу-Хепе. Такие внезапные перемены в политическом курсе, как правило, объясняют страхом перед хеттами, но это лишь догадки.

Примерно в 1467 г. до н. э. Тудхалия II основал в Анатолии новую династию и тут же подтвердил права хеттов на область к югу от Таврских гор, захватив Алеппо (возможно, такова была тайная договоренность, достигнутая между ним и Тутмосом III). Однако вряд ли Египет и Митанни считали его непосредственных преемников, увязнувших в вооруженных конфликтах на территории самой Анатолии, настолько опасными, чтобы пойти из-за них на сближение. Скорее всего, истина заключается в том, что египтяне осознали свою неспособность занять всю территорию Сирии, а митаннийцы – неспособность восстановить свое прежнее положение в Палестине и на сирийском побережье. В итоге оба государства признали *status quo* и отказались от прежней вражды, заключив союз.

Время правления Суппилулиумы

Третьим периодом 2-го тыс. до н. э. после времен правления Шамши-Адада и Хаммурапи, от которого до нашего времени сохранилось большое количество источников, является XIV в. до н. э. Свет на эти годы вооруженных столкновений и хитрых дипломатических ходов проливают хеттские летописи и договоры, ассирийские надписи, ассирийские и вавилонские хроники, 300 с небольшим писем, составленных царями, правившими в Западной Азии, адресованных Аменхотепу III и Аменхотепу IV и найденных в Египте, в Телль-эль-Амарне. Более того, в этих источниках удивительно подробно охарактеризованы личности некоторых из наиболее могущественных и интересных правителей Древнего Востока: Аменхотепа IV (Эхнатона), загадочного фараона, больше интересовавшегося религией, чем политикой; Куригальзу II, единственного касситского правителя, которого можно назвать завоевателем; Ашшур-убаллиту, проницательного царя, освободившего Ассирию и снова превратившего ее в великую державу. Но всех их превзошел Суппилулиума, энергичный хеттский правитель, деятельность которого оказала влияние на весь изучаемый нами период.

На протяжении первой четверти XIV в. до н. э. дипломатические и матримониальные связи, существовавшие между Египтом и Митанни, усилились и распространились на другие народы, из-за чего весь Ближний Восток стал казаться большой дружной семьей, в которой Египет играл роль богатого дядюшки. Тушратта, сменивший Шуттарну на троне Митанни (ок. 1385 до н. э.), отдал свою дочь Таду-Хепу замуж за Аменхотепа III. Когда старый фараон заболел, царь Митанни прислал ему из Ниневии идол богини Иштар, способной, как тогда считалось, исцелять самые тяжелые болезни. Касситский правитель Кадашман-Эллиль I также отправил в и без того многочисленный гарем Аменхотепа дочь и сестру и получал от него большие количества золота. Даже ассирийцы (несомненно, с разрешения своего митаннийского господина) отправили к фиванскому двору послов.

Однако в 1372 г. до н. э. на престол в Богазкёе сел Суппилулиума, человек малопонятного происхождения. Всего через несколько лет он вместе с хеттским войском вошел в Сирию. Прямой удар, направленный против Алеппо, снова находившегося под властью Митанни, провалился. Но во время второго похода новый хеттский царь пересек

Евфрат в районе Малатьи, зашел на территорию Митанни с севера, разграбил Вашшуканни, повернул на запад, снова перешел Евфрат неподалеку от Каркемиша, захватил Алеппо, покорил местность, называвшуюся Нухашше и расположенную к югу от этого города, разорил Катну и захватил укрепленный Кадеш (телль Неби-Менд, к югу от Хомса), находившийся на северной границе египетских владений в Сирии. Одновременно с этим Суппилулиума умело играл на соперничестве между сирийскими царьками и сумел подчинить хеттам царства, которые находились в стороне от пройденного им пути, включая Угарит и Алалах. Наконец, оставив в завоеванных странах нескольких своих самых верных сторонников, он вернулся в Анатолию, где на протяжении 20 лет его внимание полностью занимало решение важных и сложных проблем.

Эта блестящая дипломатическая и военная победа стала серьезным ударом для Египта и почти полной катастрофой для Митанни, лишившегося всех своих владений к западу от Евфрата. Некоторые из наиболее предприимчивых правителей Сирии при поддержке хеттов напали на своих соседей, которые воззвали к Египту о помощи. И их жалобы вкупе с шумными протестами палестинских правителей, постоянно подвергавшихся нападениям банд *хабиру*, встречаются во многих текстах из амарнского архива. Но большинство этих писем осталось без ответа. Аменхотеп III, слишком старый и больной для того, чтобы вмешиваться в ближневосточные дела, умер вскоре после похода хеттов, оставив трон слабому, женоподобному и чересчур религиозному Аменхотепу IV (1367–1350 до н. э.), на протяжении долгого времени находившемуся под влиянием своей матери – царицы Ти.и.

По разным причинам Аменхотеп IV отказался от участия в разрешении сложной ситуации в Сирии, но тем не менее продолжил политику своего предшественника, женившись на Таду-Хепе, младшей из царевен Митанни, являвшихся супругами его отца (возможно, она и была очаровательной Нефертити), и сохраняя самые теплые отношения со своим современником – касситским царем Бурна-Буриашем II (1375–1347 до н. э.). Подробные сведения о дружбе фараона и царя Кардуниаша содержатся в письмах из амарнского архива. Правители, называвшие друг друга «братьями», обменивались подарками, причем касситский царь присылал лошадей, ляпис-лазурь и другие драгоценные камни, а египетский фараон – слоновую кость, эбеновое дерево и, главным образом, золото. Временами количество полученного золота не соответствовало обещанному, и вавилонский царь жаловался: «Прежнее золото, которое прислал мой брат, из-за того, что мой брат сам не взглянул на него, но чиновник моего брата опечатал и отправил его... Сорок мин золота, которые они привезли, когда я положил его в печь, оказались меньше по весу». Но это было еще совсем не похоже на бурю. Несмотря на расстояние («дорога очень длинная, источники воды отрезаны, а погода жаркая»), посланники ездили между двумя странами, рискуя стать жертвами нападений ханаанских бандитов или кочевников. Нам также известно, что Аменхотеп IV женился на одной из дочерей Бурна-Буриаша и по этому поводу прислал в Вавилон огромное количество подарков, список которых занимает более 307 строк, разделенных на четыре колонки.

Если египтяне не обращали внимания на жалобы своих сирийских «вассалов», то почему митаннийцы не ответили на агрессию хеттов и даже не попытались вернуть себе прежние владения? Ответ на этот вопрос прост: внутри самого их государства разразилась война. Тушратта занял трон благодаря убийству старшего брата, и несколько членов царского семейства оспаривали его право на престол. Когда он воцарился в Митанни, другой его брат по имени Артадама провозгласил себя «царем Хурри» и основал собственную династию, хотя это совершенно не значит, что государство было разделено на две части, как полагают некоторые историки. Цари Хурри: Артадама и его сын Шуттарна II стали искать поддержку за пределами своей страны и вступили в союз с ассирийскими царями, все еще находившимися в зависимости от Митанни. Вскоре в самом Вашшуканни появилась сильная проассирийская и прохурритская группировка. Дворцовые интриги, которые, несомненно, разжигали союзники, в итоге (ок. 1360 до н. э.) стали причиной смерти Тушратты, убитого одним из собственных сыновей. Законный наследник Маттиваза, неспособный удержать

власть, бежал в Вавилон. Но Бурна-Буриаш, верный политике невмешательства, отказался предоставить ему убежище. В итоге невезучий царь Митанни сумел найти укрытие при хеттском дворе, а в это время Ассирия и Альше, еще одно небольшое государство, расположенное в верхнем течении Тигра, разделили между собой территорию Митанни.

Таким образом, не выпустив ни единой стрелы, ассирийский царь Ашшур-убаллит I (1365–1330 до н. э.) не только освободил свою страну от владычества Митанни, но и способствовал падению государства, которому его предки выплачивали дань. Воодушевленный успехом, он принял титулы «великий царь» и «царь вселенной», напрямую переписывался со своим «братом» Аменхотепом IV и выдал дочь замуж за Бурна-Буриаша в надежде на то, что однажды его внук будет править Вавилонией.

Все это произошло через незначительный промежуток времени после того, как Суппилулиума покинул Сирию. Когда по истечении 20 лет он вернулся, политическая ситуация на Ближнем Востоке изменилась в его пользу. В 1350 г. до н. э. в Египте умер Аменхотеп IV, а его преемники, включая знаменитого Тутанхамона, были слишком заняты исправлением катастрофических последствий его религиозной политики и не могли уделять достаточное внимание происходившему в Сирии. Царство Митанни, располагавшееся на севере Месопотамии, распалось, и Ашшур-убаллит наращивал мощь Ассирии. В Вавилонии после непродолжительных беспорядков, вызванных убийством внука Ашшур-убаллита, на трон в 1345 г. до н. э. взошел Куригальзу II. Но этого великого воина и строителя интересовал восток, а не запад. Он одержал победу над эламским царем Хурбатилой и правил в этом государстве на протяжении по крайней мере части своего царствования.

Таким образом, Суппилулиума стремился ликвидировать последние очаги сопротивления и навести порядок на завоеванных территориях. Он подписал договоры с покоренными сирийскими правителями, отдал одному из своих сыновей Алеппо, а другому – Каркемиш, чтобы помочь Маттивазе вернуть престол. В последовавшей за этим войне удача на протяжении какого-то времени была на стороне Маттивазы, но в конце концов он потерпел поражение, и ассирийцы дошли до Евфрата, уничтожив последние следы царства Митанни.

Когда Суппилулиума умер (1334 до н. э.), под властью хеттов находилась вся территория Сирии вплоть до окрестностей Дамаска, но при этом Ассирии удалось стать второй великой державой Ближнего Востока.

Ашшур и Сузы против Вавилона

Для хеттов, которым выход в Средиземное море преграждали ахейцы и другие воинственные народы, жившие вдоль побережья Малой Азии, несомненно, настоящей находкой стало владение такими процветающими портами, как Угарит и Симира. Более того, сама по себе Сирия была очень плодородным регионом, и ее территорию можно было использовать в качестве отправной точки для бесконечных военных походов в Месопотамию и Египет. Но эти преимущества нивелировались двуличностью и несдержанностью местных вождей. Вскоре после смерти Суппилулиумы произошел ряд восстаний, вынудивших его сына и преемника Мурсили II (1334–1306 до н. э.) лично принять участие в их подавлении. Возможно, его утешил бы тот факт, что египетскому фараону Сети I тогда же пришлось заниматься тем же самым в Палестине.

Эти восстания, к которым, вероятно, подстрекали хетты в Палестине и египтяне в Сирии, были лишь поверхностными проявлениями гораздо более глубокого конфликта, достигшего своего апогея, когда молодой и амбициозный Рамсес II (1290–1224 до н. э.) решил повторить подвиги Тутмоса и отодвинуть границу своего царства к Евфрату. Война, которую он вел против хеттов, завершилась одним из наиболее известных сражений древности – битвой при Кадеше (1285 до н. э.), которая так и не стала решающей. Оба противника приписывали себе победу и удерживали свои позиции. Однако через 16 лет Рамсес II подписал с хеттским царем Хаттусили III мирный договор (причем до нашего времени сохранились копии обеих сторон: египетской и хеттской, последняя из которых

написана на аккадском языке) и даже женился на хеттской царевне. Что именно произошло: соперники устали от борьбы или их примирила все возрастающая мощь Ассирии, подобно тому как хеттская угроза сделала союзниками египтян и митаннийцев? В пользу второй теории, очевидно, говорит внимание, уделенное в договоре пунктам о взаимопомощи в случае войны, наряду с дружескими отношениями, которые Хаттусили пытался завязать с касситами.

Судьба Ассирии, ставшей самостоятельным и сильным государством, тем не менее определялась ее географическим положением. К северу и востоку узкая долина Тигра, принадлежавшая богу Ашшуру, была окружена высокими, почти непреодолимыми горами, где жили племена, не гнушавшиеся разбоя, такие как гуттии и луллубеи, которые можно было держать под контролем только благодаря частым вооруженным рейдам. На западе на сотни километров простиралась широкая степь Джазиры, прекрасно подходившая для прохода враждебных войск и совершения набегов кочевниками. Обладание этой степью сулило ассирийцам безопасность, а также позволяло контролировать важные торговые пути и в конечном счете Северную Сирию, через которую можно было попасть к Средиземному морю. Наконец, совсем недалеко на юге лежали плодородная равнина и богатые города Месопотамской дельты, постоянный источник соблазна, а также тревоги, так как шумеры, аккадцы и вавилоняне всегда предъявляли свои права на власть над северной частью Междуречья. На протяжении 2-го тыс. до н. э. граница, расположенная в этой местности, была укреплена. Когда Вавилон еще не потерял свое могущество, ассирийцы могли надеяться на захват лишь нескольких деревень, но, после того как он ослаб, для них стало возможно все, включая выход к Персидскому заливу.

Приведенные выше географические сведения позволяют понять причины трех разновидностей войн, которые велись в разных направлениях (партизанская – в горах, маневренная – в Джазире и позиционная – в среднем течении Тигра) и о которых постоянно говорится в ассирийских анналах, начиная с XIII в. до н. э. Эту цену Ассирия должна была заплатить не только за расширение своих границ, но и за собственную свободу.

Как только Ашшур-убаллит освободил свою страну от власти Митанни, на этих трех фронтах начались боевые действия. Его сын Эллий-нирари напал на Вавилон, победил Куригальзу, и, как сказано в источнике, «они разделили поля, они разделили страну, они установили (заново) границы». В сохранившихся лишь фрагментарно анналах Арик-ден-или говорится о походе в горы Загроса, в то время как из летописи его преемника Адад-нирари I мы узнаем, что он направил свое войско на Джазиру и захватил (по крайней мере, на короткое время) этот регион «вплоть до Каркемиша, который на берегу Евфрата». В другом источнике сказано, что он вынудил касситов подписать новое соглашение о границах.

Однако величайшим представителем этой династии являлся, несомненно, Салманасар I (1274–1245 до н. э.), который, подчинив «могучие горные твердыни» Уруатри (Урарту, современная Армения) и «страну гутиев, которые умеют грабить», выступил против бывших союзников Ассирии – хурритов. Он атаковал Шаттуару, «царя Ханигальбата», и его наемников, хеттов и ахламу, и победил их: «Я сражался в битве и завершил их поражение. Я убил бесчисленное множество из его пораженного и разрозненного войска... Девять его крепостей и его столичный город я захватил. Сто восемьдесят его городов я превратил в руины... Их страну я покорил, и остальные их города я предал огню». Возможно, именно этот подвиг ассирийского царя, осуществленный через несколько лет после битвы при Кадеше, сплотил египтян и хеттов, так как хурриты потеряли свою последнюю твердыню, а ассирийцы, оказавшиеся в Каркемише, готовы были войти в Сирию.

В середине XIII в. до н. э. критическая ситуация вокруг Вавилона, которому угрожал его могущественный сосед, усложнилась из-за внезапного появления на политической арене Элама, прежде незаметного на ней на протяжении примерно 400 лет. Престол в Сузах заняли представители новой династии, энергичные правители, стремившиеся, помимо всего прочего, утвердить свою власть над касситами Ирака, а также их соплеменниками, оставшимися в Иране. Вскоре после 1250 г. до н. э. невезучий Каштилиаш IV оказался зажат

между двумя врагами: Унташ-Напиришей, эламским царем, построившим прекрасный зиккурат и храмы в Чога-Занбиле, что неподалеку от Суз, и правителем Ассирии Тукульти-Нинуртой I (1244–1208 до н. э.). Эламцы победили в сражении, но Тукульти-Нинурта захватил столицу.

Этот подвиг стал причиной гордости для ассирийцев. Именно ему посвящена единственная дошедшая до нашего времени ассирийская эпическая поэма – несомненно, весьма предвзятое сочинение, известное как «Эпос о Ту-культи-Нинурте». В этом произведении вся вина возложена на плечи Каштилиаша, якобы нарушившего клятву и устроившего заговор против Ассирии, из-за чего боги его страны покинули его, а сам он потерпел поражение. В то же время, судя по строительной надписи, найденной в Ашшуре, Тукульти-Нинурта принял решение о нападении на Вавилон без каких-либо внешних причин: «Я вынудил Каштилиаша, царя Кардуниаша, вступить в бой. Я привел к поражению его войск, его воинов я низверг. Посреди этой битвы моя рука поймала Каштилиаша, царя касситов. Его царственную шею я попираю ногами, как подставку. Раздетого и связанного, привел я его к моему господину Ашшуру. Шумер и Аккад до дальних пределов я подчинил себе. На нижнем море восходящего солнца я установил границу своей земли».

На троне Вавилона, сменяя один другого, сидели три марионеточных правителя, находившиеся в зависимости от Ассирии. Но на них, в свою очередь, напали эламцы, продвинувшиеся вплоть до Ниппура. Однако после семи лет зависимости сами вавилоняне восстановили на престоле предыдущую династию. В «Вавилонской хронике» говорится: «Знатные люди Аккада и Кардуниаша восстали, и они посадили Адад-шумуцура на трон его отца».

Ассирийский правитель, первым добравшийся до Персидского залива, через несколько лет был позорно умерщвлен (несомненно, это была кара за его преступления): «Что касается Тукульти-Нинурты, навлекшего зло на Вавилон, то его сын Ашшур-надинапал и вельможи Ассирии восстали и сбросили его с трона. В Кар-Тукульти-Нинурта они осадили его в его дворце и убили с помощью меча». Ослабленные разногласиями в правящем семействе и междоусобными войнами, его преемники предпринимали лишь незначительные походы на Вавилонию, и мощный удар, поставивший касситов на колени, нанесли в 1168 г. до н. э. не ассирийцы, а эламцы. В том году Шутрук-Наххунте покинул Сузы во главе многочисленного войска, вторгся в Южный Ирак и разграбил его, причем с такой жестокостью, которой эта земля не видела прежде. Знаменитые памятники, произведения месопотамского искусства, такие как стела Нарам-Суэна, законы Хаммурапи и обелиск Маништушу, были навеки увезены в Сузы. Вавилон был захвачен и отдан сыну Шутрук-Наххунте. Касситский правитель с замечательным вавилонским именем Энлиль-надинаххе («Энлиль дает братьев») правил на протяжении трех лет, но в конце концов был низвергнут другим эламским царем Шилхак-Иншушинаком. Самым страшным унижением стал тот факт, что эламцы, подобно хеттам за 433 года до этого, захватили в плен Мардука. Так пала династия, представители которой дольше всего правили Вавилоном.

Падение Касситской династии могло бы стать удобной вехой в истории Древнего Ирака, но на фоне событий, происходивших на Ближнем Востоке в XII в. до н. э., оно прошло почти незамеченным. Когда эламцы вторглись в Вавилонию, Хеттское государство со столицей в Богазкёе исчезло с лица земли. Египет, только что избежавший еще одного вторжения с востока, был ослаблен из-за внутренних неурядиц. В Ханаане поселились филистимляне, Моисей вел свой народ в Землю обетованную, арамеи-кочевники вызывали страх как у правителей государств, расположенных в Сирии, так и у ассирийских царей, а далеко на западе на Грецию надвигались дорийцы. Индоевропейцы снова пришли в Западную Азию, принеся туда железо подобно тому, как их предки научили обитателей этого региона коневодству, и открыв новую страницу истории человечества. В то же время они стали первым звеном в новой цепи переселений этносов, которые вкупе с политическими потрясениями вскоре изменили облик Востока.

Глава 17

Время смятения

Массовое перемещение индоевропейского населения, происходившее в Юго-Восточной Европе в течение XIII в. до н. э., нельзя проанализировать. Оно может быть прослежено только по заметному влиянию, которое индоевропейцы оказали на Грецию и Западную Азию. Возможно, к числу этих воздействий относится появление на Балканах преуспевающих и воинственных племен – иллирийцев, из-за которого фрако-фригийцы были вытеснены в Анатолию, где вскоре после 1200 до н. э. они уничтожили Хеттское царство, и многочисленных групп дорийцев, эолийцев и ионийцев в полуостровной Греции, на островах в Эгейском море и в западных районах Малой Азии, где они уничтожили Микенскую (или Ахейскую) державу (Троянская война, ок. 1270 г. до н. э.). Вытесненные двумя этими потоками захватчиков, обитатели эгейского побережья и островов, «народы моря», как их называли египтяне, бежали на юг, вдоль побережья Малой Азии и Сирии, и прибыли, тая в себе угрозу, к вратам Египта. Рамсес III победил их на суше и на море (1174 до н. э.), и некоторые воины пошли на службу к фараону, в то время как другие расселились по прибрежной полосе Ханаана. Среди этих последних были *пелесет* (или филистимляне), в честь которых в итоге была названа целая область – Палестина.

Примерно в то же время другое, менее известное, но такое же значимое переселение началось в районе вокруг Каспийского моря. Говорящие на индоевропейском языке народы, которых мы называем индоиранцами, вошли в Иран с севера, следуя примерно тем же путем, что и индо-арийские переселенцы ранее. *Парфавы* (парфяне) и *харайва* остались на границе Туркестана и Афганистана, в то время как *мадаи* (мидийцы), *парсуа* (персы) и *зикерту* двинулись дальше на запад и захватили нагорье, простирающееся от озера Урмия до Исфахана, стремительно установив свое влияние над плохо оснащенным местным населением.

Этот «каскад» переселений, следующих одно за другим, затронувший Средиземноморье и центральные части Анатолии и Ирана, не коснулся Ирака. Но это совпало с периодом усиливавшейся активности среди семитов: суту, ахламу и, главным образом, многочисленного союза арамейских племен, – кочевавших в Сирийской пустыне. Вакуум, образовавшийся в Сирии из-за падения Хеттской державы и связанного с ним ослабления Ассирии и Вавилона, подтолкнул арамейские племена к вторжению во внутренние области Сирии, пересечению Евфрата и проникновению все глубже в Месопотамию, причем по мере продвижения они расселялись и создавали на всей территории Плодородного полумесяца сеть больших и малых царств, которые окружили Ашшур и Вавилон сужающимся кольцом и почти поглотили их. Одновременно другие семиты – евреи, пришедшие из Синайской пустыни, – воспользовались смятением, воцарившимся в Ханаане после ухода Египта из Азии, захватили большую часть территории, лежащей по обе стороны Иордана, и сделали ее своей страной.

В какой-то степени продвижение арамейских племен может быть прослежено по ассирийским царским надписям, а завоевание Ханаана евреями – по библейским повествованиям. Однако об истории остальной части Ближнего Востока в период между 1200 и 1000 гг. до н. э. мы ничего не знаем. В Хеттских архивах из Богазкёя найдены источники, в которых освещается история региона до примерно 1190 г. до н. э., а из текстов, найденных в Египте, мы можем почерпнуть сведения, позволяющие нам делать выводы о произошедшем в начале XI в. до н. э. упадке этого могущественного государства в правление последних Рамессидов и о его разделении на два соперничавших друг с другом царства.

Первые источники после этих «темных веков» датируются примерно 900 г. до н. э., когда политическая география Западной Азии сильно изменилась – арамейские княжества разрослись от Ливана до Загроса, остатки «народов моря»: филистимляне и закаль – разделили Ханаан с евреями. Для финикийцев, расселившихся по побережью Ливана, начался период процветания, тогда как на крайнем севере Сирии и в Таврских горах

сложилось несколько новохеттских царств. Египет был разделен и ослаблен; цари, восходившие на трон Вавилона, быстро сменяя друг друга, почти не обладали реальной властью; в Ассирии череда сильных правителей была занята ослаблением арамейского влияния и воссозданием Ассирийской державы; по другую сторону от гор Загроса прочно утвердились мидийцы и персы, которые, однако, еще не были готовы сыграть свою роль в истории. Именно с этими народами, с которыми ассирийцы встретятся, сразятся и которых покорят в процессе своего крупномасштабного завоевания, происходившего в течение 1-го тыс. до н. э., читатель теперь должен познакомиться.

Евреи и финикийцы

Мы настолько хорошо знакомы с Библией, что большинству из нас здесь необходим всего лишь краткий обзор ранней древнееврейской истории. Как мы уже видели, Авраам и его семья пришли из шумерского Ура в ханаанский Хеврон, вероятно, около 1850 г. до н. э., и у нас имеются все основания отнести переселение Иосифа в Египет к периоду владычества гиксосов (1700–1580 до н. э.). По крайней мере, на протяжении четырех веков те, кто сегодня называет себя «израильянами», жили, плодились и благоденствовали в дельте Нила, пока не были изгнаны фараоном, чье сердце «ожесточил Господь», скорее Рамсесом II (1290–1224 до н. э.), чем его наследником Мернептахом. Человек, обладающий прекрасным интеллектом и огромной силой личности, первый великий религиозный реформатор в истории человечества, Моисей объединил евреев вокруг культа уникального и универсального Бога, возглавил их долгий переход через Синайский полуостров и умер, когда они достигли порога Земли обетованной. Следующим лидером евреев стал Иисус Навин, но в действительности завоевание Ханаана было осуществлено каждым из двенадцати племен, сражавшихся за свою собственную территорию под руководством избранных ими вождей, или «судей», и должно было занять по меньшей мере 100 лет.

Образование Израильского царства при Сауле и победы, одержанные Давидом (1010—955 до н. э.) над филистимлянами, хананеями и государствами, лежавшими к востоку от Иордана (Аммон, Идумея и страна Моав), освятили господство потомков Авраама над Палестиной. Правление Соломона было периодом великой славы юного народа. Впервые в истории Палестина подчинилась одному правителю, чья власть простиралась «от Дана (у подножия горы Хермон) до Вирсавии (на границе с пустыней Негев)». Иерусалим, в старину бывший маленьким, незначительным городом, стал столицей, и в строительстве его храма, как сказано в Библии, принимало участие около 200 000 рабочих. Войско Израильского царства было вооружено железным оружием и хорошо обеспечено лошадьми и колесницами. Из Ецион-Гавера (около Акабы) корабли Соломона плыли в Красное море и возвращались из Аравии и Эфиопии груженные золотом. Сам царь, если доверять народной мудрости, жил в роскошном дворце среди «семи сотен жен и трех сотен наложниц». Подобная расточительность с финансовой и нравственной точки зрения оказалась невыносимой для этого немногочисленного и сурового народа. Славное правление закончилось восстаниями, и после смерти Соломона (935 до н. э.) царство было разделено на две части: Израиль на севере со столицей в Самарии и Иудею на юге, которая продолжала управляться из Иерусалима. Период существования единого государства продолжался только столетие.

Хананеи Ливана и сирийского побережья, жившие к северо-западу от Израиля, финикийцы, как их позже стали называть греки, стали одной из первых жертв великого потрясения XII в. Богатейший из их городов, Угарит, был навсегда уничтожен «народами моря», в то время как крупнейший центр торговли Библии уже опустел из-за местных войн, имевших место в течение амарнского периода, и был razoren упадком Египта, своего традиционного торгового партнера, при преемниках Рамсеса III. Но к 1000 г. до н. э. ситуация в этой области изменилась к лучшему. Благодаря своему расположению в точках, где дороги, пересекая Ливанские горы, достигали моря, Арвад (остров Эр-Руад), Сидон (современная Сайда) и Сури (Тир, современный Сур) стали портами могущественных арамейских царств

Центральной Сирии. Самый южный из этих городов, Тир, извлекал выгоду из соседства с евреями, которым его жители поставляли древесину, присылали ремесленников и мореплавателей. Три города благодаря этой торговле вскоре умножили свои богатства и стали новыми политическими и экономическими центрами Финикии.

Побережье Сирии и Ливана всегда было местом встречи Европы и Азии. В начале 1-го тыс. до н. э. благодаря сохранявшимся на протяжении 200 лет тесным контактам с критянами, микенцами и жителями острова Кипр с одной стороны и со всеми народами Ближнего Востока – с другой стала развиваться сложная, но блестящая финикийская цивилизация. Основным вкладом финикийцев в сокровищницу культуры человечества, бесспорно, стало изобретение алфавита, который заимствовали в измененном виде греки, распространившие его в Европе, и арамеи, способствовавшие его широкому использованию в Западной Азии, где он в конечном счете вытеснил все предыдущие слоговые и идеографические системы письма. Точное время и место изобретения алфавитного письма установить крайне трудно, и эти проблемы не обязательно здесь затрагивать. Однако следует отметить: последний из этих трех алфавитов, одновременно использовавшихся на побережье Средиземного моря в течение последней четверти 2-го тыс. до н. э. – «классического» и «псевдоиероглифического» библских, а также «клинописного» алфавита Рас-Шамры (Угарит), – использовался для записи множества весьма интересных литературных произведений, находка которых в значительной степени расширила и изменила наши представления о древней религии и мифологии Ханаана.

В области искусства финикийцы, возможно, не проявляли блестящих творческих способностей, но были превосходными учениками. Вдохновленные работами эгейских и египетских художников и скульпторов, финикийские ремесленники не имели себе равных на Ближнем Востоке по крайней мере в течение 1-го тыс. до н. э. Они ткали прекрасные одежды, которые вышивали или окрашивали знаменитым сидонским пурпуром, делали флаконы из полупрозрачного стекла, изготавливали изысканные ювелирные украшения, вырезали изящные изделия из слоновой кости и были специалистами по дерево- и металлообработке. В их стране, кроме древесины, производились имевшие отличную репутацию вино и масло. Все эти товары становились легким, но ценным грузом, который финикийцы, прирожденные моряки, могли теперь сами развозить по всему свету, ибо дорийское вторжение в Грецию очистило море от его бывших хозяев – микенцев. Вскоре жители Тира, Сидона и острова Арвад стали лидерами в сфере морской и колониальной экспансии, которая достигла наивысшей точки развития между IX и VI вв. до н. э. благодаря основанию Карфагена (814 до н. э.), созданию большого количества торговых факторий на Мальте, Сицилии и в Испании и исследованию Атлантического побережья Европы и Африки.

Поздние хетты

Пройдя на север вдоль побережья Средиземного моря, мы достигнем на крайнем севере Сирии царства, созданного людьми, которых называют «иероглифическими хеттам», или, проще, «поздними хеттами». Эти термины нуждаются в некотором объяснении. Мы знаем, что хетты, использовавшие Хаттусу (Богазкёй) в качестве столицы, применяли клинопись, заимствованную из Месопотамии, записывая с ее помощью на глиняных табличках слова своего индоевропейского языка. Но в то же время в Малой Азии для нанесения на скалы или камень официальных или религиозных текстов использовалась письменность иного рода, состоявшая из графических изображений или иероглифов, которые не имели отношения ни к архаическим шумерским пиктограммам, ни к древнеегипетским или критским иероглифам. Множество подобных надписей появляется в различных районах в Таврских горах и Северной Сирии на памятниках, которые могут быть датированы первыми столетиями 1-го тыс. до н. э., то есть временем после падения Хеттского царства. Благодаря расшифровке хеттских иероглифов различными исследователями, правильность которой была подтверждена, а сам данный процесс завершен в результате находки в Кара-Тепе в Киликии в

1947 г. двуязычных финикийско-хеттских надписей, мы знаем, что язык этих надписей был диалектным вариантом лувийского. (Лувийцы были одним из более или менее связанных друг с другом народов, говоривших на индоевропейских языках, которые проникли в Малую Азию в начале 2-го тыс. до н. э.) Таким образом, похоже, что в ходе масштабного переселения, происходившего в данном регионе в XII в. до н. э., лувийцы, изначально занимавшие юго-западную часть Малой Азии, переместились или были вытеснены на юг и восток и обосновались в южных частях бывшего Хеттского царства, которые пощадили фригийцы и которые обошли «народы моря». Но это, конечно, всего лишь предположение. Более того, следует подчеркнуть, что существование хеттской культуры в этом регионе не прерывалось и понятие «новохеттская» – не более чем удобное название. Хеттское влияние, принесенное в Сирию Суппилулиумой и его предшественниками, пережило их примерно на пять сотен лет.

Начиная с X в. до н. э. и позднее сплошная мозаика новохеттских царств покрывала территорию между Таврскими горами и рекой Оронт, составляя то, что ассирийцы называли *Хатти* или *Великая Хатти* (турки по-прежнему называют область Антиохии Хатай). Двигаясь с севера, мы обнаружим в самом сердце Таврских гор около двенадцати городов-государств, составлявших страну Табал (библейский Фувал). Вдоль верхнего течения Евфрата простиралось царство Камману со столицей Мелид (современная Малатья). Затем шли Куммуху (античное Коммагенское царство) и Гургум со столицей в Маркаси (современный Мараш). Дальше к западу богатая равнина Киликии была занята народом дануна, который подчинялся царю Атании (Адана) и господствовал над окружавшими его горами. К северу от Алеппо лежали страна Ядия (столица Самаль, современный Зенджирли) в горах Аманос, Каркемиш и Тиль-Барсип (Телль-Ахмар), который контролировал переправу через Евфрат. Сам Алеппо, который так часто захватывали и теряли митаннийцы и хетты, частично уступил свое влияние Арпаду, в то время как Алалах в долине Амук (*Хаттина*) управлялся сначала из Азаза, а затем – из пока еще нелокализованного города Куналуа. Иероглифические надписи, найденные в Хаме, свидетельствуют, что поздние хетты периодически захватывали этот город.

Раскопки в Зенджирли, Сакчагёзю, Каркемише, Телль-Тайянат и в Каратепе (древний Ацативадда), проведенные позднее, пролили яркий свет на искусство и архитектуру поздних хеттов и позволили нам лучше понять характер сопротивления, с которым столкнулись ассирийцы, когда попытались вторгнуться в эти маленькие, но очень сильные царства. Города, в плане напоминавшие круг, были защищены двойными массивными стенами: внешняя располагалась вокруг нижнего города, а внутренняя – вокруг акрополя. Вход в царский дворец, находившийся в центре города, часто предварял портик с деревянными колоннами, установленными на каменные основания, украшенные скульптурами припавших к земле львов и сфинксов. По своему плану дворец относился к категории, названной ассирийцами *бит хилани*: он состоял из череды прямоугольных помещений, тянувшихся одно за другим, длинные стороны которых располагались параллельно относительно фасада здания.

Аллея, ведущая к акрополю, как и фасад дворца, была украшена базальтовыми или известняковыми плитами с вырезанными на них изображениями, стоявшими вдоль нижней части стен. Чаще всего на этих «ортостатах» изображались сцены охоты, царские пиршества и военные походы; изображения нередко дополнялись иероглифическими надписями. Скульптуры часто выглядят грубыми, их авторы не могли похвастаться большим мастерством, хотя эти изваяния не лишены движения и жизни, а некоторые и в самом деле отличаются своеобразной варварской красотой. Большинство археологов согласно с тем, что это своего рода провинциальный вариант хеттского искусства, дополненный ассирийским, египетским и даже эгейским влияниями.

Новохеттские царства процветали с X по VIII в. до н. э., и мы подробно узнаем об их истории тогда, когда все хеттские иероглифические надписи будут тщательно переведены и опубликованы. В период между 745 и 708 гг. до н. э. все они, одно за другим, оказались под

властью ассирийцев и потеряли свою независимость, однако задолго до этого некоторые из новохеттских царств уже сдались своим ближайшим соседям – арамеям.

Арамеи

Как обычно в таких случаях, проблема происхождения арамеев очень сложна. Арамейский язык принадлежит, подобно ханаанскому и ивриту, к северо-западной группе семитских языков, но во многом очень напоминает арабский, и это позволяет нам предположить, что арамеи появились или жили в Аравии. С другой стороны, существует несколько причин полагать, что их родиной были Сирийская пустыня и Плодородный полумесяц. Следует обратить внимание, что память о тесном, хотя и неопределенном этническом взаимодействии между арамеями и евреями отразилась в Библии, где Иаков (Израиль) в одном месте себя называет «странствующим арамеянином».

Не менее спорным является вопрос о том, в какой период арамеи впервые заявили о себе в клинописных надписях. В письменных источниках аккадского периода, времени правления III династии Ура и старовавилонского периода периодически упоминаются город *Арами* и люди, называвшиеся *араму*. Но, так как в данном случае речь может идти всего лишь о фонетическом сходстве, следует принимать во внимание только две даты: XIV или XII в. до н. э. (в зависимости от признания наличия взаимосвязи между арамеями и ахламу). Последнее название впервые встречается в поврежденном письме из Эль-Амарны, в котором упоминается вавилонский царь. В течение того же периода их присутствие зафиксировано в Ассирии, Ниппуре и даже в Дильмуне (Бахрейн), и, как говорилось выше, Салманасар I нанес поражение хурритам и их союзникам хеттам и ахламу в Джазире.

В следующем веке они перерезали дорогу из Вавилона в Хаттусу, и Тукульти-Нинурта I (1244–1208 до н. э.) провозгласил, что он завоевал Мари, Хана и Рапикум на берегах Евфрата, а также «горы ахламу». Таким образом, речь в данном случае идет о причинявшем беспокойство союзе племен, проявлявшем активность в Сирийской пустыне, на берегах Евфрата и около Персидского залива, по меньшей мере с XIV в. до н. э. В надписи Тиглатпаласара I (1115–1077 до н. э.) впервые упоминаются «ахламу-арамеи» (*ахламе армайя*), но затем название «ахламу» быстро исчезло из ассирийских анналов и заменяется словом «арамеи» (*араму, аrimi*). В процитированном выше источнике слово *армайя*, являющееся «этником» (прилагательным), а следовательно, приведенное выше предложение может быть переведено как «(те из) ахламу, (кто является) арамеями». Если это предположение является верным, арамеев можно назвать важной и в тот период преобладавшей частью племен ахламу. Возможно, однако, что два народа не имели между собой ничего общего, но оседлые обитатели Месопотамии из-за того, что арамеи и ахламу жили в одном регионе, воспринимали как один и тот же ненавистный им пустынный народ.

В любом случае арамеи, несомненно, поселились в Сирии еще в XI в. до н. э. В Библии говорится, что Саул, Давид и Соломон воевали против арамейских царств: Арам-Зобах в Бекаа, Арам-Бет-Рехоб и Арам-Мааках, находившихся вокруг горы Хермон, Гессур в Хауране и Дамаска (*Димаика, Даммешек*), который вскоре стал управлять всеми ими, – находившихся за северной границей

Израиля. Арамеи, жившие дальше к северу, находились в зависимости от Хамата, располагавшегося на Оронте, и вскоре они стали достаточно сильными для того, чтобы разбить новохеттский союз. В течение X или IX в. до н. э. они завоевали Самаль (Зенджирли), регион Алеппо, которому они дали новое имя – Битагуши, и Тиль-Барсип, который стал главным городом Бит-Адини. На территории Сирии хеттам теперь принадлежали только Антиохийская равнина (Хаттина) и Каркемиш.

Тогда же арамеи вторглись в степи к востоку от Евфрата, где они поселились в таком количестве, что целый регион стал известен как *Арам Нахараим*, «Арам (двух) рек». Одним из их первых царств в Месопотамии стало Бит-Бахиани, столицей которого являлся древний город Телль-Халаф, опустевший еще в протоисторические времена, а теперь получивший

новое название – Гузана. Арамейское продвижение в Месопотамии будет описано позже. Пока же нам следует просто обратить внимание читателей на названия арамейских царств, в составе которых, как правило, присутствует слово *бит(у)* , «дом», следующее за именем предка. Несмотря на очевидное сходство с английским House of Hanover, House of Windsor и т. д., здесь проявился типичный для племени способ выражения характера владения землей: и государство, и «царство» являются территорией вокруг шатра (или дома) вождя и всех его родственников, входивших в семейно-родовую общину.

Ставшие затем купцами, крестьянами, пастухами, солдатами или грабителями, арамеи изначально были дикими кочевниками и ничего не привнесли в цивилизацию Ближнего Востока. Какой бы ни была религия их предков, как явствует из их надписей, а также личных имен, эти люди поклонялись шумеро-аккадским и ханаанским богам, таким как Хадад (Адад), бог шторма, Эл, верховный бог Ханаана, Син, Иштар (которого они называли Аттаром), финикийская богиня Анат (Атта) и т. д. Также они не сумели создать самобытное искусство и следовали традициям стран, в которых они поселялись. Например, правители Дамаска нанимали финикийских скульпторов и резчиков по слоновой кости, а Самаль, которым стали править новые владыки, сохранил все характерные черты новохеттского города. В результате проведения в Телль-Халафе (Гузана) археологических раскопок был обнаружен дворец Капары, арамейского правителя, жившего, вероятно, в начале IX в. до н. э. Это было здание типа *бит хилани* , украшенное ортостатами, сделанными, возможно, более грубо, чем созданные в то же время скульптуры Северной Сирии, и странными, почти вызывающими отвращение статуями, для которых, как установили изучившие их исследователи, переплелись месопотамские, хеттские и хурритские традиции, чего вполне можно ожидать от долины реки Хабур, где одновременно сосуществовали представители всех этих трех культур.

Тем не менее вышло так, что на языке именно этих варваров-арамеев стал говорить весь Ближний Восток. Произошло это отчасти благодаря их численному превосходству, а отчасти из-за того, что вместо трудной клинописи арамеи использовали слегка измененный финикийский алфавит и всюду, куда приходили, они приносили с собой простую и практичную письменность будущего. Уже в VIII в. до н. э. в Ассирии арамейский язык и письменность стали конкурировать с аккадскими, а затем они постепенно распространились по всему Востоку. Около 500 г. до н. э. Ахемениды, искавшие язык, который сумели бы понять все их подданные, выбрали арамейский, ставший *lingua franca* всей их обширной державы. К концу дохристианской эпохи шумерский и даже иврит уже были «мертвыми» языками, аккадский переставал использоваться, а древнегреческий, «привезенный» македонскими завоевателями, применялся только при составлении официальных документов, однако арамейский, на котором говорил сам Иисус, оставался общим языком для всех народов Ближнего Востока и продолжал играть эту роль, не имея себе равных, вплоть до арабского завоевания (VII в. н. э.). Даже арабская письменность, как и все современные и применявшиеся в прошлом алфавитные системы письма Азии, произошла от арамейской скорописи. Более того, в VI в. н. э. в Северной Месопотамии на арамейском языке было написано множество литературных произведений, которые вместе с миссионерами-несторианцами попали даже в Монголию, а сам восточноарамейский (древнесирийский) язык стал богослужебным в нескольких восточных церквях. В некоторых районах Ближнего Востока, например в Северном Ираке, где его используют местные христианские общины, до сих пор говорят на диалектах арамейского языка. Во всем мире лишь немногие языки удостоились такой продолжительной и непрерывной истории.

Теперь пора вернуться к теме этой книги – Ираку. Напомним, что остановились мы на рассказе о конце правления касситских царей, то есть о времени, отстоящем от рождения Христа почти на 12 столетий.

«Темные века» в Месопотамии

Одержав победу над касситами, эламцы не сумели удерживать территорию Вавилонии на протяжении долгого времени. Возможно, причиной их ухода стало то, что им пришлось бросить все свои силы на завоевание обширных территорий на западе Ирана, или то, что они уже предчувствовали опасность, которую представляли буквально дышавшие им в спину мидийцы и персы. Как бы то ни было, эламские гарнизоны ушли из Вавилонии или были вытеснены оттуда, и правители Исины основали IV Вавилонскую династию, которую также называют II династией Исины. Вскоре новые цари были достаточно сильны для того, чтобы вмешиваться во внутренние дела Ассирии, и, когда по завершении блестящего правления Шилхак-Иншушинака Элам оказался в состоянии анархии, царь Вавилона Навуходоносор I²⁴ (ок. 1124–1103 до н. э.) воспользовался этим шансом и напал на него. Первый поход оказался неудачным – «эламцы преследовали (нас), и я бежал перед ними; я сел на ложе плача и стенаний». Однако благодаря предательству Ритти-Мардука, одного из представителей эламской знати, сражавшегося на стороне вавилонян, второй поход оказался более успешным. Рассказ о войне, вырезанный на *кудурру*, подтверждающем привилегии, дарованные Ритти-Мардуку за его помощь, является одним из наиболее поэтичных повествований о военной кампании, написанных в древности: «Из Дера, священного города Ану, он (царь Вавилона) совершил прыжок в 30 двойных лиг. В месяце Таммуза (июле – августе) он отправился в путь. Лезвия пик блестели, подобно огню; камни на пути горели, подобно печам; нет воды (в вади), и колодцы высохли; останавливаются сильнейшие из лошадей и шатаются юные герои. И все же он идет, избранный царь, которого поддерживают боги; он движется вперед, Навуходоносор, не имеющий соперника».

Битва состоялась у реки Улай (Керхе): «По приказу Иштар и Адада, богов битвы, Хутелутуш, царь Элама, бежал и исчез навеки, и царь Навуходоносор одержал победу, захватил Элам и разграбил его сокровища». Однако эта победа не имела долгосрочных результатов. Элам не был захвачен, и преемники Навуходоносора вынуждены были сражаться не за обладание чужими землями, а для того, чтобы защитить собственное царство от нападков своего старинного соперника – ассирийцев.

Несмотря на серьезный династический кризис и временную потерю восточных областей, доставшихся Шилхак-Ин-шушинаку, ассирийцы достигли в XI в. до н. э. процветания. Ашшур-дан I, «доживший до седых волос и достигший преклонного возраста», и Ашшур-реш-иши, оба бывшие современниками первых представителей IV Вавилонской династии, получали дань от суту, держали ахламу на расстоянии, одержали победу в нескольких битвах с вавилонянами и отремонтировали дворец и множество храмов в своей столице. Однако в конце века со всех четырех сторон света начали надвигаться тучи, которые могли бы уничтожить Ассирию, если бы не безграничная энергичность Тиглатпаласара I²⁵ (1115–1077 до н. э.), одного из двух-трех ассирийских правителей, способных поспорить по степени своего величия с Шамши-Ададом. Шедшие с севера 20 000 человек, которых, вероятно, можно отождествить с фригийцами, перебрались через Таврские горы и направились вниз по долине Тигра, двигаясь в сторону Ниневии; на востоке, в горах Загроса, жили враждебно настроенные племена; на западе арамеи, название которых именно тогда впервые стало упоминаться в исторических источниках, рассредоточились по территории, растянувшейся вдоль течения Евфрата, и стали перебираться через него; на юге один из правителей Вавилона захватил Экаллате, благодаря чему граница его государства теперь проходила по Нижнему Забу, располагавшемуся всего в 32 км от Ашшура.

Сначала Тиглатпаласар выступил против мушков и перебил их, а также тех, кто заключил с ними союз. Затем, решив защитить северную границу своих владений, он поднялся «на верхушки очень высоких холмов и вершины крутых гор» страны Наири,

24 Набу-кудурри-уцур, «Набу, защити (моего) старшего сына».

25 Тиглатпаласар – ивритский вариант имени Тукультиапал-Эшарра, «сын Эшарры (т. е. сын Энлиля Нинурта) – моя помощь».

вторгся на территорию Армении и установил свое «изображение» в Малазгирте, расположенном далеко за озером Ван, в то время как одна из его армий подвергала наказанию страны Мусри и Куммани в горах Загроса. Арамеев вынудили снова форсировать Евфрат и оттеснили к их твердыне Джебель-Бишри, находившейся к западу от Дейр-аз-Заура. Однако в Сирийской пустыне появился новый и очень опасный враг. «Двадцать восемь раз, – сообщает царь, – сражался с ахламу-арамеями. (Однажды) я даже пересек Евфрат два раза за год. Я победил их от Тадмара (Пальмиры), который находится в стране Амурру, Аната, который расположен в стране Суху, вплоть до Рапику, который в Кардуниаше (Вавилонии). Я принес их имущество в качестве добычи в свой город Ашшур».

Возможно, именно во время этого похода Тиглатпаласар «завоевал» Сирию и дошел до побережья Финикии, где получил дань от Арвада, Библа и Сидона. Затем он вступил в принесшую ему в итоге победу войну с Вавилоном: «Я выступил против Кардуниаша... Я захватил дворцы Вавилона, принадлежащие Мардуку-надин-аххе, царю Кардуниаша. Я сжег их огнем. Увез имущество его дворца. Во второй раз я выставил линию боевых колесниц против Мардук-надин-аххе, царя Кардуниаша, и я поразил его».

Ассирийский царь не только совершал военные подвиги, но и увлекался охотой, причем на довольно крупную дичь: в Митанни он убил четырех диких быков, «могучих и огромного размера», в Харране и в районе реки Хабур – 10 гигантских слонов, 120 львов он поразил, охотясь пешком, а 800 львов – со своей царской колесницы. Царь даже сумел убить нарвала, «которого они называют морской лошастью», увидев его в воде Средиземного моря, неподалеку от Арвада.

Однако этот славный период закончился, когда Тиглатпаласар пал жертвой убийства. Все усиливавшееся нашествие арамейцев, отчаянные, но неудачные попытки ассирийских царей подавить его, неотвратимый упадок Вавилона, беспрепятственное проникновение сути и арамейцев в Шумер и Аккад, войны с соседями, внутренние междоусобицы, наводнения, голод – таковы весьма прискорбные события, происходившие в Ираке в X и IX вв. до н. э. Эти 166 лет, отделяющие убийство Тиглатпаласара I (1077 до н. э.) от вступления на престол Адад-нирари II, ставшие временем «бедствий и беспорядков», замешательства и трудностей, назвали «темными веками» еще и потому, что в нашем распоряжении почти нет источников, из которых мы могли бы почерпнуть сведения о происходивших тогда событиях.

Черпая информацию из весьма фрагментарных анналов ассирийских царей, мы можем составить общую картину наступления арамейцев на Северную Месопотамию. В правление Ашшур-бел-кала (1074–1057 до н. э.) они все еще находились на правом берегу Евфрата, но через 50 лет пересекли реку и дошли до Хабур. Еще через несколько десятилетий, в правление Тиглатпаласара II (966–935 до н. э.), арамеи уже находились возле Нисибина, на середине пути от реки Хабур к Тигру. Ашшур-дан II (934–912 до н. э.) попытался отбросить их назад и заявил в своих анналах, что добился в этом головокружительного успеха, но, судя по анналам Ададнирари II и его преемников, в начале IX в. до н. э. большое количество арамейцев, очевидно, расселилось по Джазире. На берегах Евфрата и реки Хабур появились арамейские царства (Бит-Адини, Бит-Бахиани, Бит-Хадипе), а гору Тур-Абдин, расположенную к северу от Нисибина, а также берега Тигра заняли многочисленные арамейские племена. Зажатая между кочевниками и горцами, Ассирия страдала от удушья.

В Вавилонии, судя по древним хроникам, сложилась еще более тяжелая ситуация. Третьим преемником Навуходоносора стал Ададапла-иддин (1067–1046 до н. э.), арамей, посаженный на вавилонский трон ассирийцами, возможно тщетно надеявшимися таким образом перенаправить поток арамейцев в Южный Ирак. В его царствование сути разграбили и разрушили храм Шамаша в Сиппаре – одну из величайших святынь Аккада. В период между 1050 и 1000 г. до н. э. в Вавилоне правили семь царей, входивших в три династии. Первую из них (V Вавилонскую династию) основал кассит, родившийся в «Стране моря», вторую (династия бит-бази) – возможно, арамей, а третью – эламец. В правление Набу-мукин-апли (990–955 до н. э.), первого представителя VIII Вавилонской династии, наблюдались все дурные предзнаменования, а «арамеи стали враждебны». Они отрезали столицу от ее

пригородов, вследствие чего на протяжении нескольких лет вавилоняне не могли отпраздновать наступление Нового года, так как для этого им нужно было свободно внести статуи богов в Вавилон, а затем вернуть их, но «Бел (Мардук) не вышел, и Набу не вышел (из Борсиппы в Вавилон)».

О следующих правителях мы не знаем ничего, кроме их имен, но, скорее всего, именно на протяжении этого периода ряд арамейских племен, известных нам по ассирийским надписям (литау, пукуду, гамбулу), поселился на территории между нижним течением Тигра и границей Элама, а в Шумер вторглись калду (халдеи). Тогда никто не мог даже представить себе, что через 300 лет именно благодаря калду в Вавилоне появится Навуходоносор II, один из величайших его правителей. Однако Ассирийская держава в течение этого короткого промежутка времени успела сформироваться, достигнуть апогея своего развития и погибнуть.

Глава 18

Возвышение Ассирии

Ближе к концу X в. до н. э. Ассирия переживала далеко не самые лучшие времена. От полного исчезновения ее спасло отсутствие единства среди ее врагов, но тем не менее она стояла на пороге катастрофы. Это государство потеряло все свои владения к западу от Тигра, а его жизненно важные артерии – торговые пути, которые шли через Джазиру и горные перевалы, – находились в руках чужеземцев. Враждебно настроенные горцы занимали не только горы Загроса, но и их предгорья вплоть до края долины Тигра, в то время как кочевники-арамеи устанавливали свои палатки чуть ли не у ворот Ашшура.

Территория Ассирии сократилась до узкой полоски земли длиной всего несколько сотен километров и шириной около 80 км, протянувшейся вдоль реки и расположенной по большей части на ее левом берегу. Несмотря на это уменьшение территории и тот факт, что она оказалась загнанной в угол и брошенной на произвол судьбы, Ассирия оставалась довольно сильным, крепким и жестким государством. Ее основные города сохранили свободу, у нее были колесницы, лошади и оружие. Ее мужчины, получившие прекрасную подготовку за годы постоянных сражений, стали лучшими в мире воинами. Кроме того, династия ассирийских правителей не прерывалась, и царская корона на протяжении более чем 200 лет переходила от одного члена семьи к другому. Похвастаться этим не могло ни одно из государств на разобленном Ближнем Востоке, где царил полный беспорядок: часть территории Вавилонии, частично занятой арамеями, лежала в руинах; Египет, в котором правили ливийские цари, был разобщен и почти бессилен; недавно появившиеся в Анатолии фригийцы, а в Иране – мидяне и персы жили далеко и еще казались относительно безвредными; в Армении пока еще не сформировалось окончательно Урарту – царство, которое в будущем станет сильным соперником Ассирии. Несмотря на внешнюю слабость, Ассирия была сильнейшим из всех этих государств. Возможно, многие думали, что если бы она смогла собраться с силами и отвоевать свои прежние владения, то стала бы непобедимой.

Создание державы

Ассирия собралась с силами в 911 г. до н. э. Ададанирари II (911–891 до н. э.), царя, взошедшего в этом году на престол, вряд ли можно назвать широко известным, и его имя, в отличие от принадлежавшего Саргону или Ашшурнабину, не будоражило умы потомков. Однако именно он ослабил хватку врагов Ассирии и, сам того не зная, открыл последнюю, самую блестящую главу истории своего царства. Война, которую он вел и в которой одержал победу, по его собственному мнению, носила освободительный характер. Арамеи изгнали из долины Тигра и вытеснили из гор Кашиари (Тур-Абдин, холмистый вулканический массив, лежащий к востоку от Мардина), так как, находясь там, они представляли угрозу для Ниневии. Были восстановлены города, расположенные в Восточной Джазире и «оторванные

от Ашшура». Их стены либо разобрали, либо укрепили для того, чтобы они могли противостоять будущим нападениям. Затем ассирийский царь предпринял походы в Курдистан, жители которого были «зарублены горами» и оттеснены к горам. Наконец, Ададнирари дважды напал на Вавилон, которым тогда правил Шамаш-мудаммик, представитель VIII Вавилонской династии. Вавилонский царь дважды потерпел поражение, вследствие чего потерял обширную территорию к северу от реки Диялы.

Тукульти-Нинурта II (890–884 до н. э.), очевидно бывший не менее энергичным, чем его отец, не прожил достаточно долго для того, чтобы значительно расширить ассирийские владения. Однако он успел перестроить стены Ашшура, «от основания до верха», а поход, предпринятый им в юго-восточные области, снова присоединенные к территории Ассирии Ададом-нирари, заставил живших там арамеев уважать его. После его смерти в состав Ассирии вошел весь Северный Ирак от реки Хабур до гор Загроса и от Нусайбина, возможно, до Тикрита или даже Самарры. Сын Тукульти-Нинурты II, юный Ашшурнацирапал II, унаследовал это царство, уже успевшее стать обширным и могущественным, и сделал первые шаги к его превращению в то, что мы называем державой.

Будет ошибкой полагать, будто Ассирийская держава как нечто спланированное и организованное создавалась путем постепенного присоединения к ее территории, первоначальному «ядру», одной области за другой. Ассирийские цари, год за годом устраивавшие военные походы, в итоге приведшие к завоеванию большей части Ближнего Востока, которые являются основной темой их анналов и заставляют нас забывать о других их достижениях, преследовали три разные, хотя и тесно связанные друг с другом цели. Как было сказано выше, по большому счету эти войны являлись оборонительными, точнее, превентивными, направленными на защиту «страны бога Ашшура» от ее враждебно настроенных соседей.

Кроме того, так как победа обозначала захват людей и добычи, а поверженную страну можно было заставить постоянно платить дань, эти войны вполне справедливо можно назвать захватническими. Ассирийцы не брезговали набегами. Помимо всего прочего, им были нужны обширные «охотничьи угодья» – область, в которую они могли бы беспрепятственно совершать походы, не встречая при этом ожесточенного сопротивления. До тех пор пока соседние страны можно было грабить или требовать с них выкуп за свободу, захватывать их и управлять ими не было необходимости.

У всех этих походов также имелся религиозный, почти моральный подтекст. По мнению месопотамских философов, небесная иерархия отражалась в земной, а так как бог Ашшур превосходил всех остальных богов, его наместник, царь Ассирии, должен был господствовать над всеми земными правителями. Достичь этого, как правило, можно было только с помощью силы. Таким образом, действия, которые нам кажутся массовыми убийствами и грабежами, имели под собой религиозную основу. Враги царя были противниками бога, «злыми демонами», заслуживавшими наказания.

Таким образом, каждый ассирийский поход был отчасти оборонительным, отчасти грабительским и отчасти «крестовым». Привезенная с собой добыча и дань, полученная с других стран, являлись источниками дохода и способами ослабить возможных агрессоров, а также знаками преданности верховному божеству Ассирии.

Почти каждый год, как правило весной, ассирийский царь собирал свои войска «под началом Ашшура» и вел их по пыльным дорогам Месопотамской низменности либо по опасным тропам в Таврских горах или Загросе. Первоначально в этих регионах ему противостояли лишь местные вожди племен или малозначимые царьки. Некоторые из них сражались храбро, но редко успешно; другие бежали в пустыню или прятались на труднодоступных горных кручах; третьи «обнимали ноги» ассирийского полководца, приносили ему подарки, обещали регулярно платить дань, и были прощены. Но горе тем, кто нарушал свои обещания! Против них устраивали карательные походы, и над их странами пролетала настоящая буря: восставших пытали, население вырезали или порабощали, города и деревни предавали огню, урожай сжигали, а деревья выкорчевывали. Охваченные ужасом,

соседние вожди торопились преподнести ассирийскому царю подарки и поклясться ему в верности. Затем, выполнив свой долг, войско, нагруженное добычей, тащившее за собой пленников, а также крупный и мелкий рогатый скот, возвращалось домой и расходилось. Для того чтобы читатель мог составить представление о том, что ассирийцы получали в результате этих походов, приведем список добычи, которую Ашшурнацирапал привез из одной небольшой горной местности, расположенной на севере:

- 40 колесниц со снаряжением для людей и лошадей;
- 460 лошадей;
- 2 таланта серебра, 2 таланта золота;
- 100 талантов свинца, 100 талантов меди;
- 300 талантов железа;
- 1000 медных сосудов;
- 2000 медных мисок;
- чаши и котлы из меди;
- 1000 ярко раскрашенных одеяний из шерсти и льна;
- таблички из дерева *ша* и «ложа из слоновой кости, покрытые золотом» из дворца правителя;
- 2000 голов скота;
- 5000 овец, —

не считая сестер правителя, «дочерей его сановников с их богатым приданым» и его 15 000 подданных-ахламу (арамеев), «уведенных и приведенных в Ассирию». Местный правитель был убит, а его преемника обязали ежегодно платить дань, состоявшую из 1000 овец, 2000 *гуров* зерна, двух мин золота и 13 мин серебра. Во время того же похода Ашшурнацирапал получил подарки и дань не меньше чем в пяти странах и девяти крупных городах.

Со временем «охотничьи угодья» ассирийцев все больше расширялись. За небольшими государствами и непосредственными соседями Ассирии лежали более крупные и могущественные царства: Урарту в Армении, Мидийское царство в Иране, а также Элам и Египет. Грабительские набеги превратились в завоевательные войны. Ассирия стала сильнее, но и ее новые враги были крупнее и опаснее. Увеличившиеся расстояния осложнили сбор дани и подавление восстаний. В большинстве случаев возникала необходимость заменять местных правителей и их придворных ассирийскими наместниками и чиновниками и превращать эти отдаленные регионы в провинции, преобладавшие в самой Ассирии на протяжении многих лет. Таким образом создавалась держава с ее огромным, сложным и прекрасно организованным административным аппаратом. Однако ассирийцы не забывали, какие цели они преследовали изначально, и именно сбор податей стал основной задачей ассирийских властей.

Несомненно, что арамейским купцам и финикийским морякам были крайне выгодны легкость и безопасность торговых путей, проходивших по этой обширной территории, а также все возрастающая потребность обитателей ассирийских дворцов в предметах роскоши. Вполне вероятно, что некоторые из наиболее отдаленных областей сумели приобщиться к цивилизации. Однако в нашем распоряжении нет свидетельств того, что завоеватели стремились распространять свою высокоразвитую культуру за пределами самой Ассирии, которая теперь занимала всю степь между Евфратом и Тигром, заботились о развитии хозяйства наиболее отдаленных областей и зависимых от них государств, а также хотя бы косвенно улучшали благосостояние их населения. Тот факт, что эта тема ни разу не поднималась в царской переписке, обнаруженной в Ниневии и Нимруде, почти полное отсутствие ассирийских письменных памятников в Сирии, Палестине, Армении и Иране, то, что слой ассирийского периода на территории изученных археологами городищ в этих регионах крайне нерепрезентативен, частые упоминания в царских анналах добычи, резни и

разрушений, какими бы преувеличенными они ни были бы, – все это свидетельствует об обеднении или по меньшей мере стагнации. Людей, лошадей, крупный рогатый скот и овец, тысячами привозившихся в Ассирию, огромные ежегодные подати серебром, золотом, медью, железом, зерном и другими продуктами, с большим тщанием вносившимися в перечни дворцовыми писцами, как правило, не покупали, а получали благодаря применению силы. Богатство всегда перемещалось от периферии в центр, от зависимых государств и «подопечных» территорий в Месопотамию. Ассирийцы много брали, а отдавали очень мало, из-за чего держава была богата, а ее жившие в отдалении подданные – бедны и склонны к восстаниям. Внутри самой системы, на которой была основана держава, были заложены истоки ее разрушения.

Ашшурнацирапал

Сын Тукульти-Нинурты стал первым выдающимся ассирийским правителем нового периода. Амбициозный, энергичный, смелый, тщеславный, жестокий, блестящий Ашшурнацирапал²⁶ (884–859 до н. э.) обладал всеми достоинствами и недостатками своих преемников – безжалостных, неумолимых создателей державы. Взглянув на его статую, обнаруженную в Нимруде и в настоящее время хранящуюся в Британском музее, мы не увидим ни улыбки, ни благочестия. В ней нет почти ничего человеческого, только непреклонность тщеславного деспота, нос с горбинкой, который подошел бы хищной птице, прямой взгляд владыки, требующего абсолютного послушания. В руках при этом он держит булаву и копье.

Едва взойдя на престол, Ашшурнацирапал без всякого предлога отправился в поход на холмистые районы, расположенные к северу от Месопотамии. Он добрался до страны Кутмуху, которая находилась в долине в верхнем течении Тигра. Там он получил дань от нескольких местных правителей и подарки от мушков, то есть фригийцев, у которых были аванпосты на южных склонах Таврских гор. Находясь там, царь получил известие о восстании одного из зависимых арамейских городов в нижнем течении реки Хабур и тотчас же отправился наказывать мятежников, хотя для этого нужно было пройти расстояние по меньшей мере в 300 км, причем в самый разгар лета: «К городу Суру, что в Бит-Халупе, я приблизился, и ужас перед величием Ашшура, моего господина, охватил их. Правитель и старейшины города, чтобы спасти свою жизнь, пришли ко мне и обняли ступни моих ног, говоря: «Если тебе это доставит удовольствие, убей! Если это доставит тебе удовольствие, помилуй нас! Делай, как пожелает твое сердце». С отвагой в моем сердце и с яростью моего оружия я обрушился на город. Всех мятежников они схватили и выдали мне».

Последующие походы, которые Ашшурнацирапал устраивал во время своего правления, были нацелены против других мятежников, живших в горах Кашиари, в стране Замуа (местность вокруг современной Сулеймании) и в среднем течении Евфрата.

Затем, когда внутри царства воцарился мир, правитель сделал первый шаг к тому, чтобы добраться до Сирии и Средиземного моря, достичь цели, которая некогда была поставлена Шамши-Ададом I и которой не мог пренебречь ни один уважающий себя ассирийский правитель. За реками Хабур и Балих, в излучине Евфрата, лежало арамейское царство Бит-Адини. Ашшурнацирапал вторгся на его территорию и «с помощью подкопов, стенобитных орудий и осадных машин» захватил Капраби (возможно, Урфу), город, который был «чрезвычайно крепким и нависал, подобно облаку». Ахуни, правитель Бит-Адини, принес ассирийцам дань и оставил заложников. Таким образом они расчистили себе путь для масштабного похода в Сирию, который царь предпринял в следующем году (877 до н. э.). Эта кампания очень подробно описывается в анналах, и мы шаг за шагом можем проследить передвижение царя и его войска, их ежедневные переходы от Каркемиша до равнины в районе Антиохии, через Оронт и, наконец, «вдоль склонов Ливанских гор к Великому морю в

26 Имя Ашшур-нацирапал дословно можно перевести как «Бог Ашшур – защитник наследника».

страну амурру». Ашшурнацирапал повторил подвиг своих предков: «Я омыл свое оружие в глубоком море и принес овец в жертву богам. Дань с морского побережья – с жителей Тира, Сидона, Библа, Махаллаты, Маицы, Кайцы, Амурру и Арвада, представляющего собой (остров) в море: золото, серебро, олово, медь, медные короба, льняные одеяния с разноцветными вышивками, больших и малых обезьян, эбеновое дерево, самшит, кость моржовых бивней, созданную морем. Вот дань, которую я получил, и они обнимали ступни моих ног».

Домой ассирийцы вернулись, пройдя через горы Аманос, где срубили деревья и отправили их в Ашшур, а также установили царскую стелу. Застигнутые врасплох правители хеттских царств и Северной Сирии не оказали сопротивления. Что бы ни заявлял ассирийский царь, этот победный поход был не завоеванием, а всего лишь очередным набегом, первой со времен Тиглатпаласара I, жившего за 200 лет до этого, кампанией, в ходе которой ассирийцы так далеко ушли от дома. Даже в Месопотамии Ашшурнацирапал присоединил к своему государству незначительные территории, и основным итогом его царствования стало то, что он освободил путь для царей, которые станут править в будущем. Были построены крепости, такие как Тушхан в верхнем течении Тигра, Кар-Ашшурнацирапал и Нибарти-Ашшур в среднем течении Евфрата, в которых затем разместили гарнизоны. Ассирия укрепила свои позиции в Северном Ираке, ее ближайшие соседи, жившие в полукруге гор, оказались в зависимости от нее. Все население Ближнего Востока осознало, что ассирийцы снова встали на ноги, и дрожало от страха.

У этих людей были все основания для опасений, ибо во всем регионе знали о чрезмерной жестокости Ашшурнацирапала. В те времена люди не были знакомы с представлениями о необходимости проявления гуманности во время войн, и нескольких ярких примеров: красочных описаний или изображений, сделанных в различных местностях, – было, несомненно, достаточно для того, чтобы вызвать к ассирийскому царю уважение и заставить подчиняться ему. Все завоеватели древности, не исключая ассирийцев, прибегали к политике террора. Однако Ашшурнацирапал превзошел всех их. Мучительной смерти предавали (и свеживали, и «в кожу их одевали городские стены») не только мятежных и непокорных правителей, но и безоружных пленников, ни в чем не повинных мирных жителей, мужчин, женщин и детей, которых пытали с садистской изобретательностью: «Я поставил столб напротив городских ворот, и я содрал кожу со всех восставших вождей, и я обмотал столб их кожей. Некоторых я вмуровал в столб, других я нанизал над столбом на колья, третьих я привязал к кольям вокруг столба... И я отрубил конечности военачальников, царских военачальников, которые восстали...

Многих людей живыми я захватил в руки – одним я отрубил кисти или пальцы, другим отрубил носы, уши и пальцы (?) их, многим людям ослепил глаза. Я сложил одну башню из живых людей, другую – из голов и привязал к столбам их головы вокруг их города. Их юношей и девушек я сжег в огне...

Двадцать человек я захватил живыми, и я вмуровал их в стены его дворца...

Остальных их воинов я заморил от жажды в пустыне Евфрата»²⁷.

О чем-то подобном говорится во множестве царских надписей. Сложно сказать, что шокирует больше: сами зверства или их описание устами главного палача, подробное, методичное и полное самодовольства.

Правда, справедливости ради следует добавить, что Ашшурнацирапал совершал и гораздо более достойные деяния. Свою жажду крови он отчасти удовлетворял на охоте, во время которой проявлял смелость, увековеченную его скульпторами. Царь питал пристрастие к ботанике и зоологии и привозил «из стран, где он путешествовал и преодолевал горы» различных животных, растения и семена, чтобы впоследствии приспособить их к климату Ассирии. Кроме того, ассирийский царь, как и все выдающиеся правители Месопотамии, питал страсть к строительству. Не пренебрегая традиционным восстановлением храмов в

27 Перевод этого абзаца по кн.: *Я открою тебе сокровенное слово...* (Примеч. пер.)

Ашшуре и Ниневии, еще в самом начале своего царствования Ашшурнацирапал решил построить за пределами старой столицы новую царскую резиденцию. Мы не знаем, что стало причиной этого замысла: вторжение арамеев, доказавшее, что расположение Ашшура, находившегося на правом берегу Тигра, оказалось не самым удачным, так как он был уязвим для врагов, нападавших с запада, или царем двигала одна лишь гордость. В пользу соображений безопасности говорит тот факт, что Ашшурнацирапал выбрал превосходное со стратегической точки зрения место для новой столицы Кальху (библейский Калах, современный Нимруд, в 35 км к югу от Мосула). На западе ее защищал Тигр, а на юге – Большой Заб, текущий чуть в отдалении. В XIII в. до н. э. там основал город Салманасар I, но ко времени правления Ашшурнацирапала он уже успел превратиться в руины.

К работе были привлечены тысячи людей. Они выровняли холм («телль»), возвели массивную стену с башнями, окружавшую прямоугольник, имевший около 8 км в периметре, а отчасти естественный, отчасти искусственный холм, расположенный в углу этой зоны, стал акрополем, где были сооружены зиккурат, несколько храмов и царский дворец: «Дворец из кедра, кипариса, можжевельного дерева, самшита, фисташкового дерева и тамариска для моего царского обиталища и моего удовольствия на все времена я построил там. Зверей гор и морей из белого известняка и алебаstra я изготовил и установил их у ворот... Дверные полотна из кедра, кипариса, можжевельника и тутового дерева я повесил в воротах, и серебро, золото, свинец, медь и железо, добычу моих рук из земель, которые я покорил, в огромных количествах я взял и поместил туда».

От Заба был отведен канал, названный *Паттихегалли* («Поток изобилия»), при рытье которого преследовались две цели: во-первых, он позволял создать дополнительную защиту для города, а во-вторых, с его помощью была обводнена окружавшая его равнина. В новой столице, божественным покровителем которой, что весьма примечательно, стал бог войны Нинурта, поселили пленников, привезенных из покоренных земель.

Дворец Ашшурнацирапала в Нимруде стал одним из первых месопотамских памятников, изученных археологами. В его центральной части в период между 1845 и 1851 гг. работал Лэйярд, который, вызвав ужас и удивление у своих рабочих, обнаружил несколько огромных изваяний крылатых быков, львов, духов, а также плит, покрытых рельефами и надписями. Некоторые из этих сокровищ были отправлены в Англию и в настоящее время являются одними из лучших экспонатов Британского музея. Другие скульптуры, слишком тяжелые для того, чтобы их вывезти, были закопаны заново. Их более чем через столетие снова обнаружили другие английские археологи. Начиная с 1949 г. раскопки на территории всего сооружения велись экспедицией Британской школы археологии в Ираке во главе с профессором Маллоуэном, каждый год сообщавшей о сенсационных находках.

Археологами был воссоздан план дворца, занимавшего площадь примерно 2,5 га и разделенного на три части: административную (ряд помещений вокруг большого двора), церемониальную с просторным залом для приемов и тронным залом и, наконец, жилое крыло, в которое входили царские апартаменты, гарем, кладовые, помещение для омовений и т. д. По обеим сторонам от главных ворот церемониальных помещений были установлены огромные *ламассу*, духи-защитники. Стены из кирпича-сырца были украшены росписями и ортостатами, покрытыми рельефами и надписями, а полы выложены обожженными кирпичами с царским клеймом. Интересной чертой жилого крыла является наличие системы «кондиционирования», состоящей из широких воздуховодов, вырезанных в стенах, благодаря которым внутрь помещения поступал свежий воздух.

Дверные полотна из ценных пород дерева сгорели во время пожара, уничтожившего Нимруд, как и другие ассирийские города, в 612 г. до н. э. Но некоторые артефакты, в частности чудесные резные панели из слоновой кости, зачастую покрытые золотом, некогда украшавшие царский интерьер, сохранились. Также археологами были найдены оружие и орудия труда из бронзы и железа, глиняные сосуды и множество табличек.

Дворец Ашшурнацирапала является одним из лучше всего сохранившихся обиталищ

ассирийских царей. Посетитель, проходящий по этому лабиринту помещений и дворов, по узким коридорам, украшенным огромными плитами, внезапно в слабо освещенном проходе столкнувшись с ужасными чудовищами, вырезанными из камня, может прекрасно представить себе, какие чувства охватывали тех, кто входил во дворец, чтобы предстать перед «великолепным пастырем, что не боится битвы».

Помимо всего прочего, во дворце была найдена огромная стела с изображением царя и длинной надписью, в которой говорится о торжествах, проводившихся в 879 г. до н. э. в честь завершения строительства. Ашшурнацирапал пригласил всех жителей города, а также иноземных послов (всего не менее 69 574 гостей) на обильный пир, продлившийся 10 дней, подробное меню которого приведено в тексте. Последнее предложение заставляет читателя забыть о других, отвратительных качествах этого правителя: «Счастливых людей из всех стран вместе с жителями Кальху я угощал, поил, купал, умащал и читил на протяжении 10 дней и отослал их назад в их страны в мире и радости».

Салманасар III

Сын Ашшурнацирапала Салманасар III²⁸ (858–824 до н. э.) все свое время проводил на поле боя и начинал свои походы из Ниневии или других центров провинций, из-за чего в Кальху он жил, очевидно, только в последние годы своего царствования. Однако наиболее известные памятники, связанные с именем этого царя, происходят именно из данного города и его окрестностей. Одним из них является так называемый черный обелиск, найденный Лэйярдом в храме Нинурты более столетия назад и в настоящее время хранящийся в Британском музее. Этот почти двухметровый базальтовый блок завершается ступенями, что превращает его в зиккурат в миниатюре. Вокруг него идет длинная надпись, рассказывающая о победах царя, а его грани разделены на пять частей, в каждой из которых помещены барельефные изображения – представители различных стран, включая Израиль, царь которого Иегу изображен простершимся у ног ассирийского правителя, приносят ему дань.

В результате раскопок, проводившихся в Нимруде, была найдена статуя царя в молитвенной позе. В углу городской стены было обнаружено огромное здание, построенное Салманасаром и использовавшееся его преемниками вплоть до падения державы. Это сооружение, получившее от археологов название «Крепость Салманасара», на самом деле являлось его дворцом, а также служило *экаль машартти* , «великим хранилищем», построенным «для снабжения лагеря, хранения коней, колесниц, оружия, военного снаряжения и добычи от врагов всякого рода». В трех обширных дворах перед ежегодными походами собирали и снаряжали войска, а также проводили их смотр, а окружавшие их помещения использовались в качестве арсеналов, хранилищ, конюшен и жилищ для командного состава.

Последним примечательным артефактом стали так называемые бронзовые врата Балавата. Они были обнаружены в 1878 г. помощником Лэйярда Рассамом не в Нимруде, а в Балавате (древний Эимгур-Эллиль), представляющем собой небольшой тель в нескольких километрах к северо-востоку от этого города. Там Ашшурнацирапал построил загородный дворец, в котором позже жил Салманасар. Главные ворота этого дворца были украшены длинными полосками бронзы шириной около 25 см со штампованными барельефными изображениями некоторых из походов Салманасара, при этом каждое из них сопровождается коротким описанием.

Все эти памятники не только обладают художественной и архитектурной ценностью, но и являются превосходными источниками информации об ассирийском военном деле в IX в. до н. э.

По количеству и размаху военных походов Салманасар превзошел отца. Войне он посвятил 21 год из 35 лет своего правления. Ассирийские солдаты дошли до тех мест, где

28 Шульману-ашаред, «Бог Шульману – предводитель».

прежде они никогда не бывали, – они видели Армению, Киликию, Палестину, оказались в самом сердце гор Тавра и Загроса, а также на берегах Персидского залива. Они разоряли новые земли, осаждали новые города, пробовали свои силы в борьбе с новыми врагами. Однако из-за того, что эти противники оказались гораздо сильнее арамейцев Джазиры и немногочисленных племен из Иракского Курдистана, победы Салманасара омрачались поражениями, и после анализа всего его правления остается ощущение незавершенности, появляются мысли, что приложенные им огромные усилия привели к совсем незначительным результатам. К примеру, на севере Салманасар дошел до «моря Наири» (озера Ван) и проник на территорию Урарту, царства, недавно появившегося в высоких горах Армении. Как обычно, ассирийский правитель заявляет, что достиг полного успеха, и описывает разграбление нескольких городов, принадлежавших царю Урарту Араме. Но в то же время он признается, что сам Арама сбежал, и нам известно, что через 100 лет Урарту станет сильным соперником Ассирии. Аналогичная ситуация складывалась на востоке: в результате серии походов, предпринятых Салманасаром ближе к концу правления, сам царь или его военачальник *туртан* Дайян-Ашшур столкнулся с мидийцами и персами, жившими тогда в районе озера Урмия. Последовало непродолжительное столкновение, приведшее к неоднозначному результату: мидийцы и персы сохранили свободу и стали укреплять свои позиции в Иране.

Постоянные попытки Салманасара завоевать Сирию также окончились неудачей. У правителей хеттских царств и арамейских царей, которых Ашшурнацирапал застал врасплох, было достаточно времени, чтобы собраться с силами, и нападения ассирийцев привели лишь к тому, что враги заключили против них союз. Для того чтобы уничтожить царство Бит-Адини и создать плацдарм на Евфрате, потребовались три похода. В 856 г. до н. э. был захвачен Тиль-Барсип (современный Телль-Ахмар), столица Бит-Адини. Город заселили ассирийцами и переименовали в «Кар-Шульману-ашаред», «Пристань Салманасара». На вершине холма, возвышающегося над Евфратом, был построен дворец, из которого ассирийские войска отправлялись в походы на запад. Однако, куда бы ни направлялись ассирийцы – в Киликию через Аманос или к Дамаску через Алеппо, они неизбежно сталкивались с союзами местных правителей. Так, когда в 853 г. до н. э. Салманасар вышел на равнины Центральной Сирии, его противники: царь Хамата Ирхулин и правитель Дамаска Хададэзер (библейский Бен-Адад II) – встретили его во главе войска, собранного «двенадцатью царями морского побережья». Они выставили против захватчиков 62 900 пеших солдат, 1900 всадников, 3900 колесниц и 1000 верблюдов, присланных «Гиндибу из Аравии». Сражение произошло при Каркаре, расположенном на берегу Оронта, недалеко от Хамата. Салманасар так описывает его: «14 тысяч их воинов я поразили оружием. Я, подобно Ададу, излил на них ливень... Долина была слишком мала, чтобы вместить все их падающие тела, обширные окрестности использовались, чтобы похоронить их. Их телами я перегородил Оронт, будто мостом». Однако царь не смог взять ни Хамат, ни Дамаск, и поход закончился весьма прозаично – небольшим путешествием по Средиземному морю.

Через четыре, пять и восемь лет были организованы новые походы против Хамата, приведшие к тому же результату. Было захвачено, разграблено и сожжено множество деревень и небольших поселений, но основные города остались нетронутыми. В 841 г. до н. э. Дамаск снова подвергся нападению. Ассирийцам повезло: Хадад-эзера убили, а его место занял Газаил (Азаил), «ничей сын». Новый правитель потерпел поражение в битве у горы Сенир (Ермон), но успел скрыться в столице. Салманасару оставалось лишь разорить фруктовые сады, росшие, как и в наше время, вокруг Дамаска, и разграбить богатую долину Хауран. Затем он направился в сторону побережья, и на горе Кармель получил дань от Тира, Сидона и царя Израиля *Иауа мар Хурми* (Иеху, сына Омри²⁹), первого библейского персонажа, имя которого встречается в клинописных источниках. Предприняв последнюю попытку захватить Дамаск, ассирийский царь признал свое поражение и до конца правления

29 Он же Ахав, сын Амврия. (Примеч. пер.)

не вмешивался в жизнь обитателей Сирии.

В Вавилонии Салманасару везло больше, хотя и там ему не удалось закрепить успех и воспользоваться подвернувшейся ему возможностью. Слишком слабые, чтобы самим атаковать ассирийцев, и чересчур сильные, чтобы стать жертвами их нападения, представители VIII Вавилонской династии сумели сохранить свободу. Даже Ашшурнацирапал пощадил расположенное на юге государство, дав своему современнику Набу-апла-иддину (885–852 до н. э.) возможность частично устранить последствия вреда, нанесенного царству арамеями и сугтиями «во время смятения».

Однако в 851 г. до н. э. между царем Мардук-закир-шуми и его братом, которого поддерживали арамеи, начался конфликт. На помощь были призваны ассирийцы. Салманасар нанес мятежникам поражение, вошел в Вавилон, «связь между небом и землей, обиталище жизни», принес жертвы в Эсагиле, храме Мардука, а также в святилищах Кутху и Борсиппы и обращался с жителями этой священной земли очень обходительно: «Для жителей Вавилона и Борсиппы, свободных людей великих богов, он приготовил пир, он дал им еду и вино, он одел их в ярко раскрашенные наряды и одарил их».

Затем, пройдя дальше на юг в древнюю землю Шумера, которая в те времена была занята халдеями (*кальду*), Салманасар захватил ее и отогнал врагов Вавилона «к берегам моря, которое они называют Горькой рекой (*нар маррату*)», то есть Персидского залива. Однако все это предприятие было лишь обычным рейдом. Мардук-закир-шуми принес ассирийскому царю клятву верности, но сохранил свой престол. Казалось бы, объединить Месопотамию под властью Ассирии несложно. Но по какой-то неизвестной нам причине (возможно, потому, что он был слишком занят походами на запад и на север) Салманасар довольствовался номинальным признанием зависимости Вавилона. Ассирия получила лишь небольшую территорию и пару городов, расположенных на ее южной границе. Теперь на юге ее граница пролегла по Дияле, на западе – по Евфрату, а на севере и востоке – вдоль горных хребтов. Ассирия оставалась государством, расположенным на севере Междуречья, и державу пришлось создавать будущим поколениям ее правителей.

Конец длинного правления Салманасара был омрачен серьезными беспорядками внутри страны. Восстал Ашшур-данинапу, один из его сыновей, и его поддержали 27 городов, включая Ашшур, Ниневию, Эрбиль и Аррапху (Киркук). Старый царь, к тому времени уже не покидавший дворец в Нимруде, повелел другому своему сыну, Шамши-Ададу, подавить этот мятеж, и на протяжении четырех лет Ашшур раздирала междоусобная война. Она не завершилась и тогда, когда умер Салманасар, а на трон вззошел Шамши-Адад V (284 до н. э.). С этого момента в Ассирии начался период застоя, продолжавшийся на протяжении почти столетия.

Глава 19

Ассирийская держава

Мятеж 827 г. до н. э. был не обычным династическим кризисом, а восстанием местной земледельческой знати и свободных жителей Ашшура против крупнейших вельмож: богатых и высокомерных наместников провинций, которым Ашшурнацирапал и его преемники доверили завоеванные земли, а также высших придворных сановников, таких как туртан Дайян-Ашшур, в последние годы правления Салманасара получивших власть, многократно превосходившую их реальные должностные полномочия. Восставшие хотели, чтобы на трон сел царь, в действительности способный править, а также более справедливого распределения власти между его подданными. Они во главе с самим наследником престола боролись за благое дело, но полная перестройка административного аппарата на этом этапе пошатнула бы устои пока еще не очень крепкого государства.

Салманасар решил, что восстание нужно подавить. Лучше всех сделать это, по его мнению, мог его энергичный младший сын. Шамши-Адад V потратил пять лет на покорение 27 городов, где его старший брат «творил бунт, восстание и вредоносные заговоры», а на

протяжении остальной части царствования (823–811 до н. э.) он занимался укреплением своей власти в Вавилонии и над зависимыми правителями, жившими в гористых районах на севере и востоке, решившими воспользоваться междоусобицами, чтобы избавиться от влияния ассирийцев и перестать выплачивать им дань.

В конце концов мир и порядок были восстановлены, но ни в центральном, ни в провинциальном административных аппаратах заметные перемены не произошли, и чувство неудовлетворенности сохранилось, приводя в последующие годы к разным по масштабу вспышкам насилия. Эта постоянная нестабильность, влиявшая на государственный аппарат, в сочетании с другими факторами, такими как молодость и бесхребетность некоторых преемников Шамши-Адада, а также все возраставшее влияние на Ближнем Востоке соперника Ассирии – царства Урарту привели к временному ослаблению позиций Ассирии в первой половине VIII в. до н. э.

Упадок Ассирии

Сын Шамши-Адада V Ададнирари III (810–783 до н. э.) был слишком юн, когда умер его отец, и на протяжении пяти лет Ассирией управляла мать молодого царя Шаммурамат, легендарная Семирамида. На первый взгляд наиболее сложным является вопрос о том, каким образом эта царица, о правлении которой почти ничего не говорится в ассирийских письменных источниках, получила репутацию «самой красивой, жестокой, могущественной и сладострастной из цариц Востока». Объяснить данный факт можно тем, что Геродот, создавший легенду о Семирамиде в IV в. до н. э., получал сведения от вавилонских жрецов. Если Шаммурамат была родом из Вавилона, то она, вероятно, многое делала для распространения на своей новой родине вавилонских религиозных представлений и обрядов, внесла значительный вклад в «вавилонизацию» Ассирии (особенно в сфере культуры), которая является одной из наиболее характерных черт данного периода. Вавилонские жрецы, естественно, гордились царицей, и можно предположить, что все рассказы о ней были сильно приукрашены. Остальную картину дополнило воображение доверчивого путешественника, впечатленного рассказом об этой необычной женщине, а более поздние античные авторы внесли свой вклад в описание личных качеств, достоинств и недостатков Семирамиды. Постепенно ей стали приписываться такие необычайные подвиги, как строительство Вавилона и завоевание Египта и Индии, все деяния и качества царей, правивших до и после нее, и со временем ее имя стало символом прежнего величия Месопотамии. По иронии судьбы, память о мужественных создателях Ассирийской державы дошла до потомков в виде рассказа о женщине.

Как только Ададнирари вырос и стал выполнять обязанности царя самостоятельно, он проявил себя как одаренный и предприимчивый правитель. В первом же году своего царствования он вторгся в Сирию и заставил правителей хеттских царств, финикийцев, филистимлян, израильтян и обитателей Идумеи платить ему дань. Молодой царь вошел в Дамаск, добившись таким образом успеха там, где потерпел неудачу его дед, и получил от Бен-Адада III «его имущество и его товары в неисчислимых количествах». Таким же образом мидийцы и персы, жившие в Иране, как выпендрено говорится в его надписях, «пали к его ногам», в то время как «цари Кальду, все они» находились в зависимости от него. Однако Ададнирари также устраивал лишь походы и не пытался никого завоевывать. Хаотичные действия этого истинного потомка Салманасара III не принесли плодов, и его преждевременная смерть ознаменовала начало периода, на протяжении которого Ассирия находилась в упадке.

У Ададнирари было трое сыновей, правивших один за другим. Мы почти ничего не знаем о первом из них, Салманасаре IV (782–772 до н. э.), однако, судя по тому, что его главнокомандующий Шашмиилу в надписи, найденной в Тиль-Барсипе (Телль-Ахмар), хвастается своими победами над Урарту, при этом даже не упоминая имени царя, своего господина (данный факт является беспрецедентным для истории Ассирии), данный

правитель обладал лишь ограниченной властью. Правление второго сына, Ашшур-дана III (771–754 до н. э.), было ознаменовано неудачными походами в Центральную Сирию, эпидемией чумы и восстанием в Ашшуре, Аррапхе (Киркуке) и Гузани (Телль-Халаф), не говоря уже о солнечном затмении, которое современники считали недобрый знак. Третий сын, Ашшурнирари V (753–746 до н. э.), не решался даже покинуть собственный дворец и, вероятно, был убит во время восстания, разразившегося в Кальху, в результате которого трон занял его младший брат Тиглатпаласар III.

Таким образом, на протяжении 36 лет (781–745 до н. э.) Ассирия была практически парализована, и в течение этого периода политическая карта Ближнего Востока претерпела ряд изменений. Несмотря на то что войско Вавилонии дважды потерпело поражение от армии Шамши-Адада V, она сохранила независимость, но в изучаемый нами период находилась в состоянии частичной анархии, похожей на то, в котором она пребывала в худшие годы X в. до н. э. Примерно в 790 г. до н. э. на протяжении нескольких лет «не было царя в стране», как говорится в летописи, а Эриба-Мардук (782–763 до н. э.) хвастался простым походом против арамейцев, захвативших «поля и сады», принадлежавшие жителям Вавилона и Борсиппы, в таких выражениях, будто это было величайшее достижение. Арамейские правители Сирии были слишком заняты своими уже успевшими стать традиционными междоусобицами и не сумели заключить друг с другом союз. Ставшие жертвой нападения с двух сторон – ассирийцев под предводительством Ададнирари и жителей Израильского царства, которых возглавлял Ахав, правители Дамаска потеряли свое доминирующее положение в политике, уступив место сначала Хамату, а затем Арпаду (Телль-Рифат, неподалеку от Алеппо), столице государства Бит-Агуси. В Иране персы направились с севера на юг, к горам, а мидийцы сумели установить контроль над всем плато. Маннеи, неиндоевропейский народ, живший вокруг озера Урмия, который, как показали результаты раскопок, был гораздо более цивилизованным, чем можно было бы подумать, образовали немногочисленный, но очень сплоченный народ.

Но наиболее активное развитие происходило на территории Армении, где в IX–VIII вв. до н. э. Урарту превратилось из небольшого государства, расположенного на берегах озера Ван, в царство, по своему размеру и мощи не уступавшее самой Ассирии. В правление Аргишти I (ок. 778–750 до н. э.) оно простиралось примерно от озера Севан в современной Армении до нынешней северной границы Ирака и от озера Урмия до верхнего течения Евфрата на территории Турции. За пределами границ этого царства располагались небольшие государства и жили племена, платившие Урарту дань, которые признали зависимость от него или были связаны с ним военными договорами. К их числу относились киммерийцы, обитавшие на Кавказе, все новохеттские царства, находившиеся в районе Таврских гор (Табал, Мелид, Гургум, Куммуху), и маннеи, жившие в Иране.

Преемник Аргишти Сардури III³⁰ (ок. 749–734 до н. э.) также сумел заставить царя Арпада Мати-Илу отказаться от союза, только что заключенного между ним и Ададнирари III. Политическое влияние Урарту через Арпад стало быстро распространяться в арамейских государствах Северной Сирии.

Раскопки, проведенные на территории древнего государства Урарту, в частности в Топраккале, рядом с озером Ван, и в Кармир-Блуре (древний город Тейшебаини), неподалеку от Еревана, позволили нам собрать многочисленные данные по истории и археологии этого царства. Здания в его крупнейших городах строились из камня или кирпича-сырца на каменном основании. Они были окружены массивными стенами, над которыми возвышались огромные крепости, где хранили пищу, вино, масло и оружие на случай войны. Урартские ремесленники изготавливали великолепные изделия из металла. До нашего времени сохранились несколько превосходных произведений искусства, в которых прослеживается сильное ассирийское влияние. По всей Армении археологи находят многочисленные стелы и наскальные надписи с текстами, написанными клинописью, но на урартском языке,

30 Возможно, речь идет о Сардури II (764–735 до н. э.). (Примеч. пер.)

произошедшем от хурритского, и посвященными героизму и благочестию царей Урарту, а сотни табличек позволяют нам судить о структуре общества и хозяйства этого государства, зиждившегося на обширных царских земельных владениях, где работали воины, пленники или рабы. Пастбища в районе горы Арарат и плодородная долина реки Аракс позволили жителям Урарту заниматься скотоводством и земледелием, даровавшими стране изобилие, но основное богатство приносили медные и железные рудники, расположенные в Армении, Грузии, Коммагенском царстве и Азербайджане, находившиеся на территории самого Урарту или в подконтрольных ему районах.

Появление такого обширного, процветающего и могущественного государства оказало решающее влияние на историю Ассирии. Постоянно возрастающая роль, которую Урарту играло в политической и хозяйственной жизни Ближнего Востока, а также само его присутствие на границах Ирака были постоянными источниками беспокойства ассирийцев, но в то же время являлись своего рода вызовами. Серия неудачных походов, проведенных в правление Салманасара IV, научила их, что любая попытка прямого нападения на Урарту при существовавшем в те времена раскладе сил обречена на неудачу. Для того чтобы встать лицом к лицу с этим сильным противником, Ассирии нужно было улучшить собственное положение в Месопотамии, завоевать Сирию и Западный Иран, две ключевые подконтрольные Урарту территории за пределами Армении, а также укрепиться там. Время быстрых, легких и плодотворных набегов завершилось. Ассирии оставалось лишь превратиться в великую державу или исчезнуть с лица земли.

Тиглатпаласар III

Ассирии повезло – Тиглатпаласар (745–727 до н. э.) оказался умным и активным правителем, который разобрался в сложившейся ситуации и предпринял необходимые меры. Он не только «разбил вдребезги, подобно горшкам» (по его собственному выражению) сирийских союзников Урарту и мидийцев, но и распространил свою власть на подчиненные территории, реорганизовал войско и провел преобразования в системе управления государством, которых все так долго ждали и благодаря которым в Ассирии наконец воцарился мир. Тиглатпаласара III во всех отношениях можно считать создателем Ассирийской державы.

Цель административной реформы, которая стала активно проводиться с 745 г. до н. э., заключалась в усилении царской власти и, соответственно, уменьшении объема полномочий крупнейших вельмож. Области, располагавшиеся на территории самой Ассирии, были разделены на более мелкие, из-за чего их количество увеличилось. Местных правителей расположенных за ее пределами стран, которые царь завоевывал в результате своих победных походов, свергали, если это было возможно и необходимо, а сами их владения превращали в провинции. В каждой из них создавалась система управления, аналогичная существовавшим в областях, находившихся на территории самой Ассирии. Ею управлял правитель области (*бель ни хати*) или наместник (*шакну*, дословно «назначенный»), несший личную ответственность перед царем. На территориях, которые невозможно было присоединить к державе, сохраняли местных правителей и систему управления, но за происходящим там должен был следить «надзиратель» (*кету*).

Для взаимодействия между царской резиденцией и провинциями была создана очень эффективная система коммуникации. Обычные посланники или специальные гонцы постоянно привозили царю и придворным чиновникам отчеты и письма от наместников провинций, правителей областей или их подчиненных, а последним, в свою очередь, передавали приказы (*амат шарри*, «слово царя»). В некоторых случаях царь отправлял своего личного представителя, чиновника *курбуту*, докладывавшего ему о делах, не подлежащих разглашению, и нередко действовавшего по собственной инициативе.

Главы округов и наместники провинций обладали широкими военными, судебскими, административными и финансовыми полномочиями, хотя их власть была ограничена

небольшими масштабами сферы их ответственности и постоянным вмешательством центральных властей практически во все дела. Их основной задачей было обеспечение регулярного сбора дани (*мадамту*) и различных податей, которые должны были выплачивать как сами ассирийцы, так и покоренные ими народы. Кроме того, они обязаны были следить за соблюдением законов и порядка, выполнением общественных работ, а также обеспечивать набор на подведомственных им территориях военных контингентов.

Последняя из перечисленных функций играла для Ассирии крайне важную роль. Прежде ассирийское войско состояло из крестьян и рабов, снаряженных крупнейшими землевладельцами и переданных в распоряжение царя на время очередного похода. В правление Тиглатпаласара III войско, основанное на системе воинской повинности, было заменено регулярной армией, в основном состоявшей из контингентов, присланных с зависимых территорий. Военная мощь Ассирии тотчас же значительно возросла, а кровь ее собственных жителей стала проливаться гораздо реже. Однако через какое-то время проявились недостатки подобного войска: армией, состоявшей в основном из плохо подобранных и нередко не заслуживавших доверия иноземцев, было гораздо сложнее командовать, а сами эти солдаты оказались менее храбрыми и выносливыми, чем крестьяне Северного Ирака.

Другим изобретением Тиглатпаласара стала практика массовых переселений. Возможно, он считал, что лучшим способом предотвращения восстаний является искоренение того, что сейчас мы называем «национальным самосознанием», – верности местным богам и традициям, а добиться этого можно было, по его мнению, путем смешения различных народов, живших на территории державы. Обитателей целых областей и городов выселяли и перемещали в отдаленные районы, а на их место водворяли людей, насильно привезенных из отдаленных частей державы. К примеру, в 742 и 741 гг. до н. э. 30 000 сирийцев, живших в районе Хамата, были отправлены к горам Загроса, в то время как 18 000 арамейцев с левого берега Тигра были переселены в Северную Сирию. В 744 г. до н. э. в Иране за один раз переместили 65 000 человек, а в следующем году депортация коснулась целых 154 000 жителей Южной Месопотамии. Подобные сцены, вызывающие сочувствие, нередко изображались на ассирийских рельефах, взглянув на которые мы увидим длинные ряды мужчин, несущих на плечах небольшие сумки со своими пожитками и держащих за руку изнуренных детей, которые идут в сопровождении солдат, в то время как их жены следуют за ними в повозках. Вероятно, на бесконечных, выжженных солнцем дорогах простилось с жизнью неисчислимое множество людей. С выжившими обращались не так уж плохо. Их селили на руинах сожженных деревень или в построенных царем крепостях. У них были поля, которые можно было пахать, и причины для того, чтобы жить. Однако, как считали ассирийские владыки, дух сопротивления этих людей был сломлен навеки.

Преемники Тиглатпаласара продолжили эту жестокую политику, но она так и не привела к результатам, которых они ожидали. Все чаще вспыхивали восстания, а наряду с разрухой, вызванной войной, эти массовые перемещения привели к тому, что в целом на Ближнем Востоке сложилось крайне негативное отношение к ассирийцам. Некий вавилонский чиновник из Ниппура однажды осмелился написать Асархаддону: «Царь знает, что все земли ненавидят нас из-за Ассирии».

Методичный подход Тиглатпаласара III отразился и в его походах. Сначала он провел кампанию в Южном Ираке («вплоть до реки Укну» (Карун), благодаря чему Вавилон был освобожден от влияния арамейцев, а Набу-нациру, за три года до этого ставшему основателем короткой IX Вавилонской династии, пришлось вспомнить, что ассирийский царь является его покровителем. Как обычно, в священных городах Шумера и Аккада, от Сиппара до Урука, были совершены жертвоприношения богам.

Затем Тиглатпаласар осуществил поход в Сирию, причем основной его целью стали правители поздних хеттских царств и арамейских государств, заключившие между собой союз, который возглавлял царь Арпада Мати-Илу, повиновавшийся могущественному царю Урарту Сардури III. Последний поспешил на помощь своим союзникам, но потерпел

поражение в районе Самсата, что на берегу Евфрата, и позорно бежал верхом на кобыле, «исчезнув в ночи, и его никогда больше не видели». Арпад оказался в осаде и сопротивлялся на протяжении трех лет, но в итоге сдался и стал центром ассирийской провинции (741 до н. э.). Между тем победоносный поход против Азрияу, царя Яуди (Самая), и его союзников на побережье Сирии привел к захвату Северо-Западной Сирии и, возможно, Финикии (742 до н. э.). Многочисленные правители соседних государств испугались и принесли ассирийскому царю подарки и дань. Среди них были царь Дамаска Расуну (Рецином), царь Израиля Менахем и некая Забибе, «царица арабов».

Скорее всего, сирийские походы начинались в Хадату (современный Арслан-Таш), между Каркемишем и Харраном, где в результате археологических раскопок был обнаружен один из дворцов Тиглатпаласара, здание, построенное по тщательно продуманному плану, похожему на тот, по которому был возведен дворец Ашшурнацирапала в Нимруде, но новый дворец был меньше старого. Неподалеку от дворца располагался храм Иштар, в котором были найдены весьма интересные скульптуры, а в другом здании были обнаружены панели из слоновой кости со скульптурными изображениями, некогда украшавшими дворец царя Дамаска Газаила и захваченными Ададнирари III в качестве военной добычи.

Расправившись таким образом с сирийскими союзниками Урарту, Тиглатпаласар обратил свой взор на восток (походы 744, 739 и 737 до н. э.). В территорию Ассирии была включена почти вся центральная часть Загроса, и ассирийское войско, перейдя Иранское нагорье, сердце страны, занятой «могущественными мидийцами», дошло до горы Бикни (Демавенд) и «соленой пустыни», расположенной к юго-западу от Тегерана. Еще никогда оно не заходило так далеко, двигаясь в этом направлении.

Жалкие руины другого дворца Тиглатпаласара, найденные в Тепе-Гияне, неподалеку от Нехавенда, свидетельствуют о том, что царь проявлял значительный интерес к странам, располагавшимся на территории современного Ирана. Позднее (вероятно, в 735 до н. э.) была организована кампания непосредственно против Урарту, и столица Сардури Тушпа (Ван) оказалась в осаде, которая, правда, не принесла ассирийцам ожидаемых результатов.

В 734 г. до н. э. Тиглатпаласар вернулся на побережье Средиземного моря, где сложилась далеко не самая приятная ситуация. В Тире и Сидоне было неспокойно из-за того, что ассирийцы ограничили вывоз древесины в Египет и Филистию. Войскам пришлось вмешаться. Еще хуже оказалось то, что правители государств, находившихся на территории Палестины и Трансиордании, заключили союз против ассирийцев, который возглавили цари Ашкелона и Газы. Тиглатпаласару пришлось лично подавлять восстание. Царь Ашкелона погиб в бою; «человек из Газы» бежал, подобно птице, в Египет; Амон, Эдом, Моав и Иудея, а также еще одна царица арабов по имени Шамши заплатили ассирийскому царю дань. Через два года царь Иудеи Ахаз, испытывавший давление со стороны Дамаска и Израиля, обратился к ассирийцам за помощью. Тиглатпаласар захватил Дамаск, присвоил часть территории Израиля и посадил Осию на трон в Самарии.

Тем временем на юге Ирака после смерти Набу-нацира в 734 г. до н. э. прошла серия дворцовых переворотов. Когда вождь одного из арамейских племен Набу-укин-зер заявил о своих притязаниях на вавилонский престол (731 до н. э.), ассирийцы попытались убедить жителей Вавилона восстать против него и обещали всем арамеям, которые отрекутся от своего вождя, освобождение от податей. Однако, после того как выяснилось, что дипломатия не работает, Тиглатпаласар победил узурпатора, опустошил территорию, на которой жило его племя, и решил самостоятельно править Вавилонией. В 729 г. до н. э. он «взял за руку Бела (Мардука)» на праздновании Нового года и был провозглашен царем Вавилона под именем Пулу. Через два года он умер, или, как говорили вавилоняне, «отправился навстречу своей судьбе».

Саргон II

Мы мало знаем о непродолжительном царствовании сына Тиглатпаласара Салманасара

V (726–722 до н. э.). Можно с уверенностью говорить лишь о том, что марионеточный царь Израиля Осия восстал и Салманасар был вынужден осаждать Самарию на протяжении трех лет. Однако вопрос о том, кто: он или следующий ассирийский царь – захватил город, остается спорным. Преемник Салманасара взошел на трон при не менее понятных обстоятельствах. Никто не знает, кем был этот человек – узурпатором престола или еще одним сыном Тиглатпаласара. В любом случае обещание будущей славы содержалось в самом принятом им имени, ибо назвался он, подобно одному из первых правителей Ашшура и прославленному основателю династии царей Аккада, Шаррукином (Саргоном).

Незадолго до восхождения Саргона на престол на Ближнем Востоке произошли два важных события, которые затем на протяжении сотни лет влияли на ассирийскую стратегию и дипломатию: египтяне вмешались в дела Палестины, а эламцы – Вавилонии. Оба этих события стали возможны благодаря победам Тиглатпаласара, ибо из-за его продвижения в район Иранского нагорья были отрезаны единственные доступные для Элама торговые пути, в то время как завоевание Финикии лишило Египет одного из его ключевых торговых партнеров. Таким образом, эламцы и египтяне тотчас же заключили союз с Урарту против Ассирии. Но так как никто из них не был готов напасть на государство находившееся на вершине своего расцвета, союзники прибегли к менее действенным в ближайшей перспективе, но более безопасным методам – они стали подстрекать зависимые от Ассирии государства и народы к мятежам. И всякий раз, когда арамейские вожди с юга Ирака или палестинские царьки, опасаясь непобедимой ассирийской армии, обращались к ним за помощью, египтяне и эламцы оказывали им поддержку людьми и оружием. На протяжении всего своего правления Саргон занимался по большей части именно подавлением этих восстаний.

Однако и в самой Ассирии начались беспорядки, из-за которых Саргону пришлось провести год в столице. В конце концов ему удалось решить проблему, освободив жителей города от воинского призыва и податей, возложенных на них Салманасаром V. Только после этого он сумел заняться разрешением критической ситуации, сложившейся в Вавилонии и Сирии во время смены правителей. В том же году, что и Саргон, трон Вавилонии, ставшей второй жемчужиной в ассирийской короне, занял Мардук-апла-иддин (ветхозаветный Беродах Баладан), вождь халдейского племени бит-якин, жившего на берегах Персидского залива. При этом его активно поддерживал царь Элама Хумбан-Никаш. В 720 г. до н. э. Саргон выступил против него в поход и встретил своих врагов возде Дера (Бадры), между Тигром и горами Загроса. В надписях ассирийского царя говорится о полной победе, но, согласно беспристрастной «Вавилонской хронике», ассирийцы потерпели поражение от эламцев. В другом источнике Беродах Баладан заявляет, что «низверг хозяев Субарту (Ассирии) и разбил их оружие». Примечательно, что надпись Беродах Баладана была обнаружена в Нимруде, куда Саргон привез ее из Урука после 710 г. до н. э., заменив ее глиняным цилиндром с текстом, содержащим его собственную, прямо противоположную версию этого события. Данный факт свидетельствует о том, что методы политической пропаганды и холодной войны отнюдь не являются продуктом нашей эпохи. Не может быть сомнений в том, что ассирийцам не удалось быстро решить эту проблему, так как нам известно, что Мардук-апла-иддин правил в Вавилоне на протяжении 11 лет (721–711 до н. э.) и вел себя не как вождь дикого племени, а как истинный правитель Месопотамии, в частности построив целый ряд зданий в разных городах.

Не менее опасными для Ассирии были союз восставших сирийских провинций во главе с царем Хамата Илубиди и мятеж царя Газы Ганнона, поддержку которому оказывало египетское войско. Однако в данном случае Саргону повезло больше. В битве при Каркаре Илубиди и его союзники потерпели поражение, а Ганнон был захвачен в плен, и с него содрали кожу. Египетский военачальник «бежал один и исчез, подобно пастуху, чье стадо было украдено» (720 до н. э.). Через восемь лет египтяне разожгли в Палестине еще один мятеж. На этот раз восстание возглавил царь Ашдода Ямани, за которым последовали Иудея, Эдом и Моав. Он также получил поддержку от египетского фараона (вероятно, Бокхориса).

Саргон снова одержал победу: Ямани бежал в Египет, но вскоре был выдан нубийским царем, в те времена правившим в долине Нила: «Он набросил на него путы, оковы и железные полосы, и они привезли его в Ассирию, (совершив) длительное путешествие». Мир, царивший в Палестине на протяжении всей оставшейся части правления Саргона, был связан с хорошим отношением к Ассирии нового египетского фараона Шабаки.

Мы не знаем, приложили ли эламцы руку к разладу, возникшему между семьями, правившими находившимися возле гор Загроса государствами, и позволившему Саргону в 713 г. до н. э. завоевать различные княжества и города в районе Керманшаха и Хамадана, а также получить дань от мидийцев. Однако у нас нет ни малейших сомнений относительно того, кто разжигал недовольство среди маннеев, зикирту и других племен, живших на территории Азербайджана, так как основным противником Ассирии на севере оставалось Урарту. Изучив переписку Саргона, мы увидим, с каким тщанием чиновники, работавшие в этих горных областях, выполняли свои обязанности, «вели наблюдение для царя» и сообщали ему о каждом шаге правителя Урарту и его военачальников, о любых переменах в политических предпочтениях живших в этом районе народов. Тем не менее, несмотря на постоянное вмешательство Саргона, правитель Урарту Руса I между 719 и 715 гг. до н. э. сумел заменить правителей Манны, дружественно настроенных по отношению к Ассирии, собственными ставленниками. В 714 г. до н. э. ассирийцы выступили в масштабный поход против Урарту. Об этом событии, произошедшем на восьмом году правления Саргона, говорится в его анналах, однако его более детальное описание содержится в источнике, написанном в форме письма царя к «Ашшуру, отцу богов, богов и богинь судьбы, городу и его обитателям и дворцу посреди него». Скорее всего, этот текст был составлен в конце ежегодного похода для зачитывания вслух перед всеми желающими и должен был производить на слушающих сильное впечатление. Переход через горы Курдистана оказался чрезвычайно трудным, причем из-за не только географических особенностей этого региона, но и попыток врага не допустить его. Источник изобилует подобными описаниями: «Симирриа, большой горный пик, что вздымается, словно острие копья, возвышаясь главой над горами, жилищем Владычицы богов, главой вверху упирается в небо, а корнями внизу достигает глубин преисподней и со склона на склон, как рыбий хребет, не имеет прохода, — по бокам его извиваются пропасти и горные ущелья, и при взгляде очам посылает он ужас... В откровении мудрости и по замыслу сердца, определенными мне Эйей и Владычицей богов, развязавшими ноги мои на повержение вражеской страны, я заставил саперов моих поднять могучие медные кирки — края высокой горы они сровняли, как плиты, и улучшили дорогу. Я встал во главе моего войска, — колесницы, конников, боевых людей, идущих со мной, я заставил взлететь на ее пик, как храбрых орлов...»³¹

Саргон пересекал реки и горы, пробивал себе путь, шедший по берегам озер Урмия и Ван, захватил наконец Муцацир — священный город урартов, располагавшийся к югу от озера Ван, и вывез оттуда изваяние верховного урартского бога Халди. Государство Урарту не было уничтожено, но потерпело сокрушительное поражение. Услышав о падении Муцацира, Урса (Руса) был охвачен стыдом: «Услышав, Урса поник на землю, разодрал свои одежды, опустил свои руки, сорвал свою головную повязку, распустил свои волосы, прижал обе руки к сердцу, повалился на брюхо; его сердце остановилось, его печень горела, в устах его были горестные вопли».

Однако к тому времени урарты уже успели разжечь антиассирийские настроения в других государствах. В 717 г. до н. э. все еще сохранявший свою независимость правитель Каркемиша плел против Саргона заговор, но стал свидетелем того, как ассирийцы вторглись на территорию его владений и превратили их в очередную свою провинцию. На протяжении следующих пяти лет аналогичная судьба постигла Куэ (Киликию), Гургум, Милид, Куммуху и часть Табала, иными словами все хеттские государства, находившиеся в районе Таврских

31 Текст Военской реляции Саргона II приводится по изданию: *Я открою тебе сокровенное слово...* (Примеч. пер.)

гор. За этими заговорами и «восстаниями» стоял не только «человек из Урарту», но и правитель мушков Мита (фригийский царь Мидас), которого Руса сумел привлечь на свою сторону.

В начале 710 г. до н. э. Саргон везде одержал победы. Ассирийцам принадлежали весь Сиро-Палестинский регион (за исключением Иудеи) и большая часть гор Загроса. Мидийцы находились в зависимости от них; урарты зализывали раны; египтяне были дружественно настроены по отношению к ассирийцам, а эламцы и фригийцы не питали к ним теплых чувств, но и не стремились вступать в конфликт. Только Вавилон, где все еще правил Беродах Баладан, оставался бельмом на глазу Ассирии, и в том же году Саргон во второй раз за свое царствование отправился в поход на него. Халдейский правитель обратился за помощью ко всем племенам, жившим на территории древней земли Шумера, и на протяжении двух лет ему удавалось оказывать ассирийской армии серьезное сопротивление.

Наконец попавший в окружение в Дур-Якине и раненный в руку Мардук-апла-иддин «проскользнул через ворота, как мыши через дыру» и бежал в Элам. Саргон вошел в Вавилон и, подобно Тиглатпаласару III, «взял за руку Бела». Эта победа имела весьма масштабные последствия: правитель Фригии Мидас предложил Саргону свою дружбу; правитель Дильмуна (Бахрейна) Упери «услышал о могуществе Ашшура и прислал свои дары»; семь царей Ятнана (Кипра), «чьи отдаленные жилища находятся в семи днях пути по морю заходящего солнца», прислали подарки и поклялись в верности могущественному правителю, стела кото рого действительно была обнаружена археологами в Ларнаке. Постоянные попытки врагов Ассирии ослабить ее оказались безрезультатными. В конце правления Саргона она стала больше и сильнее, чем когда-либо.

Будучи полководцем, Саргон любил жить в Кальху (Нимруде), военной столице державы, где он поселился во дворце Ашшурнацирапала, восстановил и перестроил его. Однако, движимый гордыней, он вскоре решил возвести собственный дворец и основать город. В 717 г. до н. э. в прежде пустовавшей местности в 24 км к северо-востоку от Ниневии, рядом с современным поселением Хорсабад, была заложена «крепость Саргона», Дур-Шаррукин. Город был квадратным в плане, длина каждой его стены составляла примерно 1,6 км, и в них были прорублены отверстия для семи монументальных ворот. В его северной части располагалась крепость, огороженная внутренней стеной. Внутри этой цитадели находились царский дворец, храм Набу и роскошные дома высокопоставленных вельмож, таких как визирь и брат царя Синах-уцур. Сам дворец стоял на 15-метровой платформе, возвышаясь над городской стеной. В нем располагалось более 200 помещений и 30 внутренних дворов. Его часть первые археологи, проводившие там раскопки, ошибочно посчитали гаремом, но позднее выяснилось, что она состоит из шести святилищ, а рядом расположен зиккурат, семь этажей которого были выкрашены в разные цвета и соединены друг с другом винтообразным пандусом. Превосходный каменный виадук соединял дворец с храмом Набу, так как, по мнению ассирийцев, религиозные и государственные функции царя были тесно связаны друг с другом. Вполне естественно, что царское жилище было богато украшено. Его ворота и главный вход (как и те, которые вели в город и крепость) охраняли гигантские быки с головами людей. Для декора святилищ использовались синие глазурованные кирпичи, а большинство стен было украшено росписями и ортостатами с рельефами и надписями. Вероятно, в Дур-Шаррукине работали тысячи пленников, захваченных во время войны, а также сотни художников и ремесленников, так как весь город был построен всего за 10 лет. Однако в нашем распоряжении имеется достаточно свидетельств того, что в нем было совсем немного жителей, да и те очень быстро его покинули.

В одной из своих надписей Саргон заявляет: «Мне, Саргону, живущему в этом дворце, пусть Ашшур дарует долгую жизнь, телесное здоровье, радость сердца и ясность души». Однако бог не прислушался к его молитвам. Через год после того, как состоялась церемония открытия Дур-Шаррукина, Саргон «отправился против Табала и был убит во время сражения» (705 до н. э.). Его преемники предпочитали Ниневию, и покинутый Хорсабад

вскоре превратился в руины.

Глава 20

Династия Саргона

Потомки Саргона, которых иногда называют Саргонидами, правили в Ассирии один за другим на протяжении почти столетия (704–609 до н. э.), расширяя территорию державы и ведя ассирийскую цивилизацию к ее расцвету. Правда, войны, которые вели Синахериб, Асархаддон и Ашшурбанипал и которые в выспренных надписях изображаются масштабными завоеваниями, на самом деле были не чем иным, как контратаками. В конце царствования Саргона ассирийцы прямо или косвенно управляли всей территорией Плодородного полумесяца, а также частями Малой Азии и Ирана. У них были выходы в Средиземное море и Персидский залив. Они контролировали все течение Тигра и Евфрата, а также крупнейшие торговые пути, шедшие через Сирийскую пустыню, Таврские горы и Загрос.

Благодаря всевозможным товарам, получаемым ими от своих провинций, зависимых территорий и союзников, ассирийцы процветали, и в их стране вполне мог бы царить мир, если бы не постоянные восстания, вызванные их жесткой политикой и разжигавшиеся (по крайней мере, в Вавилонии и Палестине) Египтом и Эламом. Таким образом, завоевание Асархаддоном Египта и уничтожение Ашшурбанипалом Элама не были ни традиционными набегами, ни составляющими далекоидущих стратегических планов, а являлись оборонительными мерами, которые эти правители были вынуждены принять, чтобы положить конец невыносимой ситуации, сложившейся в их стране. Они представляют собой развязку затянувшегося ожесточенного конфликта, навязанного Ассирии ее врагами. В этой продолжительной борьбе ассирийцы истощили свои силы, разорили собственные владения и не смогли обратить достаточное внимание на ключевое событие, происходившее в то же время по ту сторону Загроса, – образование могущественного Мидийского царства, которому будет суждено стать причиной их краха. Примерно в 640 г. до н. э., когда казалось, будто ассирийцам наконец удалось одержать окончательную победу, когда Ашшурбанипал торжествовал над врагами Ассирии, внезапно стало заметно, что колосс стоит на глиняных ногах.

Синахериб

Судя по его имени, Син-аххе-эриба, «Бог Син компенсировал (смерть) братьев», Синахериб не был первенцем Саргона, но по какой-то неизвестной причине его избрали наследником, вырастили в «Доме преемственности» и очень рано доверили ему выполнение административных и военных функций, особенно на северных границах страны. Таким образом, когда в 705 г. до н. э. Синахериб взошел на ассирийский престол, он был прекрасно подготовлен к выполнению обязанностей царя.

На протяжении правления Синахериба у северной и восточной границ страны, где постоянно воевал его отец, установился относительный мир. Победы Саргона в Курдистане, Армении и в районе Таврских гор нанесли столь сокрушительный удар по Урарту и Фригии, что ассирийцы могли их больше не опасаться и не видеть в них потенциальных агрессоров. Более того, на эти два государства напал новый враг – киммерийцы (ассир. *гиммирай*), воинственное племя с юга России, которое в конце VIII в. до н. э. пересекло Кавказские горы и вошло в Западную Азию. Уже в последние годы царствования Саргона киммерийцы, утвердившиеся в местности, на территории которой в настоящее время находится Грузия, подняли восстание против Урарту, в зависимости от которого они находились, и нанесли ему сокрушительное поражение. Затем они стали продвигаться вдоль южного побережья Черного моря, по склонам Понтийского хребта, угрожая как Фригии, так и ее восточной соседке – молодой и сказочно богатой Лидии. В то же время другие киммерийцы вторглись в северо-

западную часть Ирана и заключили союз с маннеями и мидийцами.

Синахериб, несомненно, знал об этих событиях, но либо не сумел предвидеть те последствия, к которым они могут привести в отдаленном будущем, либо не мог вмешиваться в дела этих отдаленных регионов. Он провел четыре кампании в северном и западном направлениях, но все они были направлены против не киммерийцев или мидийцев, а упрямых зависимых государств и народов: правителей княжеств в центральной части гор Загроса, городов Курдистана, Киликии, которым, вероятно, оказывали поддержку греческие войска, и одного из царей Табала – и по масштабу были довольно средними.

Все свое внимание Синахериб был вынужден сосредоточить на подавлении весьма масштабных восстаний, разгоревшихся в районе Средиземноморья и в Вавилонии, как только распространилась новость о смерти Саргона. В Финикии и Палестине египтяне убедили правителя Сидона Луле, царя Ашкелона Сидку, царя Иудеи Езекию и жителей Экрона (Екрона) разорвать отношения с Ниневией. На четвертом году своего правления Синахериб отправился в поход, чтобы наказать мятежников. Луле бежал на Кипр, Сидка был увезен в Ассирию, а египетское войско, отправленное на помощь Экрону, потерпело поражение. На троны всех этих городов были посажены более сговорчивые правители.

Затем Синахериб напал на Иудею, взял в осаду и захватил прекрасно укрепленный город Лахиш, а затем отправил свою армию на штурм Иерусалима. Здесь следует вспомнить драматическую сцену, описанную во Второй книге Царей³². Три сановника Езекии говорили через городскую стену «по-иудейски» с тремя представителями Синахериба: Тартаном, Рабсарисом и Рабсаком из Лакхиса. Ассирийцы стали насмехаться над евреями из-за того, что те надеялись «на Египет, на эту трость надломленную, которая, если кто опрется на нее, войдет ему в руку и проколет ее», предложили им «две тысячи коней», если они сдадутся, и наконец начали угрожать. Но Езекия, воодушевленный словами пророка Исаии, упорно отказывался открыть ворота Иерусалима. В итоге был достигнут компромисс: ассирийцы отошли от города, но Езекия был вынужден заплатить им 30 талантов золота, 800 талантов серебра и «все ценные сокровища, а также его дочерей, его гарем, его музыкантов мужского и женского пола», не считая нескольких городов, которые были выведены из состава владений царя Иудеи и переданы филистимлянам.

В конце этого похода Синахериб планировал вторгнуться в Египет. Он уже дошел до Пелусия (Телль-эль-Фарама, почти в 50 км к востоку от Суэцкого канала), когда его лагерь атаковал Ангел Господень «и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч. И встали поутру, и вот все тела мертвые». Геродот описывает это событие следующим образом: «Когда они прибыли в Пелусий, то ночью на вражеский стан напали стаи полевых мышей и изгрызли их колчаны, луки и рукоятки щитов, так что на следующий день врагам пришлось безоружными бежать и множество врагов пало»³³. Беросс же писал, что 185 000 человек, включая военачальников и «офицеров», убила заразная болезнь.

В Вавилонии сложилась ситуация, гораздо худшая той, которая имела место в Палестине, и на протяжении большей части своего царствования Синахериб был вынужден воевать с арамеями и их союзниками-эламцами. В тот же год, когда он взошел на престол, Мардук-апла-иддин (Беродах Баладан) покинул Элам, где, как было сказано выше, скрывался и с помощью арамейских военачальников и солдат поднял восстание против ассирийцев, в котором приняли участие все арамеи, жившие на юге Ирака, вошел в столицу и провозгласил себя царем Вавилона. В 703 г. до н. э. правитель Ассирии выступил в поход против него.

Потерпев поражение у стен Киша, халдей бежал и спрятался «посреди болот». Синахериб разграбил его дворец, захватил неисчислимое множество пленников, отправил в Ассирию 208 000 человек и посадил на трон Вавилона своего ставленника Белибни, «сына строителя», выросшего в Ниневии, во дворце Синахериба, «как последний пес».

32 В православном каноне ей соответствует Четвертая книга царств. (Примеч. пер.)

33 Геродот . История. II. 141. Пер. Г.А. Стратановского. (Примеч. пер.)

Однако через три года Беродах Баладан появился на территории, занимаемой его родным племенем Бит-Якин, и создал ассирийцам достаточно проблем для того, чтобы они снова вторглись в Вавилонию. Белибни, которого подозревали в тайном сговоре с мятежниками, заменил сыном Синахериба Ашшур-надин-шуми. Беродах Баладан отказался вступить в бой с ассирийцами: «Он собрал вместе богов его страны в их святилищах, и погрузил всех их на корабли, и бежал, подобно птице, в (эламские) болота, которые посреди моря».

Затем последовали шесть относительно мирных лет. После этого в 695 г. до н. э. под предлогом «захвата эламских городов на другом берегу Горькой реки, куда сбежали Бит-Якин от могучей руки Ашшура» Синахериб предпринял поход (как сухопутный, так и по морю), направленный на обеспечение ассирийцам выхода в Персидский залив через «Страну моря», население которой было настроено по отношению к ним весьма враждебно. Несколько кораблей, построенных в Ниневии сирийскими мастерами и укомплектованных командами из финикийских и кипрских моряков, были отправлены вниз по течению Тигра вплоть до Упи (Описа). Там, вероятно, морякам пришлось потрудиться, так как Тигр в те времена, очевидно, втекал в обширные болота, и проплыть по его нижнему течению было невозможно. В итоге корабли волоком перетащили в канал Арахту, и путешествие продолжилось уже по Евфрату. Параллельно по суше передвигалось ассирийское войско. Встреча обоих отрядов была назначена в Баб-Салимети, рядом с устьем реки. Ассирийские солдаты взобрались на борт, корабли пересекли Персидский залив, и войско высадилось на территории Элама. Ассирийцы захватили несколько городов, поднялись на корабли, нагрузили их добычей и вернулись домой.

В источниках ничего не говорится о Мардук-апла-иддине. Известно лишь, что он умер в изгнании. Однако эламцы тотчас же отомстили. Их царь Халлушу вторгся в Месопотамию, взял Сиппар, захватил в плен Ашшура-надин-шуми и посадил на трон Вавилона одного из своих сподвижников. Таким образом между ассирийцами и эламцами начался ряд вооруженных конфликтов, которые разгорались на протяжении семи последующих лет, причем война велась с переменным успехом: побеждала сначала одна сторона, а затем другая и наоборот. В 689 г. до н. э. вавилоняне, которыми опять управлял ассирийский ставленник, восстали и купили поддержку эламского царя Хумбан-Нимены. Возле города Халула, стоявшего на берегу Тигра, состоялась битва. Несмотря на то что в ассирийских источниках говорится, будто Синахериб одержал победу, по сути ассирийцы оказались на грани поражения. Охваченный яростью Синахериб решил отомстить Вавилону и совершил нечто немыслимое – уничтожил великолепный священный город, вторую столицу державы, «связь неба и земли», к которому его предшественники всегда относились с огромным терпением и уважением:

«Подобно урагану, я напал на него, и, как шторм, я уничтожил его... Его жителей, молодых и старых, я не пощадил, и их трупами я наполнил улицы города... Сам город и его дома, от оснований до крыш, я разорил, я уничтожил огнем, я низверг... Для того чтобы в будущем даже почва его храмов была забыта, я залил его водой, я превратил его в пастбища.

Для того чтобы успокоить сердце моего владыки Ашшура, (убедить его), что люди будут склоняться, подчиняясь его величественному разуму, я взял пыль Вавилона на подарки (самым) отдаленным народам, и в храме Нового года (в Ашшуре) я хранил (ее) в запечатанном сосуде».

Великие боги Шумера и Аккада не могли оставить безнаказанным такое страшное преступление. Через восемь лет, на двадцатый день месяца тебет (январь 681 до н. э.), Синахериба, молившегося в храме в Ниневии, постигла смерть, которую он вполне заслужил. Он «был забит (насмержь) статуями богов-покровителей», а сделал это один из его сыновей.

К жестокому и трусливому (во время большинства походов войском командовали его военачальники) Синахерибу многие отнеслись с осуждением. Однако ему следует отдать должное: царь, разрушивший Вавилон, очень много строил в Ассирии. В нескольких городах были возведены или восстановлены храмы и общественные здания, а по всей стране

проводились широкомасштабные работы по сооружению и ремонту ирригационных сооружений, благодаря чему активно развивалось земледелие. Древний город Ниневия (Нинуа), прежде являвшийся просто «царской резиденцией», был расширен, укреплен и украшен и получил полное право называться столицей обширной державы, которой из него управляли. За несколько лет его периметр увеличился с примерно 3 до почти 13 км. В его состав вошли два разных населенных пункта, в настоящее время расположенные под холмами Куюнджик и Неби-Юнус, что на левом берегу Тигра, напротив Мосула. Внешняя стена, сложенная из массивных известняковых блоков, «возвышалась подобно горе», а во внутренней стене имели 15 ворот, которые вели во всех направлениях. Городские площади стали шире, улицы вымостили и сделали так, чтобы они «сияли, как день». В северной части города (Куюнджик) находился старый дворец, но его забросили, и приток Тигра Тебильту размыл его основание. Затем дворец сровняли с землей, а на его месте насыпали обширную террасу и, отведя реку в сторону, построили великолепную обитель Синахериба, «дворец, которому нет равных»: «Я проложил над ним высокие балки из кедра – порождения горы Хаманим, горы светлой. Створки из благовонного дерева я облил скрепами из блестящей меди и навесил их в воротах. Из превосходного мрамора, что находят в стране баладайев, я велел сделать (статуи) шеду и ламассу и установить их справа и слева – защиту их (ворот)»³⁴. Ворота дворца украшали огромные медные колонны, отлитые в формах и стоявшие на бронзовых статуях львов. Синахериб хвастался, что именно он изобрел эту технологию. «В направлении четырех ветров» были установлены изваяния защитных духов, сделанные из меди, серебра и камня. Через дверные проемы протащили огромные известняковые плиты с рельефными изображениями сцен сражений и установили их вдоль стен. Наконец, рядом с дворцом находился обширный парк, посетитель которого будто попадал в горы Аманос и мог полюбоваться «всеми видами растений и фруктовых деревьев». Для того чтобы поддерживать растительность в самом городе и его окрестностях, «через горы и низины» был выкопан канал, соединявший пригороды столицы и отдаленные области страны. Остатки весьма примечательного акведука, которые можно увидеть возле поселения Джерван, свидетельствуют не только о правдивости царских анналов, но и о профессионализме служивших Синахерибу инженеров. Сам царь, гордившийся собой и выполненной им работой, приказывал «украшать» его изображениями горы Ассирии, «страны Ашшура», к которой он относился с огромной любовью. На горе Бавиан, неподалеку от Джервана, в Малтаи, что рядом с Дахуком, и в Джудидаг, расположенном на турецко-иракской границе, до сих пор видны огромные наскальные изображения «могучего царя, правителя множества народов», стоящего перед богами, которых он так сильно оскорбил.

Асархаддон

После убийства Синахериба в Ассирии начался династический кризис, сопровождавшийся вспышками насилия, но, к счастью, продлившийся недолго. Однако Асархаддону³⁵ все же пришлось с помощью меча отвоевывать законно унаследованный им престол. Он был младшим сыном Синахериба, и тот факт, что именно ему отец решил передать корону, вызвал зависть у его братьев. В самом начале своих анналов Асархаддон рассказывает, как братья пытались оклеветать его и очернить в глазах отца и настолько в этом преуспели, что наследник престола был вынужден покинуть собственную страну и скрываться (возможно, в Киликии или Табале). В источнике ничего не говорится об отцеубийстве, но становится понятно: Синахериб был мертв, когда его сыновья «били друг друга, подобно детям, чтобы обрести царскую власть», из-за чего сами ассирийцы перестали

34 Цитата из анналов Синахериба приводится по изданию: *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Т. 1. М., 1980. (Примеч. пер.)

35 Ашшур-аха-иддин, «Бог Ашшур дал брата».

их поддерживать.

Воодушевленный богами изгнанник двинулся в сторону Ниневии, намереваясь предъявить свои права на престол. Узурпаторы развернули войско в степи, что к западу от Тигра, перекрыв таким образом путь к столице. Но как только Асархаддон пошел в атаку, их солдаты переметнулись на его сторону, а жители Ассирии вышли ему навстречу и стали целовать его ноги. Сделав так, чтобы его войско «перепрыгнуло через Тигр, будто это узкая канава», Асархаддон вошел в Ниневию и в марте 681 г. до н. э. занял трон своего отца. Братья-злодеи бежали «в неизвестную страну», но помогавших им военачальников предали смерти вместе со всеми их потомками.

Едва придя к власти, новый правитель решил искупить грех отца и заново отстроить Вавилон. Разъяренные боги провозгласили, что город будет лежать в руинах на протяжении 70 лет, но жрецы придумали, как решить эту проб лему: «Милосердный Мардук перевернул Книгу судеб вверх ногами и повелел, чтобы город был восстановлен в 11-м году». Дело в том, что в клинописи перевернутое число 70 читается как 11 (в качестве примера можно привести нашу цифру «6», перевернув которую можно получить «9»). Все жители Кардуниаша могли быть призваны, «чтобы нести корзину», и со временем Вавилон был не только восстановлен, но и «расширен, поднят на высоту и сделан прекрасным». Несмотря на то что город, очевидно, пострадал не так сильно, как описывал Синахериб, его восстановление проводилось на протяжении всего царствования Асархаддона. Лишь в том году, когда на престол взошел Ашшурбанипал (669 до н. э.), Мардук и другие боги Аккада смогли вернуться в свои храмы из Ашшура, где их держали в качестве заложников.

Восстановив таким образом справедливость, Асархаддон завоевал любовь многих из своих вавилонских подданных. В течение всего его царствования в Южном Ираке не было каких-либо серьезных проблем, за исключением безуспешной попытки сына Мардук-апла-иддина захватить Ур. Сами вавилоняне разбили войско эламского царя Хумбан-Халташа, вторгшееся на их территорию в 675 г. до н. э.

В то же время жителям Финикии, другой проблемной области, входившей в состав его державы, Асархаддон смог доказать, что умеет не только прощать, но и наказывать. Царя Сидона Абдимилькутте, поднявшего в 677 г. до н. э. восстание, захватили в плен и обезглавили. Сам город был «снесен и брошен в морскую пучину», его население перевезли в Ассирию, а принадлежавшие ему территории передали соперничавшему с ним Тиру. Эти решительные меры обеспечили (по крайней мере, на какое-то время) спокойную обстановку на побережье Средиземного моря и позволили Асархаддону заняться решением серьезных проблем на северной и восточной границах его владений.

В начале его царствования горы Кавказа перешли другие кочевники из России – скифы (ассирийцы называли их *ишкузаи*), присоединившиеся к киммерийцам, в тот период уже расселившимся по территории Малой Азии, Ирана и Армении. Появление этого воинственного народа, с которым киммерийцы были тесно связаны, позволило им начать строить более далекоидущие планы, связанные с набегами. В 679 г. до н. э. они внезапно перешли через Таврские горы, из-за чего стали представлять угрозу для ассирийских гарнизонов, расположенных в Табале, и заставили восстать некоторых правителей Киликии, находившихся в зависимости от ассирийского царя. Асархаддон быстро нанес ответный удар, «схватил за шею» киликийских мятежников и «порубил мечом» Теушпу и его полчище, заставив их отступать, вследствие чего они оказались на другом берегу реки Кызылырмак. Затем киммерийцы и скифы напали на Фригию, которую через три года сумели захватить с помощью Урарту. Обрадованный тем, что кровь больше не льется в его владениях, Асархаддон заключил с киммерийцами мир, отдал вождю скифов Паргатуа (Геродот называл его Прототием) в жены ассирийскую царевну и даже поддерживал довольно теплые отношения с царем Урарту Русой II.

Однако в восточной части Армянского нагорья ассирийцы постоянно предпринимали попытки получить дань с маннеев, находившихся в те времена под заметным влиянием киммерийцев и скифов. Несмотря на заверения ассирийских царских надписей в обратном,

ассирийцам не удалось добиться в этом деле успеха. Обширное Иранское нагорье, простиравшееся к юго-востоку от озера Урмия, занимали мидийцы, теоретически находившиеся под ассирийским контролем, но фактически сохранившие свою независимость. Именно тогда (примерно в 680 до н. э.) Фравартиш (Фраорт), сын Дайукку (Деиока), объединял под своей властью их многочисленные племена. Асархаддон сделал все возможное, чтобы помешать этому. Первым последствием сложившейся ситуации стало то, что ассирийское войско перестало получать мидийских коней. Возможно, ассирийский царь смутно предвидел и более отдаленные во времени результаты этого процесса. На территорию нагорья было предпринято несколько конных атак, причем солдаты Асархаддона добрались до пустыни, расположенной к востоку от Тегерана. Кроме того, ассирийский царь взял под свою защиту и обложил регулярной данью трех мидийских князей, просивших у него помощи против находившихся в зависимости от них самих областей.

Целью ряда успешных походов на юг – в центральную часть гор Загроса – и союза, заключенного с правителем Гамбулу, арамейского племени, жившего на левом берегу Тигра, в его нижнем течении, стало создание между Эламом и Месопотамией барьера из буферных государств. Но Асархаддон сумел одержать и гораздо более важную победу – после смерти Хумбан-Халташа он смог реализовать свой план и посадил в 675 г. до н. э. на трон Элама про-ассирийски настроенного Уртака.

Добившись с помощью сочетания применения силы с дипломатией шаткого мира в Вавилонии, Финикии и на северной и восточной границах своего царства, протяженность которых составляла около 1930 км, Асархаддон стал готовиться к реализации масштабнейшего из своих планов – завоеванию Египта. Уже в 679 г. до н. э. он захватил город Арзани (современный Вади-ал-Ариш), находившийся «у ручья Египетского». Затем он попытался заключить союз с арабами, множество которых жило тогда в Сирийской пустыне, так как без их помощи невозможно было провести крупномасштабную кампанию в юго-западной части державы. К примеру, Асархаддон вернул их бывшему вождю Азаилу крепость Адумату (Эль-Джауф), завоеванную Синахерибом, а также изображения богов – покровителей его племени, а когда против сына Азаила выступил некий Уабу (Вахаб), последний получил от ассирийцев военную помощь.

Наконец весной 671 г. до н. э., решив, что границы державы в безопасности, и обретя дружбу (или, по крайней мере, нейтралитет) арабов, Асархаддон повел свое войско в Сирию, сделав таким образом первый шаг на пути в Египет. Он попытался осадить Тир, правитель которого восстал против ассирийцев, но город не сдавался, и царь не стал тратить время на его захват. Пройдя на юг, ассирийцы добрались до Рапиху (Телль-Рифа, расположенный к югу от Газы) и пересекли Синайскую пустыню, где, помимо других ужасов, увидели «двухголовых змей, нападение которых означало смерть» и «зеленых животных, бивших крыльями». Через 15 дней, полных различных невзгод, они вошли в Египет.

Несмотря на решительное сопротивление фараона Тахарки и его войска, завоевание этой страны заняло на удивление мало времени: «От города Ишхупри до Мемфиса, его царской резиденции, (преодолев) расстояние 15 дней (пути), я постоянно сражался в кровавых битвах против Тахарки, царя Египта и Эфиопии, того, кто был проклят всеми великими богами. Пять раз я разил его остриями (моих) стрел, (нанося) ранения (от которых) он не сумел бы оправиться. А затем я осадил Мемфис, его царскую резиденцию, и захватил его за полдня с помощью подкопов, проломов и штурмовых лестниц. Его царицу, женщин его дворца, его престолонаследника Ушанхуру, его других детей, его имущество, лошадей, крупный и мелкий скот без числа я увез в Ассирию в качестве добычи. Всех эфиопов я переселил из Египта, не оставив ни одного, чтобы оказывать (мне) почтение. Везде в Египте я назначил новых (местных) царей, наместников, офицеров, надзирателей за гаванями и чиновников. Я установил регулярные жертвоприношения Ашшуру и (другим) великим богам, моим повелителям, навеки. Я возложил на них дань мне (как их) повелителю, чтобы они платили ее (ежегодно) не прекращая».

Однако Египет не был легкой добычей. Через два года Тахарка вернулся с юга, куда он

бежал, отбил Мемфис и поднял в дельте Нила восстание против ассирийцев. Асархаддон снова отправился в Египет, но, дойдя до Харрана, заболел и умер (669 до н. э.).

За три года до этого, в мае 672 г. до н. э., в присутствии войска и ассирийских сановников, иноземных послов и представителей зависимых от Ассирии государств Асархаддон торжественно провозгласил законным наследником престола своего сына Ашшурбанипала, а другого сына, Шамаш-шум-укина, – наместником Вавилонии. В тот же день правители зависимых государств подписали длинный и весьма подробный договор, присягнув тем самым в верности наследнику престола. Копии этого источника были обнаружены археологами в Нимруде. Даже мать Асархаддона арамейка Накия (Закуту) воспользовалась своим влиянием и потребовала, чтобы вавилоняне и их потенциальный наместник принесли клятву верности будущему царю Ассирии. Асархаддон, смелый и мудрый правитель, ничего не оставлявший на волю случая, сделал все возможное для того, чтобы после его смерти в державе снова не разгорелся династический кризис.

Ашшурбанипал

Смена правлений произошла без накладок, и оба царевича в один и тот же день заняли свои троны: Ашшурбанипал стал править в Ниневии, а Шамаш-шум-укин – в Вавилоне. Однако сама держава не была разделена. Вероятнее всего, Асархаддон стремился сделать приятное своим вавилонским подданным, даровав им независимость, хотя все заинтересованные лица понимали: Ашшурбанипал обладал старшинством. При этом Шамаш-шум-укин имел на территории своих владений неограниченную власть, а его брат управлял самой Ассирией, отдаленными провинциями и зависимыми государствами, руководил всеми войнами и отвечал за отношения Ассирии с другими государствами и народами в целом. Подобное решение может показаться странным, но сложившаяся в результате его система работала без перебоев на протяжении 17 лет.

Помимо ассирийского трона, Ашшурбанипал³⁶ (668–627 до н. э.) унаследовал и задачу, которую из-за своей смерти не сумел решить его отец, – он должен был подавить восстание в Египте. Поэтому ассирийского военачальника тотчас же отправили в Сирию, где он набрал вспомогательные войска, предоставленные «22 царями морского побережья, середины моря и материка». Затем оттуда он двинулся в Египет. Войско Тахарки было наголову разбито, и невезучий фараон покинул Мемфис на лодке и бежал в Фивы. На этот раз ассирийцы отправились вдогонку и наконец вошли в столицу Верхнего Египта, заставив Тахарку искать убежища «на другом берегу реки». Это был, несомненно, блестящий боевой подвиг, но ассирийцы оказались более чем в 2 000 км от дома, в самом сердце малопонятной и враждебной страны, язык, религия и обычаи жителей которой были им совершенно чужды. Через 300 лет Александр Македонский попадет в сходную ситуацию, но наденет двойную корону Верхнего и Нижнего Египта и будет провозглашен сыном Амона-Ра. Однако Ашшурбанипал, будучи наместником Ашшура на земле и его орудием, не мог даже помыслить об этом. Кроме того, для непосредственного управления этой обширной страной требовалось гораздо больше солдат и чиновников, чем он мог себе позволить. Поэтому Ашшурбанипалу оставалось только продолжить политику отца. Он вернул 20 местных «царей, наместников и надзирателей» дельты и долины Нила, назначенных Асархаддоном, «которые пред наступлением Тарку³⁷ оставили свои должности и рассеялись в степи (буквально: наполнили степь)», на их прежние места, усилил ассирийские гарнизоны и установил на территории Египта более жесткий режим. Ассирийский царь сам провоцировал египтян на восстание. Как только его войска вышли из страны: «Потом эти цари, все, кого я

36 Ашшур-бан-апал – «Бог Ашшур – создатель сына».

37 Тахарки. Здесь и далее анналы Ашшурбанипала цитируются по изданию: *Хрестоматия* по истории Древнего мира. Т. 1. Древний Восток. М., 1950. (Примеч. пер.)

назначил, согрешили против присяги мне, не соблюли клятвы великих богов, забыли добро, что я им сделал, и сердце их замыслило злое. Они говорили коварные речи, посоветовали себе пагубный совет: «Тарку из Египта изгонят – а что до нас, то как нам усидеть?» К Тарку, царю Эфиопии, они послали своих гонцов для принесения присяги и (заключения) дружбы: «Пусть меж нами установится дружество, и пусть мы будем друг с другом в согласии; страну поделим между собою, и да не будет среди нас другого владыки».

Однако ассирийские военные прознали о заговоре, арестовали восставших и отправили их в Ниневию. Там предали смерти всех их, кроме Нехо (Нику), вероятно настолько искренне раскаивавшегося, что его помиловали. Последнего же Ашшурбанипал одел «в пеструю одежду, наложил на него золотую цепь (?), признак царственности, золотыми кольцами унижал его пальцы» и отправил в Саис, его родной город. На протяжении какого-то времени в Египте царил мир, но в 665 г. до н. э. в ссылке умер Тахарка, наследником которого стал его зять³⁸ Танутамон (ассирийцы называли его Ташдамане). Юный царевич пришел с юга, «устроил резню детей восстания» и занял Мемфис, откуда, однако, ушел в Фивы, услышав, что в Египет во главе многочисленного войска направляется сам Ашшурбанипал. Войдя во второй раз в Фивы, ассирийцы разграбили и разрушили этот город, «будто буря», и увезли «тяжелую и бесчисленную добычу», включая два высоких обелиска, покрытые слоем бронзы. Великий город так и не сумел полностью оправиться после этого.

Переменные успехи ассирийцев на берегах Нила, несомненно, отразились на обстановке в Финикии. В 665 г. до н. э. царь Тира Баал и правитель Арвада (остров Эр-Руад) Иккилу, до этого не изменявшие Ассирии, отказались подчиняться приказам Ашшурбанипала. Тир, тогда находившийся на неприступном острове напротив побережья Ливана, «задушили» с суши, перекрыв туда поставки, из-за чего в городе начался голод, и он был вынужден сдаться. Вероятно, тот же метод был применен против Арвада, благодаря чему этот город также удалось захватить. Правда, с правителями обоих городов Ашшурбанипал обошелся очень мягко. Возможно, причина этого заключалась в том, что все его силы были брошены на подавление восстания в Египте и он не мог позволить себе ни потерять финикийских союзников, ни перебросить войска на другой фронт. По этой же причине ассирийский царь не отреагировал на просьбу о помощи Гига (Гуггу), царя Лидии, «далекого места, имени которого не слыхали цари, отцы мои», о защите от киммерийцев.

Благодаря победе над Танутамоном и финикийскими царями Ашшурбанипал сумел на протяжении нескольких лет уделять внимание обстановке, сложившейся на восточной и северной границах его владений. Датировка событий, произошедших в его царствование, весьма условна, но, вероятно, между 665 и 655 гг. до н. э. ассирийский царь провел кампанию против маннеев, описанную в его анналах, отбил нападение киммерийцев, о котором стало известно благодаря пророчеству, заключил с царем скифов Мадием союз, через несколько лет оказавшийся весьма полезным, и выступил в поход против царя Элама Уртаки, «забывшего добро», которое сделал ему ассирийский царь, и «наводнившего Аккад, подобно рою саранчи».

В царских надписях мидийцы почти не упоминаются, но из других источников нам известно, что в тот период они временно находились под властью скифов. Очевидно, отношения с Урарту были такими же хорошими, как и в правление Асархаддона.

Незадолго до середины VII в. до н. э. боги, всегда помогавшие Ашшурбанипалу, казалось бы, отвернулись от него. Примерно в 655 г. до н. э. Псамметих I (вероятно, сын Нехо) возглавил восстание, разгоревшееся в дельте Нила, и с помощью ионийских и карийских наемников изгнал из Египта ассирийцев, причем преследовал он их вплоть до Ашдода, расположенного в Палестине. Об этом мы знаем из сочинения Геродота, ибо в клинописных источниках об этой катастрофе ничего не говорится. Единственным исключением является так называемый цилиндр Рассама, в тексте, нанесенном на

³⁸ В настоящее время более распространена версия, что он был сыном Шабаци и племянником Тахарки. (Примеч. пер.)

поверхность которого, Ашшурбанипал заявляет, будто Гиг «отправил свои войска на помощь Тушамилки, царю Египта, сбросившему иго его (Ашшурбанипала) власти». В другие времена против Псамметиха выставили бы целую армию, и Египту не удалось бы так легко вырваться из лап Ассирии. Однако тогда основная часть ассирийского войска была вовлечена в войну с Эламом, и Ашшурбанипалу пришлось отказаться от Египта, чтобы спасти Месопотамию.

В Эламе тогда правил Темти-Хумбан (в ассирийских надписях он назван Теумманом), узурпатор, который захватил престол за шесть или семь лет до этого, вынудив сыновей Уртаки искать убежища в Ниневии. Война началась после того, как Теумман потребовал, чтобы ассирийцы выдали их, а Ашшурбанипал ответил ему отказом. Эламцы, которым помогал изменник – вождь Гамбулу, напали на Ассирию. Однако, вытесненные на территорию своего собственного государства, они потерпели поражение в битве у города Туллиз, стоявшего на берегу реки Керхе. Теумман погиб в сражении. Его голову отрубили и отвезли в Ниневию, где, судя по изображению на знаменитом барельефе, ее повесили на одном из деревьев дворцового сада. Гамбулу понесли наказание, а территорию Элама разделили между двумя членами семьи Уртаки: Хумбан-Никашем и Таммариту. Как и в случае с Египтом, ассирийцы не могли или не хотели установить в захваченной стране свою непосредственную власть, и предпринятые ими полумеры так или иначе должны были привести к их уходу с ее территории или полному уничтожению.

Как только завершился этот этап войны с Эламом, восстание разгорелось в Вавилонии. Шамаш-шум-укин на протяжении 17 лет вел себя как преданный брат, но постепенно и он заразился вирусом вавилонского патриотизма и стал думать, что Вавилон имеет не меньше прав на превосходство над всем миром, чем Ниневия. В 651 г. до н. э. он приказал не пускать ассирийцев в Сиппар, Вавилон и Борсиппу и заключил против них союз с Финикией, филистимлянами, Иудеей, арабами, жившими в Сирийской пустыне, халдеями из Южного Ирака, эламцами и даже Лидией и Египтом. Если все союзники напали бы одновременно, Ассирия не выдержала бы. К счастью, о заговоре узнали вовремя. В составленной в категорических выражениях речи Ашшурбанипал предупреждал вавилонян: «Касательно пустых слов, которые этот лживый брат сказал вам, я слышал все, что он говорил. Ни на секунду не слушайте его ложь. Не портите ваше доброе имя, которое не было запятнано передо мной и перед всем миром, не делайте себя погрешившими против божества».

Однако вавилоняне не прислушались к словам царя, и тот выступил в поход против собственного брата. Согласно «Вавилонской хронике», война, сопровождавшаяся непрекращавшимися сражениями, продолжалась на протяжении трех лет. В конце концов Шамаш-шум-укин потерял всякую надежду, поджег собственный дворец и бросился в огонь (648 до н. э.). В Шумере и Аккаде воцарился мир, а наместником Вавилонии был назначен халдейский вельможа Кандалану. Тогда же Ашшурбанипал выдвинул свои войска, чтобы наказать других восставших, и тотчас же вступил в войну с арабами, которые не только поддерживали Шамаш-шум-укина, но и постоянно совершали набеги на зависимые от Ассирии государства, расположенные на западе. Война оказалась трудной, так как вести ее приходилось с неуволнимым противником, храбро сражав шимся и исчезающим в безжизненной пустыне, «где царит иссушающая жажда, где нет даже птиц в небе». Однако, несмотря на это, ассирийская армия творила чудеса: Уайатэ и его союзники набатеи, уже тогда жившие вокруг Мертвого моря, потерпели поражение. Абийатэ и его племя кедар были окружены, отрезаны от колодцев и вынуждены «резать собственных верблюдов и пить кровь и грязную воду, чтобы утолить жажду». Еще один Уайатэ, сын Азаила, попал в плен. Ему в челюсть вставили кольцо, надели на него ошейник и заставили стоять у восточных ворот Ниневии.

Во время этого похода была получена столь обильная добыча, что, по словам Ашшурбанипала, «верблюдов в моей стране покупали на базаре меньше чем за шекель серебром. Рабочие-сутамму и (даже) рабы получали верблюдов в качестве подарков, пивовары – как бакшиш, садовники – в качестве дополнительной платы».

После подчинения арабов Ашшурбанипал отправил ассирийскую армию в поход против своего бывшего протезе – царя Элама, получавшего подарки от мятежного царя Вавилона и оказывавшего ему помощь. Мы считаем не уместным рассказывать в данной книге о таких весьма скучных фактах, как превратности этой войны, заговоры и перевороты, в результате которых на троне Суз последовательно сменили друг друга три правителя. Достаточно отметить, что в 639 г. до н. э. ассирийцы одержали победу в решающем сражении. Весь Элам был опустошен, а его столица полностью разграблена. Справедливости ради следует сказать, что это было своего рода возмездие, так как в качестве добычи, помимо всего прочего, ассирийцы захватили «серебро, золото, имущество и вещи Шумера, Аккада и всей Вавилонии, которые прежние цари Элама увезли во время семи походов». Зиккурат Суз был уничтожен, святилища города осквернены, а богов увезли в качестве пленников или «бросили на ветер». Победленным эламцам не давали покоя даже после смерти, и их страна была стерта с «карты» известной ассирийцам ойкумены:

«Гробницы их прежних царей, которые не боялись Ашшура и Иштар, моих повелителей, и которые насылали бедствия на царей, моих отцов, я уничтожил, я разорил, я подверг солнечному свету. Их кости я вывез в Ассирию. Я лишил покоя их тени. Я лишил их подношений пищи и возлияний воды.

На протяжении месяца и 25 дней пути я разорял Элам. Соль и сихлу (колючее растение) я разбросал по нему... Пыль Суз, Мадакту, Халтемаша и остальных его городов я собрал и увез в Ассирию...

Шум, издаваемый людьми, шаги скота и овец, радостные крики я изгнал с его полей. Я сделал так, чтобы дикие ослы, газели и все звери равнины лежали на них, будто дома».

Так были отомщены многочисленные обиды и завершилась вражда между эламцами и жителями Месопотамии, продлившаяся на протяжении трех тысячелетий.

Вскоре после разграбления Суз Ашшурбанипал отмечал победу. Пребывая в своем дворце в Ниневии, этот образованный, блистательный и безжалостный правитель мог наблюдать, как «весь мир» падает ниц у его ног. Эламские цари и «царь арабов» были привязаны к его колеснице. Вероломный брат Ашшурбанипала встретил соразмерную его преступлениям смерть, а в Вавилоне правил марионеточный царек. Гордые торговцы Тира и Арвада, упрямые евреи и беспокойные арамеи были усмирены. Маннеев ассирийцы «разбили вдребезги», а натиск киммерийцев им удалось сдержать. Правители Табала и Киликии, первоначально враждебно настроенные по отношению к ассирийцам, уложили своих дочерей в кровать царя. За помощь, оказанную Псамметиху, правитель Лидии Гиг был вынужден смотреть, как его страну сжигают дикие воинственные племена, пришедшие с севера, и сам расстался с жизнью. Но его сын Ардис как о чести просил о том, чтобы Ашшурбанипал установил над его владениями свое иго. Ниневия буквально трещала по швам от добычи, захваченной в Мемфисе, Фивах, Сузах и бесчисленном множестве других городов. «Великого имени Ашшура» боялись, его уважали везде – от зеленых берегов Эгеиды до горячих песков Аравии. Никогда еще Ассирийская держава не казалась такой сильной, а ассирийцы – непобедимыми.

Однако многое омрачало эту великолепную картину. Богатый Египет был потерян для ассирийцев навеки. Захваченный ими Элам лежал в руинах. Вавилония была опустошена и сожжена из-за ненависти, родившейся в сердцах ассирийцев. Финикийцы были порабошены и вынуждены уступить господство над морями и своими владениями соперничавшим с ними грекам. На зависимых от Ассирии правителей нельзя было положиться. Ассирийские войска устали и были истощены продолжавшимися на протяжении столетия тяжелыми и кровопролитными войнами. Границы державы теперь, как и прежде, простирались от Нила до Мертвого моря, от горы Арарат до Таврских гор, от Каспийского моря до гор Загроса, за которыми жили скифы, ненадежные союзники Ассирии, и ее грозные враги – мидийцы. Несмотря на внешнюю мощь, Ассирийская держава была слабее, чем когда-либо, и, вероятно, многие втайне думали о том, что осмелились провозгласить пророки Израиля:

«И будет то, что всякий, увидев тебя, побежит от тебя и скажет: «Разорена Ниневия!

Кто пожалеет о ней? где найду я утешителей для тебя?»...

Там пожрет тебя огонь, посечет тебя меч, поест тебя как гусеница, хотя бы ты умножился как гусеница, умножился как саранча...

Нет врачевства для раны твоей, болезненна язва твоя. Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?»³⁹

Глава 21

Слава Ассирии

Правление Ашшурбанипала, как и царствование Хаммурапи, стало для истории Древнего Ирака судьбоносным периодом, в связи с чем об этом времени следует поговорить более детально. Подробно рассказав, как создавалась Ассирийская держава, мы теперь должны (и это вполне логично) обратить свое внимание на то, что скрывалось за войнами и дипломатическими ходами. Что, например, представляли собой общество и экономика этого обширного политического объединения, в которое входила вся территория Плодородного полумесяца и которое (по крайней мере на протяжении какого-то времени) простиралось от Каспийского моря до долины Нила? Чем, в каких направлениях и в каком масштабе торговали внутри страны и за ее пределами? Что связывало Ниневию с зависимыми от нее государствами в мирное время? Какое влияние оказало ассирийское владычество на материальную культуру и духовную жизнь вавилонян, народов, населявших Сирию, Иран, и других, а также самих ассирийцев? Иными словами, что представляла собой Ассирийская держава?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходимо провести сравнительный анализ множества административных, юридических и хозяйственных письменных источников, происходящих из различных частей державы, но, к сожалению, пока в нашем распоряжении нет достаточного количества этих текстов. В настоящее время большая часть информации, которой мы можем оперировать, почерпнута из текстов делового характера и договоров, некогда ставших частью храмовых и дворцовых архивов и обнаруженных археологами на руинах Ашшура, Ниневии и Кальху. Однако эти источники из-за их относительно небольшого количества и ограниченного объема малоинформативны. Поэтому судить об экономических условиях, сложившихся во всей державе, то же самое, что делать выводы о жизни среднестатистических ассирийцев по той, которую вели богатые обитатели роскошных домов Ашшура и Хорсабада. Мы ожидаем, что в решении данной проблемы помогут раскопки менее значимых городов и деревень. В этой связи следует упомянуть, что одним из основных источников, в которых содержатся сведения о землевладении и собственности, являются результаты переписи, проведенной местными властями Харрана.

О том, что происходило за пределами самой Ассирии, мы знаем очень мало. По разным причинам от периода ассирийского владычества в Вавилонии до нашего времени сохранилось совсем немного источников, гораздо меньше, чем от последующих нововавилонского и ахеменидского периодов. Немногочисленные сведения мы можем получить лишь благодаря изучению хозяйственных источников, опубликованных в нескольких изданиях. Говоря о периферии державы, в частности о Сирии, Финикии, Палестине либо провинциях, расположенных в Таврских горах или в горах Загроса, мы должны будем признать, что почти ничего не знаем о них. Отчасти это связано с тем, что было раскопано (или даже локализовано) совсем небольшое количество административных центров, отчасти – с тем, что начиная с VIII в. до н. э. большая часть деловых документов записывалась на арамейском языке на пергаменте или папирусе и до нашего времени не сохранилась.

Таким образом, исследование по истории хозяйства и общества Ближнего Востока в период ассирийского владычества появится лишь через много лет (если вообще будет

39 Наум., 3: 7, 15, 19. (Примеч. пер.)

возможно его написать), и для того, чтобы не браться за невозможное – обобщение элементов, которых просто не существует, мы ограничимся кратким описанием наиболее известных аспектов ассирийской цивилизации, начиная с рассказа о трех факторах, определивших исчезнувшую мощь и вечную славу Ассирии, – государстве, армии и искусстве. В следующей главе благодаря находке знаменитой библиотеки Ашшурбанипала мы расскажем, какого этапа развития достигла ассирийская наука в VII в. до н. э. С помощью этого, как мы надеемся, нам удастся избавить читателей от впечатления, которое с такой легкостью возникает при чтении бесконечных описаний войн. Нельзя считать охваченными жаждой крови головорезами, которыми управлял человек, страдавший манией величия, поистине великий народ, самый цивилизованный из всех существовавших в те времена.

Ассирийское государство

«Великий царь, могучий царь, царь вселенной, царь земли Ашшура», человек, сидевший на троне Ниневии, олицетворял всю огромную мощь народа угнетателей и выполнял верховные религиозные и административные функции. Чиновники, помогавшие ему, наместники провинций, выполнявшие его приказы, послы, передававшие его волю, были всего лишь слугами царя. Тем не менее различия между Ашшурбанипалом, являвшимся повелителем миллионов людей, и *энси* раннего шумерского города-государства, власть которого распространялась лишь на несколько тысяч квадратных метров, заключаются не в природе их власти, а в объеме их властных полномочий. Изначальный принцип наделения царской властью посредством божественного выбора существовал на протяжении 23 столетий, и в теории царь Ассирии был лишь человеком, избранным из многих других, чтобы действовать от имени богов и на благо общества. Он являлся земным представителем и орудием бога Ашшура, подобно тому как правитель Лагаша Гудеа играл ту же роль по отношению к Нингирсу. До того как Шамши-Адад I принял титул «царь» (*шаррум*), ассирийские правители называли себя *ишакум* (= *энси*) бога Ашшура, и это слово на протяжении долгого времени встречалось в длинных перечнях титулов ассирийских царей.

Принцип божественного выбора мог бы привести к постоянным династическим кризисам, если бы не сочетался со строго наследственным характером передачи царской власти в Ассирии. Правящий царь выбирал наследника из числа своих сыновей и делал так, чтобы его приняли другие члены царской семьи, служившие при дворе чиновники, вельможи и правители зависимых государств. Считалось, что на выбор царя влиял сам бог Ашшур, а боги Син и Шамаш, с которыми общались при помощи оракула, провозглашали: «Воистину он твоя замена!» Однако нам известно, что это была лишь формальность. Сыновья царей автоматически получали право на царствование, и несколько ассирийских правителей в надписях с гордостью приводят длинный перечень своих царственных предков, который в некоторых случаях заканчивается именем мифического героя Адапы.

После своего избрания наследный царевич покидал дворец отца и входил в *бит редути*, Дом престолонаследия, расположенный на берегу Тигра, в Тарбису (современный Шериф-Хан), в нескольких километрах вверх по течению реки от Ниневии. Там его готовили к выполнению функций царя и постепенно доверяли ему важные военные и административные полномочия, включая замену царя как главы государства во время войны. Некоторые царевичи получили прекрасное образование. К примеру, сам Ашшурбанипал следующим образом описывал свое обучение и военную подготовку: «Искусством учителя Адапы я овладел: тайное сокровище всех знаний писцов, знаки неба и земли... И я изучал небеса с учеными мужами, знающими, как делать возлияния маслом. Я решил трудные проблемы разделения и преумножения, которые не были ясны. Я читал прекрасную письменность Шумера и запутанный аккадский язык, которым сложно овладеть, получая удовольствие от чтения камней допотопных времен... Вот что я делал на протяжении всех дней: я взбирался на своего боевого коня, ехал радостно, я поднимался к охотничьему домику (?). Я держал лук, я пускал стрелу, знак моей доблести. Я швырял тяжелое копье, будто

дротик. Держа вожжи в качестве колесничего, я заставлял колеса крутиться. Я научился держать щиты *ариту* и *кабалу* как тяжеловооруженный лучник. В то же время я обучался царскому этикету, ходя, как положено царю. Я стоял перед царем, моим отцом, отдавая приказы вельможам. Без моего разрешения не был назначен ни один наместник, ни один управляющий провинцией не был назначен в мое отсутствие».

Когда умирал царь, его оплакивали все ассирийцы и хоронили не в Ниневии или Кальху, а в древнейшей столице царства – Ашшуре, где в сводчатых камерах под древним дворцом были обнаружены пять массивных каменных саркофагов, в которых некогда находились тела Ашшур-бел-кала, Ашшурнацирапала, Шамши-Адада V, а также, возможно, Синахериба и супруги Асархаддона Эшархамат и которые были разграблены еще в древности. Через незначительный промежуток времени после погребения покойного царя в том же городе проводился обряд коронации нового правителя. Эта церемония была довольно простой. Наследник сидел на переносном троне, перед которым следовал жрец, выкрикивавший: «Ашшур – царь! Ашшур – царь!», и его несли в Экур, храм бога – покровителя Ассирии. Царевич входил в святилище, неся с собой золотую чашу, наполненную маслом, *ману* серебра и богато украшенное одеяние. Он простирался перед божеством, а верховный жрец умащал его и давал ему царские инсигнии – «корону Ашшура и скипетр Нинлиль»⁴⁰, в то время как произносились следующие слова:

«Диадема на твоей голове, пусть Ашшур и Нинлиль, владыки диадемы, наденут ее на тебя на сотню лет.

Твои стопы в Экуре, и твои руки простираются к Ашшуру, твоему богу. Пусть они получают поддержку.

У Ашшура, твоего бога, пусть твое жречество и жречество твоих сыновей найдет поддержку.

С помощью своего прямого скипетра сделай свою землю широкой.

Пусть Ашшур дарует тебе быстрое удовлетворение, справедливость и мир».

Затем новый царь отправлялся во дворец, где вельможи и чиновники отдавали ему дань уважения и возвращали свои должностные знаки. Однако этот шаг был чисто символическим, так как эти люди были назначены на посты заранее и их тотчас же восстанавливали. Мы можем предположить, что церемония завершалась всеобщим весельем.

Во многом ассирийский царь правил так же, как и его месопотамские «коллеги», хотя, судя по официальной переписке, местные власти получали более широкие полномочия, чем, например, во времена Хаммурапи. Ежедневно царю сообщали обо всех важных событиях, происходивших в державе и за ее пределами. Он отдавал приказы и советовал, назначал чиновников, разбирал жалобы, принимал и развлекал высокопоставленных сановников и иноземных послов, а также с помощью целой армии писцов вел весьма объемную переписку. В качестве Верховного главнокомандующего правитель планировал кампании, проводил смотр войск и лично руководил военными операциями. За пределами поля боя он доказывал свою храбрость и мастерство, охотясь на колеснице на диких зверей с помощью лука и стрел или пытаясь убить льва копьем в окрестностях дворца. Работа с документами, организация приемов и участие в них, охота – всем этим занимаются и современные главы государств. Однако следует учитывать, что ассирийский царь, помимо всего прочего, являлся жрецом и во всем зависел от сложной системы магическо-ритуальных действий, занимавших значительную часть его времени и делавших его ежедневную ношу еще более тяжелой.

В качестве главного слуги богов и верховного жреца он следил за строительством храмов и обязан был поддерживать их деятельность, назначал отдельных жрецов и принимал активное участие в некоторых особенно важных религиозных обрядах Ассирии и Вавилонии, таких как празднование появления новой луны или Нового года, а также в определенных ритуалах, очевидно разработанных исключительно для него, в частности в обрядах *такульту* («еды») – пиршестве для богов, устраивавшемся в обмен на их защиту, и *битримки*

40 Богиня Нинлиль, изначально являвшаяся женской ипостасью Энлиля, считалась супругой Ашшура.

(«помещение для омовений»), во время которого царь принимал ванну, а различным богам возносились молитвы. Как представитель своего народа, правитель был «талисманом или козлом отпущения, отвечавшим перед богами за все согрешения общины». Он должен был периодически держать пост, подвергаться ритуальному бритью и другим унижениям, а когда делались крайне негативные для Ассирии пророчества, он избегал смерти только потому, что сажал на трон своего «заместителя». Выше уже упоминался пример использования этого странного месопотамского обычая в период соперничества между Исином и Ларсой. В письме, составленном во время правления Ашшурбанипала, говорится об аналогичной ситуации: жрица, находясь в трансе, избрала некоего Дамки, сына надзирателя Аккада, его женили на придворной даме, а после непродолжительного «царствования» умертвили вместе с супругой. Перед нами крайняя мера, так как широко распространенное представление крайне редко воплощалось в реальность.

Жители Месопотамии верили, что боги выражают свою волю множеством различных способов, и постоянно искали различные знаки и предзнаменования. Предсказание в Ассирии, на чем бы оно ни основывалось: на движении звезд и планет, толковании снов и природных явлений, внешнем виде печени жертвенной овцы, полете птиц, рождении чудовищ, «поведении» капель масла, упавших в емкость с водой, – было крайне важно и возведено до уровня официальной «науки». Царя должным образом в устной или письменной форме предупреждали о благоприятных и неблагоприятных пророчествах, и он не принимал ни одно важное решение, предварительно не посоветовавшись со жрецами-*бару* (прорицателями) или придворными астрологами. Приведем два примера из царской переписки. Белушезиб писал Асархаддону следующее: «Когда звезда сияет, подобно факелу, с восхода, а на закате меркнет, нападёт вражеское войско. Когда внезапно поднимается южный ветер и, поднявшись, продолжает дуть и превращается в шторм, а из шторма – в бурю, день разрушения, царевич, в какой поход он ни отправился бы, получит богатство». В письме Закира Ашшурбанипалу сказано следующее: «На 15-й день месяца тебет, во время ночной вахты, было лунное затмение. Оно началось на востоке и двигалось на запад. Беспорядки, происходящие в стране амурру, навредят ей самой. Беспорядки – наказание царя амурру и его страны за то, что он позволил врагу царя, моего господина, находиться в стране амурру. Пусть царь, мой господин, поступает так, как хочет. Рука царя, моего господина, поймает его. Царь завершит его поражение...»

Однако не следует считать, что во внешней и внутренней политике царь руководствовался исключительно предрассудками. Астрологи и прорицатели делали для него общее описание обстоятельств, а сам он волен был поступать так, как пожелает. Нам известно, что в некоторых случаях царь несколько раз просил сделать для него предсказание – до тех пор, пока не получал результат, соответствующий его планам.

Являясь в теории полноправным правителем, ассирийский царь не мог править без согласия и поддержки вельмож, *мар банути*, «сыновей творения». Им он представлял избранного им наследника, и от того, примут ли они его, зависело, установятся ли в стране мир и покой. К примеру, восстания, начавшиеся по окончании правлений Салманасара III и Синахериба, в сущности, были вызваны тем, что некоторые вельможи поддерживали не наследного царевича, а другого кандидата на престол. Военачальники, верховные жрецы и наместники провинций происходили исключительно из верхних слоев общества, и от их верности царю зависели единство державы и правильное функционирование системы управления ею.

Мы совсем немного знаем о центральном административном аппарате, так как титулы, которые носили высокопоставленные сановники, не всегда соответствовали выполнявшимся ими функциям, а те, в свою очередь, не были четко определены. В Ассирии не было министров в современном смысле этого слова. Царю помогали несколько советников, среди которых присутствовали четыре или пять наиболее высокопоставленных сановников: *туртану* (военачальник), *рабшаке* (главный чашеносец), *нагир экалли* (комендант дворца), *абаракку* и *шакну*. Ни один из этих сановников, за исключением *туртану*, не выполнял

какие-то конкретные задачи. Эти люди, получившие на значение на должность на 30-летний срок (что в древности соответствовало пожизненному) и обширные земельные владения, дававшие им средства для существования, были скорее вельможами, чем чиновниками. Порядок, в котором они занимали свои посты, приведен в списке *лимму* (эпонимов), так как по имени каждого из них назывались первые пять лет царствования, причем год восшествия на престол был назван в честь царя, а остальные – по именам наместников провинций. Крупнейшие сановники владели большими домами, расположенными в центре столицы, и, подобно царице-матери, а также сыновьям и дочерям царя, у них были собственные дворы, представлявшие собой уменьшенные копии царского, где трудились сотни мужчин и женщин. Все эти люди жили за счет доходов с собственных или царских земель, а также получали часть военной добычи и многочисленных податей, взимавшихся в Ассирии и зависимых от нее государствах. Одновременно с самой державой расширялся и царский двор в Ниневии. Нет никаких сомнений в том, что в правление Саргонидов он был безмерно раздут и погряз в коррупции. Придворные паразитировали на государстве и плели всевозможные интриги.

Сразу за вельможами следовали *уммане* («специалисты»). Этим словом обозначали всех свободных людей, занимающихся каким-либо определенным видом деятельности, в частности ростовщиков, купцов, лекарей, писцов, ремесленников и т. д. Объединенные в гильдии, аналогичные существовавшим в Средние века, они работали в разных районах города, готовили учеников и передавали свои секреты сыновьям. Так как именно от них зависело процветание государства, эти люди были почти так же важны, как и сановники, и, несмотря на то что в их жилах текла смешанная кровь (в Ниневии, как и во многих крупных столицах, жило много иностранцев), царь обращался с ними очень уважительно. «Люди Ассирии», примкнувшие к Асархаддону, когда он боролся за трон, «город и его жители», которым Саргон адресовал описание своего похода в Курдистан, были ассирийской «буржуазией».

Мушкенумы старовавилонского периода прекратили свое существование как слой общества, хотя само это понятие сохранилось, приобретя значение «непривилегированный», «несчастный», аналогичное арабскому *мескин*. Нижние ступени социальной лестницы занимали *хуши*, малопонятная категория людей, очевидно состоявшая из непрофессиональных наемных работников, нанимавшихся в земледельческие хозяйства, и солдат, а также рабы (*арде*), которыми, как правило, становились захваченные во время войны пленники, из-за чего их и без того большое количество постоянно увеличивалось. Само по себе слово «раб» вызывает отвращение, но даже в Ассирии рабы жили не в таких ужасных условиях, как принято считать. Рабов можно было продавать и покупать (стоимость раба в правление Ашшурбанипала варьировалась от десяти *шекелей* до более *маны* серебром), а судя по юридическим источникам, некоторые из них, по крайней мере, могли научиться какому-либо ремеслу, иметь собственное имущество, брать в долг зерно или деньги, выступать свидетелями в суде или даже иметь собственных рабов. Бывали случаи, когда рабам удавалось стать очень высокопоставленными чиновниками.

Представителей различных слоев ассирийского общества, отличавшихся друг от друга по уровню доходов, культуре и социальному статусу, объединяло одно: царь мог отправить всех их на широкомасштабные общественные работы или заставить участвовать в важнейшем для всей Ассирии виде деятельности – войне.

Ассирийская армия

Собиравшаяся почти каждый год на протяжении трех столетий с обширной территории – от покрытых снегом гор Армении и Ирана до болот «Страны моря» и песков Египта, неутомимая и почти всегда победоносная ассирийская армия была непревзойденным орудием мощи Ассирии. Секрет ее успеха, как и в случае с македонской фалангой и римским легионом, заключался в качестве подготовки, превосходстве оружия и, как прекрасно можно

себе представить, жесткости дисциплины.

Изначально ассирийское войско набирали из крестьян, живших на севере Ирака, прирожденных воинов, в которых смелость кочевников сочеталась с упорством земледельцев и выносливостью горцев. Когда боевые действия стали вестись на более обширной территории, этого войска, собранного по призыву, стало недостаточно, и выше уже говорилось, что Тиглатпаласар III создал постоянную армию, состоявшую в основном из отрядов, которые присылали из отдаленных частей державы наместники провинций, – всадников из Ирана и арамейских поселений Вавилонии, солдат из Аравии, сражавшихся верхом на верблюдах, пехотинцев из Анатолии и Сиро-Палестинского региона. Кроме того, некоторые племена, такие как итуаи, были освобождены от податей в обмен на военную службу. Лично свободных жителей Ассирии также могли призвать в армию в случае необходимости, но многие из них могли отправить вместо себя рабов или позволить себе заплатить за услуги *хупши*. Позднее крупные отряды стали присылать зависимые от Ассирии государства. К тому же в качестве наемников к ассирийской армии все чаще присоединялись группы мидийцев, киммерийцев и скифов, привлеченные перспективой получения части военной добычи. В правление Асархаддона и Ашшурбанипала она стала терять свою сплоченность и натиск. Данный факт в какой-то степени объясняет, почему ассирийское войско было побеждено быстро и без каких-либо серьезных усилий.

Несмотря на обилие надписей, содержащих описание боевых действий, мы совсем мало знаем о численности, структуре и тактических приемах, применявшихся в ассирийской армии. Численность солдат, принимавших участие в той или иной кампании, приводится очень редко. В одной из надписей Ашшурнацирапала говорится о 50-тысячном войске; в битве при Каркаре Салманасар III сумел противопоставить вражеской армии, численность которой составляла 70 000 человек, 120 000 солдат. Если потери врага в источниках сильно преувеличиваются, то о жертвах среди ассирийцев речь в них почти никогда не идет.

Имеются пробелы и в наших знаниях об иерархии в ассирийской армии: от *туртану* и *раб шаке* (нередко выполнявших обязанности заместителей первых) мы почти сразу переходим к «начальникам семидесяти» и «начальникам пятидесяти». В то же время нам известно, что, например, у всадников была собственная градация, а у телохранителей царя, «людей кинжала», были свои «полковники». Все битвы описаны в источниках очень ярко, но в то же время без какой-либо конкретики, поэтому мы ничего не знаем о тактических приемах, применявшихся ассирийцами. Очень редко в текстах встречаются упоминания засад и внезапных нападений, целью которых было застать неприятеля врасплох.

Основным источником, из которого мы можем почерпнуть сведения об ассирийской армии, остаются многочисленные батальные сцены, изображенные на плитах, найденных во дворцах Нимруда, Хорсабада и Ниневии, или вырезанные на бронзовых воротах Балавата. Изображенные на них пехотинцы были легко– (лучники и пращники) или тяжеловооруженными (копейщики). Первые носили короткие туники и не пользовались оборонительным вооружением, в то время как копейщиков защищали доспех и щит круглой или вытянутой формы, иногда превышавший рост человека. Как правило, пращники сражались с непокрытыми головами, а лучники и копейщики носили высокие шлемы конической формы, а иногда шлемы с гребнем, напоминающие греческие. Помимо этого оружия, по которому можно судить об их «специализации», большинство пехотинцев носило короткие мечи, кинжалы или булавы. Все они, по крайней мере с периода правления Тиглатпаласара III, были обуты в полуботинки, которые завязывались спереди.

Конники носили такую же «униформу» и были вооружены небольшими луками или длинными копьями. Они не использовали седла и стремяна, но в правление последних Саргонидов лошадей стали защищать доспехом, из-за чего, как это ни странно, ассирийские всадники и их кони напоминали средневековых рыцарей.

Солдаты, относившиеся к третьей категории, сражались на легких двухколесных колесницах, которые везли за собой две или три лошади. На каждой такой колеснице могли находиться четыре или пять человек: возница, один или два лучника и два солдата,

прикрывавшие колесницу щитами.

За войском постоянно следовали слуги мужского и женского пола, а также повозки, наполненные припасами и другим имуществом. Реки форсировали на обычных или тростниковых лодках, причем в последнем случае стебли тростника скреплялись при помощи битума (арабы называют его *куфа* , и он до сих пор используется на территориях, расположенных в верхнем течении Тигра), либо на надутых козьих шкурах.

Одним из ключевых преимуществ ассирийской армии были наличие у нее машин, помогавших успешно провести осаду. Многие города, особенно в Армении и Сирии, были хорошо укреплены, и их захват оказывался весьма нелегкой задачей. Но в войске служили собственные инженеры, заполнявшие рвы, противопоставлявшие валам земляные работы и копавшие туннели, в то время как осаждавшие засыпали город стрелами, укрываясь в стационарных или передвижных башнях, находили слабые места в воротах или стенах и пробивали их с помощью огромных таранов и шли вперед под прикрытием больших щитов. Осажденные враги сопротивлялись, выливая со стен на осадные машины горячее масло и выбрасывая факелы или сдерживая тараны цепями. Штурм проводили через проломы в стенах или с помощью лестниц. После овладения городом и его ограбления, а также убийства или захвата в плен его жителей его предавали огню, разбирали и сравнивали с землей или заново укрепляли. Все зависело от того, насколько выгодным с точки зрения стратегии было его местонахождение.

Ассирийские цари очень гордились своими победами в войне, скульпторы изображали ее во всем многообразии и с множеством подробностей. На многочисленных рельефах, очевидно служивших иллюстрациями к надписям, вырезанным на ортостатах, стелах, камнях, скалах и на поверхностях статуй, солдаты изображены марширующими, сражающимися, убивающими, грабящими, ломающими стены городов и охраняющими пленников. Из этой череды батальных сцен, не имеющих аналогов в других странах почти полностью однообразных изображений, вызывающих ужас, выделяются рельефы, не связанные с надписями и изображающие солдат на отдыхе в лагере и в палатках – ухаживающими за лошадьми, забивающими скот, готовящими еду, пьющими, играющими и танцующими. Эти сценки, полные жизни, позволяют взглянуть на трагедию войны с другой точки зрения. Оказывается, что за безжалостными убийцами скрываются привычные и вполне понятные нам люди – скромные, простые, чистосердечные рядовые, которые были, есть и будут в любой армии.

Ассирийское искусство

Ассирийская армия, поверженная и уничтоженная во время катастрофы, произошедшей в 614–609 гг. до н. э., давно прекратила свое существование, но памятники искусства Древней Ассирии, к счастью, сохранились и поражают наше воображение не только своим количеством, но и качеством.

С тех пор как каменные колоссы, чьи «ледяные глаза созерцали Ниневию», впервые оказались в Европе, словосочетание «ассирийское искусство» стало ассоциироваться со скульптурными изображениями, особенно с рельефами. Круглая скульптура 1-го тыс. до н. э. сохранилась до нашего времени в незначительном количестве. По какой-то неизвестной нам причине в ассирийских столицах было очень мало статуй, причем лучшие из них, такие как изваяние Ашшурнацирапала, хранящееся в Британском музее, весьма условны, безжизненны и во многом уступают произведениям выдающихся мастеров новошумерского периода. Рельефы, наоборот, всегда представляют интерес, они нередко очень красивы и, несомненно, являются «величайшим и наиболее самобытным достижением ассирийцев».

Техника изготовления рельефов почти такая же древняя, как и сама Месопотамия, но на протяжении долгого времени она использовалась только для украшения стел, которые устанавливались в храмах. Первое подобное изображение нанесено на так называемую охотничью стелу из Варки (Урук протописьменного периода), затем эта техника

использовалась при изготовлении таких шедевров, как Стела стервятников Эанатума и Победная стела Нарам-Су-эна, и, наконец, рельефами были украшены *кудурру* касситского и среднеавилонского периодов. Ассирийцы переняли эту традицию, изобразив несколько религиозных сюжетов (в качестве примера можно привести рельеф с изображением Ашшура в ипостаси бога растительности, хранящийся в Британском музее), но вскоре сменили тематику, сосредоточив внимание на личности царя. Далеко не все стелы, установленные в завоеванных странах в качестве напоминания о победах Ассирии, можно назвать произведениями искусства, и большинство из них имеет скорее историческую, чем художественную ценность. С другой стороны, рельефы, вырезанные на плитах, скорее всего привозились из других государств.

Впервые использовать скульптурные изображения для украшения архитектурных элементов стали, очевидно, жившие в Анатолии хетты, еще во 2-м тыс. до н. э. украшавшие стены дворцов «ортостатами». В своей холмистой стране ассирийцы находили многочисленные отложения известняка, довольно ноздреватого и хрупкого, но подходящего для большинства целей. Кроме того, они могли покупать более качественный материал у других народов. У ассирийцев было неограниченное количество рабочих рук, способных добывать и перевозить каменные блоки, прекрасные художники, умевшие создать изображения, опытные ремесленники, превосходно обращающиеся с долотом. Они воспользовались изобретением хеттов и сумели довести его до совершенства. Огромные, но в то же время очень живые изваяния крылатых существ с телом быка или льва и головой человека, охранявшие ворота ассирийских дворцов и, казалось бы, появляющиеся из них, выглядят очень уравновешенными, несмотря на свою массивность, и создавший их художник уделил внимание множеству деталей, очевидно являющихся уникальными. Для плит, покрытых барельефами, украшавших коридоры и помещения дворцов и предназначенных для того, чтобы их рассматривали с близкого расстояния, характерна поразительная сбалансированность композиции. Они свидетельствуют о том, что их авторы были весьма наблюдательны (особенно в случаях с изображениями животных) и превосходно умели передавать движение. Перед нами воистину выдающиеся произведения искусства, превосходящие все созданные до них аналоги и уступающие лишь древнегреческой скульптуре.

Мы не можем провести в этой книге даже короткий анализ ассирийских рельефов, но хотели бы обратить внимание читателей на ряд особенностей этого вида искусства, отличающих его от других аналогичных произведений, сделанных на Древнем Ближнем Востоке. Все месопотамские произведения искусства, созданные ранее, были тесно связаны с религией и так или иначе – с богами. Однако центральной фигурой ассирийского искусства, как правило, являлся царь, причем, в отличие от древнеегипетских рельефов, он изображался не земным воплощением божества, сверхчеловеком, превосходившим своих подданных героизмом и размерами, а простым смертным, но в то же время обладающим властью и очень храбрым. Более того, царя часто изображали на смотрях войск, во время охоты, отдыха, получающим знаки уважения или дань либо ведущим свои войска в бой, но в нашем распоряжении почти нет рельефов, на которых он выполняет жреческие функции. Ассирийские художники изображали и духов, полубогов, героев, но изображения богов, очевидно, мастера не вырезали (за исключением наскальных) или ограничивались их символами – копьем, воткнутым в алтарь, или крылатым диском, парящим в небе. В связи с тем, что царская власть в Ассирии была так же тесно связана с религией, как и в Шумере и Вавилонии, у данного факта может быть только одно объяснение: плиты со скульптурными изображениями, украшавшие царские дворцы, являлись элементами политической пропаганды. Имеющие не только декоративную, но и повествовательную составляющую, они должны были не радовать богов или умиротворять их, а вызывать уважение, восхищение и страх в сердцах людей. В целом произведения ассирийских скульпторов являются одной из первых попыток «очеловечить» искусство и избавить его от религиозных и магических коннотаций, унаследованных человечеством еще с доисторических времен.

Уже давно известно, что некоторые статуи и рельефы раскрашивались. С другой стороны, яркие глазурованные кирпичи, украшенные декоративными орнаментами или различными изображениями, широко использовались в храмах и дворцах, знаменуя собой переходный этап от рельефов к росписям. Благодаря результатам археологических раскопок мы можем прийти к выводу, что росписи украшали стены большинства (если не всех) общественных зданий и многих частных домов. Из-за того что краску накладывали на хрупкую штукатурку, большинство этих изображений не сохранилось. Однако в Хорсабаде, Нимруде и Телль-Ахмаре (Тиль-Барсип) были обнаружены, скопированы *in situ* или перевезены в музеи большие фрагменты росписей. Как и рельефы, они стали создаваться на территории Ирака еще в глубокой древности, и (по крайней мере, в Ассирии) их авторы и заказчики предпочитали изображать различные сюжеты, не имеющие религиозного значения. Росписи могли варьироваться от простых бордюров с геометрическим орнаментом до изысканных «картин», покрывавших большую часть стен и состоявших из горизонтальных полос, на каждую из которых были нанесены растительные мотивы, изображения животных, батальных сцен и сцен охоты, а также царя. Судя по примерам, имеющимся в нашем распоряжении, ассирийские росписи ни в чем не уступали скульптуре, и для росписей, найденных в Телль-Ахмаре, характерна большая свобода выражения, а сделаны они с огромным мастерством.

Ассирийцы создавали превосходные изделия из металла, и до нашего времени сохранились прекрасные артефакты, сделанные из бронзы, золотые и серебряные тарелки, сосуды и всевозможные украшения. Ассирийские рабыни, трудившиеся в ткацких мастерских, создавали ковры со сложными вышитыми орнаментами. Подобные одеяния носили царь и его придворные, о чем нам известно благодаря тому, что мастера тщательно воплощали в камне все элементы царского туалета. В отличие от скульпторов резчики по камню предпочитали мирским сюжетам традиционные религиозные и мифологические сцены, и для цилиндрических печатей новоассирийского периода, вырезанных очень умелыми руками, характерна холодная, но в то же время завораживающая красота.

Однако, говоря о так называемой мелкой пластике, пальму первенства следует отдать изделиям из слоновой кости, найденным в Ассирии. Широко использовавшееся в Месопотамии раннединастической эпохи искусство резьбы по кости было забыто, но возродилось в середине 2-го тыс. до н. э. в Палестине (Лахиш, Мегиддо) и на побережье Средиземного моря (Угарит) – в регионах, находившихся под египетским влиянием. Процветание финикийских городов, Израильского царства и арамейских государств Сирии, а также их тесные торговые отношения с Египтом, откуда привозили сырье, в начале 1-го тыс. до н. э. привели к расцвету этого вида искусства не только в Сиро-Палестинском регионе (Самария, Хамат), но и в Ассирии, Иране (Зивие) и Армении (Топраккале). Нет ни малейших сомнений, что большинство изделий из слоновой кости, обнаруженных в Ашшуре, Хорсабаде, Арслан-Таше (Хадату) и особенно в Нимруде, богатейшем из памятников, было получено в западных частях державы в качестве подарков или добычи. Однако стилистика и сюжеты, использованные для создания ряда артефактов, свидетельствуют об их сугубо ассирийском происхождении, хотя мы не знаем, кто: ремесленники из Сирии и Палестины или сами жители Месопотамии – создавал их в ассирийских мастерских.

Использовавшуюся для украшения стульев, тронов, кроватей, ширм и дверей или для изготовления шкатулок, мисок, сосудов, ложек, заколок, расчесок и ручек слоновую кость обрабатывали несколькими разными способами: по ней вырезали, из нее создавали различные скульптурные изображения, инкрустировали полудрагоценными камнями, раскрашивали или покрывали золотом. Не менее примечательным является разнообразие сюжетов. Помимо исконно египетских сцен, таких как рождение Хора или богини Хатхор, встречаются и «изображение женщин в окне», коров, оленей и грифонов, которые, судя по стилистике, можно отнести к числу финикийских, а также изображения сражающихся друг с другом животных, героев, вступивших в схватку с чудовищами, обнаженных женщин или богинь, охоты, процессий, являющиеся, по мнению специалистов, отчасти сирийскими и в то

же время частично месопотамскими. Следует отметить, что все эти сюжеты являются исключительно мирными по своему характеру. На нескольких артефактах изображен «могущественный царь Ашшура», один или вместе с солдатами, но, например, улыбающиеся женщины, «Мона Лиза» из Нимруда, веселые музыканты и танцоры, спокойные, загадочные сфинксы, коровы, вылизывающие своих детенышей, которые грациозно и с любовью поворачивают головы, очень успокаивают. Где бы: в самой Ассирии или за ее пределами – они ни были созданы, эти изделия позволяют нам по-новому взглянуть на их владельцев. Данные артефакты свидетельствуют о том, что ассирийцам не было чуждо стремление к изяществу и изысканности, а их библиотеки – о жажде знаний.

Глава 22 **Писцы Ниневии**

Когда в 1849 г. сэр Генри Лэйярд, пионер британской археологии в Ираке, проводил раскопки во дворце Синахериба в Ниневии, он обнаружил два больших помещения, полы которых были покрыты как минимум 30-сантиметровым слоем табличек. Через три года помощник Лэйярда Ормуз Рассам сделал аналогичное открытие там же – в Куюнджукке, но уже во дворце внука Синахериба – Ашшурбанипала. Всего было собрано и отправлено в Британский музей более 25 000 табличек и их фрагментов, вследствие чего это учреждение получило самую обширную коллекцию артефактов, относящихся к данному типу. В ходе дальнейшего изучения исследователи пришли к выводу, что «библиотеку Ашшурбанипала»⁴¹ можно разделить на две части: с одной стороны, в нее вошли так называемые архивные документы (письма, договоры, хозяйственные и исторические тексты), а с другой – источники, которые можно назвать входящими в состав самого библиотечного фонда: литературные, религиозные и научные произведения. Последние представляют собой наиболее важную часть царской коллекции, и интерес к ним вызван также тем фактом, что многие из них представляют собой списки с шумерских и вавилонских табличек, сделанные по приказу царя в Ниневии. На основании нескольких писем, сохранившихся в царских архивах, можно прийти к выводу о том, что ассирийским царям не была чужда культура и они активно искали древние тексты, особенно в высокоразвитых, по их мнению, Шумере и Аккаде. «Когда ты получишь это письмо, – пишет Ашшурбанипал некоему Шадуне, – возьми с собой этих трех человек (далее перечисляются их имена) и ученых мужей города Борсиппы и ищи все таблички, все, которые в их домах, и все те, которые в храме Эзида... Разыскивай ценные таблички, которые в твоих архивах и которых нет в Ассирии, и пришли их мне. Я написал чиновникам и надзирателям... и никто не должен отказывать тебе. И когда ты увидишь табличку или ритуал, о которых я тебе не писал, но которые, по твоему мнению, представляют ценность для моего дворца, разыщи их, заведи их и отправь мне».

Ценные таблички хранились не только в царских дворцах. Во всех столичных городах и крупных провинциальных центрах существовали храмовые и даже, возможно, частные библиотеки. Крупные библиотеки имелись в Ашшуре и Нимруде, а в ходе работы английско-турецкой археологической экспедиции в Султан-Тепе, находящемся неподалеку от Харрана, было обнаружено богатое собрание литературных и религиозных текстов, некогда принадлежавших жрецу бога луны Сина по имени Курди-Неграл. Помимо знаменитых «Эпоса о Гильгамеше», «Легенды о Нарам-Суэне» и «Поэмы о невинном страдальце» в эту коллекцию вошли такие литературные шедевры, как «Сказка о ниппурском бедняке», которые прежде не были известны.

Привезенные в Ассирию древние таблички хранили или копировали мелким аккуратным клинописным шрифтом, являющимся весьма характерным признаком данного периода. Многие тексты были частично или полностью переписаны и приведены в

⁴¹ В действительности большинство табличек, обнаруженных во дворце Синахериба, принадлежало Ашшурбанипалу, который в первые годы своего царствования жил в резиденции деда.

соответствие с литературным вкусом того времени, но другие копировали дословно. В последнем случае нередко писцы оставляли пустоты в тех местах, где в первоначальном тексте существовали лакуны, добавляли свои комментарии или ставили на полях пометку *ул иди* , «не понимаю», или *хепу лабиру* , «древнее повреждение». Иногда писцы выдавливали буквы палочкой не на мягкой глине, а на слое воска, которым были покрыты доски из слоновой кости или дерева. Несколько таких досок соединялись вместе с помощью металлических петель, образуя миниатюрное подобие ширмы. В 1953 г. в Ним руде была обнаружена коллекция подобных досок, на некоторых из которых сохранились фрагменты астрономического текста. Эта находка была сделана в колодце, куда доски были сброшены во время разграбления города.

В то время как административные и посвященные различным торговым операциям тексты хранились, как правило, в сосудах или корзинах, «библиотечные» таблички лежали на полках. Но так как они были обнаружены беспорядочно разбросанными по полу разрушенных зданий, нам крайне сложно понять, по какому принципу их классифицировали. В то же время нам известно, что таблички, относившиеся к одной и той же категории, нумеровались, или вырезанные на них тексты заканчивались короткой разделительной строкой, содержащей первое предложение, написанное на следующей табличке. К примеру, таблица III с текстом «Энума элиш» заканчивается предложением: «Ему воздвигли престол почета», с которой начинается текст таблицы IV. Таблица XI ассирийской версии «Эпоса о Гильгамеше» снабжена следующим «колофоном»: «О все видавшем (из серии о) Гильгамеше. Записано в соответствии с оригиналом и сверено. Дворец Ашшурбанипала, царя вселенной, царя Ассирии».

Усердие, с которым собирались эти шедевры прошлого, и тщательность, с которой они хранились, делают честь не только самим писцам, но и царям, их повелителям. Как это ни парадоксально, ассирийцы, столько всего уничтожившие, сохранили для потомков очень многое из духовного наследия Шумера, Аккада и Вавилона, а также своей собственной страны.

Месопотамская наука

Вряд ли сам Ашшурбанипал часто пользовался библиотекой. Ради собственного удовольствия он вполне мог расшифровать текст, вырезанный на камне еще до потопа, или прочесть эпосы о Гильгамеше, Этане и Адапе, но вряд ли у него было достаточно времени или желания для того, чтобы прочесть тысячи табличек, собранных по его приказу. Библиотека, очевидно, была открыта для посещения дворцовыми и храмовыми писцами, которые могли найти там необходимый им текст. Вполне возможно, что она представляла собой часть «университета» (*бит мумми* , «Дома знаний»), аналоги которого функционировали в разных городах в различные периоды и который, вероятно, был создан для того, чтобы привлекать в Ниневию ученых мужей из Месопотамии. В их распоряжении были не только многочисленные литературные, религиозные и исторические сочинения, но и труды по филологии, списки растений, животных и минералов, перечни географических названий и медицинских предписаний, математические таблицы, астрономические наблюдения – словом, коллекция научных трудов, своего рода энциклопедия ассирийско-вавилонского знания. Все эти источники для нас представляют не меньшую ценность, чем для древних ученых, хотя и по несколько другим причинам, однако, в то время как все вместе они позволяют нам судить о степени развития месопотамской науки, по отдельности они оказываются непригодными для этих целей. Поэтому в данной главе мы будем использовать источники, относящиеся к более раннему или более позднему времени, чем таблички из Куянджика, в частности научные тексты из Ниппура, Телль-Хармала, Ашшура и Урука, датируемые приблизительно III в. до н. э.

Греки, считавшие «халдеев» в основном волшебниками и предсказателями и восхищавшиеся ими, нанесли заметный вред памяти о них. Магия в широком смысле этого

слова (как слова или действия, цель которых состоит в том, чтобы оказать влияние на сверхъестественные силы) всегда была тесно связана с шумеро-аккадской религией, и в Месопотамии очень рано стало развиваться и приводиться в систему искусство прорицания, но широкомасштабная популяризация магических практик началась только в конце дохристианской эпохи. Развитие колдовства и «народной» астрологии, занимавших не последнее место в вавилонском философском знании, стало признаком упадка умирающей цивилизации. Кроме того, нам доподлинно известно, что шумерам, ассирийцам и вавилонянам были присущи почти все качества, необходимые для поистине научного склада ума. Они обладали неисчерпаемым любопытством, заставлявшим их собирать древние таблички, создавать музеи древностей и привозить из далеких стран редкие виды растений и неизвестных им животных. Им были свойственны терпение, желание вдаваться в подробности, которое прослеживается во всех результатах их деятельности – от дотошно собранных счетов до произведений искусства. Они были наблюдательны, с удовольствием изучали окружающий их мир, записывали и сопоставляли огромные массивы информации, делая это не из практических соображений, а из любви к чистому знанию, по крайней мере в некоторых сферах, и прошли длинный путь по дороге открытий. Наконец их математики доказали, что обладают способностью к абстрактному мышлению, причем в такой степени, которой редко достигали ученые умы в древности до начала Античности.

Как только будущий месопотамский писец отправлялся в школу, у него тотчас же появлялась возможность применить эти врожденные качества. Обучение проходило в устной форме (по крайней мере, вплоть до настоящего времени не был найден ни один учебник), а значит, способствовало развитию слуховой памяти. Кроме того, из-за сложности клинописи, в которой каждый символ мог обозначать целое слово или слог с несколькими фонетическими значениями, а также в связи с тем, что ему приходилось осваивать сразу два языка: шумерский и аккадский, ученик сразу должен был погрузиться в очень сложные филологические штудии. Вместо освоения алфавита ему приходилось заучивать наизусть длинные списки знаков, их названий, произношения и значений, причем на обоих языках. Сохранилось несколько подобных списков, что ученые считают огромной удачей, так как без них не была бы расшифрована шумерская письменность.

Освоив все это, будущий писец приступал к изучению таблиц спряжений и словников, в которые входили списки предметов, технических терминов или выражений, относящихся к одной и той же категории, и двух- или трехязычных словарей, включавших в себя слова, написанные на диалектах шумерского языка, а также касситские, хеттские, а позднее и греческие слова. Значительный интерес представляют таблички, на которых вырезаны архаические пиктографические знаки наряду с их ассирийскими эквивалентами. Так как пиктограммы перестали использоваться примерно за 2600 лет до того, как появились эти таблички, и вряд ли имели для ассирийцев какое-либо практическое значение, мы можем прийти к выводу, что перед нами еще одно доказательство их пристрастия к «чистой» научной работе. Наука в целом относилась к сфере интересов бога Энки-Эа, а ее покровителем являлся сын Мардука Набу, в то время как богиня Нисаба, «которая держит в своей руке стило», покровительствовала сложному и пользовавшемуся огромным уважением искусству письма.

Подобная система обучения естественным образом заставляла ассиро-вавилонского ученого систематизировать свои наблюдения в виде списков, которые затем можно было передать коллегам или ученикам. К примеру, о месопотамских зоологии, ботанике и минералогии мы знаем благодаря словарям, порой не имеющим внутренней логики расположения материала, но в то же время представляющим собой серьезные попытки классификации больших массивов информации. Источники по географии представляют собой в основном длинные перечни стран, гор, рек или городов и маршрутов, обладающие огромной ценностью для современных исследователей, особенно когда в них указывается в *беру*, «двойных часах», расстояние между двумя городами (ок. 9,7 км). Насколько нам известно, в древности не существовали карты как таковые, однако археологами были

обнаружены планы полей и городов, наибольший интерес из которых представляет план Ниппура, полностью совпадающий с результатами, полученными современными археологами в ходе изучения развалин этого города. Кроме того, в нашем распоряжении имеется некое подобие «карты мира», вырезанное на глине в VI в. до н. э. Земля на ней изображена в виде плоскости, со всех сторон омываемой «Горькой рекой» и разделенной посередине на две части Евфратом. Плохо знакомые ассирийцам страны, расположенные по четырем сторонам света, описаны очень кратко, причем северная названа «землей, где никогда не видно солнце» (данный факт может свидетельствовать о том, что вавилоняне были знакомы с понятием зимней арктической ночи).

Отставив в сторону царские анналы и надписи, являющиеся не историческими сочинениями, а орудиями пропаганды, а также посвятельные надписи, мы увидим, что жители Месопотамии стремились и исторические данные представить в форме таблиц – составляли списки царей, династий, эпонимов, синхронистические перечни и т. д. Даже вавилонские хроники, составители которых ближе всего подошли к жанру связного и объемного исторического сочинения, в действительности являются не чем иным, как усовершенствованным списком фактов.

Помимо всего перечисленного выше, в нашем распоряжении имеются математические и астрономические таблицы, а также списки симптомов и прогнозов, использовавшиеся древними медиками, не говоря уже о перечнях богов, храмов, празднеств, предсказаний и т. д. Неудивительно, что науку Междуречья называют (хотя и саркастически) «наукой списков», но следует помнить, что обучение было исключительно устным, а сохранившиеся до нашего времени источники являются скорее «указателями» или «карманными справочниками», чем учебными пособиями. Нет никаких сомнений в том, что ассирийцам было известно гораздо больше, чем мы можем предположить по их литературе. К примеру, они умели перевозить и устанавливать огромные каменные блоки или сооружать длинные акведуки, что свидетельствует о знании ими нескольких законов физики. Кроме того, эти люди успешно применяли некоторые химические принципы, тщательно скрытые за тайными рецептами, благодаря чему им удавалось готовить лекарства и краски, а также производить цветное стекло и покрытые глазурью кирпичи. Более того, изучив всего две области месопотамской науки: математику и астрономию, мы сумеем понять, какой психологический механизм способствовал развитию науки. К тому же именно в этих сферах жители Междуречья сумели достичь наибольших результатов.

Математика и астрономия

О месопотамской математике нам известно из источников, относящихся к двум категориям: перечней чисел, классифицированных по разным признакам (списки по возрастанию и убыванию, таблицы умножения и деления), и задач. Как это ни странно, большинство этих задач предназначено для подготовленных учащихся (или, возможно, подобные задачи были разновидностью интеллектуального досуга) и, к удивлению тех, кто ожидал столкнуться с «примитивным» и «архаическим» обществом, не касается вопросов, связанных с архитектурой, измерением земли, орошением и другими проблемами, имеющими практическое значение. Приведем несколько примеров.

Задача № 1

Я нашел камень, но не взвесил его. Затем я добавил одну седьмую и одну одиннадцатую. Я взвесил – одна *мана*. Каким был изначальный вес камня?

Вес камня составлял одну ману, восемь шекелей и $22\frac{1}{2}$ «линий».

Задача № 2

Если кто-то спросит у тебя следующее: я выкопал столько же, сколько составляет сторона квадрата, который я сделал, и я вычел один мусару (603) и половину размера земли.

Свое основание (поверхность земли) я сделал квадратом. Как глубоко я копал?

Ты в своих действиях оперируешь числом 12. Возьми обратную дробь от 12 и умножь на 1,30,0,0, что есть твой размер. Ты получишь 7,30,0. Каков кубический корень от 7,30,0? Тридцать – это кубический корень. Умножь 30 на один, и ты получишь 30. Умножь 20 на один еще раз, и ты получишь 30. Умножь 30 на 12, и 6,0 (360) ты получишь. Тридцать – это сторона твоего квадрата, и 6,0 (360) – твоя глубина.

Вводное предложение к первой задаче свидетельствует о том, что она полностью гипотетическая. В тексте приведено решение, но способ, с помощью которого оно было получено, учитель, очевидно, объяснял устно. Во второй задаче решение, наоборот, приведено полностью. По приведенным выше текстам видно, что вавилонские математики были прекрасно знакомы с кубическими корнями, а ведь табличка, на которой они записаны, датируется XVII или XVIII в. до н. э. Ассирийцы также, несомненно, умели извлекать квадратные корни и были способны вычислить квадратный корень из двух с минимальной погрешностью (1,414213 вместо 1,414214).

В приведенных выше расчетах также отразились две характерные черты месопотамской математики. Во-первых, они основаны на шестеричной системе счисления. Во-вторых, в то время как все системы счета, применявшиеся в древности (включая римскую), были непозиционными, жители Месопотамии оказались единственными, кто пользовался позиционной системой счисления, то есть значение каждой цифры в записи числа у них зависело от ее местонахождения. (К примеру, в числе 3333 одна и та же цифра обозначает 3000, 300, 30 и 3 соответственно.) И шестеричная, и позиционная системы счисления имеют ряд преимуществ, помогающих усовершенствовать вычисления, однако, к несчастью, в рамках шестеричной применялась и десятичная система счисления, да и цифра 0 не была известна в Месопотамии вплоть до периода правления династии Селевкидов. Поэтому при решении месопотамских задач даже специалисты нередко сталкиваются с рядом трудностей, и можно предположить, что во многих случаях ученикам давались необходимые устные разъяснения.

Кроме того, необходимо обратить внимание на следующий факт: вавилонские математики, не использовавшие символы, применяли скорее алгебраические, чем арифметические методы. Судя по текстам некоторых из их задач, решить их можно было, только применив алгоритм, сходный с квадратным уравнением. В качестве примера приведем следующую задачу: «Я добавил 7 раз сторону моего квадрата и 11 раз его поверхность. В итоге получилось 6,15 (в шестизначной системе счисления). Запиши 7 и 11». Ее можно выразить в виде следующего квадратного уравнения: $11x^2 + 7x = 6,15$.

В ходе изучения некоторых табличек также можно сделать вывод о том, что вавилоняне были знакомы с функциями и при вычислениях использовали отношения рядов, экспоненциальную и логарифмическую зависимости. Они обладали абстрактным мышлением и любили цифры сами по себе, почти не задумываясь об их практическом применении. По этой причине вавилонская геометрия была гораздо меньше развита, чем алгебра. Математики были знакомы с некоторыми основными свойствами треугольника, прямоугольника и круга, но не сумели продемонстрировать их и измеряли полигональные поверхности с большими погрешностями. Геометрические фигуры, изображенные на табличках, являются лишь иллюстрациями к арифметическим проблемам. В отличие от греков вавилоняне увлекались не столько свойствами линий, поверхностей и объемов, сколько сложными подсчетами, обусловленными их взаимосвязями.

Прекрасной областью применения знаний математиков стала астрономия, благодаря чему эта наука в Месопотамии достигла настолько высокого уровня развития, что астрономы других древних государств остались далеко позади. Пристально изучать движение небесных тел жители Месопотамии стали по двум причинам: метафизической и хронологической. Первая из них была связана с верой в то, что события, происходившие на небе, повторяются и на земле, а также с мнением о том, что если планеты и созвездия тождественны богам,

царям и государствам и можно проследить их взаимосвязи, то возможно предсказать будущее. Это в какой-то мере облегчало драматическую неуверенность, на которой зиждилась месопотамская философия. Таким образом, в основе астрономии лежала астрология, хотя принятая в Междуречье система никогда не была жесткой и оставляла возможность для божественного и человеческого вмешательства, а предопределенность, выраженная в форме гороскопов, появилась только в период правления Ахеменидов.

С другой стороны, жителям Месопотамии нужно было решить проблему, связанную с лунным календарем. В прошлом лунный цикл нередко считался вполне удобным инструментом счета времени. Год начинался в первое новолуние после весеннего равноденствия и делился на 12 месяцев, состоявших из 29 или 30 дней. Каждый день начинался на закате и был разделен на 12 «двойных часов» (*беру*), каждый из которых, в свою очередь, подразделялся на 60 «двойных минут». Мы до сих пор используем эту систему, за изобретение которой должны благодарить вавилонян. К сожалению, лунный год короче солнечного примерно на 11 дней, из-за чего через девять лет время сдвигалось на целый сезон. Кроме того, лунный год начинался в тот вечер, когда впервые на небе появлялась новая луна. Однако те, кто живет в Ираке, знают, что восточное небо не всегда такое безоблачное, как думают европейцы, и появление облаков, пыли или начало песчаных бурь может привести к невозможности осуществления этих наблюдений. По каким признакам в таком случае астрономы делали вывод о начале нового месяца и как им удавалось заранее определять точную дату и время этого события? Иными словами, какими были законы лунного (а также солнечного, так как движение луны связано с движением солнца) цикла?

Тот факт, что месопотамским астрономам удалось добиться потрясающих результатов, никоим образом не связан с качеством их инструментов. Они использовали только гномон (вертикальный предмет, позволяющий по наименьшей длине его тени определить угловую высоту солнца), клепсидру (водяные часы) и полос (инструмент, определяющий размер тени шара, подвешенного над полусферой). Своими достижениями астрономы обязаны постоянным тщательным наблюдениям и использованию математики для обработки полученных данных. Еще в глубокой древности были определены «пути» солнца и планет. Их разделили на 12 «пунктов», а те, в свою очередь, на 30 «ступеней» (прототип нашего зодиака). В нашем распоряжении имеется источник, относящийся ко времени правления I Вавилонской династии, в котором записаны результаты наблюдений за Венерой (Иштар), а также подробные каталоги звезд, датированные VIII–VII вв. до н. э. Вскоре астрономы Междуречья научились довольно точно предсказывать лунные, а затем и солнечные затмения.

На протяжении столетий проблема разницы между лунным и солнечным годом решалась довольно условно – царь приходил к выводу, что пришло время добавить к продолжительности года один или два дополнительных месяца. Но в VIII в. до н. э. астрономы заметили: 235 лунных месяцев составляют ровно 19 солнечных лет, и по их совету в 747 г. до н. э. царь Набунацир приказал добавлять по семь дополнительных месяцев через каждые 19 лунных лет. «Календарь Набонасара» был стандартизирован в промежутке между 388 и 367 гг. до н. э.

Была проведена масштабная работа по составлению лунных, солнечных и звездных астрономических таблиц. Таблицы ново- и полнолуний, а также затмений, составленные Набуриманну (Набурианом Страбона) в начале IV в. до н. э., отличаются чрезвычайной точностью, а Кидинну (Киден), величайший из всех вавилонских астрономов, работавший около 375 г. до н. э., определил точную продолжительность солнечного года, допустив ошибку всего на четыре минуты и 32,65 секунды. При исчислении орбиты движения солнца из узла орбиты он допустил ошибку меньшую, чем сделанная в 1887 г. астрономом Оппольцером.

Медицина

Конечно, не следует ожидать такой же точности от людей, работавших в медицине, области, до сих пор считающейся скорее искусством, чем наукой. Тем не менее месопотамская медицина заслуживает отдельного рассказа по трем причинам: во-первых, в нашем распоряжении имеется множество источников, на основании которых мы можем делать выводы об уровне ее развития; во-вторых, эта тема представляется нам весьма интересной; в-третьих, ее нередко недопонимают.

Жители Месопотамии верили, что болезни – это наказание, которое ниспосылают им боги за грехи. При этом слово «грех» следует понимать в самом широком смысле. Греховным считалось не только совершение преступления или нарушение каких-либо моральных принципов, но и допущение незначительных ошибок и пропусков при отправлении религиозных обрядов или ненамеренное нарушение какого-то табу. Оскорбленные боги могли тотчас же нанести ответный удар. Так, в «Законах Хаммурапи», на вавилонских пограничных камнях и в политических договорах, заключавшихся между правителями государств Древнего Ближнего Востока, содержатся просьбы к отдельным богам наслать всевозможные «ужасные болезни» на тех, кто уничтожит или повредит текст, и врачи, как и жрецы, по симптомам, присутствующим у пациента, определяли, какой бог приложил к ним руку. Божества также могли приказывать демонам, каждый из которых выбирал для себя ту или иную часть тела, вселиться в больного. Либо они могли сделать так, чтобы мужчина или женщина стали жертвой заклинания колдуна или ведьмы. Таким образом, болезнь являлась, по сути, этической проблемой, «черной меткой», вызывала общественное порицание, так как считалось, будто человек не просто болен физически – его совесть нечиста. Так как болезнь была вызвана морально-этическими причинами, она требовала соответствующего лечения, которое во многих случаях имело религиозный и магический характер. Жреца-*бару* (прорицателя) просили всеми доступными ему средствами определить, какой скрытый грех вызвал ярость богов, демонов изгоняли жрецы-*ашипу*, совершавшие для этого определенные магические обряды и читавшие заклинания, а богов пытались умиротворить с помощью молитв и жертвоприношений.

Если месопотамская медицина основывалась бы на одном лишь отпущении грехов, то вряд ли заслужила бы свое название. Однако современные исследователи, проведя изучение имеющихся в их распоряжении источников, пришли к выводу о существовании еще одного, совершенно другого ее аспекта. В Древнем Ираке были настоящие врачи, которые, хотя и верили в сверхъестественные причины возникновения большинства болезней, признавали действие их естественных возбудителей, таких как пыль, грязь, пища, питье и даже инфекция. Они иногда отправляли своих пациентов к жрецам *бару* или *ашипу*, но всегда очень внимательно наблюдали симптомы, составляя из них синдромы и определяя болезни, а затем приступали к лечению с помощью лекарств или оперативного вмешательства. Наряду со жреческой, магическо-религиозной (*ашипуну*) в Месопотамии всегда существовала рациональная и прагматичная медицина (*асуту*).

Врач (*асу*) не был ни жрецом, ни знахарем, он являлся профессионалом, принадлежащим к верхам среднего слоя ассирийско-вавилонского общества. Он проводил долгое время в школе, где изучал основы фундаментальной науки своего времени, а затем совершенствовал искусство под надзором старшего коллеги. В девяти статьях законов Хаммурапи, касающихся медицины (точнее, хирургии), устанавливаются размер платы за определенные операции и характер наказания за нанесение пациенту увечий или даже причинение смерти в результате врачебной ошибки. Можно предположить, что медицина находилась под контролем государства, а профессиональный уровень врачей был не очень высоким. Однако эти законы применялись в исключительных случаях, да и в нашем распоряжении почти нет источников, содержащих ссылки на них. В действительности во все времена к врачам относились с большим уважением, и они, очевидно, сами устанавливали плату за свои услуги. Знаменитые специалисты были очень востребованны, и нам известно, что правители различных государств присылали друг другу своих врачей. Так, царь Митанни Тушратта в XIV в. до н. э. послал лекарей к фараону Аменхотепу III, а из Вавилона врачи

отправились к правителю хеттов Хаттусили III (1275–1250 до н. э.).

В нашем распоряжении имеется множество списков симптомов и медицинских предписаний, составленных врачами, а также несколько писем, адресованных лекарям или написанных ими. Из многочисленных табличек и их фрагментов, тексты на которых были вырезаны в период между VIII и V вв. до н. э. и относятся к одной и той же серии, профессор Лабат сумел составить полный «трактат» о медицинских диагнозах и прогнозах. Ученый включил в него тексты с 40 табличек и разделил на пять «глав». В первой из них, предназначенной в действительности для изгнания демонов, содержится толкование знаков, которые можно увидеть по пути к дому пациента: «Когда заклинатель следует к дому пациента... Если он видит черную свинью, его пациент умрет (или) будет исцелен после ужасных страданий... Если он видит белую свинью, его пациент будет исцелен (или) окажется в беде... Если он видит розовую свинью, его пациент (умрет?) в третий месяц (или) на третий день».

Затем следует описание разнообразных симптомов, сгруппированных по органам, синдромам или болезням и в порядке появления. Последняя группа из шести табличек посвящена гинекологическим и детским заболеваниям. Во всем трактате основной акцент сделан скорее на прогнозы, чем на сами диагнозы, и способы лечения описываются редко. Одни аналогичные тексты или их собрания посвящены заболеваниям конкретных органов, а в других основной акцент сделан на терапии. Приведем несколько примеров, где описываются болезни, которые легко определить.

Эпилепсия

Если шея (пациента) постоянно свернута налево, если его руки и ноги вытянуты. Если его глаза, смотрящие на небо, широко открыты. Если из его рта течет слюна. Если он храпит. Если он теряет сознание. Если, наконец, это нападение большого *маля*, «рука» Сина.

Камень в мочевом пузыре

Если... на протяжении трех дней у него камень в мочевом пузыре (*абан муштинни*), этот человек будет пить пиво. Таким образом камень растворится. Если этот человек вместо пива будет пить много воды, он отправится к своей судьбе (то есть умрет).

Злокачественная желтуха

Если тело человека желтое, его лицо – желто-черное и поверхность его языка черная, это *аххазу* ... Врачу не нужно ничего делать для лечения этой болезни – этот человек умрет. Его нельзя исцелить.

В то время как в диагнозах и прогнозах, которые делали месопотамские врачи, суеверия сочетались с тщательными наблюдениями, применявшаяся ими терапия не имела ничего общего с магией. Древнейшая из известных в настоящее время «фармакопей» представляет собой датированное временем правления III династии Ура собрание рецептов, в котором описывается процесс приготовления из минеральных веществ и растений притираний, примочек и микстур и которое было составлено примерно за 200 или 300 лет до этого. Лекарства принимали всеми доступными способами, за исключением инъекций: в комплексе, дозами, в виде ингаляций, окуривания, путем введения по каплям, растирания, нанесения мазей, в виде припарок и свечей, с помощью клизм. Нередко определить часть ингредиентов, входивших в их состав, невозможно, но в то же время можно узнать многие ингредиенты, лишь недавно переставшие использоваться или до сих пор применяемые в фармацевтике. Например, в приведенном ниже рецепте для лечения задержки мочеиспускания используются опиум, вводимый орально, и смягчающие средства, применяемые местно: «Растолките семена опийного мака и дайте пациенту их выпить. Разотрите мирру, смешайте ее с маслом и вдуйте это в его уретру с помощью бронзовой трубки. Дайте пациенту анемон, раздавленный в пиве *алаппану*».

Далее приведен сложный, но весьма рациональный рецепт припарки, которую необходимо применять при «закупорке легких»: «Возьмите... части почки овцы; 1/2 ка фиников, 15 *кисалей* еловой смолы, 15 *кисалей* лавра, 15 *кисалей* опопанакса, 10 *кисалей* гальбана, 7 *кисалей* горчицы, 2 *кисаля* ржавчины... Растолките все эти вещества вместе в ступке с жиром и финиками. Налейте смесь на кожу газели. Сложите кожу. Положите ее на больное место и оставьте ее там на три дня. На протяжении этого времени пациенту следует пить сладкое пиво. Он должен есть очень горячую пищу и оставаться в теплом месте. На четвертый день снимите припарку».

В некоторых случаях врачи прибегали к инструментальному лечению. Арад-Нанна, личный врач Ашшурбанипала, в письме, адресованном царю, выражал свои взгляды на лечение носового кровотечения: «Что касается носового кровотечения... перевязочные материалы накладываются неправильно. Их кладут на крыло носа, из-за чего они мешают дыханию, и кровь течет в рот. Нос следует закупоривать до конца, чтобы перекрыть доступ воздуха, и кровотечение прекратится». Современные медики делают то же самое.

Наконец нам следует процитировать удивительный текст, содержащий доказательства неверности общепринятого мнения и подтверждающий, что жителям Месопотамии были знакомы гигиена и превентивная медицина. Царь Мари Зимри-Лим, живший около 1780 г. до н. э., однажды написал своей жене Шибту: «Я слышал, что заболела госпожа Наннаме. Она много общается с людьми из дворца. Она встречается с многими дамами в своем доме. Поэтому строго прикажи, чтобы никто не пил из одной чашки с ней, не сидел на том же сиденье, что и она, не спал в одной постели с ней. Ей больше не следует встречаться со многими дамами в своем доме. Эта болезнь заразная (*сабту*, дословно «хватаящая»)).».

Таким образом, для месопотамской медицины, скрытой под множеством суеверий, были характерны черты настоящей науки. Частично перенятая греками (наряду с египетской), она проложила путь выдающемуся учению Гиппократу, сформулированному в V в. до н. э. Тем не менее за все 2000 лет своего существования она мало изменилась. Месопотамские врачи, как и астрономы, в своей работе опирались на метафизические постулаты, из-за чего не могли ступить на весьма плодотворный путь рациональных объяснений. Они знали ответы на многие «когда?» и «что?», но им не хватало любопытства, чтобы задать себе вопросы «как?» и «почему?». Они никогда не пытались разрабатывать теории, но скромно (и, возможно, весьма мудро) сосредотачивали свои усилия на сборе данных. Справедливости ради следует отметить, что их достижения нередко превосходили результаты, полученные другими учеными мужами Древнего Востока.

Глава 23

Халдейские цари

В 612 г. до н. э., меньше чем через 30 лет после того, как Ашшурбанипал праздновал свою победу, дворцы Ниневии поглотил огонь, а вместе с ними была стерта с лица земли и Ассирийская держава. Единоличными правителями Месопотамии стали халдейские цари Вавилонии, которые вместе со своими союзниками мидийцами способствовали этой внезапной, насильственной и полной гибели государства. Во время их правления в Южном Ираке было построено множество зданий, и Вавилон, ставший теперь самым красивым городом Ближнего Востока, превратился в центр возрождения архитектуры, литературы и науки. Казалось, будто появилась вторая Ниневия, о чем свидетельствовали, в частности, походы Навуходоносора II на запад, благодаря которым Вавилонская держава получила возможность заменить собой Ассирийскую. Однако великолепный нововавилонский период продлился недолго. Последнему выдающемуся правителю Месопотамии наследовали слабые, безответственные царевичи, неспособные противостоять новому грозному противнику, появившемуся на Востоке. В 539 г. до н. э. Вавилон, не оказав сопротивления, сдался персидскому завоевателю Кирю.

Таковы трагичные в своей простоте события, происходившие на последнем этапе

истории независимой Месопотамии. Теперь нам следует подробнее рассказать о них.

Падение Ниневии

После рассказа о событиях 639 г. до н.э. анналы Ашшурбанипала внезапно обрываются, из-за чего мы ничего не знаем о последних восьми годах его царствования. Нам неизвестна причина этого явления, но вполне вероятно, что оно связано с междоусобицами и военными поражениями. Геродот, сочинение которого является почти единственным источником, содержащим сведения об этом периоде, сообщает, что царь Мидии Фраорт напал на ассирийцев, но погиб на поле боя, а трон занял его сын Киаксар (Увах-шатра). Однако вскоре на территорию Мидии вторглись скифы, которым мидийцы вынуждены были платить дань на протяжении 28 лет. Эти дикие всадники также наводнили Загрос, вторглись в Ассирию, Сирию и Палестину и вошли бы в Египет, если бы их не отеснил Псамметих. В итоге Киаксару удалось освободить свою страну, перебив их пьяных вождей во время пиршества. Тот же автор, описывая другую войну, упоминает, что натиск мидийцев на Ниневию был ослаблен благодаря вмешательству скифского войска. Это вполне вероятно, так как нам известно, что Ашшурбанипал заключил союз с правителем скифов Мадием. Данные события, очевидно, происходили в период между 653 (год смерти Фраорта) и 630 гг. до н.э. Геродот не сообщает, как они повлияли на Ассирию, но если верить его сообщению о вторжении скифов, то следует признать: тот факт, что их орды сумели пронестись по территории целой державы и благополучно вернуться домой, является достаточным подтверждением необычайной слабости ассирийской армии. Ключом к разгадке причин катастрофы, разразившейся в 614–609 гг. до н.э., несомненно, являются события, произошедшие в эти «темные» годы. О начале междоусобиц в Ассирии свидетельствуют бедствия, которые постигли это государство после смерти Ашшурбанипала в 627 г. до н.э. Его сын Ашшур-этель-илани⁴², чтобы взойти на престол, был вынужден подавить первое восстание, а второе произошло незадолго до окончания его непродолжительного царствования. Об этом правителе нам известно совсем мало. Мы знаем лишь то, что он восстановил несколько храмов и жил в Нимруде, в так называемом Сожженном дворце. Его брат Син-шар-ишкун⁴³, вероятно занявший трон в 623 г. до н.э., также был вынужден столкнуться с сильным сопротивлением собственных соотечественников, в то время как ситуация за пределами Ассирии быстро ухудшалась.

Угрозы с севера бояться не следовало: Урарту нейтрализовали его собственные могущественные соседи, а киммерийцы, оказавшиеся под властью скифов, не проявляли агрессию. Однако в Иране Киаксар занимался перестройкой своего войска, превращая его в мощнейшее средство вооруженной борьбы. Из своей столицы Экбатаны (Хамадана) он правил землями от озера Урмия до района Тегерана, а также косвенно персами, обитавшими южнее. Расположенные на западе финикийские города, очевидно, разорвали связи с Ниневией, а ассирийский контроль над Палестиной был настолько неэффективным, что царь Иудеи Иосия сумел провести свою религиозную реформу в Самарии, на территории бывшего Израильского царства.

Но наиболее явную опасность представлял юг, где вавилоняне, воспользовавшись слабостью Ассирии, вернулись к своей ставшей уже традиционной борьбе за независимость. Кандалану, наместник Вавилонии, назначенный Ашшурбанипалом после мятежа Шамаш-шум-укина, также восстал. После его смерти в 627 г. до н.э. мятеж возглавил правитель «Страны моря» Набу-апла-уцур (Набопаласар), арамей из племени калду. Ассирийские войска, размещенные в Ниппуре, не смогли победить его, и 30 ноября 626 г. до н.э. после года партизанской войны он занял трон Вавилона. В этот день было положено начало XI и

42 «Ашшур – витязь богов».

43 «Бог Син назначил царя».

последней Вавилонской (Халдейской) династии и так называемому Нововавилонскому царству. По счастливому совпадению именно с 626 г. до н. э. начинается серия вавилонских хроник, благодаря которым мы можем шаг за шагом, буквально день за днем, проследить историю Вавилонии и узнать о падении Ниневии и других ассирийских городов.

На протяжении 11 лет (626–615 до н. э.) война между Вавилонией и Ассирией представляла собой ряд сменявших друг друга нападений и контратак, целью которых была сеть укрепленных городов Южного Ирака, занятых ассирийцами. В конечном счете Набопаласару удалось захватить Ниппур и освободить весь Шумер и Аккад. В 616 г. до н. э. вместе со своим войском он даже прошел вдоль Евфрата вплоть до Харрана и по Тигру до Аррапхи (Киркук) и Ашшура, который был осажден, но без успеха. Для того чтобы привлечь на свою сторону эламцев, вернувших к тому времени себе свободу, Набопаласар вернул им статуи богов, до этого находившиеся в Вавилонии в качестве пленников. Однако ему не удалось получить от них вооруженную поддержку, из-за чего правитель Вавилонии не решился в одиночку проводить широкомасштабное наступление на своего противника. Син-шар-ишкун, с другой стороны, держал оборону и, увидев, что в самой Ассирии его власть оказалась под угрозой, заключил союз с египтянами, не забывшими своего чудесного избавления от вторжения скифов и с тревогой наблюдавшими за успехами мидийцев в Иране и Малой Азии. Сам по себе факт того, что к египтянам за помощью обратились их бывшие завоеватели, весьма примечателен и еще раз доказывает, что Ассирия оказалась в очень затруднительном положении. Тем не менее египтяне не очень активно помогали своим союзникам вплоть до 612/611 г. до н. э., когда стало уже слишком поздно.

Ассирийцы могли бы уступить и признать независимость Вавилонии, и, возможно, противникам удалось бы достичь компромисса, если бы не вмешались мидийцы, действовавшие самостоятельно. В конце 615 г. до н. э. они внезапно вторглись в Ассирию и захватили Аррапху. Следующей зимой они выступили против Ниневии, но, вместо того чтобы напасть на нее, двинулись на север и атаковали Ашшур, который в итоге захватили (614 до н. э.): «Он (мидянин) напал на город... и разрушил. Он учинил жестокую резню многим людям, ограбил (его) и увел (пленных)»⁴⁴. Вавилоняне пришли слишком поздно и не сумели принять участие в этом событии. Набопаласар встретился с Киаксаром под стенами Ашшура, и «они заключили друг с другом (договор) о дружбе и мире». Впоследствии союз был закреплен браком между сыном Набопаласара Навуходоносором и дочерью Киаксара Амитис. С тех пор мидийцы и вавилоняне сражались рука об руку, и Ассирия была обречена.

В следующем году Набопаласар ходил в неудачные походы вдоль Евфрата, и только в 612 г. до н. э. была проведена финальная кампания против Ниневии – главного города Ассирии. Город был прекрасно укреплен, и поначалу вавилонянам и мидийцам не удавалось добиться больших успехов. Однако после двухмесячной осады «они совершили сильное нападение на город, и в (...день город был захвачен). В тот день Син-шар-ишкун, ассирийский царь, (погиб?). Большую добычу из города и храма они унесли и (превратили) город в развалины и руины».

К концу 612 г. до н. э. были уничтожены три ассирийские столицы: Ашшур, религиозный центр, Ниневия, административный центр, и, возможно, Нимруд, в котором располагались основные военные силы, – а также все основные города. Но призрак Ассирии существовал на протяжении еще трех лет. Син-шар-ишкун был убит, а его престол занял один из его военачальников, принявший имя Ашшур-убал-лит. (По иронии судьбы так же звался правитель, освободивший в XIII в. до н. э. страну от хурритов и митаннийцев.) Собрав остатки ассирийского войска, он заперся в Харране вместе с немногочисленными египетскими отрядами, наконец присланными на помощь. В 610 г. до н. э. вавилоняне и *умман-манда* (мидийцы?) выступили против Харрана. Ассирийцы и египтяне покинули его, решив скрыться на другом берегу Евфрата, и город был захвачен мидийцами. В следующем

44 Здесь и далее «Вавилонская хроника» цитируется по изданию: *Хрестоматия* по истории Древнего Востока. Ч. 1 / Под ред. М.А. Коростовцева, И.С. Кацнельсона, В.И. Кузищина. М., 1980. (Примеч. пер.)

году после неудачной попытки вернуть свою твердыню Ашшур-убаллит исчез со страниц истории.

Таким образом очень быстро – всего за три года – гиганту, на протяжении трех столетий заставлявшему весь мир трястись от страха, пришел печальный конец. Набопаласар написал ему следующую эпитафию: «Я убил Субарума, обратил его страну в холмы и руины. Ассириец, который с далеких дней правил всеми народами и со своим тяжелым гнетом нанес вред людям Страны, его ноги от Аккада я отвратил, его гнет я сбросил». Насколько нам известно, никто не опустился на руины Ниневии, чтобы написать плач.

Навуходоносор

Мидийцы, очевидно, не заявляли о правах на государство, в падение которого они внесли значительный вклад. Довольные своей долей добычи, они перешли Загрос и сосредоточили внимание на Армении и остальной части Малой Азии. Вавилоняне превратились в полноправных господ Ассирии, но не стали ни занимать ее территорию, ни устранять причиненные ими разрушения. Они занимались возрождением религии и культуры юга Месопотамии, защитой границы, проходившей по Таврским горам, и покорением Сирии и Палестины. Последние избавились от ассирийского владычества, но тотчас же оказались во власти египтян. С опозданием, безуспешно пытаясь помочь своим союзникам, фараон Нехо II вторгся на их территорию в 609 г. до н. э., победил и убил царя Иудеи Иосию, непредусмотрительно решившего преградить ему путь. В результате египетские войска захватили Каркемиш и переправу через Евфрат. Обладание этим городом и контроль над побережьем и внутренними районами Финикии были гораздо важнее для вавилонян, чем в свое время для ассирийцев, так как почти вся их торговля велась с областями, расположенными на западе. Халдейские цари Вавилона могли оставить надежды о восстановлении Ассирийской державы, а мидийцам – земли, лежавшие по другую сторону от гор, но не готовы были отказаться от богатых провинций или принять тот факт, что египтяне перекрыли им выход в Средиземное море. На протяжении своих царствований они отправлялись в бесконечные походы в «страну Хатти», и так называемые их завоевания были не чем иным, как борьбой за сохранение жизненно важных источников процветания Вавилонии.

Одержав последние победы над ассирийцами, Набопаласар, начавший стареть, все чаще перекладывал ответственность за проведение военных кампаний на своего сына Набукudurри-уцура (Навуходоносора). В 607 г. до н. э. он приказал молодому и энергичному наследному царевичу изгнать египтян из Сирии. После предпринимавшихся на протяжении двух лет безуспешных попыток создания плацдармов в других районах долины Евфрата Навуходоносор провел смотр войск и напал на Каркемиш (май– июнь 605 до н. э.). Египетский гарнизон, усиленный греческими наемниками, оказывал жестокое сопротивление, но в итоге потерпел поражение, и все оборонявшие город солдаты были перебиты.

«Что же касается остатков египетского войска, которые избежали разгрома, так они (отступили еще до того, как) оружие настигло их, вавилонская армия догнала их в области Хамат и нанесла им такое поражение, что никто (не спасся) в свою страну».

Теперь вавилонянам была доступна вся территория Сирии и Палестины. Они уже дошли до Пелусия, расположенного на границе с Египтом, когда Навуходоносор узнал о смерти отца. Не теряя времени, ибо кончина восточного правителя всегда была критическим моментом, он вернулся в Вавилон «за двадцать три дня» и, прибыв в столицу, прошел обряд коронации (23 сентября 605 до н. э.).

Вавилоняне, очевидно, знали, что захватить Сирию будет легко, а удержать ее – гораздо сложнее. Жители севера Сирии очень покорны, но ни финикийцы, ни филистимляне, ни евреи не могли полностью принять необходимость выплаты вавилонянам дани, которую они только недавно перестали отсылать в Ниневию. Более того, Египет, правитель которого

сначала поверил в реальность старой мечты о сирийской «колонии», а затем увидел, как она снова растворяется, более активно, чем когда-либо, стал подливать масло в огонь. Вскоре Навуходоносор был вынужден почти ежегодно устраивать в районе Средиземноморского побережья демонстрации силы и, подобно Саргону и его преемникам, подавлять одно восстание за другим. Через 12 месяцев после битвы при Каркемише он снова оказался в Сирии, где собирал дань с Дамаска, Тира, Сидона и Иерусалима, а также уничтожил Ашкелон, правитель которого восстал. Согласно «Вавилонской хронике», в 601 г. до н. э. произошло масштабное, но безрезультатное сражение между царями Вавилона и Египта: «В битве они поражали друг друга и нанесли друг другу тяжелые потери».

В 599 г. до н. э. из одного из своих лагерей в Сирии Навуходоносор «послал своих воинов, и, пройдя по пустыне», они напали на арабов из племени Кедар. Зимой 598/597 г. до н. э. царь Иудеи Иоаким, не прислушавшись к предупреждениям пророка Иеремии, отказался платить вавилонянам дань. Возмездие не заставило себя ждать. 16 марта 597 г. до н. э. Иерусалим был захвачен, на трон сел другой еврей – Седекия, а 3000 евреев были отправлены в Месопотамию. К несчастью, из-за лакуны в «Вавилонской хронике» мы не знаем, что происходило в течение следующих лет. Но из других источников нам известно, что преемник Нехо Псамметих II около 600 г. до н. э. возглавил поход в Сирию и что фараон Априй (595–570 до н. э.) захватил Газу и напал на Тир и Сидон. Близость египетской армии и вера в ее поддержку, очевидно, помогли Седекии решиться на восстание.

Навуходоносор руководил военными операциями из своей резиденции в Рибле, находящейся неподалеку от Хомса. После 18-месячной осады Иерусалим сдался. Седекия, бежавший к Иерихону, был захвачен в плен: «И вот когда Седекия был таким образом покинут всеми, враги захватили его и немногих (оставшихся ему верными) друзей с детьми и женами и отправили их всех к царю. Когда Седекия предстал пред Навуходоносором, этот начал упрекать его в нарушении благочестия и называть клятвопреступником, забывшим о своем обещании сохранить страну в его, Навуходоносора, власти. Вместе с тем он упрекал Седекию также в неблагодарности, так как последний от него ведь получил свое царство... Навуходоносор велел немедленно, в присутствии самого Седекии и прочих пленных, перерезать его сыновей и приближенных. Затем, велев выколоть Седекии глаза, он приказал заковать его и отправить в Вавилон»⁴⁵.

Тысячи евреев были вывезены из страны вместе со своим царем, другие бежали в Египет. В Иудее был назначен наместник. Иерусалим был разграблен, его стены – снесены, а Первый храм, построенный Соломоном, – сожжен. Таким образом, через 135 лет после падения Израиля «Иудея была увезена из страны» (июнь 587 до н. э.).

Последней известной нам кампанией, проведенной Навуходоносором в Сирии, является осада Тира, продолжавшаяся, согласно источникам, целых 13 лет и завершившаяся захватом города и сменой одного его правителя на другого. В тексте, вырезанном на сохранившейся лишь фрагментарно табличке, хранящейся в Британском музее, говорится о походе, проведенном вавилонским царем в 568 г. до н. э. против фараона Амасиса. В нем упоминается египетский город, но это не является достаточным доказательством того, что вавилоняне когда-либо вступали в долину Нила. По меньшей мере за 10 лет до конца царствования Навуходоносора западные области находились под его контролем, и его подданные беспрепятственно могли добывать древесину в ливанских горах: «Ни один прежний царь не сделал того, чего достиг я. Я преодолел крутые горы, я раскалывал скалы, открывал проходы и проложил прямую дорогу (перевозке) кедра. Я сделал так, чтобы обитатели Ливана жили вместе в безопасности и чтобы никто не тревожил их».

Тем временем мидийцы продвигались в северо-западном направлении. Они вторглись сначала в Армению, в результате чего государство Урарту было завоевано, и в начале VI в. до н. э. мидийцы и скифы разрушили его города, а затем в Каппадокию. В 585 г. до н. э., когда мидийский царь Киаксар и правитель Лидии Алиатт встретились в «битве Затмения» (битве

45 Иосиф Флавий. Иудейские древности. X. 8. 2. Перевод с др. – гр. Г. Генкеля. (Примеч. пер.)

при Галисе) и не смогли решить свой конфликт с помощью оружия, Навуходоносор выступил в качестве третейского судьи, принял участие в переговорах, в результате которых между двумя сторонами было заключено перемирие, и установил границу между их государствами по реке Галис (Кызылырмак). Однако, выполняя договоренность со своим союзником или решив принять меры предосторожности и не допустить вторжения мидийцев с севера, он занял Киликию и укрепил несколько городов, расположенных «вдоль границы Урарту». Что бы ни думали некоторые ученые, в нашем распоряжении нет доказательств того, что он когда-либо завоевывал Элам.

Мы очень мало знаем о последних годах царствования Навуходоносора. Очевидно, в его конце Вавилонию охватили междоусобицы. Его сын Амель-Мардук (Эвильмеродах из Ветхого Завета) правил на протяжении всего двух лет (562–560 до н. э.), а затем его место занял Нергал-шар-уцур (Нериглиссар), вавилонский военачальник, женившийся на одной из дочерей Навуходоносора. Прежде этот царь был известен лишь благодаря своей строительной деятельности, но впоследствии выяснилось, что он провел успешный поход в Киликию. Через два месяца царствования малолетний сын Нериглиссара Лабаши-Мардук был убит, и в июне 556 г. до н. э. вавилоняне посадили на трон вельможу Набонида, способного похвастаться родством с царским семейством. Однако в Иране уже происходили события, которые вот-вот должны были снова полностью изменить облик Западной Азии.

Падение Вавилона

Последний царь независимого Вавилона Набунаид⁴⁶ (556–539 до н. э.), или Набонид, как его прозвали греки, является одной из наиболее загадочных и пленительных фигур в длинной череде правителей Месопотамии. Он был сыном некоего Набу-балацу-икби, «мудрого князя и наместника», и жрицы бога Сина из города Харрана. Вероятно, в жилах обоих его родителей текла царская кровь. До того как Набонид занял престол в возрасте около 60 лет, он занимал важные посты в правление Навуходоносора и Нериглиссара. Обожавший свою мать, умершую в 547 г. до н. э. в возрасте 104 лет и похороненную с царскими почестями, этот человек унаследовал от нее интерес к религии и особое отношение к божеству, которому она служила на протяжении всей своей жизни.

После смерти Набунаида настроенные проперсидски вавилоняне, чтобы выслужиться перед новыми господами, сделали все возможное для очернения этих черт покойного царя. В клеветническом «Стихе о Набониде» они изобразили его безумцем, лжецом, хвастающимся победами, которых он не одерживал, еретиком, поносившим Мардука и поклонявшимся под именем Сина «божеству, которого никто не видел в стране». Эти жестокие обвинения приобрели успех, коего не ожидали их авторы. Из-за путаницы с именами на их основе сложился рассказ о безумии Навуходоносора, известный нам по Книге пророка Даниила и отразившийся в одном из фрагментов знаменитых рукописей Мертвого моря. Даже самые осторожные из современных историков вынуждены признать, что в этой легенде присутствует доля правды. По крайней мере по некоторым из надписей Набонида видно, что он почитал Сина больше божественного покровителя Вавилонии Мардука и обращал особое внимание на святилища бога луны, расположенные по всей стране. Он не только восстановил зиккурат и несколько храмов в Уре, но и перестроил Эхулхул, храм Сина в Харране, уничтоженный мидийцами во время войны с ассирийцами. Очевидно, это стремление ремонтировать и восстанавливать храмы стало настоящей идеей фикс Набонида.

Однако утверждать, будто Набу-наид по каким-то политическим или личным соображениям стремился поставить во главе вавилонского пантеона Сина вместо Мардука, слишком самонадеянно. Он не забывал и о других храмах Месопотамии, включая огромное святилище Мардука в Вавилоне, и та жадность, с которой Набонид перед перестройкой искал *темену*, закладные артефакты, свидетельствовавшие о священном статусе земельного

46 «Бог Набу возвысил» (царя).

участка, говорит о его искренней приверженности религиозным традициям Шумера и Аккада. Из-за того что в поисках этих письменных источников Набонид проводил продолжительные раскопки, его прозвали царем-археологом, хотя ни его цели, ни применявшиеся им методы ничего общего с археологическими исследованиями не имели. Тем не менее царь, несомненно, разделял со своими подданными страсть к изучению прошлого, столь характерную для той эпохи. На протяжении нововавилонского периода (как и в последующую эпоху правления Ахеменидов) были сделаны списки с ряда древних хроник и составлены перечни царей, а сами вавилоняне с энтузиазмом собирали древности. Приведем весьма интересный пример. Раскапывая в Уре дворец дочери Набонида и верховной жрицы Сина Бел-шалти-наннар, сэр Леонард Вулли с удивлением обнаружил в одном и том же здании и слое предметы, относящиеся к совершенно разным периодам, в частности касситские *кудурру*, фрагмент статуи царя Шульги и глиняный конус одного из правителей Ларсы. Только позже он понял, что занимался раскопками в личном музее Бел-шалти-наннар.

Прямой противоположностью этого набожного и, очевидно, слабого правителя является Кир II, человек поистине выдающийся, «великий царь, потомок Ахемена, царь Парсуаша и Аншана», взойшедший на персидский престол в 559 г. до н. э., за три года до коронации Набонида.

Персы, народ, говоривший на индоевропейских языках, пришли в Иран с севера в конце 2-го тыс. до н. э., одновременно с мидийцами, с которыми были тесно связаны. Медленно двигаясь вдоль Загроса, они наконец достигли горной местности, до сих пор известной как Фарс и расположенной к югу от Иранского нагорья. В конце VII в. до н. э. (начиная с этого периода мы более или менее подробно можем проследить их историю) они жили в двух государствах, которыми правили потомки Теиспа, сына Ахемена (Хахаманиша). В самой Персии (Парса или Парсуаш), то есть в регионе, лежащем между Исфahanом и Ширазом, царствовало семейство старшего сына Теиспа Ариарамны, а западнее, вдоль границы с Эламом, находилось государство Аншан, которым правили потомки брата Ариарамны Кира I. Оба этих царства находились в зависимости от мидийцев. За одно или два поколения потомки Ариарамны обрели власть над семейством Кира, но его сын Камбис I (600–559 до н. э.) изменил эту ситуацию и увеличил свое влияние, женившись на дочери своего мидийского господина Астиага. Именно от этого брака родился Кир II.

В начале правления Набонида Кир (Кураш) из своего дворца в Пасаргадах правил обширной, но изолированной территорией в Иране и платил дань деду. Но персидский царь не мог пожаловаться на недостаток амбиций или ума. Он уже начал подчинять племена, жившие на территории Ирана, и постепенно расширял свои владения, когда царь Вавилона сам подарил ему возможность превратить их в державу.

Выше уже говорилось, что Набонид от всей души стремился перестроить храм Сина в Харране. Хотел этого он не только потому, что любил данное святилище, но и из-за важности обладания этим значимым центром торговли, стоявшим на путях из Северной Месопотамии в Сирию и Малую Азию, для безопасности и благополучия Вавилонского царства. К несчастью, с 610 г. до н. э. Харраном владели мидийцы, против которых Набонид не мог выступить в одиночку. Увидев, что персы стали продолжателями дела эламцев, на которых правители Вавилона неоднократно полагались в прошлом, он обратился за помощью к Киру, и тот согласился. Астиаг узнал о заговоре и вызвал внука в Экбатаны, но Кир отказался подчиниться. Это привело к ожесточенной войне, закончившейся победой персов. Астиаг, которого предал собственный военачальник, оказался в плену у Кира, а тот, в свою очередь, стал владыкой и Персидского, и Мидийского царств (550 до н. э.). Это важное событие, на протяжении длительного времени известное нам только благодаря трудам античных авторов, также упоминается в клинописных текстах, относящихся к тому же периоду. В одной из своих надписей Набонид утверждает, будто во сне ему явился Мардук и приказал перестроить Эхулхул в Харране. На возражение царя о том, что Харран находится под властью умман-манду (мидийцев), бог ответил: «Ни умман-манда, о котором ты говоришь, ни

страны его, ни царей, идущих на его стороне, уже не существует». Когда наступил третий год, боги подняли Кураша, царя Аншана, его малого раба, и он со своим малым войском разгромил многочисленных умман-манду. Он захватил Иштумегу, царя умман-манду, и в плен увел его в свою страну»⁴⁷.

Другое, более точное описание этого конфликта приведено в так называемой хронике Набонида: «(В шестом году) Иштумегу созвал (свое войско) и направился против Кураша, царя Аншана, для завоевания (его страны?). Войско Иштумегу возмутилось против него, и он был схвачен (как) пленник. Они передали его Курашу».

Одержав победу над мидийцами, Кир осуществил ряд блестящих кампаний, вследствие чего через 10 лет он стал правителем державы гораздо более обширной, чем все существовавшие прежде. Первой его целью стала Лидия, где правил сказочно богатый царь Крёз. Вместо того чтобы пересекать Армянское нагорье, Кир повел свои войска по дороге, шедшей параллельно Таврским горам, по степям Джазире. Они пересекли Тигр ниже Ниневии и отправились на запад через Харран, а затем заняли Киликию, тогда находившуюся в зависимости от Вавилона, нарушив таким образом союз, недавно заключенный с Набонидом, и заставив вавилонян перейти на сторону лидийцев и их традиционных союзников – египтян. Но ни вавилоняне, ни египтяне не смогли прислать войска на помощь Крёзу, которому пришлось сражаться с персами в одиночку, из-за чего он потерпел поражение в битве при Птерии (547 до н. э.). Лидия вошла в состав державы Кира, греческие города Ионии терпели поражение один за другим, и вскоре персы стали править всей Малой Азией.

Едва закончив этот поход, Кир двинул свою армию в противоположном направлении. Одно за другим в его власти оказывались различные государства: Парфия и Аррея в Западном Иране, Согдиана и Бактрия в Туркестане и Афганистане, а также часть территории Индии. Теперь Персидская держава простерлась от Эгейского моря до Памира, занимая расстояние почти 5000 км. У Вавилона, вступившего в конфликт с этим колоссом, не было шансов.

Сам Набонид тогда находился в Аравии. Согласно хронике, на третьем году своего царствования он отправился в Сирию, собрал войска в «стране Хатти», как в те времена называли данный регион, вступил в Аравийскую пустыню и осадил Адуму (Эль-Джауф, в 450 км к востоку от Акабы), важное поселение, некогда занятое ассирийцами. Мы не знаем, когда он вернулся после этого похода, так как табличка с текстом в этом месте повреждена, но в источнике говорится, что на 7-м и 11-м годах своего царствования «царь был в Теме», из-за чего в Вавилоне нельзя было провести празднование Нового года. Тема (Тейма) – это большой оазис в Западной Аравии, откуда Набонид, как нам известно из надписи, обнаруженной в Харране, передвигаясь от одного оазиса до другого, с легкостью добрался до Ятриба (Медины).

Вопрос о том, что царь Вавилона делал в Аравии, является одним из наиболее дискуссионных в истории Древнего Ирака. Исследователи высказывали различные предположения, наиболее правдоподобным из которых является следующее. Потеряв северные и восточные торговые пути Месопотамии, оказавшиеся под контролем мидийцев (и персов), он попытался обезопасить дорогу, по которой из Йемена через Хиджаз в Египет и Палестину шли караваны с благовониями. Официальная версия причины этого поступка, приведенная в источнике, известном как харранские надписи, заключалась в том, что он преднамеренно покинул Вавилонию, раздираемую междоусобицами и страдавшую от голода. Однако ни в одном из этих предположений не содержится объяснение причины, по которой царь на протяжении целых 10 лет отсутствовал в столице. Таковым может стать предположение о том, что враги Набунаида не давали ему вернуться в Вавилон.

Уезжая, Набонид возложил груз управления государством на плечи своего сына Белшар-уцура (Валтасара из Ветхого Завета), прекрасного солдата, но плохого политика, власти

47 Здесь и далее текст хроники Набонида приведен в переводе М.А. Дандамаева. (Примеч. пер.)

которого бросили вызов представители могущественной проперсидской партии. Дело в том, что Кир в каждой завоеванной им стране стремился обрести расположение своих новых подданных, а не заставить их подчиняться из-за страха. Он позиционировал себя как освободитель и обращался с пленниками милосердно, уважал местные культы, традиции и обычаи и способствовал их дальнейшему процветанию. Соответственно, персидский царь стал пользоваться огромной популярностью по всему Ближнему Востоку, и многие вавилоняне считали, что ничего не потеряют, став подданными такого прекрасного правителя. Отсюда и появились слова на стене⁴⁸ – Вавилон был легкой добычей.

Кир напал на Вавилонию осенью 539 г. до н. э. Набонид, наконец вернувшийся из Аравии, приказал Валтасару развернуть свои войска вдоль Тигра, чтобы защитить столицу. Однако у персов было огромное численное преимущество. Более того, Угбару, наместник области Гутиум (Ассирии), который должен был защищать левый фланг армии Валтасара, перешел на сторону противника. Последовавшие за этим события подробно описаны в хронике Набонида:

«В месяце ташриту, когда Кураш дал битву армии Аккада в Описе у Тигра, люди Аккада отступили. Он учинил людям резню и увез добычу. В 14-й день (10 октября 539 до н. э.) Сиппар был захвачен без боя. Набонид бежал. В 16-й день (12 октября) Угбару, наместник страны Гутиум, и армия Кураша вступили в Вавилон без боя. Затем, когда Набонид отступил, он был схвачен в Вавилоне. До конца месяца щитоносные гутии окружали ворота Эсагилы. Не было нарушения (обрядов) в Эсагиле и в (других) храмах, (и) установленные (для обрядов) сроки не были пропущены.

В 3-й день месяца арахсамну (29 октября 539 до н. э.) Кураш вступил в Вавилон. [Дорога] перед ним была устлана (зелеными ветками). В городе был установлен мир. Кураш сказал всему Вавилону слова благополучия».

Валтасар погиб в битве при Описе, а Набонид, вероятно, окончил свой жизненный путь в Вавилоне. Правда, согласно другим источникам, Кир назначил его наместником Кармании (Центральный Иран). В отличие от своей соперницы Ниневии Вавилон не был разрушен. Наоборот, персидский царь отнесся к этому городу с огромным уважением. С первого же дня пребывания Вавилонии под властью персов (12 октября 539 до н. э.) новые правители стремились не обижать ее жителей и делали все возможное, чтобы те могли вернуться в свои дома, чтобы восстановить в стране закон и порядок. Боги Шумера и Аккада, которых Набонид во время войны привез в Вавилон, возвратились в свои святилища, «места, которые делают их счастливыми», и даже ассирийские боги, которых мидийцы держали в качестве заложников, вернулись на родину, а их храмы были восстановлены. Кир сделал так, чтобы все знали: он считает себя преемником местных правителей, поклоняется Мардуку и «радостно восхваляет своего великого бога». Мы вполне склонны поверить персидскому завоевателю, заявившему в надписи на аккадском языке, вырезанной на поверхности глиняного цилиндра, что вавилоняне с радостью приняли его власть: «Все жители Вавилона, а также всей страны Шумера и Аккада, князья и наместники, склонялись перед ним (Киром) и целовали его ступни, ликуя, что он получил царство, и со светящимися лицами радостно приветствовали его, владыку, с помощью которого они воскресли от смерти и избавились от вреда и бедствий, и они восхваляли его имя».

Глава 24

Величие Вавилона

В нашем распоряжении имеется множество источников, относящихся к

⁴⁸ Имеются в виду слова «мене, мене, текел, упарсин» (в церковнославянских текстах – «мене, текел, фарес»), появившиеся, согласно Книге пророка Даниила (Дан., 5: 26–28), на стене во время пира Валтасара и являвшиеся, по словам пророка Даниила, единственного, кто сумел разъяснить их, предзнаменованием скорой гибели царя и падения Вавилона. (Примеч. пер.)

непродолжительному периоду правления халдейских царей. Памятники, царские надписи, письма, многочисленные тексты юридического и делового характера помогают нам нарисовать довольно полную и точную картину того, что представляло собой Нововавилонское царство. Благодаря этим многочисленным источникам мы знаем о двух наиболее характерных чертах данной эпохи, придающих ей своеобразие: расцвете религии, сочетавшемся с активной строительной деятельностью, и возрождении храмов в качестве основных экономических и социальных единиц.

География, обстоятельства и воля правителей превратили Ассирию в огромное военизированное государство. Те же факторы, наложившиеся на тысячу лет политической зависимости, сделали Вавилонию наследницей и защитницей традиций Шумера и Аккада, общепризнанной «священной областью» Месопотамии, к которой с уважением относились даже сами ассирийцы. Таким образом, вавилонский ренессанс, произошедший в VI в. до н. э., приобрел форму религиозного возрождения. Халдейские правители уделяли много времени и сил, а также тратили значительные средства на восстановление святилищ, древних обрядов и проведение религиозных празднеств, становившихся все более торжественными. В своих официальных надписях они говорили больше о достижениях в сфере строительства, чем военного дела. Они, подобно своим предшественникам, могли утверждать, будто правят «вселенной», «четырьмя сторонами света», но предпочитали называться «кормильцами (занину) Эсагилы и Эзиды»⁴⁹ (этот титул встречается на тысячах кирпичей, которые археологи находят по всему югу Ирака). Они вели колоссальную работу по восстановлению храмов во всех ключевых городах Шумера и Аккада, от Сиппара до Урука и Ура, но, что вполне ожидаемо, отдавали предпочтение столице, где перестраивали здания заново, расширяли, укрепляли и украшали их, благодаря чему Вавилон превратился в одно из чудес света. Пророк Иеремия, предрекая его падение, все же назвал этот город «золотою чашею в руке Господа, опьянявшею всю землю», а Геродот, который, как считается, посетил Вавилон около 460 г. до н. э., писал: «Вавилон был не только очень большим городом, но и самым красивым из всех городов, которые я знаю».

Была ли заслуженной эта репутация, или она сложилась благодаря характерной для Востока склонности к преувеличению и доверчивости греков? Ответ на этот вопрос не следует искать на пустынных холмах и в кучах рассыпающегося кирпича, в настоящее время покрывающих большую часть этого знаменитого городища, а в работах Р. Колдевея и его сотрудников, которые проводили раскопки на территории Вавилона в период между 1899 и 1917 гг. Немцы потратили 18 лет тяжелой и кропотливой работы лишь на то, чтобы в общих чертах восстановить план города и открыть некоторые из его основных памятников. Однако в настоящее время в нашем распоряжении имеется достаточное количество археологических данных, чтобы дополнить описание Геродота, подтвердить правоту этого античного автора или исправить некоторые его ошибки, нередко разделяя при этом его энтузиазм.

Великий город Вавилон

Вавилон по древним меркам был, несомненно, очень большим городом. Он занимал территорию площадью больше 202 га, и в нем находились, судя по письменным источникам, 1179 храмов различного размера. В то время как обычно его население составляло примерно 100 000 жителей, в нем могла укрыться четверть миллиона человек, если не больше.

Сам город, квадратный в плане, был разделен на две части Евфратом, текущим в настоящее время к западу от его развалин, и окружен «внутренней стеной». Но для того чтобы враг не прорвался в Вавилон сбоку, Навуходоносор возвел «внешнюю стену» длиной около 16 км, добавив «четыре тысячи локтей земли к каждой стороне города». Обширная область, оказавшаяся внутри этих стен, по сути являлась пригородом с глинобитными домами и тростниковыми хижинами, разбросанными среди садов и пальмовых рощ.

49 Храмы Мардука в Вавилоне и его сына Набу в Борсиппе соответственно.

Насколько мы можем судить, там располагались лишь два официальных здания: «летний дворец» Навуходоносора, руины которого, лежащие в северо-восточном углу городища, в настоящее время образуют холм, названный Бабиль, и, возможно, *бит акиту*, или храм празднования Нового года, пока еще точно не локализованный.

Стены Вавилона были весьма примечательны и в древности вызывали восхищение. Усиленные башнями и защищенные рвами, они представляли собой две толстые стены из обожженного кирпича, расположенные одна за другой, между которыми находилась забутовка из обломков кирпичей. К примеру, толщина верхней части наружной стены составляла почти 11 м, и по ней могли проехать одна или даже две колесницы, запряженные четырьмя конями, шедшими бок о бок. Это позволяло быстро перебрасывать войска из одного конца города в другой. Однако, когда это мощное оборонительное сооружение понадобилось, оно оказалось бесполезным: вне зависимости от того, были ли у них сообщники в городе, персы проникли в Вавилон по дну Евфрата при максимальном отливе и застали его защитников врасплох, еще раз доказав, что у любого укрепления есть слабые места, а эффективность подобных сооружений зависит от стоящих за ними людей.

Во внутренней стене были прорублены восемь ворот, каждые из которых носили имя того или иного божества. Северо-западные ворота, названные в честь Иштар и игравшие важную роль в религиозной жизни города, к счастью, прекрасно сохранились. Их стены до сих пор возвышаются почти на 11 м над уровнем дневной поверхности. Подобно большинству ворот древних ближневосточных городов, они представляли собой длинный коридор, разделенный выступающими башнями на несколько входов, за каждым из которых располагались помещения для охраны. Однако наибольший интерес представляет роскошный декор ворот Иштар. Передняя стена, как и вся поверхность коридора, была покрыта голубыми глазурованными кирпичами, на которых выступают рельефные изображения красно-белых драконов (символ Мардука) и быков (посвященных Ададу), образующие чередующиеся друг с другом ряды. Аналогичным образом был украшен даже фундамент, хотя там глазурованные кирпичи не использовались. Всего на воротах изображены 575 фигур животных. Коридор был перекрыт арочной крышей, и вид этих странных созданий, сверкающих в неярком свете факелов и масляных ламп, очевидно, производил весьма пугающее впечатление и внушал благоговейный ужас.

К воротам Иштар можно было подойти с севера по широкой и поистине прекрасной улице, которую сами вавилоняне называли Айбур-Шабу, «враг не пройдет через них», но в настоящее время она больше известна как Дорога процессий. Улица, ширина которой составляла почти 20 м, была вымощена плитами из белого известняка и красной брекчии, а по бокам от нее шли две толстые стены, производившие не менее яркое впечатление, чем ворота Иштар, так как на их голубую глазурованную поверхность были нанесены рельефные изображения 60 могучих львов (символ Иштар) с красными или желтыми гривами. За этими стенами располагались три больших здания, названные немцами «Северной цитаделью» (Nordburg), «Главной цитаделью» (Hauptburg) и «Передовым фортом» (Vorwerk). Все они являлись частью оборонительной системы города, хотя Hauptburg, очевидно, использовался также в качестве резиденции царя или царевича. На его развалинах было обнаружено множество надписей и скульптурных изображений, относящихся ко времени от 2-го тыс. до V в. до н. э. Среди них оказалось базальтовое изваяние льва, наступающего на человека, известное как «вавилонский лев». Происхождение этого огромного, но довольно небрежно сделанного артефакта неизвестно, но, насколько мы можем судить по всему, что знаем о скульптуре Месопотамии, это произведение, исполненное таких силы и величия, что оно стало символизировать славное прошлое Ирака, не было создано одним из мастеров Междуречья.

За воротами Иштар Дорога процессий продолжалась, становясь несколько уже, и шла через сам город. Она проходила мимо царского дворца, пересекала канал, называвшийся *Либиль-хегалла* («Да принесет он изобилие»), огибала обширный священный участок зиккурата и, повернув на запад, достигала Евфрата в том месте, где над рекой был перекинут

мост, состоявший из шести волноломов, которым была придана форма лодок. Эта улица делила город на две части: на востоке находилось беспорядочное скопление частных домов (Телль-Меркес), а на западе и на юге располагались грандиозные дворцы и храмы.

Непосредственно за городскими стенами, неподалеку от ворот Иштар, располагалась «Южная цитадель» (Südburg). «Дом, изумляющий людей, узы объединения страны, сияющая постройка, обиталище моей царственности» – так описывал Навуходоносор дворец, построенный им на месте гораздо более скромного дворца своего отца Набопаласара. Попасть в это огромное здание можно было с Дороги процессий, пройдя через единственные монументальные ворота. За ними один за другим открывались пять дворов, вокруг каждого из которых располагались различные рабочие помещения для чиновников, залы для приемов и царские апартаменты. В отличие от дворцов ассирийских царей двери не охраняли каменные гиганты, а вдоль стен не стояли плиты со скульптурными изображениями и ортостаты. Единственными украшениями, цель которых при этом заключалась в том, чтобы радовать глаз, а не вселять страх, были изображения животных, псевдоколонны и растительные орнаменты, сложенные из желтых, белых, красных и синих глазурованных кирпичей.

Отдельного упоминания заслуживает необычное сооружение, расположенное в северо-западном углу дворца. Оно находилось ниже уровня поверхности и состояло из узких коридоров и камер с низкими сводчатыми потолками. В одной из них был обнаружен необычный колодец, представляющий собой три расположенные рядом друг с другом шахты и использовавшийся, очевидно, вместе с цепным водоподъемником. В этом сооружении очень хочется увидеть нижнюю часть знаменитых висячих садов Семирамиды, находившихся на крыше и возведенных, по легенде, Навуходоносором для его супруги – мидийской царевны Амитис, описание которых приведено в сочинениях античных авторов.

К югу от царского дворца, посреди обширного открытого пространства, окруженного подпорной стеной, возвышалась «Вавилонская башня», огромный зиккурат, называвшийся Этеменанки, «Дом основания неба и земли». Такой же древний, как и сам Вавилон, поврежденный Синахерибом, восстановленный Набопаласаром и Навуходоносором, он был, как будет сказано ниже, полностью разрушен, из-за чего археологи сумели изучить только его фундамент. Таким образом, любая реконструкция Этеменанки основывается на скудных данных, полученных в ходе этих исследований, описании Геродота, видевшего его своими глазами, и на измерениях, приведенных в довольно неточных выражениях в источнике, получившем название «табличка Эсагилы». Несомненно, это было огромное здание шириной у основания почти 100 м и, возможно, высотой более 60 м, состоявшее не менее чем из семи этажей. На его южной стороне располагалась тройная лестница, которая вела на второй этаж, а еще выше можно было попасть, поднявшись с помощью пандусов. На вершине всего этого сооружения находилось святилище (*сахуру*), украшенное кирпичами, покрытыми сверкающей голубой глазурью, которое Геродот описывал следующим образом: «На последней башне воздвигнут большой храм. В этом храме стоит большое, роскошно убранное ложе и рядом с ним золотой стол. Никакого изображения божества там, однако, нет. Да и ни один человек не проводит здесь ночь, за исключением одной женщины, которую, по словам халдеев, жрецов этого бога, бог выбирает себе из всех местных женщин. Эти жрецы утверждают (я, впрочем, этому не верю), что сам бог иногда посещает храм и проводит ночь на этом ложе».

Вполне очевидно, что в этом описании сочетаются две разные традиции: представление об изредка происходившем нисхождении божества на землю, во время которого *сахуру* использовался в качестве места отдыха, и ритуал священного брака, который, как мы вскоре увидим, проводился не в зиккурате, а в *бит акиту* или Эсагиле.

Эсагилой, «Домом поднятой головы», назывался храм Мардука, божественного покровителя Вавилона и верховного божества вавилонского пантеона со времени правления Хаммурапи. Он представлял собой комплекс больших и высоких зданий и обширных дворов, располагавшийся к югу от Этеменанки, на другой стороне Дороги процессий, то есть, в

отличие от большинства храмов Месопотамии, не у подножия зиккурата. Все цари Вавилона так или иначе выражали свое почтение к величайшему из всех святилищ, в частности, Навуходоносор перестроил и богато украсил «Дворец неба и земли, место царственности»:

«Серебро, золото, дорогие драгоценные камни, дерево из Магана, что дорогостоящее, блистательное изобилие, продукты гор, сокровища морей, большие количества (вещей), роскошные подарки я привез в свой город Вавилон и поднес ему (Мардуку).

В Эсагиле, дворце его величия, я провел восстановительные работы. Экуа, часовня Мардука, Энлиля богов, я сделал так, чтобы ее стены блестели, подобно солнцу. Сверкающим золотом, будто это гипс... ляпис-лазурью и алебастром я отделал внутреннее убранство храма...

Дуазаг, место именованья судьбы... святилище царственности, святилище бога господства, мудрейшего из богов, князя Мардука, здание которого царь до меня украсил серебром, я отделал блестящим золотом, прекрасным орнаментом...

Мое сердце требует, чтобы я перестроил Эсагилу; я постоянно думаю об этом. Лучший из моего кедра, который я привез из Ливана, благородный лес, я разыскал, чтобы покрыть крышу Экуа... Внутри (храма) эти массивные балки из кедра... Я покрыл сверкающим золотом. Нижние балки из кедра я украсил серебром и драгоценными камнями. О строительстве Эсагила я молился каждый день».

О богатстве Эсагила говорил и Геродот, который, описав зиккурат, рассказывал и о «нижнем храме»: «Есть в священном храмовом участке в Вавилоне внизу еще и другое святилище, где находится огромная золотая статуя сидящего Зевса. Рядом же стоят большой золотой стол, скамейка для ног и трон – также золотые. По словам халдеев, на изготовление (всех этих вещей) пошло 800 талантов золота. Перед этим храмом воздвигнут золотой алтарь. Есть там и еще один огромный алтарь; на нем приносят в жертву взрослых животных; на золотом же алтаре можно приносить в жертву только сосунков. На большом алтаре халдеи ежегодно сжигают 1000 талантов ладана на празднике в честь этого бога».

Однако через 23 столетия после посещения Геродотом величественный храм Мардука оказался погребенным под более чем 18-метровым слоем земли и песка, из-за чего провести широкомасштабные раскопки было почти невозможно. Ценой огромных усилий немцам удалось раскопать основное святилище (Hauptbau), где среди других помещений, симметрично расположенных вокруг центрального двора, они идентифицировали Экуа, святилище Мардука, небольшую часовню богини Царпанит, его супруги, и святилища других божеств, таких как Эа и Набу. Археологам удалось проследить только внешние стены и ворота примыкавшего к нему здания (Anbau). В Эсагиле, полностью разграбленной в древности, почти не было найдено ценных артефактов. На вершине искусственного холма, под которым она находилась, стояла гробница Амрана ибн-Али, товарища пророка, благодаря чему мусульмане переняли у древних жителей Вавилона благоговейное отношение к этой части Вавилона, которую они также считают священной.

Празднование нового года

Один раз в год, весной, религиозность, рассеянная по всему Шумеру и Аккаду, концентрировалась в Вавилоне. На протяжении 11 дней все население думало только о ритуалах, проводившихся в столице, так как именно они были ключом к страхам и надеждам каждого жителя Месопотамии. Считалось, что человечество, как и вся природа, обновляется, что прошлое исчезает, космос мгновенно превращается в хаос, а судьба страны зависит от решения богов. Помочь выйти из неизбежного кризиса и избавиться от ужасной неопределенности, мучившей все человечество, могло не что иное, как сложный ритуал, исполненный магической силы.

Празднование Нового года, *акиту*, которое устраивали в Вавилоне в 1-м тыс. до н. э., возникло в результате слияния двух направлений религиозной мысли: очень древнего культа плодородия, изначально характерного для всего Древнего Ближнего Востока, и относительно

более поздней шумерской космологии. Выше уже говорилось, что каждое государство Шумера обеспечивало плодородие собственных полей, стад и жителей с помощью ритуала священного брака между богом – покровителем города и богиней, которой поклонялись там же. Например, из источников, относящихся ко времени правления III династии Ура, мы знаем, что такой брак заключался в Лагаше между Нингирсу и Бабой, в Уре – между Нанной и Гулой, в Уруке – между Ану и Инанной, а в Ниппуре – между Энлилем и Нинлиль.

Ритуал, называвшийся на шумерском *загмук*, «новый год», нередко проходил два раза в год – весной и осенью. Ее организовывал и проводил местный *энси* или *лугаль*, очень рано, очевидно, начавший играть роль божества мужского пола в земной составляющей этого союза. Тем временем ниппурские теологи разработали космогонию, согласно которой мир был создан Энлилем после битвы с Тиамат и силами хаоса. После сотворения мира на общем собрании богов, которым руководил «владыка-ветер», была определена судьба человечества. Сотворение мира и установление судьбы не были единоразовыми и окончательными, но происходили ежегодно и зависели от ряда условий. Считалось, что великая космическая битва происходит ежегодно и предсказать ее исход невозможно. В итоге в рамках вавилонского праздника *акиту* гармонично переплетались священный брак и миф о сотворении мира, естественный переход от желания к плодородию связывался с восстановлением божественного порядка, а главные роли в этой драме играли Мардук, с которым был отождествлен Энлиль, защитник и владыка богов, и его ипостась бога – покровителя города, обеспечивающего плодородие.

Праздник *акиту* начинался в Вавилоне в первый день месяца нисана (март – апрель) и продолжался в течение 11 дней. Первые восемь из них были довольно печальными, связанными с утратой, так как считалось, что Мардука держат в плену в «горе» загробного мира. В период с первого по четвертый день месяца нисана в Эсагиле, где находились только жрецы, раздавались звуки молитв и гимнов, а также проводилась работа по подготовке к ритуалам. На четвертый день «поздним днем, после второго приема пищи» жрец-*уригаллу* читал всю длинную поэму «Энума элиш» (эпос о сотворении мира). Пятый день был посвящен очищению: жрец *машмашу* разбрызгивал по храму воду, бил в литавры, произносил заклинания, возжигал благовония и наконец отрезал барану голову, натирал стены храма его кровью, а его тело и голову бросал в реку. Этот «козел отпущения» должен был унести с собой все грехи, совершенные за год. После этого *машмашу* считался нечистым и покидал Эсагилу на все время проведения праздника.

Пока жрецы проводили эти обряды, люди, находившиеся за пределами храма, выражали свои эмоции менее формально. Мы плохо знаем, что происходило на улицах Вавилона, но в сильно поврежденном и, очевидно, бессвязном тексте одного источника упоминаются многоголосые причитания и ужасная развязка, происходившая в полной анархии: в разных местах начинались драки, колесница Бела (Мардука) без колесничего на большой скорости неслась на *бит акиту*, преступник, одетый царем, очевидно, делал в городе все, что ему было угодно. Несомненно, в эти дни у жителей Вавилона случались приступы массовой истерии, сочетавшиеся с попытками создать образ хаоса, в который, как считалось, низвергается мир после исчезновения бога.

На четвертый день месяца нисана царь отправлялся в Борсиппу (Бирс-Нимруд, в 16 км к югу от Вавилона), чтобы привезти бога Набу, который должен был освободить своего отца Мардука из загробного мира. Путешествие он совершал на лодке, возвращался на следующий день и сопровождал статую Набу в Эсагилу. Возле ворот храма правитель отдавал царские инсигнии: скипетр, кольцо и меч – жрецу *уригаллу*, помещавшему их на сиденье перед Мардуком и затем дававшего царю пощечину: «Он (жрец), – говорится в богослужебном тексте, благодаря которому нам известны детали ритуала, – должен сопровождать его (царя) к богу Белу... Он должен тащить его за уши и заставить его склониться к земле... Царь должен произнести следующее (только) единожды: «Я не грешил, владыка стран. Я не был пренебрежителен к твоей божественности. Я не уничтожал Вавилон, я не руководил его низвержением... Храм Эсагила, я не забыл его обрядов. Я не

сыпал удары на щеку подданного... Я не унижал их. Я внимательно относился к Вавилону, я не разрушал его стены».

Жрец уверял царя: «Не бойся... Бог Бел прислушается к твоим молитвам... Он преумножит твое господство... Он возвысит твое царство... Бог Бел благословит тебя навеки. Он уничтожит твоего врага, низвергнет твоего противника».

Царю возвращали его инсигнии и снова били: «Ему (жрецу) следует ударить царя по щеке. Если, когда он бьет по щеке, текут слезы, бог Бел благосклонен. Если слезы не появляются, бог Бел разозлен: враг выступит и приведет к его низвержению».

Символика этого унижительного ритуала ясна: будучи козлом отпущения для всей общины, царь искуплял свои грехи и вспоминал, что обязан богам своей властью. Очищенный и восстановленный в прежнем положении, он мог войти в святилище и принять участие в обрядах, проводившихся в последующие дни, в которых играл настолько важную роль, что в его отсутствие проведение праздника было невозможно.

В течение двух следующих дней в Вавилон прибывали боги из Сиппара, Кутхи, Киша, Ниппура, Урука и других городов. Некоторых из них привозили по сухопутной дороге, других – по каналу. В это время царь в Эсагиле проводил обряды, направленные на возвращение Мардука из загробного мира. На восьмой день месяца нисана Мардук воскресал. Царь входил в святая святых, «брал его за руку» (этот жест был кульминацией участия правителя в ритуалах), устанавливал его изваяние в самом большом дворе Эсагилы и одного за другим представлял ему других богов. Во время первого собрания богов, как сказано в «Энума элиш», провозглашалась верховная власть Мардука.

Затем собиралась торжественная многолюдная процессия, в которой также принимали участие статуи богов и богинь. Во главе с Мардуком в его колеснице, блестящей золотом и драгоценными камнями, и царем она, окутанная ароматом благовоний и сопровождаемая звуками пения и музыки, двигалась через Вавилон по Дороге процессий, а люди, встречавшие ее, благоговейно преклоняли колени, когда она проходила мимо. Процессия покидала город через ворота Иштар и после короткого путешествия по Евфрату достигала *бит акиту*, храма, полного растений и цветов и стоящего посреди обширного парка.

Мы не знаем, какие обряды проводились там. Несомненно, в этом храме праздновали победу Мардука над силами зла. Некоторые ученые полагают, что именно там заключался священный брак; другие считают, что этот обряд проводился позже в Эсагиле. В любом случае боги оставались в *бит акиту* на протяжении трех дней. На 11-й день месяца нисана они возвращались в Эсагилу, где снова собирались, на этот раз – чтобы провозгласить «судьбы страны». Мы точно не знаем, что понималось под этим довольно расплывчатым выражением. Возможно, провозглашались пророчества о конкретных событиях, таких как войны, голод, наводнения и т. д. Или, вероятно, боги просто подтверждали, что будут и впредь защищать вавилонян и их правителя. Собрание заканчивалось богатым пиршеством, сопровождавшимся музыкой и молитвами. На двенадцатый день месяца нисана все боги, прибывшие в Вавилон, возвращались в свои города, жрецы – в храмы, а царь – во дворец. Празднование Нового года подходило к концу.

Хозяйство

Расстояние между величественными вершинами религиозной жизни и приземленными экономическими реалиями в халдейском Вавилоне было не столь велико, так как во многих местах жрецы удовлетворяли не только духовные, но и материальные потребности населения. К примеру, судя по архивам Э-Анны, крупнейшего святилища Урука, этот храм владел обширными участками земли, которые частично передавались арендаторам, вел активную торговлю как внутри Месопотамии, так и за ее пределами и образовывал социальную и экономическую единицу, почти не зависевшую от центральной власти. Управлял этой разнообразной деятельностью «руководитель» (*шатамму*), которому помогали «надзиратель» (*кипу*) и несколько жрецов-писцов. В храме работало большое

количество людей. Он так или иначе пользовался услугами лично свободных (*мар баниту*) представителей различных профессий; нанимал людей и покупал рабов, которые работали на принадлежавших ему полях, выкапывали и поддерживали его каналы, пасли его стада и следили за перевозкой и хранением продукции и товаров. Отдельно следует упомянуть *ширке* (множественное число *ширку*), дословно «посвященных», представителей нового слоя общества, занимавшего промежуточное положение между свободными и рабами и состоявшего из мужчин и женщин, отданных в пожизненное владение храму и выполнявших различную работу. Жрецы не платили им, но должны были содержать и кормить.

Доходы храма состояли из продукции полей, прибыли от торговых операций, арендной платы за пользование полями и домами, податей, которые платили общинники, а также части подношений, в теории делавшихся по желанию, но в действительности обязательных. Подобная система, очевидно, существовала и в других городах, хотя в большинстве источников, происходящих из Вавилона, Сиппара, Ниппура, Борсиппы и Ура, опубликованных вплоть до настоящего времени, речь идет об отношениях между отдельными людьми.

Значение по крайней мере некоторых храмов, достигшее апогея в правление Халдейской династии, начало увеличиваться в XI–X вв. до н. э. До этого, наоборот, происходило постепенное уменьшение числа привилегий храмов, связанное с появлением обширных царских владений и развитием частной собственности. Однако в «темные века» вторжения арамеев ситуация начала изменяться. Несмотря на нехватку письменных источников, мы можем вполне обоснованно предположить, что, в то время как захватчики грабили и занимали сельскую местность, месопотамские земледельцы и ремесленники скрывались в городах или в непосредственной близости от них и поступали на службу к единственным оставшимся представителям власти – жрецам. В итоге в храмах сосредоточилась общественная, культурная и экономическая жизнь Южной Месопотамии, они стали играть роль, похожую на ту, которая была характерна для средневековых монастырей, и получили неограниченные возможности для расширения своих владений.

Периодом, для характеристики которого в нашем распоряжении имеются источники, стало время ассирийского владычества, когда богатство Вавилонии, судя по текстам, сосредоточилось в ее «священных городах». Ассирийские цари, возлагавшие большие надежды на храмы, помогавшие им сохранять в Вавилонии политическую стабильность, были к ним весьма благосклонны и освобождали их от податей и повинностей. В то же время правители жестко контролировали их и в случае необходимости «заимствовали» часть их сокровищ. Падение Ассирии во многом освободило храмы от вмешательства светской власти, и, хотя Набопаласар и Навуходоносор из-за собственной набожности и верности испытанным временем традициям перестраивали и украшали святилища, они не вмешивались в их деятельность. Однако Набонид стремился контролировать ее. Нам известно, что он назначил в расположенную в Уруке Э-Анну двух высокопоставленных чиновников, которые должны были следить за деятельностью этого храма и регулярным сбором царской десятины. Вполне вероятно, что именно данный факт, а не «ересь» царя заставил жрецов отвернуться от него и перейти на сторону Кира.

Причиной этих явно непопулярных действий, несомненно, стали серьезные финансовые трудности. Навуходоносор потратил огромные средства на восстановление Вавилона и других городов, и вряд ли «археологические» предприятия самого Набонида были менее дорогостоящими. Кроме того, царю приходилось содержать многочисленную регулярную армию. Торговые связи Месопотамии со всеми народами, жившими на севере и востоке, за исключением эламцев, были почти полностью перерезаны. Сирия и Палестина оставались под властью Вавилона, но постоянные восстания превращали эти регионы из источника доходов в тяжелую ношу. К тому же финикийские города потеряли значительную часть своих прежних богатств. VI в. до н. э. – время расцвета греческого мореплавания и колонизации, и теперь основные центры торговли в Восточном Средиземноморье располагались не на побережье Ливана, а в Греции, Ионии, Лидии, Киликии и Египте. Рост

расходов и снижение доходов оказали сильное влияние на состояние царской сокровищницы и хозяйство Вавилонии в целом. Сравнив договоры о найме и купле-продаже, составленные в начале и в конце нововавилонского периода, мы заметим значительное повышение цен. Так, примерно в 600 г. до н. э. раб стоил около 40 шекелей серебром, а примерно через 50 лет его продавали уже за 50 шекелей. В правление Навуходоносора за один шекель можно было купить от двух до четырех *ка* пашни, а в царствование Набонида – только от одного до двух *ка*. Подорожание также коснулось пищи, одежды и других предметов повседневного спроса. По разным причинам привести точные данные о стоимости труда сложно, но на протяжении всего периода она оставалась довольно низкой. Батрак, например, ежемесячно получал около одного шекеля, на который мог купить около 70 л зерна и примерно 100 л фиников. Это был минимум, необходимый для того, чтобы прокормить семью. В результате людям приходилось занимать деньги на длительный срок, что оказало еще более негативное воздействие на экономику Вавилонии.

Слово «деньги» в данном случае не следует воспринимать буквально, так как монеты, которые, как считается, были изобретены лидийцами в VII в. до н. э., получили широкое распространение на Ближнем Востоке лишь с правления Дария I (521–486 до н. э.). В качестве меры стоимости вавилоняне использовали куски серебра различных форм, обладавших разным стандартным весом: *шиклу* (шекель) весом около 8,5 г; *ману* (мина), состоящую из 60 шекелей и весившую около 510 г; *билту* (талант), в который входили 60 мин и который весил около 30 кг. Использовались также половины шекелей, а иногда и *ше*, дословно «крупинка» серебра. Эта система была очень древней, так как бронзовые слитки с клеймом в виде какой-либо надписи, гарантирующим чистоту металла, появились в Месопотамии еще во 2-м тыс. до н. э., а ассирийцы использовали предметы, отлитые из серебра, олова или, позднее, меди, как средство для обмена в торговых операциях. Нововведением, появившимся в нововавилонский период, стало использование серебряного стандарта, причем коэффициент отношения стоимости серебра к золоту составлял 14–10 к одному. Стандартизированная система расчетов значительно упростила их и способствовала расширению торговли, но применение серебряного стандарта также привело к увеличению количества займов. Последнее произошло по единственной причине – серебряные «монеты» проще использовать и хранить. Везде, где вводилась новая мера стоимости, за этим следовали возникновение ростовщичества и залогов, а также порабощение должников. В конце VI в. до н. э. жители Вавилонии стали брать средства в рост в немыслимых прежде количествах. В то время как большинство населения испытывало значительные трудности, несколько династий ростовщиков, таких как семейство Эгиби из Вавилона, делали огромные состояния, просто одалживая деньги под 20–30 %, и стали богаче храмов, а возможно, даже и государства.

Появление денежной системы и активное развитие займов стали явлениями, значение которых невозможно преувеличить. Однако возвращение храмами их социального и экономического статуса также крайне важно. Оба этих явления помогают нам понять события, произошедшие после того, как Вавилония потеряла свою независимость. Упадок экономики стал одним из факторов, приведших к упадку цивилизации Месопотамии, но храмам удалось сохранять ее на протяжении почти 600 лет. По иронии судьбы цивилизации было суждено погибнуть так же, как она родилась, – под крыльями богов.

Глава 25

Гибель цивилизации

Относительно недавно огромный город, который мы только что описали, как и все остальные города и поселения Древнего Ирака, покоился под толстым слоем земли. То тут, то там на этих теллях встречался кирпич, украшенный надписью, прочитать которую не мог ни один ученый. Почти ничего не было известно о произведениях искусства, литературы, научных достижениях, созданных в рамках месопотамской цивилизации на протяжении ее

трехтысячелетней истории. Сама она погибла и была забыта, и даже сейчас, оказавшись на самых пустынных руинах, посетитель спрашивает себя, когда, как и из-за чего она исчезла.

Если персы поступили бы с Вавилоном так же, как сами вавилоняне и мидийцы с Ниневией, то никакой проблемы не возникло бы. Помимо Ассирии, на Ближнем Востоке существовали другие государства, народы и культуры, исчезнувшие почти мгновенно, ибо они стали жертвами опустошительных войн. Подобная участь постигла, например, хеттов с их столицей в Богазкёе, Урарту и Фригию. Однако персы не разрушили Вавилон, как и другие города Вавилонии. Кроме того, ряд надписей, датирующихся временем правления Ахеменидов, эллинистическим периодом и временем существования Парфянского царства, свидетельствует о том, что месопотамская цивилизация (по крайней мере, частично) просуществовала до 1-го тыс. н. э. Каким образом в таком случае она медленно пришла в упадок и исчезла?

Очевидно, этот крайне важный вопрос не удостоился того внимания, которое он заслуживает, по двум основным причинам. С одной стороны, он затрагивает сразу три различные области научных исследований. Специалисты по семитскому Ближнему Востоку, иудаике или ассириологи, получившие профильное образование, не желают вторгаться в сферу, занятую учеными, специализирующимися на истории древних греков и Ирана, так как не очень хорошо в ней разбираются, в то время как последние, изучая более широкие проблемы, считают Месопотамию чем-то вторичным, выходящим за пределы привычной им научной тематики. С другой стороны, упадок и исчезновение цивилизации в любой точке мира всегда является весьма сложным процессом, зависящим от множества политических, этнических, лингвистических, религиозных, экономических и даже географических факторов, которые, по крайней мере в данном конкретном случае, зачастую оказываются за пределами наших познаний. Тем не менее мы считаем, что, подробно рассказав, как родилась месопотамская цивилизация, должны по меньшей мере попытаться разобраться в том, каким образом она погибла. Начав с судьбоносной даты – 539 г. до н. э., когда Вавилония навсегда лишилась независимости, мы приведем здесь краткое описание истории Междуречья на протяжении трех следовавших друг за другом периодов иноземного владычества:

времени правления Ахеменидов (539–331 до н. э.);
эллинистического периода (331–126 до н. э.);
времени существования Парфянского царства (126 до н. э. – 227 н. э.).

Период правления ахеменидов

Вероятно, многие вавилоняне видели в завоевании своей страны персами всего лишь очередную смену династий. Вскоре после захвата Вавилона жизнь в долине Тигра и Евфрата вернулась в привычное русло, люди продолжили заниматься повседневными делами, и единственным отличием стало то, что договоры теперь датировались годами правления «Кураша, царя Вавилона, царя стран», а не Набунаида. Управление Вавилонией сначала было поручено Гобрию, прежнему военачальнику Набонида, но в месяце нисане 538 г. до н. э. «руку Бела взял» на праздновании Нового года сын Кира Камбис (Камбуджия). С тех пор именно он был ее наместником, его резиденция находилась в Сиппаре, а помогали ему в работе местные чиновники.

В 530 г. до н. э., когда Кир был убит на поле боя в одной из отдаленных областей, персидский трон занял Камбис, уже имевший к тому времени соответствующий опыт. Об этом периоде нам известно очень мало, мы знаем лишь то, что вавилонских солдат зачислили в персидскую армию и они участвовали в завоевании Египта. Сколько правды ни было бы в рассказе о жестокости, проявленной Камбисом в долине Нила, в его правление вавилоняне, очевидно, наслаждались миром.

Этот «медовый месяц» завершился в 522 г. до н. э., когда умер Камбис. Его брат Бардия,

узурпировавший престол, потерпел поражение и был убит Дарием через восемь месяцев⁵⁰. Однако, несмотря на царское происхождение Дария (он был потомком Ариарамна и, следовательно, принадлежал к династии Ахеменидов), его власть тотчас же оказалась под угрозой. Несколько сатрапов, назначенных Киром, отказались подчиняться новому царю, в то время как на сторону второго царя Мидии по имени Фраорт и самозванца, называвшего себя Бардией⁵¹, переходило все большее число людей. Прежде покорные вавилоняне присоединялись к восставшим, так как среди них были люди, в сердцах которых все еще пылал огонь свободы.

В длинном клинописном тексте, составленном на трех языках: древнеперсидском, вавилонском и эламском – и вырезанном на скале в Бехистуне (неподалеку от Керманшаха), чтобы увековечить память о победах Дария над его врагами, сам перс рассказывает, как некий вавилонянин по имени Нидинту-Бел собрал целое войско, провозгласив, будто является Навуходоносором, сыном Набонида, и захватил вавилонский престол. Дарий лично выступил против него, наголову разбил вавилонян на берегах Тигра и Евфрата и преследовал самозванца до самой столицы, где тот был схвачен и казнен. Согласно договорам, в которых указана дата их заключения, «Навуходоносор III» правил с октября по декабрь 522 г. до н. э.

В августе 521 г. до н. э., когда Дарий сражался за свой трон в Мидии и Персии, вавилоняне восстали против него во второй раз. Самозванцем, также называвшим себя Навуходоносором, сыном Набонида, на этот раз был житель Армении (Урарту) Арах, сын Халдита. Против него Дарий послал одного из своих военачальников, которого звали Виндафарна: «Перса по имени Виндафарна, моего раба, сделал начальником их [и] так сказал им: «Идите разбейте войско вавилонское, которое не называет себя моим». Затем Виндафарна направился с войском в Вавилон. Ахурамазда оказал мне помощь. Милостью Ахурамазды Виндафарна разбил вавилонян и привел их связанными. В 22-й день месяца варказана он захватил Араху, который называл себя Навуходоносором, и людей, которые были его виднейшими последователями. Я приказал посадить в Вавилоне на кол Араху и людей, которые были его виднейшими последователями»⁵². «Навуходоносор IV» был казнен 27 ноября 521 г. до н. э.

В начале 520 г. до н. э. Дарий, наконец избавившись от всех своих врагов, был признан правителем большей части Ближнего Востока и тотчас же приступил к проведению ряда важных реформ, направленных на сосредоточение власти в его руках и упрочение связей между различными частями обширной державы. В частности, была проведена реформа административного аппарата, теперь построенного во многом по ассирийскому образцу. Количество сатрапов увеличилось, а их власть была ограничена появлением военных наместников, сборщиков податей и царских инспекторов. Царские гонцы быстро передвигались по превосходным дорогам от Эгейды до Персидского залива. На всех подданных распространялся свод законов, составленный на основе обычного права и по своей стилистике похожий на законы Хаммурапи. Денежная система, в основу которой был положен золотой стандарт, была стандартизирована. При проведении торговых и прочих операций стали использоваться монеты – золотые дарики, каждый из которых «стоил» 20 шекелей серебром. После проведения реформ Вавилония, избавленная от коррупции, но оказавшаяся под тяжелым податным бременем и жестким контролем со стороны царской власти, оставалась замиренной на протяжении всей оставшейся части долгого правления Дария (520–485 до н. э.).

50 Согласно тексту Бехистунской надписи, Бардию убил сам Камбис, на протяжении долгого времени сохранявший данный факт в тайне, а Дарий лишил жизни некоего мага по имени Гаумата, самозванца, назвавшего себя Бардией и поднявшего мятеж. Вопрос о том, был ли этот Бардия самозванцем, остается до сих пор открытым. (Примеч. пер.)

51 Еще один самозванец. (Примеч. пер.)

52 Перевод Бехистунской надписи М.А. Дандамаева. (Примеч. пер.)

Однако на четвертом году царствования Ксеркса вавилоняне предприняли последнюю попытку вернуть себе свободу (482 до н. э.). Из текстов договоров, найденных в Дильбате, Борсиппе и Вавилоне, мы знаем, что царями считались сначала некий Белшиманни (в августе), а затем Шамаш-эрибу (в сентябре). В то же время в других источниках говорится об убийстве сатрапа Зопира, вызвавшем злость Ксеркса, пославшего на подавление мятежа своего зятя Мегабиза. Восстание было подавлено с огромной жестокостью, мятежников пытали и казнили, но в то же время определить, какой урон был нанесен самому Вавилону, крайне затруднительно. Если Геродот действительно примерно через 20 лет после этих событий посетил описанный им город, то мы можем предположить, что ему был причинен совсем незначительный вред: «отец истории» лишь отметил, что Ксеркс вывез из Эсагилы огромную золотую статую Мардука. В то же время Арриан, Ктесий и Страбон писали, что стены города были разрушены, а храмы персы сровняли с землей. Так как в более поздних источниках Эсагила и другие святилища все же упоминаются, вполне вероятно, что они были повреждены лишь частично и превратились в руины из-за того, что на протяжении последующих столетий за ними никто не следил, а не из-за разрушения при подавлении мятежа.

Неспособность вавилонян вернуть себе независимость имела последствия, намного превосходившие обычную потерю авторитета. С незапамятных времен правители Месопотамии отвечали перед богами за благополучие своих подданных. Именно благодаря им в городах появились храмы, дворцы, укрепления, а нередко также парки и сады. Они всегда убеждались, что каналы вырыты, не запружены и расширяются, что строятся дамбы и плотины, что земля используется правильно и теми, кто имеет на это право. Данные функции были жизненно важны для такой территории, как Древний Ирак. Чего бы ни достигли храмы в собственной сфере, только царь, постоянно находившийся в своих владениях и прекрасно знавший об их потребностях, мог собрать средства и рабочие руки, необходимые для столь широкомасштабных предприятий. Без собственных правителей Междуречье во многом было парализовано. Рано или поздно (чего вполне можно было ожидать) за зданиями перестали следить, каналы заилились, а часть его территории превратилась в пустыню.

Первые персидские цари, старательно выполнявшие свой долг в отношении одной из богатейших и наиболее цивилизованных своих сатрапий, взяли на себя некоторые традиционные обязанности царей Месопотамии. К примеру, нам известно, что Кир занимался восстановительными работами на священном участке храма Сина в Уре и начал работу по ремонту Э-Анны в Уруке, завершенную Дарием. В Вавилоне, ставшем его зимней резиденцией, Дарий возвел арсенал, дворец для наследного царевича, а в своем собственном дворце он приказал построить *ападану* (зал с колоннами в персидском стиле). Но Ксеркс и его преемники, вовлеченные в бесконечную дорогостоящую войну с греками, очевидно, не очень хорошо заботились о своей сатрапии со столицей в Вавилоне. От периода, начавшегося с воцарения Ксеркса (485 до н. э.) и завершившегося после завоевания Вавилонии Александром Македонским (331 до н. э.), до нашего времени сохранилось незначительное количество строительных надписей и остатков зданий. Судя по текстам делового характера, найденным *in situ* в Южном Ираке, жизнь в Вавилоне, Борсиппе, Кише, Ниппуре, Уруке и Уре, а также в других городах продолжалась. Некоторые из них даже были довольно процветающими, но, очевидно, ни один из расположенных в них памятников не был восстановлен или отремонтирован.

Север Междуречья никак не мог отправиться от бедствий, постигших его в 614–609 гг. до н. э. Ксенофонт, проходивший в 401 г. до н. э. через Ассирию во главе 10 000 греческих наемников, называет Нимруд (Лариссу) заброшенным. Этот греческий полководец даже не узнал стены Ниневии в «обширных незащищенных укреплениях», увиденных им возле Мепсилы (Мосула?). Все ассирийские города, кроме Эрбиля, были разрушены или превратились в деревни.

Возможно, свою роль в упадке месопотамской цивилизации сыграли неблагоприятные экономические условия. «Царская дорога», основная транспортная артерия персидской

державы, шедшая из Сард в Сузы, проходила у подножия гор и миновала Вавилон. Торговлей с Индией и Востоком занимались исключительно персы, жившие ближе к этим регионам. Дарий или Ксеркс отделил Сирию от Месопотамии. Жители Вавилонии и Ассирии, вместе входивших в состав девятой сатрапии, обязаны были выплачивать огромные подати: они должны были присылать царю ежегодную дань в размере одного таланта серебром, а также на протяжении четырех месяцев в году снабжать персидский двор продуктами питания. Помимо этого им приходилось считаться с жадностью местных властей. Если верить словам Геродота, сатрап Вавилонии ежедневно получал *артабу* (ок. 57 л) и держал 800 жеребцов и 16 000 кобылиц, в то время как его индийских собак кормили четыре деревни.

Из-за всего этого рост цен, прослеживавшийся уже в нововавилонский период, в эпоху правления Ахеменидов продолжился. На протяжении столетия после смерти Дария стоимость жизни выросла вдвое, хотя доходы населения не изменились. Например, арендная плата за среднестатистический дом с 15 шекелей в месяц, которые арендаторы платили в правление Кира, в царствование Артаксеркса I (465–424 до н. э.) увеличилась до 40 шекелей. Пользу из сложившейся ситуации извлекали ростовщики. Например, представители семейства Мурашу из Ниппура, которое вело свой «бизнес» в период между 460 и 400 гг. до н. э., владели каналами и арендовали их, обладали стадами скота и рыболовными хозяйствами. Их должниками были почти все жители земель, расположенных вокруг города. Основным источником их дохода была выдача ниппурским землевладельцам денег в долг под 40–70 %, благодаря чему последние могли заплатить царю подати.

Не менее важными были этнические и языковые перемены, произошедшие в регионе в правление Ахеменидов. В царствование Дария и Ксеркса к населению Вавилона, в жилах которого уже текла мидийская, арабская, еврейская, египетская, урартская и принадлежавшая другим иноземцам кровь, стал прибавляться персидский компонент. Царь одарил многих персов земельными владениями; другие были назначены судьями или на иные административные должности. С этими людьми в долину Тигра и Евфрата пришли и иранские боги. В нашем распоряжении нет доказательств, что в те времена уже сложился организованный культ этих божеств, и указу Ксеркса, согласно которому было запрещено поклоняться всем богам, кроме Ахурамазды, никто не подчинялся. Однако один только факт, что многие вавилоняне сменили свои семитские имена на образованные от имен иранских богов, свидетельствует об определенном снижении роли «частной» религии. Все эти люди разного происхождения, говорившие на различных языках, могли общаться друг с другом только на арамейском. К тому времени его уже широко использовали жители Западной Азии. Кроме того, его было несложно выучить, он подходил для письма как на папирусе, так и на пергаменте, а Дарий официально принял его как *lingua franca* своей державы. В результате арамейский язык пришел на смену вавилонскому в домах, на улицах и в магазинах.

Писать клинописью и читать текст, составленный на аккадском и шумерском языках, теперь умели только ученые мужи и храмовые писцы. В то же время многочисленные литературные, религиозные и исторические памятники, списки которых создавались в период правления Ахеменидов, а также выдающиеся труды таких астрономов, как Набуриманну и Кидинну, свидетельствуют, что традиционная культура Месопотамии сохраняла свою жизнеспособность, но лишь в этих конкретных сферах жизни. Большей же части населения надписи, выдавленные на глине, стали казаться бессмысленными, а история учит нас, что народ, лишившись языка, быстро забывает свое прошлое и в итоге теряет идентичность.

Таким образом, в последние десятилетия IV в. до н. э. народ, живший в Месопотамии, вынужден был мириться с гнетом и обнищанием и частично лишился своего характера. Именно таким застал Междуречье Александр, давший ему новую, хотя и совершенно иную жизнь.

Эллинистический период

После битвы при Гавгамелах (неподалеку от Эрбиля), произошедшей 1 октября 331 г. до н. э., перед Александром открылся путь в Вавилонию и Персию, подобно тому как в результате сражения при Иссе, состоявшегося за два года до этого, он смог вступить в Сирию и Египет. Персидские войска, расквартированные в Вавилоне, сдались без малейшего сопротивления, и македонский завоеватель торжественно вступил в древнюю семитскую столицу. Осознав, подобно Киру, что не сможет править «сотней разных народов», если не завоеует их доверие, Александр принес жертвы Мардуку и приказал восстановить храмы, разрушенные, как считалось, Ксерксом. (Следует отметить, что выполнить эту колоссальную задачу до конца так и не удалось.) Вавилоняне прославляли македонского полководца, называя своим освободителем, и тотчас же признали его власть. Пробыв в Вавилоне всего месяц, Александр отправился в Сузы, а затем возглавил крупномасштабный военный поход на Восток, в результате которого вместе со своими воинами дошел до реки Ганг.

Через девять лет Александр вернулся, собираясь реализовать массу грандиозных замыслов, роившихся в его голове. Вавилон и расположенная в Египте Александрия должны были стать столицами его державы. Царь планировал организовать между двумя городами морское сообщение, причем корабли должны были обогнуть Аравийский полуостров, который он собирался вскоре завоевать. Александр хотел изучить побережье Индийского океана и сделать Евфрат судоходным вплоть до Персидского залива. В Вавилоне и устье реки царь планировал построить два больших порта. Но ни одному из этих планов не суждено было сбыться, так как 13 июня 323 г. до н. э. Александр Македонский умер в Вавилоне в возрасте 32 лет. Вероятно, причиной его гибели стала малярия.

Единственный сын Александра, будущий Александр IV, тогда еще не родился, и царем в Македонии провозгласили брата полководца Филиппа Арридея. Но этот правитель, юный и страдавший слабоумием, обладал лишь номинальной властью. В действительности же державой управляли военачальники Александра, *диадочи*, которые, разделив ее территорию между собой, на протяжении 42 лет боролись друг с другом, чтобы никто из них не сумел восстановить ее целостность. В течение этого периода, одного из сложнейших за всю историю Древнего мира, Вавилон семь раз переходил из одних рук в другие. Сначала в нем располагалась военная хунта, возглавляемая регентом Пердиккой, после убийства которого в 321 г. до н. э. другие диадочи передали город Селевку, командовавшему македонской кавалерией. В 316 г. до н. э. Антигон, амбициозный сартап Фригии, вытеснил Селевка из Вавилона, заставив его искать убежища у правителя Египта Птолемея. Однако в 312 г. до н. э. Селевк вернулся, получил назад свою сатрапию и на протяжении четырех лет успешно защищал ее от постоянных нападений со стороны Антигона и его сына Деметрия. В ходе этой беспощадной войны Вавилон и принадлежавшие ему территории сильно пострадали – в «Вавилонской хронике», в которой описываются эти события, постоянно повторяются слова о том, что «над страной раздавались рыдания и стоны». В конце концов Антигон потерпел поражение и был убит во Фригии, во время битвы при Ипсе (301 до н. э.), и Селевк сумел присоединить к Вавилонии Сирию и восточную часть Малой Азии.

Война тем не менее продолжилась, но на этот раз боевые действия велись на западе и соперничали друг с другом Селевк и Птолемей, Деметрий и македонский правитель Фракии Лисимах. В сентябре 281 г. до н. э., через несколько месяцев после того, как он одержал победу над Лисимахом в битве при Корупедии (неподалеку от Сард), Селевк был зарезан сыном Птолемея.

Царский титул Селевк принял в 305 г. до н. э., но для вавилонян «годы Силикку», эпоха правления Селевка и его потомков, начались в первый день Нового года после его возвращения из Египта, то есть 3 апреля 311 г. до н. э. Впервые в Месопотамии была использована непрерывная система летосчисления, основанная на числах.

После битвы при Ипсе Селевк прямо или косвенно управлял огромной территорией, простиравшейся от границ Индии до пределов Египта и от Черного моря до Персидского залива. Но этой державе не хватало сплоченности, и она начала разваливаться вскоре после того, как была создана. К 200 г. до н. э. потомки Селевка потеряли почти все свои владения и

зависимые территории, располагавшиеся за горами Тавра и Загроса, а после завоевания Вавилонии парфянами (126 до н. э.) им осталось лишь небольшое государство на севере Сирии, которое, раздираемое династическими кризисами, стало легкой добычей для римлян, захвативших его в 63 г. до н. э.

По сути, даже после того как в мае 300 г. до н. э. Селевк основал Антиохию-на-Оронте и сделал ее своей основной резиденцией, в основном царство Селевкидов всегда было сирийским государством. Все дипломатические и военные шаги, предпринятые его правителями, за исключением безуспешных попыток Антиоха III (223–187 до н. э.) вернуть восточные области, были направлены на борьбу с правителями Египта Птолемеями за порты и внутренние районы Финикии. Благодаря этому в Вавилонии воцарился мир, и ее жители, очевидно, с радостью восприняли тот факт, что разрушения, которые несет с собой война, «ушли» из их домов, чтобы воцариться «(в стране) на другом берегу реки», как они называли Сирию. Однако в то же время это значило, что Вавилон лишился своего доминирующего положения, которое сохранил бы, если бы остался, как ему было предначертано географией и историей, столицей македонских владений. На многие годы политический, культурный и экономический центр переместился с берегов Евфрата на побережье Средиземного моря.

Несомненно, наиболее долговечным достижением Александра и его преемников стало строительство в Египте и Западной Азии множества городов, организованных по принципу греческого полиса и населенных греками и македонцами, а также подданными из этих восточных государств. Вопрос о том, какие причины заставили их делать это: простое стремление создать сеть политических и военных опорных пунктов или желание внедрить на Востоке греческую культуру и образ жизни, – остается довольно спорным. Но результаты, которых им удалось достичь, очевидны: регионы Ближнего Востока были в различной степени эллинизированы, и модель городской жизни в них значительно изменилась. В одной Месопотамии нам известна по меньшей мере дюжина таких городов, начиная от Эдессы-Антиохии на севере до Александрии-Харакс на побережье Персидского залива или неподалеку от него. Как правило, они возводились неподалеку от древних городов и деревень или прямо на них, хотя и обладали совершенно другой планировкой и архитектурой. Селевкия-на-Тигре (Телль-Умар, напротив Ктесифона), основанная Антиохом I в 274 г. до н. э., возможно, на месте семитской Упы (Опис), население которой составляло 600 000 человек, была крупнейшим городом не только в Месопотамии, но и во всем царстве Селевкидов. На аэрофотосъемке явно видны остатки регулярной планировки, линии домов, отделенные друг от друга прямыми улицами, пересекавшимися под прямыми углами.

В ходе археологических раскопок были обнаружены многочисленные терракотовые статуэтки, монеты и другие типично эллинистические артефакты. Однако несколько раскопанных зданий принадлежали к слою периода парфянского господства, расположенному над эллинистическим. В аналогичной ситуации археологи оказались в Дура-Европос (Калат-эс-Салихия; находится на берегу Евфрата, примерно в 48 км выше по течению от древнего Мари). Хотя там, под сооружениями времени парфянского владычества, были обнаружены остатки греческих сооружений: крепости, дворца и по меньшей мере одного храма.

Все эти эллинистические города были расположены на крупнейших торговых путях, соединявших Центральную Азию со Средиземноморьем, и процветали благодаря торговле. В частности, в Селевкии встречались две дороги, шедшие из Индии (одна через Бактрию и север Ирана, а вторая через Персеполь и Сузы), важный морской путь из Индии через Персидский залив и несколько дорог, пересекавших Аравийский полуостров. Из Селевкии в Сирию везли золото, слоновую кость, специи, благовония и драгоценные камни, а также продукцию из самой Месопотамии: ячмень, пшеницу, финики, шерстяные ткани и битум – вдоль Евфрата через Дура-Европос или по Тигру и Джазире через Нисибис (Антиохию в Мигдонии) и Эдессу. В эллинистический период между Европой, Азией и частью Африки шла очень активная торговля, и у нас нет оснований для сомнений в том, что по крайней мере в III в. до н. э. царство Селевкидов процветало. Имеющиеся в нашем распоряжении сведения

о Вавилонии, к несчастью, крайне скудны, но, судя по немногочисленным опубликованным источникам, посвященным торговле и в основном происходящим из Урука, даже в старых городах кипела деловая жизнь, а цены заметно снизились по сравнению с существовавшими в эпоху правления Ахеменидов.

Новые экономические и демографические условия, сложившиеся в Месопотамии в эпоху правления Селевкидов, оказали заметное, хотя и разноплановое влияние на древнейшие города. Так, благодаря расположению на берегу Тигра Нимруд продолжил свое существование, став небольшим, но весьма процветающим поселением. В Мари, Ниневии и Арслан-Таше после множества лет запустения также снова поселились люди. Ур умирал медленно, возможно не сумев выдержать конкуренции с Александрией-Харакс, а также из-за перемен в гидрологии региона.

В наиболее поздней из имеющихся в нашем распоряжении царских надписей на аккадском языке Антиох I (280–262 до н. э.), подобно халдейским царям, называет себя «кормильцем Эсагилы и Эзиды» и заявляет, что «собственными царскими руками слепил» и привез из «Хатти» (Сирии) первые кирпичи для этих храмов. Текст таблички, относящейся ко времени царствования Селевка III (226–220 до н. э.), свидетельствует, что ряду вавилонских божеств в их святилищах продолжали делать подношения. На холме Бабиль и на месте дворца Навуходоносора были обнаружены остатки эллинистических сооружений. В правление Антиоха IV (151–143 до н. э.), царя, очень много сделавшего для пропаганды греческой культуры, в Вавилоне были построены гимнасий и превосходный греческий театр, который парфяне позднее расширили.

Тем не менее Вавилон был не только покинут царем и его администрацией, но и частично заброшен. Дело в том, что после основания Селевкии значительное число его жителей было переселено в новый город. Мы не знаем, что происходило в Сиппаре, Кише и Ниппуре, но, судя по впечатляющим зданиям, построенным в Уруке в период правления Селевкидов, этот город, очевидно, оставался довольно процветающим. Священный участок до неузнаваемости изменила огромная терраса, построенная вокруг зиккурата Э-Анны, а в других частях города были возведены два больших храма: *Иригаль* (или, точнее, *Эшгаль*), посвященный Иштар, и так называемый *Бит реш*, построенный в честь Ану. Для них обоих были характерны черты, свойственные всем храмам Вавилонии, хотя длинная надпись, украшавшая глазурованные кирпичи святого святого Иригалья, была составлена (что весьма примечательно) на арамейском языке. Не менее ярко данный период характеризуют греческие имена, дарованные царями построившим их наместникам («начальникам главных») Урука Ану-убаллиту Никарху и Ану-убаллиту Кефалону.

В результате изучения греческих и арамейских текстов, выдавленных на глиняных табличках и буллах⁵³, мы можем прийти к выводу о том, что в Уруке (греки называли его Орхоя) жила многочисленная греческая община, но, несмотря на это, данный город сохранил свои древние законы и обычаи. Кроме того, он был освобожден от некоторых царских податей. Большая часть деловых операций проводилась храмами, однако обычные горожане могли вложить в эту деятельность свои средства благодаря существованию в городе системы, похожей на современные акционерные и другие аналогичные общества. Нам известно о существовании в Малой Азии в эпоху эллинизма полунезависимых храмовых государств, и вполне вероятно, что благодаря либеральной политике Селевкидов Урук получил аналогичный статус.

Шумеро-аккадская культура сохранялась в храмах, таких как в Уруке, Сиппаре, Вавилоне и Борсиппе. На протяжении всего периода правления Селевкидов храмовые астрономы и астрологи продолжали фиксировать на табличках передвижение небесных тел, а писцы записывали происходившие у них на глазах события, создавая таким образом хроники, и переписывали древние мифы, ритуалы, гимны и пророчества. Может показаться, что

⁵³ Буллы – небольшие глиняные шарики, которые на шнурках привязывались к официальным документам, написанным на папирусе и пергаменте.

высокоразвитая греческая культура, процветавшая в таких городах, как Селевкия, привлекала многих из наименее консервативных членов вавилонской «интеллигенции». Однако, несмотря на то что мы можем составить довольно длинный перечень греческих авторов, происходивших из Месопотамии, нередко крайне сложно отличить людей, обладавших исключительно греко-македонским происхождением, от тех, кто, родившись в Вавилонии, затем принял греческое имя. Более того, имеющиеся в нашем распоряжении источники свидетельствуют, что данный процесс проходил в обратном направлении: греки интересовались не столько историей и литературой Месопотамии, сколько научными и псевдонаучными трудами «халдеев». В III–II вв. до н. э. вавилонянин Судин перевел на древнегреческий язык сочинения Кидинну и других астрономов, а жрец Мардука Беросс написал на греческом языке сочинение, посвященное им Антиоху I и получившее название «Вавилонская история», в котором причудливо сплелись астрология и история. Какими бы ограниченными ни были эти культурные контакты, благодаря им для потомков были сохранены наиболее выдающиеся достижения ученых Междуречья. Однако в то же время наиболее спорный конечный продукт месопотамской веры в судьбу и астрологию проник в распространенные на Западе религиозные представления и оказал на них тлетворное влияние.

Период господства парфян

Парфяне, одна из ветвей скифов, впервые появились на исторической сцене примерно в 250 г. до н. э., когда Аршак вывел своих соплеменников-кочевников из степей Туркестана и осел вместе с ними в восточной оконечности Ирана. К 200 г. до н. э. Аршакиды правили на территории, расположенной вдоль южного побережья Каспийского моря. В промежутке между 160 и 140 гг. до н. э. Митридат I завоевал все Иранское нагорье и, добравшись до Тигра, разбил лагерь в Ктесифоне, напротив Селевкии. Деметрий II, представитель династии Селевкидов, сумел на непродолжительное время отвоевать Мидию и Вавилонию, но в 126 г. до н. э. Артабан II снова распространил свою власть на эти регионы, и с тех пор (за исключением двух непродолжительных периодов римского владычества в правление Траяна и Септимия Севера) в долине Тигра и Евфрата стали править цари Парфии. Только в 227 г. до н. э. данные территории вместе со всем остальным Парфянским царством оказались во власти Сасанидов.

При управлении своей обширной державой Аршакиды могли положиться только на немногочисленную, но доблестную парфянскую знать, но им хватило ума, чтобы сохранить структуру общества, созданную Селевкидами, или то, что появилось на руинах их государства. Они способствовали развитию эллинистических городов и благосклонно относились к появлению зависимых от них, но обладавших формальной независимостью государств, таких как Осроена (со столицей в Эдессе-Урфе), Адиабена (ее территория соответствовала той, которую занимала в древности Ассирия) и Харакена (неподалеку от Персидского залива).

Ближе к началу нашей эры независимость получила Хатра, один из нескольких основанных Аршакидами городов, ставшая столицей небольшого государства, известного как Араба.

Так как Аршакиды и зависимые от них правители контролировали почти все торговые пути, соединявшие Азию и греко-римский мир, они были сказочно богаты. Благодаря этому во II–I вв. до н. э. они сами или местные власти построили в Месопотамии множество зданий. Большое число новых сооружений появилось в Селевкии, Дуре-Европос и, очевидно, в других процветающих торговых городах, а поселения, лежавшие на протяжении столетий в руинах, снова вернулись к жизни. Почти на всех памятниках Южного Ирака, в частности в Вавилоне, Кише, Ниппуре, Уруке и даже в заброшенном Лагаше, были обнаружены слои, свидетельствующие о присутствии там парфян. На севере Аршакидам удалось буквально возродить Ассирию: были снова населены Нузи, Какзу, Шибанниба, а заново отстроенный

Ашшур превратился в такой же крупный город, каким он был в период расцвета Ассирийской державы.

Однако следует отметить, что восстановленные города имели очень мало общего со своими ассирийскими и вавилонскими предшественниками. В некоторых из них (если не во всех) были проложены прямые улицы, нередко украшенные с обеих сторон выстроенными в ряд колоннами. В них имелись цитадель, зачастую построенная на верхушке древнего зиккурата, и, если это было возможно, агора. Традиционные стены из кирпича-сырца уступили место сложенным из камня, в то время как для самих домов, помещения которых, обладавшие высокими сводчатыми потолками и открытые с одной из сторон (*айван*), были характерны изящные перистили и лепнина, из-за чего они отличались от сооружений, построенных месопотамскими архитекторами, так же разительно, как греко-иранские статуи правителей Хатры – от изваяний Гудеа или Ашшур-нацирапала.

Эти археологические источники вкупе с письменными свидетельствами о заметном притоке иноземного населения. Греческие и македонские поселенцы, вначале, очевидно, немногочисленные, жили бок о бок с вавилонянами, но сравнительно мало общались с ними. Им удалось сохранить свою этническую идентичность, социальные институты, искусство и язык – в общем, свое «эллинство», в том числе и во многом благодаря просвещенным правителям, называвшим себя филэллинами. Однако в Месопотамии в больших количествах селились и представители других народов, в основном арамеи, арабы и иранцы, которые более охотно смешивались с местным населением, так как обладали восточным, как правило семитским, происхождением и говорили на том же языке. В каждом городе, древнем или новом, появились святилища сразу нескольких иноземных богов. К примеру, в Дура-Европос археологами были обнаружены два греческих храма, арамейское святилище, христианская часовня, синагога и Митреум, не говоря уже о храмах местных богов и тех, которым поклонялись жители Пальмиры. В Хатре, вокруг великолепного святилища Шамаша, бога солнца, которому поклонялись семиты, стояли храмы шумеро-аккадского бога Нергала, отождествленного с греческим Гермесом, арамейской богини Атар'ат и арабских божеств Аллат и Шамии. Даже в Уруке, на родине Ану и Иштар, был найден очаровательный небольшой храм, построенный скорее в римском, чем в греческом стиле и посвященный иранскому божеству, а также руины необычного здания, снабженного апсидой, которое, как считается, некогда было храмом Митры.

Этот человеческий поток затопил остатки шумеро-аккадской цивилизации. Несколько договоров, около сотни астрономических или астрологических текстов, две или три очень фрагментарные хроники и вавилонско-древне-греческие словари – вот и все клинописные источники, относящиеся к данному периоду и имеющиеся в нашем распоряжении. Наиболее поздним из известных нам в настоящее время клинописных текстов является астрономический «альманах», составленный в 74–75 гг. н. э. Вполне вероятно, что на протяжении нескольких поколений вавилонские жрецы и астрономы продолжали писать на арамейском языке, используя при этом папирус или пергамент, но пока в нашем распоряжении не имеется ни одного подобного текста.

Нам известно, что некоторые древние храмы были отремонтированы, Ашшуру поклонялись в его родном городе, а в Борсиппе вплоть до, очевидно, IV в. н. э. отправляли культ Набу. Однако в нашем распоряжении нет доказательств того, что Эсагилу, храм Мардука, бывшего верховного божества Вавилонии, своевременно ремонтировали. Вавилон, очевидно, в ходе подавления восстания под предводительством некоего Гимера, произошедшего в 127 г. до н. э., или во время борьбы между Митридатом II и Ородом, имевшей место в 52 г. до н. э., пострадал сильнее, чем в царствование Ксеркса. Когда в 115 г. н. э. Траян вошел в некогда богатый город, он не стал «брать руку Бела», а принес жертвы *манам* Александра. Через 84 года Септимий Север видел Вавилон уже совершенно опустевшим.

Мы совсем мало знаем об административном статусе, а также обществе и экономике Месопотамии в правление Сасанидов (227–636 н. э.). Из сочинений греческих и латинских

авторов нам известно, что северная часть этого региона сильно пострадала из-за почти непрерывно продолжавшейся на протяжении 400 лет войны между римлянами (или византийцами) и персами, а Ашшур был разрушен Шапуром I в 256 г. н. э. так же основательно, как некогда мидийцами. В Ктесифоне сохранились руины великолепного дворца, принадлежавшего, как считается, Хосрову I, а в Кише была обнаружена более скромная резиденция другого представителя династии Сасанидов. В Уруке, недалеко от городской стены, изначально возведенной Гильгамешем, найдено погребение наместника (?), голову которого венчала корона из золотых листьев.

Находка фрагментов керамики периода правления Сасанидов свидетельствует о том, что в те времена были населены, в том числе повторно, и другие древние города, а согласно Талмуду в Вавилоне и Ниппуре жили многочисленные еврейские общины. Но в начале VII в. н. э., незадолго до исламского завоевания, из-за ставшего уже традиционным сочетания военных поражений, внутривосточной борьбы и экономических неурядиц государство Сасанидов пришло в упадок, а Месопотамия оказалась в руинах. Многие каналы, за которыми перестали ухаживать, пересохли; реки, которые никто не проверял, текли свободно; люди, бежавшие из раздираемых войной городов, рассредотачивались по отдаленным деревням, и древние города Ирака были быстро погребены под слоем песка из пустыни и наносного ила из долины.

Эпилог

Так исчезла одна из древнейших и наиболее примечательных цивилизаций Древнего мира. Жестоко уничтоженная в Ассирии в конце VII в. до н. э., она сохранялась в Вавилонии на протяжении примерно шести столетий и исчезла вместе с последней клинописной надписью в начале христианской эры. Рожденная в урукский и протописьменный периоды (ок. 3300–2800 до н. э.), она просуществовала в течение более чем трех тысячелетий.

В медленном затухании этой цивилизации (500 до н. э. – 100 н. э.) экономические условия играли меньшую роль, чем считалось прежде, и изменения в географии: смена русел обеих рек, заиливание каналов и засоление почвы, приведшие к запустению многих древних городов и деревень и обезлюдению обширных территорий, приобрели широкий размах только в конце периода правления Сасанидов (V–VI вв. н. э.). Учитывая все обстоятельства, можно прийти к выводу о том, что к упадку и гибели месопотамской цивилизации привели три основные причины: отсутствие единой «национальной» власти, основание Александром и его преемниками новых городов, соперничавших со старыми поселениями и постепенно превзошедших их, и, главным образом, значительные этнические, лингвистические, религиозные и культурные перемены, произошедшие в результате «накатывания» на изучаемую нами территорию трех следовавших друг за другом волн миграции иноземцев: персов, греков, арамейцев, арабов, тогда еще не исповедовавших ислам, – которых невозможно было ни держать на расстоянии, ни ассимилировать.

В Месопотамию на протяжении всей ее долгой истории вторгались множество раз. Гутии, амореи, хурриты, касситы и арамеи выяснили, что в долине Тигра и Евфрата существует молодая и жизнеспособная культура, значительно превосходящая по уровню своего развития их собственную, и восприняли ее. Но цивилизованным грекам III в. до н. э., знакомым с учениями Платона и Аристотеля, вавилоняне не могли предложить ничего, за исключением невразумительных трудов своих астрономов. Не было ничего менее подходящего для удовлетворения потребностей космополитического общества, сформировавшегося тогда на территории Ирака, чем сложная клинопись, от которой стали отказываться сами вавилоняне. Греки и македоняне, а также другие восточные поселенцы обнаружили в этом регионе культуру, во многом устаревшую и закосневшую, поддерживавшуюся в неизменном виде немногочисленными жрецами, служившими в храмах. Со времени правления Хаммурапи литература Междуречья была лишена непосредственности и творческого начала, скульптура прекратила свое существование

вместе с ассирийцами, а архитекторам, трудившимся в правление халдейских царей и Селевкидов, все еще удавалось строить впечатляющие здания, но они были слишком привязаны к традиционной планировке. Ученые, занимавшиеся различными областями знания, кроме (что весьма примечательно) математиков и астрономов, очевидно, в какой-то момент исчерпали себя. Благодаря приверженности традициям, вероятно, являвшейся наиболее характерной чертой шумеро-аккадской цивилизации, последняя сохраняла свою целостность и просуществовала на протяжении трех тысячелетий, но затем эта привязанность из преимущества превратилась в помеху.

Эллинистический период, ставший решающим для Месопотамии, можно сравнить с эпохой Ренессанса, наступившей в XVI в., или с нашим собственным временем.

Новый мир, созданный Александром Македонским, быстро менялся. Его объединяли обширные торговые связи, а для живших в те времена людей были характерны безграничное любопытство и стремление пересмотреть большинство существовавших тогда религиозных, моральных, научных и художественных ценностей. В подобном мире не было места для литературных произведений, прочитать которые могли лишь немногочисленные ученые мужи, для художников, черпавших вдохновение в устаревших идеалах и моделях, для ученых, уклонявшихся от рациональных объяснений, для религии, не признававшей скептицизма. Месопотамская цивилизация, подобно своей египетской «коллег», была обречена. Если позволительно с помощью одной краткой и неизбежно неточной фразы охарактеризовать такое сложное явление, то можно сказать, что она умерла от старости.

Однако цивилизации редко погибают, не оставив после себя ни следа, и даже мы, люди XX в., должны признать, что находимся в долгу перед жителями Древней Месопотамии. Укрощая атом и готовясь к путешествиям среди звезд, мы должны помнить, что именно вавилонянам обязаны созданием основ нашей математики и астрономии, включая «позиционную» нумерацию и шестеричную систему счисления, которую мы используем в своих часах. Мы также обязаны им, хотя и, нужно отметить, это достижение обладает весьма сомнительной ценностью, появлением астрологии, которая, судя по количеству современных работ, посвященных этой псевдонауке, продолжает оказывать огромное влияние на широкие слои населения. К этому наследию следует добавить зачатки эффективной административной системы, несомненно созданной ассирийцами, некоторые институты, такие как коронация королей, ряд символов, в основном используемых в религиозном искусстве (например, полумесяц, мальтийский крест, «дерево жизни»), несколько слов, попавших в наши языки через греческий или арабский, таких как камыш (аккад. *кану*), алкоголь (*гукхлю*), драгоман (*таргуману*), гипс (*гассу*), мирра (*мурру*), шафран (*азупирану*), нефть (*напту*), и, наконец, некоторые элементы в Библии.

Все это может показаться малозначимым по сравнению с размерами наследства, полученного нами от греко-римской цивилизации, но списки подобного рода, даже если они являются исчерпывающими, недостаточны для того, чтобы составить представление о той роли, которую сыграла шумеро-аккадская цивилизация в истории человечества. Учитывать только немногочисленные месопотамские артефакты, сохранившиеся до нашего времени, — то же самое, что пересчитывать предметы мебели, доставшиеся нам от далеких предков, при этом забывая, что они повлияли на жизни наших праотцев и, косвенно, на наши собственные. Антиковеды, которые на протяжении длительного времени были ослеплены так называемым греческим чудом, теперь пришли к пониманию того, что Восток оказал заметное влияние на греческую мысль, искусство и этику в период их становления, а сформировавшаяся на нем самая культура на протяжении большей части древней истории, предшествовавшая началу эпохи Античности, во многом зависела от сложившейся в Месопотамии. Задолго до того, как Александр привел греков в Азию, народы и государства, жившие в Эгеиде, поддерживали прямые связи с хеттами и торговые отношения с Ханааном и Египтом. Купцы, ремесленники, послы, царевичи, царские гонцы, врачи и даже жрецы много путешествовали по Ближнему Востоку и землям, лежащим за его пределами. Нам известно, что уже во 2-м тыс. до н. э. в самом сердце Малой Азии существовали ассирийские колонии; между 1500 и 1200 гг. до

н. э. микенские торговцы жили в Угарите, расположенном на побережье Сирии; купцы из западных семитских областей, возможно, посещали долину Месара на Крите; а месопотамские эпосы и мифы переписывали на берегах Нила, причем с помощью той же клинописи, которая использовалась при их создании. Таким образом, нам не следует удивляться, услышав, что греческая цивилизация «была построена на восточно-средиземноморском фундаменте» и в основном из месопотамских материалов.

Исследователи уже высказывали предположение о том, что именно благодаря ассирийско-вавилонской медицине стала возможна выдающаяся «реформа» Гиппократов, проведенная в V–IV вв. до н. э., и вполне вероятно, что первые греческие математики, такие как Пифагор, живший в VI в. до н. э., многое позаимствовали из трудов своих вавилонских предшественников. При попытках определить, каким образом Восток повлиял на греческое искусство и литературу, ученые сталкиваются с множеством сложностей, так как далеко не всегда влияние можно отличить от отражения сходных идей, независимого произведения и полного заимствования. Приведем несколько примеров, не вызывающих разногласий. В настоящее время общепринятой является точка зрения о том, что у басен Эзопа были шумеро-аккадские «предшественницы», а Гильгамеш стал прототипом Геракла и Одиссея. Кроме того, взглянув на статуи и статуэтки архаической эпохи, найденные на территории материковой и островной Греции, мы заметим сильное сходство с аналогичными произведениями месопотамского искусства, созданными тогда же или ранее.

Если мы в силах доказать, что Месопотамия повлияла на Грецию, то можем (и, кстати, небезосновательно) предположить: она оказала еще большее воздействие на государства и народы Ближнего Востока. Правильность этого предположения исследователи неоднократно доказывали, обращаясь к истории хеттов, евреев, Ханаана, Урарту, Мидии и Персии периода правления там Ахеменидов. Но какое наследие оставила Месопотамия восточным цивилизациям, появившимся позднее? Что получили от нее Парфия и Сасанидский Иран, эллинистическая, римская и византийская Анатолия? Как насчет Аравии, исламской религии и институтов, наконец, самого Ирака с периода существования Парфии до наших дней? Заглянув еще дальше, профессор Ростовцев, один из немногих исследователей, прекрасно разбирающихся как в эллинистическом, так и в восточном материале, писал: «Мы постепенно узнаем, насколько велико было влияние вавилонского и персидского искусства на развитие искусства Индии и Китая». Имеющихся в нашем распоряжении данных, хотя они и рассредоточены по довольно большой площади, достаточно для доказательства правоты исследователя. Очевидно, просто еще никто не взял на себя задачу изучить их с такой точки зрения. Еще многое должно быть сделано в сфере ассириологии и месопотамской археологии, и очень многие главы в истории Древнего Ирака нуждаются в завершении, поэтому исследованием этой щепетильной, но захватывающей темы сумеют заняться лишь ученые следующих поколений.

Карты

